Психология для студента

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

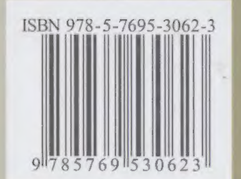

АСМОЛОВ Александр Григорьевич – известный российский психолог, политик и публицист, один из наиболее ярких представителей школы культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия; заведующий кафедрой психологии личности МГУ им. М.В.Ломоносова; заведующий кафедрой психологии и социальной антропологии Международного университета в Москве, руководитель Центра психологии и педагогики толерантности Российской академии образования, вице-президент Российского общества психологов, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат Национального психологического конкурса «Золотая Психея».

Научные труды, социальные проекты и выступления в СМИ Александра Асмолова направлены на поиск миссии личности в эволюции природы, истории культуры, в выборе человеком своего жизненного пути, отстаивание взгляда на психологию как ведущую науку о человеке, утверждающую ценность и принципиальную незаменимость каждой личности. Эти идеи получили развитие в историко-эволюционном и системно-деятельностном подходах, принципе вариативной симбиотической эволюции человечества, представлении о толерантности как цивилизационной норме, обеспечивающей устойчивое развитие человека и социальных групп в мире разнообразия, культурно-исторической неклассической психологии как науки о конструировании миров; мотивационно-смысловой концепции индивидуальности человека; представлении о смысловых, целевых и операциональных установках личности как механизмах регуляции целенаправленного поведения; жизненном пути человека как истории порожденных и отклоненных альтернатив. Кредо психологии личности Александра Асмолова: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают».

А.Г. Асмолову принадлежат также более 200 научных публикаций, в том числе книги «Деятельность и установка» (1979), «Личность как предмет психологического исследования» (1984), «Принципы организации памяти человека» (1985), «Психология индивидуальности» (1986), «Психоаналитические заметки из кресла чиновника» (1995), «Культурно-историческая психология и конструирование миров» (1996), «По ту сторону сознания» (2002). Учебник «Психология личности» вышел первым изданием в 1990 году и с тех пор неоднократно переиздавался и перерабатывался.

ISBN 978-5-7695-3062-3

Издательский центр «Академия»
www.academia-moscow.ru

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Культурно-историческое понимание развития человека

Рекомендовано
Министерством образования и науки РФ
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Психология»

3-е издание, исправленное и дополненное

Москва
2007

УДК 159.923(075.8)
ББК 88.4я73
А905

Рецензенты:
доктор психологических наук *Б. С. Братусь*;
доктор философских наук *И. С. Кон*

Асмолов А. Г.
А905 Психология личности : культурно-историческое понимание развития человека / Александр Асмолов. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2007. — 528 с.
ISBN 978-5-89357-221-6 («Смысл»)
ISBN 978-5-7695-3062-3 (Изд. центр «Академия»)

В учебнике психология личности предстает как история развития изменяющейся личности в изменяющемся мире. С привлечением разрозненных ранее фактов из эволюционной биологии, культурной антропологии, истории, социологии, филологии и медицины обсуждаются вопросы о происхождении человека, норме и патологии личности, социальных программах поведения, роли конфликтов и взаимопомощи в развитии личности, мотивации личности и поиске человеком смысла существования.

Для преподавателей и студентов психологических факультетов университетов, а также специалистов пограничных областей человекознания, желающих расширить горизонты своего сознания.

УДК 159.923(075.8)
ББК 88.4я73

ISBN 978-5-89357-221-6
ISBN 978-5-7695-3062-3

Быть может, прежде губ родился шепот,
И в бездревесности кружилися листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Осип Мандельштам

Никому не рассказывайте своих снов.
Вдруг к власти придут фрейдисты.

Станислав Ежи Лец

«ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ». ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(предисловие к третьему изданию в жанре исповеди)

Психология — пристрастная наука. Уже самим фактом своего существования в семье наук о человеке, природе и обществе она бросает вызов идеалу рациональности, в духе которого веками оттачивалось естественно-научное мышление, гордящееся своей точностью, объективностью, независимостью и беспристрастностью. Жесткая логика, воспроизводимость результатов наблюдения, описание феноменов на языке математики — вот далеко не полный перечень атрибутов, без которых любой науке отказывалось в праве именоваться наукой[1].

Однако, как учит неумолимый опыт истории, лишь только вы встречаетесь с претензией на обладание одним и только одним путем к истине, лишь только в социальных или естественных науках слышите фразу «Правильной дорогой идете, товарищи!», то знайте, что наука начинает перерождаться в веру. И вера в идеал рациональности как единственный образец построения научного знания в этом плане не составляет исключения.

---

[1] Наиболее последовательно эти идеи раскрывает один из ведущих методологов современной психологии В.М. Аллахвердов, выразивший их формулой: «Миф о естественной науке умер. Да здравствует естественная наука!» (см.: *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003).

Идеал рациональности упрощает картину мира, в известном смысле конструирует реальность, отфильтровывает факты, события и концепции, которые не укладываются в прокрустово ложе рациональных объяснений.

В результате из массового научного сознания, да простят меня собратья по научному цеху за подобное словосочетание, по всем правилам психоанализа вытесняется старое предостережение великого немецкого философа и математика Готфрида Лейбница о том, что *если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, то они бы опровергались.*

Будь на то моя воля, я бы большими сверкающими буквами высветил эту нематематическую аксиому Лейбница перед всеми теми, кто рискует посвятить свою жизнь психологии. *Психология во всех своих многочисленных ипостасях, и психология личности в первую очередь, не только затрагивает интересы людей и судьбы народов, но исходно превращает эти разнообразные интересы, страсти и мотивы человеческих поступков, таинства любви и скрытые пружины ненависти, взлеты и падения человеческого духа в предмет своего исследования.*

Тем самым психология изначально ставит под сомнение универсальность идеала рациональности как не имеющего границ инструмента мышления, который возводят в абсолют многие представители классических наук[2]. Поражающий воображение парадокс познания, о котором в свое время откровенно говорил замечательный психолог Л.М. Веккер, состоит в том, что любые открытия этих наук неизбежно преломляются через призму индивидуального и массового сознания.

Поэтому, когда речь заходит об эволюции познания и попытках человеческого разума проникнуть за кулисы самых разных изобретений и открытий — будь то закономерности квантовой механики или синергетики, формула генетического кода или дистантное управление летящим к другим планетам космическим кораблем, — необходимо набраться смелости и сказать: «*Вначале была Психология*».

---

[2] См. об этом, например: *Мамардашвили М.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004; *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.

Или, как метафорично передает подобного рода откровение О.Э. Мандельштам, «прежде губ родился шепот».

Мысль о том, что психология, со-знание предшествует любому акту познания, каким бы «объективным» он ни казался, что, говоря словами основателя неклассической биологии активности Н.А. Бернштейна, *задача рождает орган*, вызывала и будет вызывать скептическое отношение у сторонников веры в универсальность рационального мышления. Они усматривают в этой мысли очередные изыски постмодернизма, гримасы неклассических и постнеклассических концепций рациональности (М.К. Мамардашвили, В.С. Степин, В.А. Лекторский, М.С. Гусельцева), игры в либеральную методологию (А.В. Юревич) или отзвуки анархической теории познания П. Фейерабенда.

Когда лиса не может достать виноград, то она, как заметили психоаналитики, *рационализирует* и обесценивает свою неудачу. Он оказывается зеленым, незрелым, я бы даже сказал, дефектным виноградом. Когда сторонники парадигмы рационального мышления встречаются с парадоксальным тезисом «Вначале была Психология», они напоминают психологам о таких отцах психологической науки, как Т. Фехнер, В. Вундт, Дж. Уотсон и И.П. Павлов, которые мечтали построить психологию по канонам классической физики. Они спешат заметить, что психофизика и экспериментальная психология тщательно изгоняли из исследований восприятия, памяти и мышления влечения и мотивы личности, лежащие в основе любых психических процессов. И они исторически правы.

Но, как в свое время писал Л.С. Выготский, именно за мотивами и аффектами открывается Жизнь. А когда из психологии изгоняют жизнь, то психологию покидает Душа. Тем самым возникает хрестоматийно известная ситуация, при которой из психологии вместе с водой выплескивается ребенок.

Печальным итогом подобной ситуации оказывается своеобразная родовая травма, которую переживали и переживают психологи самых разных школ и направлений, в том числе и автор настоящего предисловия. Порой эти переживания, свидетельствующие о возникшем при рождении психологической науки комплексе неполноценности, прорываются в сознание и облачаются в грустные строки:

Все можно
увидеть,
измерить
и взвесить,
Лишь Душу
нельзя
просчитать.
Веками
бессилье
психологов
бесит
И ночью
мешает
им спать.

Любое саморазоблачение имеет границы. Да и мудрый афоризм польского писателя Станислава Ежи Леца «Никому не рассказывайте своих снов. Вдруг к власти придут фрейдисты» напоминает мне, что *исповедь о комплексах далеко не всегда освобождает от самих комплексов.* К тому же никогда не следует забывать, что одними из самых искусных мастеров испытания сознания были инквизиторы, которые уже не раз в многострадальной истории человечества в отличие от фрейдистов становились подлинными обладателями социальной и ментальной власти.

В связи с этим я не буду далее каяться в своих комплексах, а открыто и честно признаюсь в пристрастности в третий раз выходящего в жизнь учебника «Психология личности».

Один из первых читателей этого учебника — известный эстонский психолог П. Тульвисте, ученик А.Р. Лурия, в рецензии на первое издание «Психологии личности» в 1990 г. писал, что это учебник, скорее, по будущей методологии психологии личности, интегрирующей культурную антропологию, эволюционную биологию, системный и деятельностный подход в рамках психологической науки. Но учебник стоит издать, дабы психология личности как самостоятельное научное направление и университетская дисциплина смогла отстоять свое место под солнцем. Слова П. Тульвисте оказались без преувеличения сбывшимся пророчеством.

Дух времени привел к тому, что в Советском Союзе, а затем и в России *психология личности стала одной из интегрирующих дисциплин и востребованных направлений психологической науки.* На факультетах психологии — вначале в МГУ им. М.В. Ломоносова, а затем в ряде других вузов — появились кафедры и специализация по психологии личности. С каскадом фундаментальных учебников по психологии личности (в основном западных трудов, озаглавленных «Теории личности») могут поспорить разве что многочисленные издания по социальной психологии и клинической психологии. Интерес к психологии личности, в методологическом смысле сшивающей общую психологию и психологию личности, социальную психологию и психологию личности, клиническую психологию и психологию личности, культурную антропологию и психологию личности, менеджмент и психологию личности, растет не по дням, а по часам[3].

В такой социально-исторической ситуации учебник «Психология личности», надеюсь, остается методологическим путеводителем в этой области нашей науки именно в силу пристрастности и, осмелюсь заметить, *необщего* выражения лица.

Пристрастность этого учебника обусловлена несколькими причинами.

«Психология личности» пристрастна, прежде всего, потому, что установки мышления автора складывались в кругах общения *культурно-деятельностной школы в психологии*, или, как ее чаще называют, культурно-исторической школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. Логика развиваемого в этой книге *историко-эволюционного подхода в психологии личности* была бы невозможна без диалогов с такой бессмертной плеядой психологов, как П.Я. Гальперин, Б.В. Зейгарник, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин. К этой же плеяде я отношу своего ушедшего в 2004 г. друга — мастера междисциплинарного анализа в психологии, профессора кафедры психологии личности МГУ А.А. Леонтьева.

Для того чтобы читатели могли более рельефно ощутить дух *культурно-деятельностной неклассической психологии*, третье издание учебника «Психология личности» дополне-

[3] См., например: *Иванов Вяч.Вс.* Наука о человеке: Введение в современную антропологию. Курс лекций. М., 2004.

но приложением *«Социальная биография культурно-исторической психологии: круги общения»*, содержащим цикл статей о моих учителях, которые задавали координаты пристрастности всех исследований автора этой книги.

Во втором же приложении представлена полемика о проблемах психологии личности с таким ярким методологом науки, как Вадим Розин. Именно эта полемика позволила мне уточнить главный методологический ракурс третьего издания и назвать учебник «Психология личности: *культурно-историческое понимание развития человека*», а не *«...принципы общепсихологического анализа»*.

Третья ось пристрастности учебника «Психология личности» связана с либеральным мировоззрением, которое исповедует автор, а тем самым с критическим отношением к любым тоталитарным или авторитарным системам, которые нивелируют личность и вынуждают человека, пользуясь названием классической книги Эриха Фромма, осуществлять «бегство от свободы».

Я учился духу свободы и достоинства в общении с писателем Владимиром Тендряковым, очерк которого «Люди или нелюди» является блестящим эссе по психологии личности. Обаянию вольного мышления я обязан философу Мерабу Константиновичу Мамардашвили, лекции которого стали для меня школой самостояния личности. В известном смысле именно под влиянием Владимира Тендрякова, Мераба Мамардашвили, а также известного фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» была написана статья «Психология “обыкновенного фанатизма”», которая приведена в третьем приложении настоящего учебника.

И наконец, еще одна из координат пристрастности этого учебника самым непосредственным образом связана с моей собственной биографией. Мой отец, Григорий Львович Асмолов, имя которого прочно вошло в историю советской энергетики, свято верил, что *наша страна станет страной свободы и достоинства*. Именно от него я унаследовал эту веру, а также немного наивное желание превратить различные научно-исследовательские и образовательные проекты в социальную реальность. Эта *установка на социальное проектирование реальности* отражена в статье

«Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта — к парадигме толерантности» и в публицистическом эссе «Как закалялась... “Молодая гвардия”», своего рода мольбе о прощении перед поколениями людей, попавших под жесткие жернова социально-экономических реформ девяностых годов ушедшего XX века.

Я верю, что мифы и метафоры порой лучше передают смысл мировоззрения человека, чем самые строгие научные статьи. К таким мифам относится одна из притч о великом баснописце Эллады Эзопе.

Раб Эзоп, добившийся свободы благодаря своей мудрости, из-за происков злой воли и коварства оказывается ложно обвиненным в воровстве. И тогда он задает вопрос схватившим его стражам храма:

— Какая участь за кражу уготовлена рабу?

— Раба побьют за прегрешение палками и вернут хозяину, — отвечают стражи.

— А что ждет за тот же проступок свободного человека? — спрашивает окруживших его стражей Эзоп.

— По законам Эллады свободного человека за кражу сбрасывают со скалы в пропасть, — говорят стражи.

— Скажи, скажи скорей, что ты мой раб, и останешься жив, — уговаривает Эзопа его бывший хозяин.

В ответ на это предложение Эзоп поворачивается к стражам и говорит:

— *Где здесь пропасть для свободного человека...*

Выбор Эзопа — это выбор индивидуальности, приоткрывающий суть проходящей через всю эту книгу формулы: «*Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают*». Выбор Эзопа — это личностный выбор людей, которые скорее предпочтут избрать ради свободы и достоинства пропасть для свободного человека, чем жизнь в ментальном и социальном рабстве.

Этими словами притчи я и завершаю предисловие к третьему изданию учебника «Психология личности», предисловие в жанре исповеди.

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Александр Пушкин

Психология личности есть психология драматическая. Почва и центр этой драмы — борьба личности против своего духовного разрушения. Это борьба никогда не прекращается.

А.Н. Леонтьев

«ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ». ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(предисловие ко второму изданию)

Второе издание учебника «Психология личности» выходит немногим более десяти лет после появления первого издания этой книги. Десять лет. Много это или мало? Это десятилетие меньше мгновения, если взять за точку отсчета систему координат физического времени. И это же десятилетие по своей событийной насыщенности, по концентрации социальных перемен имеет шанс быть возведено в ранг великих исторических периодов в судьбе человечества.

Именно поэтому я могу без всякого преувеличения сказать, что *учебник «Психология личности» выходит в другом веке, в другой стране, в другую историческую эпоху*. И все же этот учебник в прямом смысле является переизданием книги, вышедшей в 1990 г.

Моральная решимость автора переиздать учебник «Психология личности» в его первоначальном виде, внеся лишь минимальные редакторские изменения, обусловлена целым рядом обстоятельств.

Главное из этих обстоятельств состоит в том, что учебник «Психология личности» изначально был замышлен как *метапсихология личности*, то есть *учебник, претендующий на раскрытие глубинных оснований различных культур*

мышления, стоящих за различными видениями человека в нескончаемо спорящих между собой направлениях человекознания. Жанр метапсихологии, стремление двигаться «поверх барьеров» (Б.Л. Пастернак), решать «метафизические вопросы», искать «точку опоры» прежде всего предполагает необходимую во все эпохи и особо востребованную в эпоху перемен возможность «...выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, идеологией или социальным движением. *Это и есть так называемые личностные основания* (выделено мною. — *А.А.*). А если их нет, как это случилось в XX веке? Как вы знаете, одна из драматических историй (в смысле наглядно видимого разрушения нравственности и распада человека, распада человеческой личности) — это ситуация, когда по одну сторону стола сидит коммунист, а по другую — тот, кто его допрашивает, — тоже коммунист. То есть представители одного и того же дела, одной и той же идеологии, одних и тех же ценностей, одной и той же нравственности. И если у того, кого допрашивают, нет независимой позиции — в смысле невыразимой в терминах конкретной морали, то положение ужасно. Можно выдержать физические мучения, а вот человеческий распад неминуем, если ты целиком находишься внутри идеологии и ее представляет твой же палач или следователь.

— Но он может считать, что заблуждается?

— Ну, вот это заблуждение как раз и разрушает личность. Потому что когда ты слышишь свои же собственные слова из других уст, которым не веришь и которые являются причиной совершенно непонятных для тебя фантасмагорических событий, то и стать некуда. Нет точки опоры вне этого. *А метафизика предполагает такую точку* (выделено мною. — *А.А.*). И в этом смысле она — залог и условие не-распада личности. Конкретная история лагерей в разных странах показала, какую духовную стойкость проявляли люди, имеющие точку опоры (те, кто были "ходячие метафизики", скажем так). Тем самым я хочу сказать, что метафизика всегда имеет будущее» (с. 114).

Я решился привести столь обширный фрагмент из книги Мераба Мамардашвили «Необходимость себя. Введение в философию» (1996) не только потому, что этот фрагмент трагично передает необходимость постановки метафизических вопросов и раскрывает лежащее в основании учебника «Психология личности» понимание метапсихологии. Психологу нечего прятаться от своих личностных смыслов. И поэтому я считаю необходимым сказать, что именно благодаря Мерабу Константиновичу Мамардашвили, которого в самом начале семидесятых годов один из лидеров современной психологии — декан факультета психологии МГУ Алексей Николаевич Леонтьев пригласил читать курс «Методологические проблемы психологии» в МГУ, немало психологов моего поколения ощутили «необходимость себя». Этот поступок А.Н. Леонтьева, говорю об этом без преувеличения, во многом определил и мою собственную судьбу. Лицом к лицу лица не увидать. И вряд ли в те годы я с достаточной полнотой понимал, что встреча с философом Мерабом Мамардашвили помогла некоторым из нас стать психологами, почувствовать пьянящее, вполне неклассическое и нерациональное чувство свободы мышления. Чувство, дающее точку опоры и побудившее среди многих психологий избрать психологии, принесшие культуру неклассического релятивистского независимого понимания множественности мира.

Явной и жесткой «точкой опоры» в учебнике «Психология личности» выступает особая культура мышления, *культура неклассического историко-эволюционного подхода в психологии.* В связи с этим я считаю целесообразным в предисловии ко второму изданию кратко остановиться на ключевых идеях историко-эволюционного подхода, из которых, как из эмбриона, вырастает раскрываемая в учебнике психология личности.

В историко-эволюционном подходе выделяются три построенные по неклассической логике *дополнительности* (Н. Бор) ипостаси человека, раскрывающие его сущность и существование как личности:

- *человек как многомерное существо, проявляющееся одновременно как участник историко-эволюционного процесса; носитель социальных ролей и программ социотипичного*

поведения; субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого осуществляется преобразование природы, общества и самого себя;

♦ *человек как пристрастное диалогичное полидеятельностное существо, сущность которого порождается, преобразуется и отстаивается в существовании — в мире, в других людях, в себе самом;*

♦ *человек как субъект свободного ответственного целенаправленного поведения, выступающий как ценность в восприятии других людей, в том числе и самого себя, и обладающий относительно автономной устойчивой целостной системой многообразных индивидуальных качеств, характеризующих его самобытность и неповторимость в изменяющемся мире.*

При всем разнообразии подходов к пониманию личности в истории познания и обыденной жизни становится все более очевидным, что именно *многомерность выступает как сущностная характеристика личности. Человек, будучи «мерой всех вещей», сам не имеет меры, так как в принципе несводим к какому-либо одному из измерений, проявляющихся в эволюции природы, истории общества и развитии его индивидуальной жизни.*

Выделение многомерности как исходной характеристики понимания личности в неклассическом историко-эволюционном подходе позволяет охарактеризовать историю развития представлений о личности как историю открытий различных измерений личности в действительности, а не историю заблуждений или ошибок. На разных этапах становления человеческой мысли, к каким бы феноменам действительности ни обращалось познание, оно вынуждено было обращаться к феномену человеческой личности и пытаться найти ответы на вопросы о месте человека в мире, его происхождении, предназначении, достоинстве, смысле существования, роли в истории, его уникальности и типичности, в том числе и на вопросы о том, как прошлое, настоящее и будущее определяют жизнь человека, границы его свободного выбора.

Именно многомерность феноменологии личности нашла свое отражение в различной этимологии и определениях личности, встречающихся в философии, гуманитар-

ных, социальных и естественных науках о человеке, а также выступила как основание для выделения следующих аспектов понимания проблемы личности:

многогранность феноменологии личности, отражающая многообразие проявлений человека в эволюции природы, истории общества и собственной жизни человека;

междисциплинарный статус проблемы личности, находящейся в сфере изучения философии, социальных и естественных наук;

зависимость понимания личности от мировоззрения, стиля мышления и образа человека, явно или скрыто существующих в культуре и науке на определенном этапе их развития;

несовпадение проявлений индивида, личности и индивидуальности, исследуемых в рамках относительно независимых друг от друга биогенетического, социогенетического и персоногенетического направлений анализа развития человека в эволюции природы, истории общества и индивидуального развития субъекта как неповторимой самости;

разведение исследовательской установки, ориентирующей на понимание закономерностей развития личности в природе и обществе, и практической установки, направленной на помощь и коррекцию личности.

При обращении к истокам этимологии термина «личность» чаще всего ссылаются на греческое или латинское происхождение этого термина, обозначающее «persona» как «маску», «роль актера», исполняющуюся в театре (ср. рус. «личина»). В контексте философских и психологических традиций представляет интерес разграничение в немецком языке терминов «Persönlichkeit» и «Personalität». Немецкий термин «Persönlichkeit» близок по значению к латинскому «persona» и отражает внешнее, публичное проявление человека, производимое им на других людей. Термин «личность» в значении «Personalität» (ср. рус. *«личностность»*) характеризует, скорее, самобытный внутренний мир человека, автономность человека, его самосознание, его возможности осуществления свободного выбора и самоопределения.

Многомерность личности обусловила то, что *историей развития мышления о человеке стала история драматической борьбы полярных ориентаций* (в том числе традиционной оппозиции материалистической и идеалистической

ориентаций), в ходе которой разные мыслители, как правило, выделяли какую-либо одну из реальных граней человеческого бытия, а другие стороны жизни личности либо оказывались на периферии познания, либо не замечались или отрицались.

В философии и гуманитарных науках выделяются следующие полярные и вместе с тем взаимодополняющие ориентации, в пространстве которых акцентируются различные проявления личностного бытия человека.

1. *Объектная—субъектная ориентации.* В первом случае человек познается как «вещь среди вещей», которая порождается в природе и/или обществе (например, метафизический материализм, позитивизм, прагматизм); во втором случае личность предстает как активное творческое начало, порождающее мир, проектирующее действительность и свое собственное будущее, выходящее в своих поступках и деяниях за пределы самого себя и т.п. (например, христианство, философия жизни, философская антропология, экзистенциализм, персонализм).

2. *Детерминистическая—индетерминистическая ориентации.* В первом случае познание личности основывается на природной или социальной причинной детерминации, выводится из прошлого или настоящего, внутреннего или внешнего (наследуемых природных и/или социальных непосредственных воздействий на индивида). В своих крайних формах детерминистическая ориентация выступала в представлениях о предопределенности, предначертанности существования человека, его жесткой зависимости от судьбы в таких различных направлениях мышления, как материализм Античности и философия Нового времени, христианство, картезианство, позитивизм и фатализм.

Во втором случае деятельность человека как автономного существа спонтанна и свободна; воля лежит в основе выбора его деяний и поступков; он сам, а не его среда или наследственность, в ответе за выбор своей собственной судьбы. Такие варианты понимания человека наиболее ярко выступали в философии жизни, экзистенциализме, неопозитивизме. В известном смысле попыткой преодоления оппозиции «детерминизм—индетерминизм» выступает учение Бенедикта Спинозы о человеке как суб-

станции, являющейся *причиной самой себя*, идея самодетерминации деятельности человека.

3. *Монологическая—диалогическая ориентации.* Монологическая ориентация проявляется в таких установках мышления, как методологический изоляционизм, антропоцентризм, в которых в процессе познания рассматривается «человек вне мира, а мир вне человека» (например, учение о монадах Г. Лейбница, философская антропология, позитивизм).

Диалогическая ориентация изучает личность в пространстве коммуникаций, межличностного и внутриличностного общения, диалога, в том числе диалога с самим собой, рассматривает личность как особую форму инобытия субъекта в других людях, которое может иметь «объектные» и «субъектные» формы существования. В контексте диалогической ориентации личность предстает как «полифония голосов», обретающая существование в непрерывном диалоге. Подобные взгляды развивались и продолжают развиваться в столь непохожих течениях мысли, как материализм Л. Фейербаха, экзистенциализм М. Бубера, структуралистская концепция личности Ж. Лакана, диалогическая концепция гуманитарного познания М. Бахтина.

В контексте развития философских направлений, имеющих принципиальное значение для изучения личности, также могут быть выделены такие полярности, как *«структурно-функциональная» (функционализм, структурализм)* и *«историко-генетическая» ориентации* (см., например, немецкая классическая философия, марксизм); *«номотетическая»* и *«идеографическая» ориентации* (неокантианская баденская школа В. Виндельбанда и Г. Риккерта); *сциентистская ориентация «объяснения»* (позитивизм) и *герменевтическая ориентация «понимания»* (феноменология Э. Гуссерля, понимающая психология и понимающая социология).

Весь спектр этих ориентаций, иллюстрирующий многомерность личности в истории мышления о человеке, проявился в различных образах человека в истории конкретных наук, в том числе в биологии, психологии и социологии: *«ощущающий человек»* (человек как сумма ощущений, зна-

ний, умений и навыков; человек как устройство по переработке информации); *«человек-потребитель»* (нуждающийся человек; человек как система инстинктов и потребностей); *«запрограммированный человек»* (в поведенческих науках — человек как система реакций; в социальных науках — человек как репертуар социальных ролей и сценариев); *«полидеятельностный человек»* — человек, осуществляющий выбор; человек как выразитель мотивов, смыслов и ценностей (*деятельностно-смысловой подход к пониманию человека*).

Приведенные выше описания различных ипостасей человека как личности, а также стоящие за различными пониманиями личности философские традиции наглядно иллюстрируют *междисциплинарный статус* проблемы личности, находящейся в поле внимания социальных и естественных наук, духовной культуры и практики. Психология и социология, антропология и этнография, культурология и семиотика, археология и филология, политология и генетика, биология и история ищут пути преодоления межведомственных границ при анализе развития человека в эволюции природы, истории общества и становлении индивидуальной жизни личности. При этих поисках возникает соблазн выделить одну-единственную науку, владеющую всей правдой о личности. Вот тогда-то и возникает ситуация, когда психология для решения своих проблем приглашает варягов и взывает к ним: «Придите и княжите нами». И по зову, а еще чаще без зова отправляются в психологию представители кибернетики, биологии, социологии, этики и антропологии, чтобы поведать свое понимание личности.

Действительно, и антропология, и этика владеют куда более целостным образом человека, чем обладающие «частичным» изображением человека некоторые направления традиционной психологии.

В результате в поисках выхода из кризиса в области психологии личности возникают волны ее модернизации, представители которых связывают избавление психологии от ее собственных противоречий либо с успехами других смежных наук, либо с получившими широкое распространение направлениями холистической психологии или более вплетенной в сферу этики гуманистической психологии.

Одна из этих волн может быть названа волной *антропологизации.* Продуктивный момент «антропологизации» в психологии личности, касается ли он обращения к антропогенезу при анализе индивидных свойств личности, особой психологической антропологии как основы психологии субъективности (В.И. Слободчиков) или же одухотворения человека в романтической поэтической антропологии (В.П. Зинченко), весьма перспективен как источник ценностной установки на поиск целостности реального человека и одновременно протест против «частичных» образов человека. Вместе с тем «антропологизация» психологии личности несет серьезный риск растворения собственных вопросов психологии личности в лоне философской методологии и безграничного парения над океаном эмпирических фактов, с таким трудом добытых в конкретных областях психологии.

Другая волна связана с *«гуманизацией»* и *«этизацией»* в психологии личности (Б.С. Братусь, А.Б. Орлов). По выражению Б.С. Братуся, *академическая психология была психологией, в которой победителей не судят.* Она утратила духовное человечное в человеке. В отличие от академической психологии, «гуманитарная» психология обладает еще нереализованным потенциалом «ценностнополагания» (не путать с «целеобразованием»), который столь желанен для растерявшей жизненные идеалы личности. Но и «гуманитарную психологию», черпающую свои силы в истории культуры, религии, филологии и этике, подстерегает опасность, пользуясь излюбленным выражением Л.С. Выготского, отдать «Богу богово», а «кесарю кесарево», то есть отдать человечное в человеке этике и религии, а тело и познавательные процессы — биологии и академической, например когнитивной, психологии.

И наконец, *еще одна из волн модернизации*, касающаяся междисциплинарного статуса личности, могла бы быть охарактеризована как *прагматическая философская «вестернизация»* психологии личности. Старая формула «там хорошо, где нас нет», стимулируемая раскрепощением сознания от так называемого «советского империализма» в психологии (В. Колга), приводит к ситуации, которая напоминает «плюрализм у разбитого корыта» (В.П. Зинченко).

Над всем, что было создано в отечественной психологии, ставится «нигель», и «вместо нее», а не «вместе с ней» новое измерение наполняется такими направлениями, как психосинтез (Р. Ассаджиоли), онтопсихология (А. Менегетти), нейролингвистическое программирование (Дж. Гриндер). Бесспорно, опыт этих направлений интересен для синтеза в психологии личности, а также для обозначения точек пересечения гуманистической психологии и историко-эволюционного подхода в психологии. Грустно другое: увлечение этими направлениями приводит к тому, что в отечественной психологии личности вместе с водой выплескивается и ребенок. В результате в общей картине поиска междисциплинарного синтеза представлений о личности возникает парадоксальная ситуация: психологи на Западе, разрабатывающие методологию гуманитарного знания о человеке, открывают для себя Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, Н.А. Бернштейна, Ю.М. Лотмана и С.Л. Рубинштейна (см. работы Дж. Гибсона, Дж. Верча, Л. Смолки, В. Маттеуса, Л. Молла, Р. Харре и др.), а отечественные психологи начинают напоминать «иванов, не помнящих родства». Иными словами, с тем же рвением, с которым раньше через железный занавес критиковали западные направления психологии, сегодня со скепсисом поглядывают на методологию гуманитарных наук в своей стране.

Все сказанное лишний раз подтверждает, что *междисциплинарный статус проблемы личности выступает как необходимое условие поиска системных закономерностей развития человека в биогенезе, социогенезе и онтогенезе, а не повод к растворению психологии личности в других естественных или социальных науках.* Отсюда также следует, что для разрешения противоречий в психологии личности *историко-эволюционный подход* выделяет сквозные закономерности развития человека, надстраивает благодаря этим закономерностям мост между различными сферами исторического и естественно-природного изучения человека, а затем с опорой на конкретную методологию психологии «работает» с фактами уже в сфере собственно психологии личности.

Еще одно обстоятельство, свидетельствующее о необходимости разработки историко-эволюционного под-

хода в психологии личности, непосредственно связано со спецификой переживаемого Россией исторического периода. Этот период может быть охарактеризован как период перехода от стабильной фазы к динамической фазе российской истории. В подобного рода период личность оказывается как бы заброшенной ***в историческую ситуацию развития*** (по аналогии с «социальной ситуацией развития» в смысле Л.С. Выготского), в которой происходит ломка традиционной системы ценностных ориентаций, обостряется поиск личностной и групповой идентичности, возрастает влияние индивидуальных действий личности на траекторию развития исторического процесса. В результате психолог для выработки логики действий, помогающих личности пережить драмы смутного времени, вынужден работать как психоисторик, проектировать разные варианты ситуации исторического развития, не ограничиваясь известной формулой «здесь и теперь».

Тем самым нынешнее время перемен подталкивает психолога к двойному испытанию историей. Ему предстоит выдержать проверку на чувствительность психологии личности к истории, а также на причастность психологии личности к происходящим в стране переменам. *Ареной для проверки чувствительности психологии по отношению к истории являются многолетние «бои за психологию в истории» (М. Блок, Л. Февр) и «бои за историю в психологии» (Л.С. Выготский).* Одним из следствий этих многолетних дискуссий о взаимоотношениях между психологией и историей стало возникновение различных гибридных дисциплин — «палеопсихологии» (Б.Ф. Поршнев), «исторической психологии» (И. Мейерсон, Ж.-П. Вернан и др.) и «психоистории» (Э. Эриксон, Л. де Моз).

Другим следствием выяснения взаимоотношений между историей и психологией является пересмотр самих исходных парадигм в разных областях психологии. Впечатляющим примером претензий психологов на причастность к происходящим в истории событиям может служить статья с нарочито эпатирующим названием «Социальная психология как история», принадлежащая известному социальному психологу К. Джерджену. Интенция такого рода пе-

ресмотра парадигм в социальных и поведенческих науках во многом обусловлена *установкой на превращение своей науки в науку, делающую историю, а не только изучающую ее.* Именно такой попыткой откликнуться на вызов нашего тревожного времени и является историко-эволюционный подход в психологии личности как конструктивной действенной психологии, а также организация опирающихся на этот подход служб практической психологии.

Перечень оснований, высвечивающих смысл постановки проблемы историко-эволюционного подхода в психологии личности, был бы бледным и неполным без упоминания еще одного завершающего обстоятельства: альфой и омегой историко-эволюционного подхода является *выделение созидающего методологического потенциала практической психологии личности*, призванной в перспективе вывести уставшую от разных академических болезней психологию личности из кризиса. При всей своей «дикости» и эклектичности *практическая психология личности уже на ранних этапах своего рождения выполняет конструктивную функцию преодоления психологии «частичного» человека.* Она также изначально сопротивляется различным внутридисциплинарным и междисциплинарным дроблениям знаний о развитии человека в истории природы и общества.

Практической психологии личности тесно только лишь в рамках возрастной, педагогической, клинической или какой-нибудь другой отдельной отрасли психологической науки. В известном смысле практическая психология обречена на то «верхоглядство», без которого не существует никакого междисциплинарного синтеза. Поэтому, пока представители академической психологии спорят, относить ли М.М. Бахтина или Ю.М. Лотмана к обитателям пространства «истинной» психологии или оставить их за его границей, назвав «филологом» первого и «семиотиком» второго, практические психологи, например, уже строят процесс общения с учетом диалогической теории сознания и семиотической теории культуры (см., например, сборники: Charting the Agenda. Educational Activity after Vygotsky. Ed. by H. Daniels, 1994; Vygotsky and Education. Instructional Implications and Applications of Sociohistorical Psychology. Ed. by L. Moll, 1994).

Тем самым в практической психологии личности могут быть преодолены внутридисциплинарные и междисциплинарные барьеры, затрудняющие построение психологии развития личности.

Источник методологического потенциала практической психологии, на оселке которой осуществляется проверка сильных и слабых сторон историко-эволюционного подхода, заключается в том, что объектом приложения ее усилий изначально оказывается конкретный человек в конкретной социоисторической ситуации развития. Поэтому *в поисках выхода из кризиса психологии личности остается вслед за Л.С. Выготским повторить, что практическая психология — тот камень, который презрели строители, — стала во главу угла историко-эволюционного подхода, разработка которого может повлечь за собой изменение общественного статуса психологии в России, превращение ее в науку, делающую историю.*

При разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности необходимо учитывать возможности разных уровней методологии: философского, общенаучного, конкретно-научного уровней, а также уровня методики и техники исследования (*Э.Г. Юдин*), позволяющих увидеть картину развития человека в самых разных временных масштабах — от макроэволюции природы до динамики принятия решения в той или иной конкретной жизненной ситуации. В связи с этим среди широкого спектра концепций развития человека далее будут названы, прежде всего, те, которые определили общий методологический каркас и смысл историко-эволюционного подхода в психологии личности:

- концепция понимания человека как «мира человека», порождаемого в ходе естественно-исторического процесса становления человечества (*К. Маркс*);
- критика идеала рациональности в различных теориях познания (*М.К. Мамардашвили*);
- теория перехода биосферы в ноосферу (*В.И. Вернадский*);
- концепция поведения неравновесных систем в неживой и живой природе (*И. Пригожин*);

- синтетическая теория эволюции (*И.И. Шмальгаузен*);
- концепция эволюционного прогресса (*А.Н. Северцов, К.М. Завадский*);
- представление о преадаптации в эволюционном процессе (*Н.И. Вавилов*);
- гипотеза о роли вариативного рассеивающего отбора в антропосоциогенезе (*В.П. Алексеев*);
- концепция эволюции целенаправленной активности в контексте «физиологии активности» (*Н.А. Бернштейн*);
- семиотическая концепция культуры (*Ю.М. Лотман*);
- диалогическая концепция гуманитарного познания (*М.М. Бахтин*);
- культурно-историческая концепция развития высших психических функций (*Л.С. Выготский*);
- деятельностный подход в психологии (*А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн*).

Наряду с указанными выше методологическими установками существенную роль в разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности также сыграли общепсихологическая теория установки (*Д.Н. Узнадзе*), концепция человекознания (*Б.Г. Ананьев*) и этогенический подход к социальному поведению (*Р. Харре*).

Все эти подходы и концепции оказались востребованы временем. Именно на их фундаменте надстраиваются *основные положения историко-эволюционного подхода в психологии.*

1. Историко-эволюционный подход в психологии личности позволяет выделить универсальные закономерности развития человека в *биогенезе, социогенезе и персоногенезе* и тем самым открывает возможность междисциплинарного и внутридисциплинарного синтеза представлений о психологии личности.

2. В историко-эволюционном подходе универсальные закономерности развития человека в биогенезе, социогенезе и персоногенезе находят свое выражение в общесистемных принципах, характеризующих динамику развития различных эволюционирующих систем, в понимании специфики механизмов эволюции, места индивидуальных элементов в генезисе систем, соотношения стабильности и изменчивости эволюционирующих систем, а также по-

зволяют определить перспективы развития психологии личности.

♦ В качестве общесистемных принципов анализа в историко-эволюционном подходе выделяются следующие: *принцип роста вариативности элементов системы как критерий прогрессивной эволюции; принцип взаимодействия тенденций к сохранению и изменению как условие развития эволюционирующих систем, обеспечивающее их адаптацию и изменчивость; принцип возникновения избыточных преадаптивных элементов эволюционирующих систем, способных обеспечить резерв вариативности этих систем в неопределенных критических ситуациях их существования; принцип возможности превращения преадаптивной активности избыточных элементов эволюционирующей системы в адаптивную активность данной системы; принцип возрастания влияния преадаптивных избыточных элементов эволюционирующей системы на выбор дальнейшей траектории ее развития в неопределенных критических ситуациях.*

♦ Данные общие принципы развития эволюционирующих систем являются основой для пересмотра бытующих в разных науках о человеке и обществе полярных представлений о роли биологической эволюции в истории становления человечества: представлений о полной «остановке» биологической эволюции в социальной истории человечества и представлений о прямом продолжении биологической эволюции в социальной истории человечества.

На смену этим представлениям приходит гипотеза, согласно которой *продолжающаяся в истории человечества эволюция образа жизни приводит к преобразованию закономерностей эволюции в антропосоциогенезе: переходу от отбора, стабилизирующего изменчивость вида, к «рассеивающему отбору», обеспечивающему рост проявлений вариативности человеческого вида в динамично меняющейся природной и общественной среде.* В контексте историко-эволюционного подхода обосновывается эвристичность гипотезы «рассеивающего отбора» в качестве ключа к пониманию эволюционного смысла возникновения различных индивидных свойств человека и проявлений индивидуальности личности в естественно-историческом процессе.

♦ *Индивидуальные особенности элементов эволюционирующей системы именно в системе приобретают свои новые самобытные специфичные качества и снабжают систему запасом адаптивной изменчивости, который может быть задействован в неопределенных критических ситуациях.* В свете описанного положения представляются необоснованными противопоставления вариативности индивида — виду, индивидуальности личности — обществу, психологии индивидуальных различий — общей психологии личности.

♦ В процессе эволюции социальных систем социотипические качества личности выражают тенденцию данных систем к сохранению и могут в широком смысле быть охарактеризованы как адаптивные, а проявления индивидуальности личности преимущественно отражают тенденцию системы к изменению и, будучи преадаптивными по своему эволюционному смыслу, обеспечивают потенциальные возможности иных вариантов дальнейшей эволюции данной социальной системы.

♦ Историко-эволюционный подход позволяет прогнозировать и структурировать поле проблем и направлений, с которыми связано будущее развитие психологии личности: рост междисциплинарных исследований, опирающихся на универсальные закономерности развития систем; переход при постановке проблем анализа развития личности от антропоцентрической феноменографической ориентации к историко-эволюционной ориентации; появление дисциплин, рассматривающих психологию как конструктивную проектировочную науку, выступающую фактором эволюции общества.

3. В русле деятельностного подхода в настоящем учебнике «Психология личности» систематизированы принципы, на основе которых намечен путь к пониманию конкретных механизмов преобразования индивидных свойств человека и социально-исторического образа жизни человека в персоногенезе человека: принцип предметности; принцип активности; принцип неадаптивности; принцип опосредствования и сигнификации; принцип интериоризации—экстериоризации; принцип психологического анализа «по единицам»; принцип зависимости психического отражения

от места отражаемого объекта в структуре целенаправленной деятельности человека.

♦ В деятельностном подходе к развитию личности для анализа взаимопереходов биогенеза, социогенеза и онтогенеза в процессе построения жизненного пути личности может быть использована *схема системной детерминации развития личности*. В этой схеме *индивидные свойства человека выступают как антропогенетические безличные предпосылки развития личности; социальная среда как источник развития личности; целенаправленная деятельность как основание и движущая сила развития личности, посредством которой осуществляется преобразование природы, культуры и человека*.

♦ Данная схема системной детерминации развития личности снимает традиционную схему двойной детерминации, сводящую развитие личности к разным вариантам взаимодействия среды и наследственности и основывающуюся на таких сковывающих мышление установках, как антропоцентрическая парадигма мышления о человеке; абсолютизация филогенетических, социогенетических или онтогенетических закономерностей развития человека применительно к персоногенезу; гомеостатическая модель развития человека.

♦ Схема системной детерминации развития личности позволяет провести систематизацию фактов, проблем и отраслей изучения личности в контексте историко-эволюционного подхода в психологии личности.

4. Историко-эволюционный подход в психологии личности позволяет выявить в качестве единиц динамической организации личности смысловые установки, определяющие поступки человека и обеспечивающие устойчивость поведения человека в изменяющемся мире.

5. Практическая психология личности, опирающаяся на историко-эволюционный подход, продемонстрировала свои возможности в социальном конструировании реальности и тем самым способствует изменению общественного статуса психологии в социальной практике.

Методологический смысл историко-эволюционного подхода в психологии личности состоит также в том, что

этот подход помогает увидеть перспективу перехода *от изучения проблем развития психики в эволюции*, столь характерного для деятельностного подхода в психологии, *к изучению психики как конструктивного фактора самой эволюции* и тем самым навести мост между психологией и другими науками о развитии человека в природе и обществе. На этом пути и открывается в новом свете широко обсуждаемое *предназначение психологии как ведущей науки о человеке*, способной конструировать «поле предметных значений» (*А.Н. Леонтьев*) как особое интерсубъективное измерение действительности.

Общая характеристика развиваемого в учебнике историко-эволюционного подхода, внесшего, льщу себя надеждой, свою лепту в превращение психологии личности в самостоятельную отрасль науки и дисциплину в нашей стране, была бы неполной без упоминания автором тех учителей, коллег и учеников, в процессе общения с которыми только и стала возможной разработка неклассического историко-эволюционного подхода в психологии.

Этот подход никогда бы не родился, если бы мне в студенческом возрасте не выпало счастье встретиться с Алексеем Николаевичем Леонтьевым и Александром Романовичем Лурия, влюбленность в которых полностью определила мой путь и в психологии, и в жизни. Первые уроки преданности психологии автор получил от Марты Борисовны Михалевской. Доброжелательность и оптимизм Александра Владимировича Запорожца, мягкая критическая ирония Петра Яковлевича Гальперина, редкое чувство достоинства по отношению и к людям, и к научным фактам Блюмы Вульфовны Зейгарник помогли автору понять, к чему должен стремиться профессиональный психолог. Мечта о поиске образа человека, не скованного узкими границами рациональности, появилась в дискуссиях с Филиппом Вениаминовичем Бассиным, Александром Северьяновичем Прангишвили и Аполлоном Епифановичем Шерозия, а также при завороженном впитывании лекций Мераба Константиновича Мамардашвили.

На протяжении всего периода разработки неклассического историко-эволюционного подхода в психологии ав-

тор проходил школу методологии психологии у Г.М. Андреевой, Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, М. Коула, И.С. Кона, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского, О.В. Овчинниковой, О.К. Тихомирова, Н.Ф. Талызиной, Д.И. Фельдштейна и Л.С. Цветковой. Этика научной дискуссии с представителями других школ, которые, несмотря на полную противоположность исходных методологических установок, признавали правомочность иных научных позиций, складывалась в диалогах с блистательным исследователем и полемистом, создателем информационной теории единых психических процессов Л.М. Веккером; строгим рыцарем истории науки М.Г. Ярошевским; талантливыми продолжателями идей психологии установки Ш.А. Надирашвили, И.В. Имедадзе, Р.Т. Сакварелидзе; автором теории вероятностного прогнозирования, известным психофизиологом И.М. Фейгенбергом.

Какие бы страсти ни кипели среди собственного поколения автора, многие представители этого поколения стали носителями «духа времени», порожденного культурно-исторической психологией и деятельностным подходом к анализу психических явлений. К их числу в первую очередь относятся Б.С. Братусь, И.А. Васильев, Б.М. Величковский, Дж. Верч, В.К. Вилюнас, Ж.М. Глозман, А.И. Донцов, А.Н. Ждан, В.А. Иванников, И.И. Ильясов, В.Е. Клочко, В.В. Николаева, В.В. Петухов, В.Ф. Петренко, Л.А. Петровская, А.И. Подольский, А.А. Пузырей, В.Я. Романов, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, С.Д. Смирнов, В.С. Собкин, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, В.В. Столин, Е.В. Субботский, П. Тульвисте, А.У. Хараш, А.Г. Шмелев, А.А. Цыганок и Б.Д. Эльконин. Весь этот вполне зримый колледж никогда не давал автору почувствовать себя одиноким в психологии, даже когда он ради организации службы практической психологии образования и создания либеральной доктрины вариативного образования оказался в мирах, весьма далеких от психологического сообщества. Особо хочется подчеркнуть, что проходящая красной нитью через весь учебник «Психология личности» идея о роли неадаптивной активности в историко-эволюционном процессе появилась в мысленном и реальном соавторстве с В.А. Пет-

ровским, который и ввел представление о неадаптивной активности личности в психологическую науку.

Только благодаря совместным исследованиям с А.М. Айламазьян, Ф.Е. Василюком, А.Н. Гусевым, С.Н. Ениколоповым, М.А. Ковальчук, С.В. Кривцовой, Д.А. Леонтьевым, Т.Ю. Мариловой, Е.Е. Насиновской, М.С. Гусельцевой, Л.А. Радзиховским, В.В. Семеновым, Г.У. Солдатовой, М.В. Тендряковой и Е.И. Шлягиной автор решился обратиться к столь разным аспектам психологии личности, как: психология смысла, психология переживаний, психология деловых игр, психология агрессии, изменение социальных установок, самоактуализация и самореализация личности, социально-психологическая реабилитация личности, диагностика альтруистического поведения, психология творчества в истории культуры, история культурно-исторической психологии, дифференциальная субъектная психофизика, психогенетика, палеопсихология и историческая этнопсихология, психотехника воспитания, психология и педагогика толерантности.

Данная книга никогда не состоялась бы без Евгении Фейгенберг, которая поддерживала меня как индивида, воспитывала как личность и отстаивала как индивидуальность, несмотря на драмы и перепады, выпавшие на нашу судьбу.

И конечно, нельзя не сказать слов благодарности разным поколениям студентов факультета психологии МГУ, которые были и по сей день являются самыми требовательными критиками любых подходов в психологии, которые никогда не дают спокойно жить своим преподавателям.

В целом же за тридцать лет преподавания психологии на факультете психологии МГУ и почти десять лет вращивания психологической культуры в миры политиков, управленцев и учителей автор убедился в правоте тех философов и психологов (Б.М. Кедров, А.Н. Леонтьев, Ж. Пиаже), которые присвоили *психологии титул ведущей науки о человеке.* И она станет такой наукой, но лишь при одном условии: если будет любимой, любимой наукой для тех, кто понимает, что, выбирая психологию, они избирают не только науку, профессию, но и судьбу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача любого учебника заключается в том, чтобы «остановить мгновение» и отразить современное состояние той или иной области научного знания, то есть обобщить основные факты, закономерности, категории и методы, раскрывающие предмет научной дисциплины. Так обстоит дело в науках, которые уже миновали период своего становления и достигли эпохи научной зрелости. В психологии, возраст жизни которой как самостоятельной науки исчисляется не веками, а десятилетиями, положение дел складывается по-иному. «Исторически состояние нашей науки таково, — писал в свое время Л.С. Выготский, — что существует много психологий, но не существует единой психологии. Мы могли бы сказать, что потому и возникает много психологий, что нет общей, единой психологии. Это значит, что отсутствие единой научной системы, которая охватывала бы и объединяла все современное психологическое знание, приводит к тому, что каждое новое фактическое открытие в любой области психологии, выходящее за пределы простого накопления фактов, вынуждено создавать свою собственную теорию, свою систему для объяснения и понимания вновь найденных фактов и зависимостей, вынуждено создавать свою психологию — одну из многих психологий»[1].

В подобной ситуации автор учебника или учебного пособия по психологии не может занять позицию беспристрастного наблюдателя и, уделяя внимание преимущественно искусству дидактики, запечатлеть современное

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 25.

состояние психологии. Последнее замечание особенно относится к психологии личности, которую наряду с богатством фундаментальных исследований и оригинальных экспериментальных фактов характеризует множество нерешенных проблем, разрозненных эмпирических данных и не пересекающихся друг с другом исследований. Столкновение мнений между представителями различных направлений начинается уже в самом исходном пункте психологического анализа личности и проявляется в постановке вопроса: *что же представляет собой феноменология в этой области психологии?*

Все это свидетельствует о том, что в стремительно развивающейся психологии личности отсутствует логический стержень, который бы позволил рассматривать психологию личности как целостную систему знаний. В связи с этим специфика работы по созданию данного учебника по психологии личности состоит в том, что *его написание является одновременно построением психологии личности как самостоятельной дисциплины и особого направления психологии.*

Изложение представлений о психологии личности как целостной системе знаний — центральная задача настоящего учебника. При решении этой задачи не следует смешивать целостность представлений о направлениях науки с беспроблемностью, а получение знаний о психологии личности — с вручением набора рецептов для ответа на самые разнообразные и неожиданные вопросы, которые может поставить перед будущим профессиональным психологом жизнь. Изложить представления о психологии личности, обойдя все острые углы, — это значит исказить существующее в психологии личности положение вещей и невольно заложить основы для формирования у будущего психолога чувства беспомощности, когда за стенами университетов неумолимая практика внесет свои коррективы в его образ психологической науки. Именно поэтому освещение любого вопроса в учебнике начинается с выделения тех проблем, которые часто еще только ждут своего решения, а обсуждение этих проблем строится как диалог, который будущий специалист может про-

должить в своей профессиональной работе. При этом само знание о психологии личности выступает как необходимое условие формирования у психолога умения формулировать выдвигаемые практикой задачи в такой форме, чтобы в самом вопросе уже содержался верный путь к его решению, к поиску методов, дающих возможность достичь поставленной цели.

По массиву эмпирических фактов, каскаду разнообразных экспериментов, очереди спешащих сменить друг друга теорий психология личности в конце XX в. потеснила другие отрасли психологической науки. Темп развития психологии личности станет более ощутимым, если привести следующие факты, затрагивающие только одну из проблем психологии личности — проблему «Я». Если в 1969 г. этой проблеме было посвящено около четырехсот публикаций, то в 1980 г. их количество перешло за тысячу. Одно за другим за рубежом выходят многотомные издания по психологии личности, особенно учебники, посвященные изложению многочисленных теорий личности. Однако попытка изложить набор фактов, методов и теорий бессмысленна вовсе не только потому, что их объем непомерно велик. Дело заключается в другом. Логика преподавания любой науки, в том числе и психологии, во времена информационного перенасыщения не должна основываться на бесконечном расширении объема изучаемого материала.

Учебник не информирует о многочисленных явлениях, методах и концепциях психологии личности, а знакомит студентов с основными принципами, исходными пунктами изучения психологии личности, то есть *учит студентов учиться*, — так сегодня ставится вопрос о логике преподавания психологии. Вместе с тем опасно впасть и в другую крайность — крайность скольжения по верхам, незнания истории своей науки, отсутствия бережного и уважительного отношения к добытым в науке фактам. В курсе «Психология личности» надежной гарантией против незнания истории науки служит сочетание издания учебников

с изданием хрестоматий, в которых представлены оригинальные концепции и теории, изложенные самими создателями.

В качестве основания для интеграции разрозненных эмпирических фактов и течений в учебнике выступает *историко-эволюционный подход к изучению личности*, который задает общую стратегию для освещения вопросов о соотношении биологического и социального в личности, мотивации развития личности, механизмов регуляции социального поведения личности, творчества индивидуальности, характера и способностей.

Этот подход помогает будущим специалистам увидеть ограниченность распространенных в психологии мифов, в соответствии с которыми развитие личности выводится из механического взаимодействия двух факторов — наследственности и социальной среды; целями жизни личности считаются стремление к равновесию и выживанию, а структура личности мыслится как коллекция индивидуальных черт.

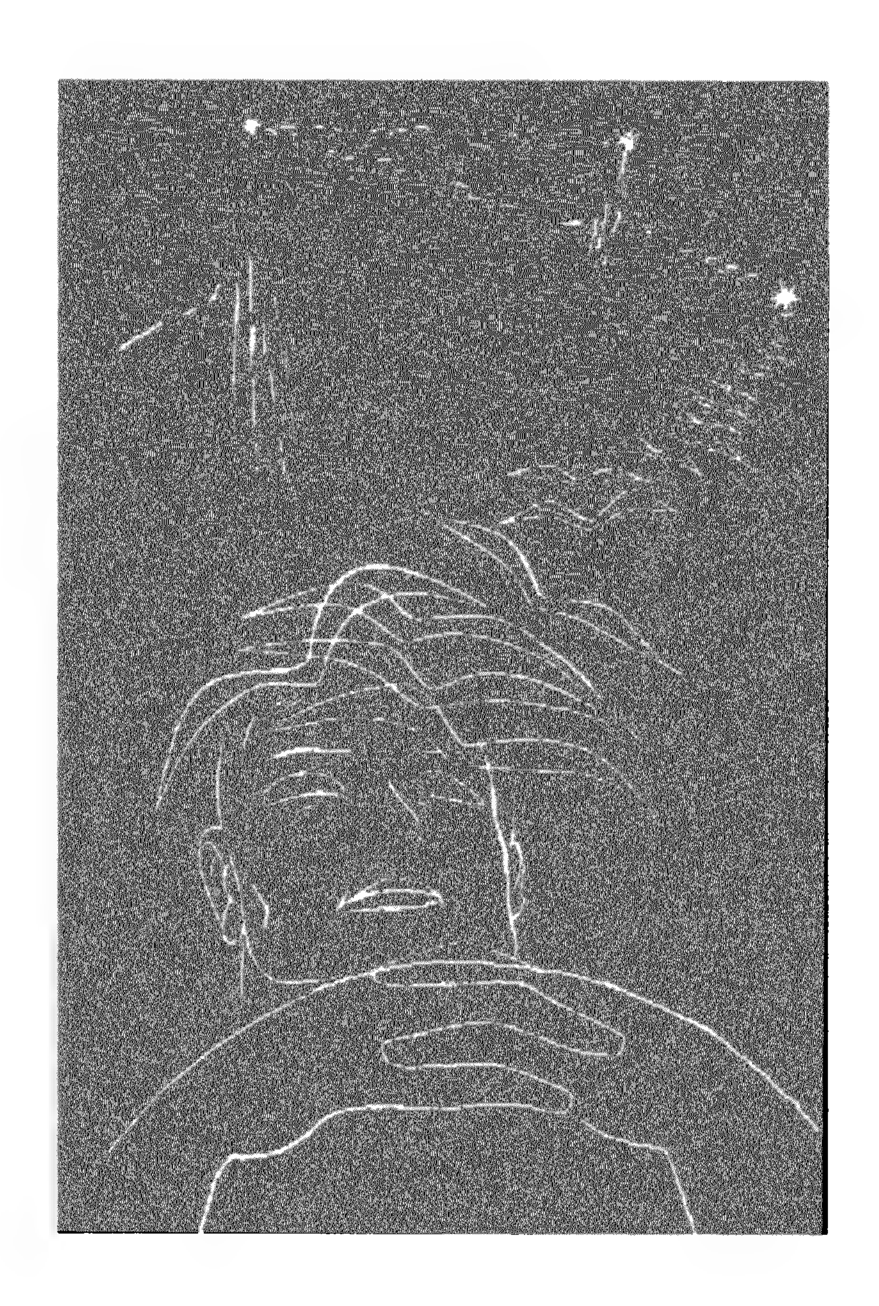
Историко-эволюционный подход ставит во главу угла новую *схему детерминации развития личности, раскрывающую взаимоотношения между природой, обществом и личностью.* В этой схеме биологические свойства человека (например, темперамент, задатки) выступают как «безличные» предпосылки развития личности, которые в процессе жизненного пути становятся результатом этого развития, а общество — как условие осуществления деятельностей, коммуникаций, в ходе которых человек приобщается к миру культуры. Подлинным основанием и движущей силой развития личности является совместная деятельность, в которой осуществляется социализация личности, в том числе — усвоение заданных социальных ролей, культурных норм восприятия, мышления и поведения. Однако ролевое поведение — это только начальная точка отсчета в развитии личности. Преобразуя нормативно-ролевую деятельность в ситуациях выбора, личность заявляет о себе как об индивидуально-

сти, жизненный путь которой часто становится историей отклоненных и изобретенных альтернатив. Связь между *индивидом*, несущим видовой опыт человечества (опыт биогенеза, антропогенеза и индивидуального онтогенетического развития человека), *личностью*, приобщающейся к различным картинам мира и типовым формам поведения в социогенезе как истории человечества, и *индивидуальностью*, строящей себя и мир в персоногенезе как жизненном пути человека, передается формулой:

«*Индивидом рождаются.*

Личностью становятся.

Индивидуальность отстаивают».

Раздел I

УРОВНИ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ И ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ

Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети,
И все же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.

С. Маршак

Глава 1
От феноменологии личности — к уровням методологии науки

Особенности познавательной ситуации изучения личности

Первое отличие познавательной ситуации исследования психологических закономерностей становления и развития личности состоит в том, что в психологии до сих пор возникают серьезные затруднения при попытках очертить сферу эмпирических фактов, относящихся к психологии личности. *Многогранность феноменологии личности*, отражающая объективно существующее многообразие проявлений человека в истории развития общества и его собственной жизни, превращает исходный вопрос любого познания — вопрос об эмпирической сфере изучения личности — в камень преткновения и арену самых оживленных дискуссий. С подобной остротой вопрос об исходном пункте исследования не стоит ни в психологии познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления), ни в других отраслях психологической науки — социальной психологии, возрастной и педагогической, клинической психологии, инженерной психологии и психологии труда, психофизиологии, зоопсихологии и т.д.

Второе отличие познавательной ситуации психологического изучения личности — насущная необходимость учета *междисциплинарного статуса проблемы личности*, находящейся в поле внимания социальных и естественных наук, практики и духовной культуры. Любая область психологического исследования так или иначе соприкасается со смежными течениями науки. Например, психология мышления граничит с логикой, лингвистикой, семиотикой и кибернетикой, занимающейся моделированием искусственного интеллекта. Социальную психологию нельзя представить вне теснейших контактов с социологией, историей и этнографией. Любой клинический

психолог должен быть вооружен знаниями по психиатрии, нейрофизиологии, анатомии и морфологии нервной системы. Но вряд ли можно сегодня назвать такую область науки или практики, которая бы хоть в какой-то степени не отнесла такой объект исследования, как личность, к своей «территории», оказалась бы равнодушной к проблеме личности. Даже в такой зрелой, являющейся образцом объективности и идеалом точности науке, как неклассическая физика, положение о неразрывности наблюдателя и наблюдаемых явлений становится основой методологии. Человек как субъект познания входит тем самым в физике в сам процесс анализа объективной реальности. Что же касается традиционных конкретных областей человекознания и обществоведения — истории, филологии, социологии, этнографии, антропологии, демографии и т.д., то в каждой из них волна интереса к разным аспектам проблемы личности неуклонно нарастает.

Легче всего для объяснения растущего интереса к проблеме личности в разных науках было бы сослаться на дань моде или даже дух времени. И то и другое действительно имеет место. Но главная причина перемещения проблемы личности в фокус самых разных дисциплин заключается в объективно *возросшем влиянии личности на судьбы исторического процесса*, а вместе с тем и той колоссальной ответственности за эти судьбы перед прошлым, настоящим и последующими поколениями человечества.

В своем развитии человеческий род достиг уникального положения в мире. Человечество по праву гордится своим могуществом. Вместе с тем *уникальное положение человечества в мире природы определяется не только могуществом в сфере созидания, но и возможностью одного человека решить вопрос «быть или не быть» человечеству в целом. Ни у одного другого биологического вида судьба вида не зависит от действий того или иного его отдельного представителя.* Поступки же отдельного человека могут как помочь сделать новые шаги к вершинам цивилизаций, так и привести к полному исчезновению человечества с лица земли. В двадцатом веке человечество пришло к тра-

гичному открытию: *человечество смертно.* Оно смертно, как смертен и отдельный человек. И с этим возросшим влиянием поступков и деяний личности на судьбы человечества связана *третья черта* познавательной ситуации изучения личности как в психологии, так и в других областях науки.

Многомерность феноменологии личности, междисциплинарный статус проблемы личности в человекознании и обществознании, рост зависимости судеб исторического процесса от решений отдельной личности приводят к мысли о необходимости ее изучения в системе координат, задаваемых различными уровнями методологии науки.

В современной методологии и логике науки выделяется следующая *общая схема уровней методологии: уровень философской методологии, уровень методологии общенаучных принципов исследования, уровень конкретно-научной методологии и уровень методики и техники исследования.*

Обращение к уровням методологии науки, прежде всего к уровню философской методологии познания, продиктовано тем, что без понимания функций каждого из этих уровней психология окажется беспомощной при выделении эмпирической сферы фактов, относящихся к компетенции психологического изучения личности, решении задач междисциплинарного синтеза, мировоззренческой оценке представлений о природе личности. При изучении личности вне контекста уровней методологии науки психология личности рискует превратиться в бесперспективную погоню за точными ответами на неверно поставленные вопросы и заболеть болезнью коллекционирования фактов-«фантомов», рождающихся и умирающих в стенах лабораторий. Факты, безусловно, являются воздухом ученого. С них начинают движение классические физика, химия, биология.

В психологии личности те или иные факты не могут быть сами по себе оценены как проявление личности до тех пор, пока не выделена система координат, в которых ведется их изучение. Для того чтобы убедиться в этом, следует поставить вопрос о том, *какие проявления относятся к сфере психологии личности, а затем описать различные феномены личности в повседневной жизни.*

Многомерность феноменологии личности

В исследованиях по психологии личности причудливо переплетаются между собой столь различные проявления человека, как мотивы его деятельности, индивидуальные биохимические свойства, социальные роли, типы высшей нервной деятельности, физическая внешность, идеалы, способности, аффекты, вкусы, особенности национального характера, мировоззрение, нравственный облик, самосознание, самооценка, потребности, влечения, продукты творчества, воображение, одаренность, интеллект, социальное положение, скорость реагирования, черты индивидуального характера, настроение, чувства антипатии и симпатии, переживания, навыки и умения, эмоции, установки, манера общения и поведения, ценностные ориентации, поступки, деяния, образ «Я» и т.д.

Такое многообразие проявлений человеческой природы уживается с неявно задаваемым логикой частных эмпирических исследований допущением о существовании некоей одномерной феноменологии в области изучения психологии личности. Указанное допущение, за которым стоит тот или иной образ человека в данной культуре, нередко толкает исследователей на путь отстаивания своей сферы фактов как центральной характеристики личности, а дискуссии о примате данного феномена личности начинают напоминать спор слепых, ощупывающих слона с разных сторон и высказывающих различные версии о том, с кем же им довелось повстречаться. На смену неявному допущению о существовании какого-либо одного-единственного «измерения» феноменов личности приходят порой попытки построения предмета психологии личности с помощью коллекционирования различных проявлений «по аспектам», что приводит к возникновению иллюзии целостности картины там, где на деле существует механический конгломерат скрепленных статистическими корреляциями различных сторон человеческой жизни.

Попытки собрать личность человека из осколков ее проявлений или построить общую теорию личности из суммы

частных теорий не отличаются новизной. Еще в XVIII в. французский философ Этьен де Кондильяк в «Трактате об ощущениях» не спеша собирал «статую» человека, последовательно наделяя ее обонянием, вкусом, осязанием, потребностями, ловкостью, желаниями, воспоминаниями, идеями, самосознанием. У статуи пробудились страсти, а удовольствие и страдание стали единственным двигателем развития ее способностей. И статуя Кондильяка жила жизнью *изолированного* человека, пользующегося всеми своими чувствами.

Окажись исследователь психологии личности на месте Э. Кондильяка, он с самого начала испытал бы большие трудности в отборе строительного материала, из которого предстояло бы воссоздать статую личности. *Любой ли человек представляет собой личность? Можно ли назвать личностью появившегося на свет ребенка? В любую ли историческую эпоху существовала личность? Исчезает ли личность со смертью человека? С чего начинается личность? С помощью какого материала при строительстве статуи личности удается провести границу между человеком и животным? И главное, какими фактами воспользоваться для построения статуи личности?*

Личность и внешние характеристики человека. Большинство людей отличаются друг от друга по своей внешности, росту, цвету кожи, телосложению, весу и другим особенностям человеческого тела как физического объекта. Вряд ли, тем не менее, строитель статуи личности начинает свою работу с использования этого материала, так как, казалось бы, никто не будет пытаться даже из самых точных внешних характеристик человека вывести черты его личности. Однако не стоит торопиться с выводами.

В повседневной жизни накоплено немало наблюдений о связи физической внешности человека с особенностями его характера: люди маленького роста имеют тенденцию ходить большими шагами; полные люди чаще худощавых являются счастливыми обладателями покладистого характера; цвет кожи в определенных общественно-исторических условиях оказывает роковое влияние на весь жиз-

ненный путь человека. В античные времена с опорой на факты, говорящие о связи внешнего облика с характером человека, возникло целое учение — *физиогномика.* Его представители по внешнему облику человека распознавали характер, благородные и дурные наклонности личности. Физиогномика не ушла в прошлое, а в некоторых формах и сегодня используется при создании различных типологий характера. Отбрасывая ассоциирующиеся с физиогномикой представления о фатальной предопределенности характера внешним обликом человека, не следует впадать в крайность и изображать всю предшествующую практику распознавания личности по внешнему облику как историю бесполезных ошибок. Факты остаются фактами: при первом взгляде на одного человека иногда хочется с ним заговорить, а при встрече с другим — перейти на противоположную сторону улицы; мужчины атлетического сложения чаще воспринимаются как уверенные в себе, а худощавые — как честолюбивые и подозрительные и т.д. Так как же обойтись с этими фактами: *отнести внешний облик человека к проявлениям его личности или нет?* Поставленный в такой форме вопрос не имеет ответа.

Личность и прошлый опыт. С большей вероятностью, по-видимому, материалом для строительства статуи личности может послужить прошлый опыт человека — его знания, убеждения, умения, привычки, стереотипы, разнообразные проявления памяти. Человек, лишившийся прошлого опыта, утрачивает ориентацию в пространстве и времени, теряет свое «имя», лишается в известном смысле своего «Я». Мастер описания внутреннего мира личности, М. Пруст красноречиво повествует о могуществе воспоминания, возвращающего человеку его «Я»: «Когда я просыпался среди ночи, то, не соображая, где я, я не сознавал также в первое мгновение, кто я такой; меня не покидало лишь первобытно-простое ощущение того, что я существую, — подобное ощущение может биться и в груди у животного; я был беднее пещерного человека; но тогда *воспоминание* — еще не воспоминание места, где я находился, но нескольких мест, где я живал и где мог

бы находиться, — приходило ко мне словно помощь свыше, чтобы извлечь меня из небытия, из которого я не мог выбраться собственными усилиями; в одну секунду я пробегал века культуры, и смутные представления керосиновых ламп, затем рубашек с отложными воротничками мало-помалу восстанавливали черты моего "Я"»[1].

Образ «Я» возвращается к просыпающемуся человеку через воспоминание истории культуры, его дома, вещей, плана комнаты, одежды. Значит ли это, что вся предшествующая история культуры — память общества, мир принадлежащих человеку вещей, воспоминания детства и т.д. — все это выступает как проявления его личности? Если это так, то, наделив статую памятью и знаниями, строитель превратит ее в личность, а стерев память — лишит возможности стать личностью. Но и этот вывод поспешен. Человек может лишиться багажа своей памяти, очутиться в «беспамятном мире», пережить ощущение смерти «Я»... и при этом остаться личностью.

Историю борьбы личности за возвращение мира описывает известный психолог А.Р. Лурия в своей небольшой книге «Потерянный и возвращенный мир». Герой этой книги, построенной на дневниковых записях, лейтенант Засецкий, у которого вследствие вызванного ранением массивного поражения левой теменно-затылочной области мозга возникли глубокие нарушения речи и памяти: «В результате ранения я все забыл, чему когда-то учился и что когда-то знал... Я все забыл и после ранения сызнова начал расти и развиваться до некоторого момента, а затем вдруг мое развитие приостановилось и так находится в недоразвитом положении и до сего времени. Главное же недоразумение было в моей памяти: я забыл все на свете и теперь снова начинаю осознавать, запоминать, понимать уже той памятью, которой я пользовался еще в детстве...»[2] После ранения у Засецкого нарушилось узнавание вещей, возникло ощущение потери правой по-

[1] *Пруст М.* По направлению к Свану. М., 1973. С. 35—36.
[2] *Лурия А.Р.* Потерянный и возвращенный мир. М., 1971. С. 12.

ловины тела, расстроилось понимание значений слов, распались трудовые навыки. Ему пришлось заново учиться чтению, вспоминать буквы. Засецкий, по его словам, начал жить в беспамятном мире. «Но вот удивительный результат ранения, — продолжает А.Р. Лурия, — оно полностью пощадило мир его переживаний, мир его творческого энтузиазма, оно оставило полностью сохранным его личность, личность человека, гражданина, борца!»[3]

В своем *воображении* Засецкий представляет себя то знатным хирургом, то крупным инженером, то няней, ухаживающей за больными бойцами. Через воображение он создает взамен утраченного беспамятного мира прошлого новые будущие миры, в которых все вновь и вновь находит себя, делает себя личностью. Эти факты говорят о том, что проявления личности несводимы к ее прошлому опыту или знаниям. Вместе с тем воспоминание помогает человеку, утратившему ориентацию в мире в поисках собственного «Я». Становится очевидным, что и *вопрос о том, относятся ли проявления прошлого опыта к феноменам личности или нет, не может быть решен вне той или иной системы координат изучения личности.*

Личность и мотивация. Влечения, потребности, установки, стремления и желания человека — вот, казалось бы, самый проверенный материал для того, чтобы заставить статую личности двигаться и действовать. Нередко говорят, что *каждый человек видит в мире то, что он хочет увидеть, принимает желаемое за действительное.* Дон Кихот, стремящийся встретиться с великанами, принимает за великанов ветряные мельницы и нападает на них. Африканец, оказавшись во власти сформированных в его жизни установок, в день приезда в Лондон ошибочно думает, что все полицейские дружественно настроены по отношению к нему, так как принимает знак остановки транспорта — правую руку полицейского, поднятую ладонью вверх навстречу движущемуся транспорту, — за теплое приветствие. Потребности и установки человека определяют избирательность восприятия и мышления, пристрастность процесса познания мира, давая о себе

[3] *Там же.* С. 118.

знать, когда их влияние на действительность становится слишком заметным.

Психологи одного направления, известного в психологии под названием «New Look» («Новый взгляд»), охарактеризовали потребности, установки и желания как «личностные факторы» познания и попытались через изучение влияния этих личностных факторов на познавательные процессы человека судить об его личности[4]. Например, представители «New Look» провели следующий весьма иллюстративный эксперимент, убедительно демонстрирующий роль личностных факторов в процессе познания. Они попросили детей нарисовать изображение Санта-Клауса (5 декабря, 21 декабря, 31 декабря. Оказалось, что чем ближе был праздник, тем больше места на карточке занимал Санта-Клаус, тем больше набухал мешок с подарками у него за плечами. После встречи с Санта-Клаусом его изображение на карточке резко уменьшилось (рис. 1).

Путь, предложенный представителями «New Look» для строительства личности, заманчив. Потребности и установки человека — факторы, детерминирующие избирательность восприятия мира, направленность поведения человека. Но и этот путь, реально показывающий теснейшую связь мотивационно-потребностной сферы человека с познавательными процессами, не приводит к ответу на вопрос, что такое личность. Потребность в безопасности, потребность в комфорте, потребность в сексе, потребность в любви, потребность в познании, потребность в самовыражении. Список потребностей и влечений разнообразен. Исследователи, перечисляя одну за другой потребности личности, узнают лишь сами эти потребности, а не личность человека. Представление о личности превращается в по-разному сконструированную модель нужд человека, а сама личность сводится исключительно к коллекции нужд, потребностей и влечений.

Личность, цели и ценности. «*Каждый человек стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет*», — метко заметил в свое время Марк Аврелий. Ценности, ради ко-

---

[4] См.: *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.

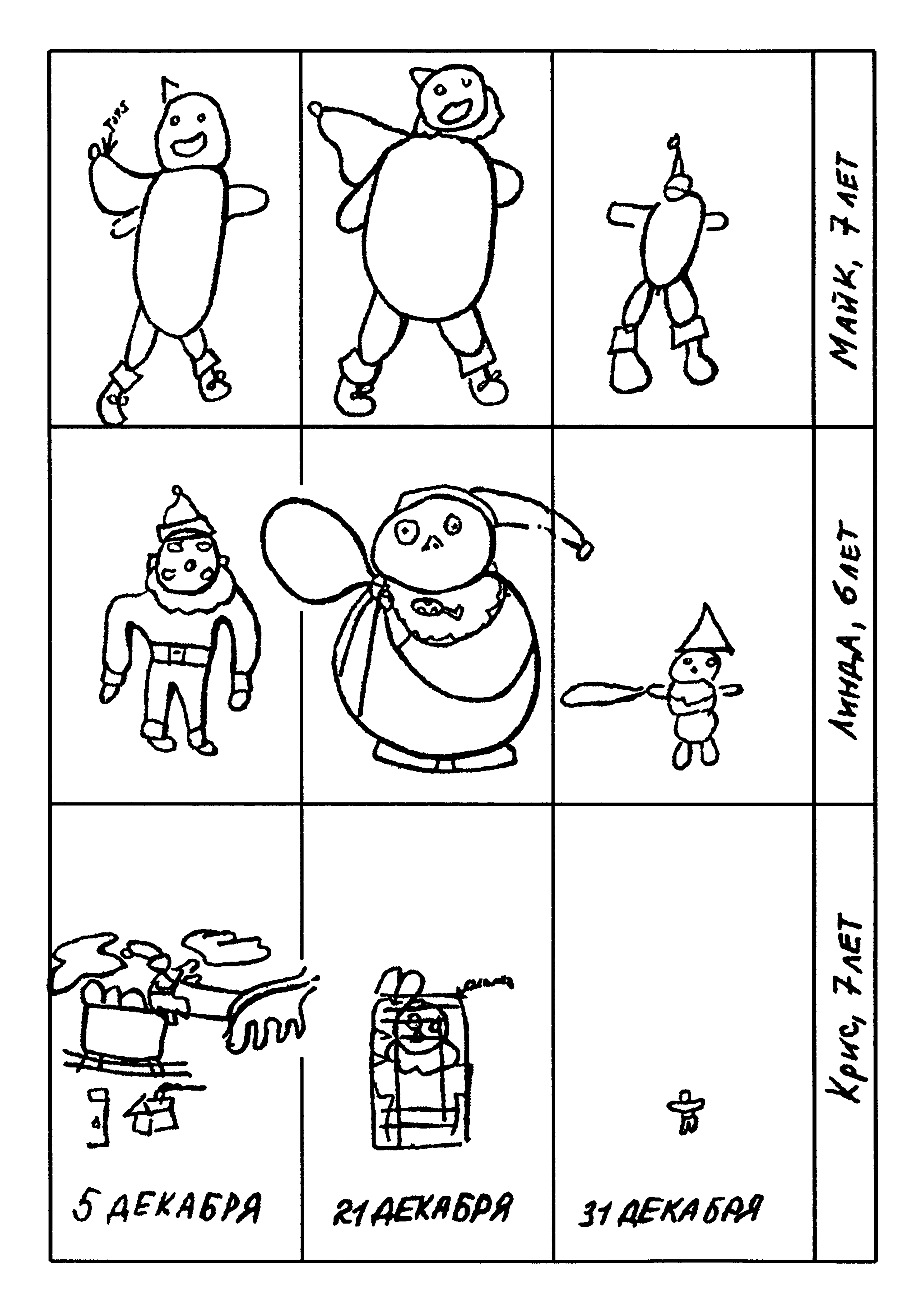

Рис. 1. Влияние желаемого события на изображение детьми Санта-Клауса по мере приближения Рождества (по данным *С. Соллея и Дж. Хайга*, 1957)

торых живет человек, цели, к которым он стремится, действительно входят в пространство феноменов психологии личности. Однако и они сами по себе не являются той силой, которая заставит ожить статую личности. Почему древнегреческий философ Сократ предпочел остаться в темнице и выпить чашу с ядом, а не воспользовался возможностью бежать и покинуть Афины? Сократ остался в темнице, потому что в противном случае вся предшествующая жизнь для него обесценилась бы, утратила смысл. Но если бы Сократ совершил побег, то разве за этим поступком не стояла бы пусть иная, но придающая смысл его существованию ценность? *Ценность определяет выбор поступка личности, но что определяет выбор ценности?* Анализ самих по себе целей и ценностей, их влияние на жизнь человека оставляют и этот вопрос без ответа.

Личность, язык и речь. «*Каков человек, таковы его речи*», — гласит старое латинское изречение. Оно может служить преддверием к стремительно развивающемуся циклу исследований проявлений национальных обычаев и традиций в языке различных народов, связи языка с индивидуальным сознанием личности и продуктами творчества[5]. Язык во многом определяет видение мира. Связь языка с личностью столь органична, что в лингвистике вводятся и развиваются представления о «языковой личности» (*В.В. Виноградов*, *Ю.Н. Караулов*). Быть может, достаточно наделить статую языком, и она, действительно, не только заговорит, но и расскажет, что же такое личность. Ведь неслучайно в языке многие исследователи пытались увидеть самое существенное отличие человека от животных. Однако, сколь бы ни преклонялись исследователи перед той ролью, которую выполняет язык в жизни человека, они, застывая порой перед листом белой бумаги, знают, как трудно воплотить мысли в словах. «Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем

---

[5] См.: *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987; Этнопсихолингвистика / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. М., 1988.

слов... Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей меры нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее "почему" в анализе мышления. Если мы сравнили выше мысль с нависшим облаком, то мотивацию мысли мы должны были бы... уподобить ветру, приводящему в движение облака»[6]. Без языка любое описание сознания личности было бы обедненным, но не язык рождает сознание, не в языке лежит ключ к пониманию причин действий и поступков личности, к пониманию ее жизни.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

И латинское изречение, содержащее совет по языку судить о человеке, и строки Ф.И. Тютчева о том, что «мысль изреченная есть ложь», как бы вступают в спор друг с другом, показывая всю неоднозначность решения вопроса о месте языка в жизни личности.

Личность и черты характера. Не исключено, что первичным материалом для строительства статуи личности могут стать *слова, описывающие* проявления поведения личности, *черты ее характера.* Когда о человеке спрашивают: «Какой он?», то в ответ слышат: «добросердечный», «открытый», «эмоциональный», «злобный», «холодный», «беспечный», «эгоистичный», «вспыльчивый», «общительный», «дружелюбный», «покладистый» и т.д. Эти слова обозначают самые различные черты *личности*, зафиксированные в языке. Иногда эти слова обозначают термином «дескрипторы» (описатели). Список обозначений черт личности в языке огромен. В одном английском языке насчитывают около 17 000 слов, характеризующих проявления личности. Со словесного портрета часто начинают первое знакомство с человеком. Так, в клинических характеристиках аномального поведения личности, являющихся исторически одним из самых ранних

[6] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 356—357.

свидетельств зарождения интереса к проблеме личности в конкретной науке, присутствует обширная феноменология описания расстройств личности. Однако эти описания преимущественно фиксируют поверхностные проявления личности, нередко полностью совпадающие с чисто житейскими наблюдениями.

Л.С. Выготский приводит случай подмены житейским описанием более глубоких причин поведения личности, с которым он столкнулся в практике консультирования трудновоспитуемого ребенка. Мать, приведшая своего восьмилетнего сына на консультацию к психиатру, рассказала, что ее ребенок испытывает приступы вспыльчивости, аффекта, гнева, злобы, опасен для окружающих. В этом состоянии он может запустить камнем в другого ребенка, даже наброситься на него с ножом. «Расспросив мать, мы отпустили ее, — пишет Л.С.Выготский, — посовещались между собой и снова позвали ее для того, чтобы сообщить ей результаты нашего обсуждения. “Ваш ребенок, — сказал психиатр, — эпилептоид”. Мать насторожилась и стала внимательно слушать. “Это что же значит?” — спросила она. “Это значит, — разъяснил ей психиатр, — что мальчик злобный, раздражительный, вспыльчивый, когда рассердится, сам себя не помнит, может быть опасен для окружающих, может запустить камнем в детей и т.д.”. Разочарованная мать возразила: “Все это я сама вам только что рассказала”»[7]. *Психология личности, довольствующаяся описанием, всегда рискует вместо помощи человеку вернуть ему его же рассказ о себе самом.*

Безусловно, анализ черт личности, зафиксированный в языке, необходим при изучении проявлений личности. Однако даже при самой тонкой статистической обработке различных дескрипторов при диагностике личности не следует забывать, что источник этого набора черт — самоописание или внешнее наблюдение. Известный публицист Е.М. Богат, автор цикла книг о проблемах нравственности человека, писал, что после обработки текстов его книг на ЭВМ в этих текстах были выявлены наиболее

[7] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1982. С. 258.

часто употребляемые термины: сострадание (233 раза), удивление (145 раз), сопереживание (84 раза), восхищение (79 раз), волнение (25 раз), а также с высокой частотой используемые термины «чудо», «кощунство», «святыня». На основе данного набора терминов одним специалистом было сделано заключение о личности автора: «Вы верите в Бога, хотя и скрываете это». Публицист отнесся к этому диагнозу его личности как к грустному курьезу. Черты личности, зафиксированные в терминах языка, в текстах книг, дают какое-то представление о личности. Но можно ли, исходя из набора таких черт, построить портрет личности, прогнозировать ее действия и поступки? Любой ответ на подобный вопрос вновь будет лишен смысла, так как система координат изучения многообразных проявлений личности не очерчена.

Личность и социальные роли. Другой возможный материал для построения статуи личности — социальные роли человека. Роль студента, роль учителя, роль врача, роль инженера... Каждая из социальных ролей связана с определенной функцией, которую человек, принимая роль, начинает исполнять в жизни.

...Весь мир — театр.
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы.
И каждый не одну играет роль.

Если поверить У. Шекспиру, то все люди — актеры в театре жизни, каждый из которых в своей судьбе играет разные роли. Тогда дело остается за малым: перечислить репертуар всех ролей, сыгранных в жизни человека, признать мир театром — и статуя личности построена. Но опыт обыденной жизни подсказывает, что и путь строительства статуи личности через перечисление самого полного репертуара ролей теряет в личности что-то существенное, несводимое к исполняемым ею ролям.

Если спросить человека на улице, кто он, то он может ответить «студент», «артист», «пионер», «психолог», «спортсмен», «солдат» и т.п., то есть назовет одну из выполняемых им социальных ролей. По названной социальной роли можно узнать, что стоящий перед нами юноша,

например, «студент», но означает ли это, что мы *знаем, кто* этот юноша.

Представление о «социальной роли» в обыденном сознании постоянно соседствует с образами «маски», фасада, за которыми скрывается подлинная натура человека. Ф.М. Достоевский писал о «подпольном человеке», который в каждой личности пытается прорваться наружу. «Все-то дело человеческое, кажется, действительно, в том только состоит, чтобы человек поминутно доказывал себе, что он — человек, а не штифтик»[8], не безличная функция в технологии того или иного процесса жизни. Спор «человека из подполья» с «ролевым человеком», их непрекращающийся диалог в жизни каждой личности — весомое доказательство существования обеих этих ипостасей человеческого бытия. За социальными ролями стоит вполне ощутимая реальность. И вопрос о месте этой реальности в спектре феноменов личности вновь наталкивается на барьер незнания системы координат исследования личности в человекознании.

Личность и поведение. Реакции, действия, поступки, поведение, деятельность человека — еще одно из возможных оснований построения статуи личности. Очевидная истина заключается в том, что в жизни о человеке прежде всего судят по его делам, в том числе и по продуктам его творчества. «*Скажи мне, что ты сделал, и я скажу тебе, кто ты*» — неписаная формула оценки личности в повседневной жизни. Путь к личности через изучение разных проявлений поведения человека, его поступков в тех или иных ситуациях нравственного выбора представляется столь естественным, что его избирают не только умудренные житейским опытом практики человеческого общения, писатели и художники, но и психологи самых различных течений. Тем не менее и на этом пути строителя статуи личности поджидают серьезные затруднения.

Где кончается действие и начинается поступок, с помощью какой лакмусовой бумажки удается отличить при-

[8] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М., 1973. С. 113.

способленчество от деяния? Внешне одно и то же движение может оказаться и действием, и поступком, и даже деянием. Например, банальное движение — «отвинчивание гайки» — может оказаться поступком, изменяющим судьбу человека, причем сам человек совершенно не будет осознавать последствий этого движения. В рассказе А.П. Чехова «Злоумышленник» герой был задержан за то, что отвинчивал гайку с железнодорожных рельсов. Судебный следователь так описывает это событие обвиняемому:

«...Сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на сто сорок первой версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам... так ли это было?..

— Знамо, было...

— Для чего же тебе понадобилась эта гайка?

— Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем...

— Но для грузила ты мог взять свинец, пулю... гвоздик какой-нибудь...

— Свинец на дороге не найдешь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки не найтить... И тяжелая, и дыра есть.

— Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведет это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельс, людей бы убило! Ты людей убил бы!

— Избави господи, ваше благородие! Зачем убивать? Нешто мы некрещеные или злодеи какие? Слава те господа, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было...»[9]

Итак, отвинчивание гайки — обычный трудовой *навык, действие* с целью изготовить грузило для рыбной ловли, *противоправное деяние*, влекущее за собой гибель людей и строго караемое законом.

Во всех случаях перед наблюдателем внешне представлен один и тот же поведенческий акт человека. И следователь, и «злоумышленник» одинаково описывают внешнюю ситуацию, в которой герой рассказа отвинчивает эту гайку. Однако «злоумышленник» искренне не понимает, за что его судят, а следователь видит перед собой преступ-

[9] *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М., 1961. С. 180—181.

ника, который не вчера родился и должен отвечать перед законом за свои дела.

Личность и самосознание. Иногда в психологии личность определяют как человека, наделенного сознанием. Сознание, а тем более самосознание человека, осознание им своего «Я» — существеннейшие проявления личности. В чеховском рассказе отчетливо выступает как *несводимость мира личности к самосознанию*, так и трудность через самоотчет человека узнать, стоит ли за поведенческим актом действие или поступок. «Злоумышленник» не осознает последствий своего поведения, несмотря на все усилия следователя раскрыть ему смысл его действий. Факты проявления поведения — от реакций до деяний личности — вне общей системы представлений о человеке столь же неопределенны и многозначны, как и любые описанные ранее феномены.

Личность, талант и творчество. И наконец, в обыденном сознании феномены личности прочно связываются со способностями и неординарностью интеллекта, одаренностью и талантом. Именно оценивая самостоятельность, твердость решений человека, его творческий потенциал, о нем с уважением говорят: «Вот это личность!» Порой между «личностью» и «талантом» прямо ставится знак тождества. Если принять эти феномены за единственно подлинные и сокровенные проявления личности, то строителю статуи личности прежде всего надлежит наделить ее талантом и дать неограниченную свободу творчества. Но вот эпизод из драмы А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»:

Сальери	Что ты мне принес?
Моцарт	Нет — так; безделицу <...>
	(Играет.)
Сальери	Ты с этим шел ко мне И мог остановиться у трактира И слушать скрыпача слепого! — Боже! Ты, Моцарт, недостоин сам себя[10].

[10] *Пушкин А.С.* Сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1986. С. 444—445.

А.С. Пушкин устами Сальери резко разводит «талант» человека и его «Я». Моцарт как «личность», по мнению Сальери, недостоин такого великого дара, каким является его «талант». Естественно, что без исследования феноменов творчества, таланта психология личности утратит важные особенности существования личности, а статуя личности не оживет. И тем не менее *сведение личности к творчеству или таланту — это опять же важная, но «одномерная» характеристика личности.*

* * *

Таким образом, знакомство с различными проявлениями личности показывает, что на пути создания картины представлений о личности из мозаики разных феноменов вырастают всевозможные трудности. Каждый из этих феноменов, взятый сам по себе и отнесенный к изолированно существующему человеку, не может быть квалифицирован как явление, относящееся к области изучения психологии личности.

Во многом по этой причине психология личности оказалась расчлененной на психологию мотивации, психологию эмоций, психологию воли, психологию индивидуальных различий, которые часто исследуются и преподаются независимо друг от друга. Кроме того, разные проявления личности в зависимости от позиции исследователя принимаются за основной материал, из которого строится психология личности.

Так, *влечения, потребности, мотивы и ценности наиболее детально анализируются в таких направлениях психологии, как психоанализ и гуманистическая психология; факты внешнего поведения преимущественно изучаются в разных вариантах бихевиоризма; в области исследования знаний и убеждений личности уверенно чувствует себя когнитивная психология.* Иными словами, *позиция исследователя определяет выбор фактов, расцениваемых как проявления личности, и выбор методик исследования этих проявлений.*

От методологической установки ученого вообще зависит признание того, существует некоторое явление как факт или же оно плод воображения самого исследователя.

Л.С. Выготский отмечает, что «психоанализ, бихевиоризм и субъективная психология оперируют не только разными понятиями, но и разными фактами. Так, несомненно, реальные общеизвестные факты, как эдипов комплекс психоаналитиков (неосознанное сексуальное влечение мальчика к матери и двойственное отношение к отцу. — *А.А.*), просто не существуют для других психологов, для многих это самая дикая фантазия. Для В. Штерна... психоаналитические толкования, столь же обыденные в школе З. Фрейда и столь несомненные, как измерение температуры в госпитале, а значит, и факты, существование которых они утверждают, напоминают хиромантию и астрологию XVI в. Для Павлова утверждение, что собака вспомнила пищу при звонке, есть тоже не больше чем фантазия. Так же для интроспекциониста не существует факта мышечных движений в акте мышления, как то утверждает бихевиорист»[11]. То, что является бесспорным фактом и объектом многочисленных исследований для одних теорий личности, с порога отбрасывается представителями других подходов. Именно поэтому *перечисленные явления и факты иллюстрируют многогранность проявлений феноменологии личности и заставляют обратиться к вопросу, как изучать личность в психологии.*

Вопрос же о том, как, каким путем изучать личность в психологии, — это вопрос о методе в первоначальном значении этого слова, методе как пути познания. Решение этого вопроса лежит в сфере изучения возможностей приложения разных уровней методологии к психологии личности. Именно поэтому выявление места любого факта в жизни личности предполагает рассмотрение разных уровней методологии как системы координат, очерчивающих сферу изучения проявлений личности в психологии и раскрывающих связь психологии личности с другими областями социальных и естественных наук о человеке.

[11] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 299—300.

Глава 2
Проблема человека в философской картине мира

Функции философской методологии и человекознание

В качестве высшего уровня методологии науки выступает философская методология, задающая общую стратегию изучения принципов познания и построения категориального аппарата в социологии, истории, философии, этнографии, археологии, антропологии, культурологии, семиотике, биологии человека, — словом, в любой конкретной области человекознания, в том числе и в психологии.

Роль философской методологии изучения человека с развитием конкретных наук не уменьшается, а возрастает. Любая конкретная наука в зависимости от задач, стоящих перед ней, видит свой *объективно* существующий пласт проявлений человеческой жизни и по нему порой пытается составить представление о жизни в целом. Так, например, общая биология видит в человеке *организм*, обладающий рядом особенностей, сближающих человека с любыми другими проявлениями жизни на земле: обмен веществ, наличие генетической программы, передающейся из генерации в генерацию, и т.п. Биология человека ставит своей целью изучение специфических особенностей *индивида* как представителя вида Homo sapiens, обладающего рядом существенных отличий от любых других биологических видов.

Кибернетика — наука о системах и методах управления машинами, живыми организмами — изучает *человека как адаптивную саморегулирующуюся систему*, имеющую аналоги как в живой, так и в неживой природе.

Филология, исследующая, в частности, человека в античной трагедии, рассказывает о *герое*, не отягощенном бременем внутренних переживаний и сомнений, а совершающем поступки и деяния, предписанные судьбой. Если представить, что специалисты разных конкретных наук поставят своей общей целью выяснить, что же такое че-

ловек, то при всех их стараниях целостный, интегративный образ человека так и не возникнет. И дело здесь не только в различии языков науки и процедур исследования, характере задач, стоящих в разных отраслях человекознания. Основная трудность состоит в том, что в каждом объективно существующем предмете конкретной науки о человеке используются лишь элементы некоторого целого, которые иногда принимаются за само это целое: организм, биологический индивид, античный герой становятся опорными пунктами построения единого образа человека.

Между тем *задача междисциплинарного синтеза представлений о человеке* неизменно ставится в науке и вовсе не носит чисто абстрактного познавательного характера. Представители разных отраслей человекознания рано или поздно сталкиваются с необходимостью сотрудничества друг с другом. В одних случаях потребность в таком сотрудничестве очевидна: общая биология и кибернетика взаимно обогащают друг друга, описывая универсальные закономерности регуляции живых систем. В других случаях задача междисциплинарного синтеза — синтеза биологии и искусства — может показаться надуманной. Однако если вспомнить выдающегося флорентийского скульптора Микеланджело, с риском для жизни изучавшего анатомию человеческого организма, то поиск взаимосвязи биологии человека с искусством перестает казаться праздным любопытством.

Интегративную функцию в познании человека выполняет философская методология науки, которая выделяет *развитие человека в природе и обществе* как предмет философского познания.

Осознавая интегративную функцию философской методологии, основатели отечественной психологической науки — вначале Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн, а затем Б.Г. Ананьев, П.Я. Гальперин, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Б.М. Теплов, Д.Н. Узнадзе — предостерегали от методологической беспечности. При постановке общих вопросов психологии они выходили за рамки конкретной науки и поднимались на уровень философской методоло-

гии изучения личности, общения, деятельности, бессознательного, сознания, предмета психологии в целом. В качестве примеров можно привести труды Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» (1926), С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» (1973), А.Н. Леонтьева «Проблемы развития психики» (1957), «Деятельность. Сознание. Личность» (1975) и др.

В одной из последних работ Б.Г. Ананьева — «О проблемах современного человекознания» (1977) непосредственно говорится о том, что *решение проблемы человека требует выхода за границы психологии.* Он выделяет три особенности развития науки, свидетельствующие о зарождении человекознания: «Первой из них является превращение проблемы человека в общую проблему всей науки в целом, всех ее разделов, включая точные и технические науки. Вторая особенность заключается во все возрастающей дифференциации отдельных дисциплин и их дроблении на ряд более частных учений. Наконец, третья особенность современного научного развития характеризуется тенденцией к объединению различных наук, аспектов и методов исследования человека в различные комплексные системы, к построению синтетических характеристик человеческого развития.

Эти особенности связаны с возникновением новых научных дисциплин и соединением посредством их многих ранее далеких одна от другой областей естествознания и истории, гуманитарных наук и техники, медицины и педагогики»[12].

Встречное движение при изучении развития человека в природе и обществе представителей философской методологии и конкретно-научной методологии — обязательное условие прогресса человекознания. Однако такого рода встречное движение лишь тогда становится осмысленным и продуктивным, когда представители конкретных наук опираются на философскую методологию, признавая за ней функцию интегратора, архитектора при строитель-

[12] *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977. С. 6—7.

стве предмета науки и осуществлении междисциплинарных исследований, а философы не чураются новых открытий в конкретных науках и не подменяют движение идей движением слов.

В последнем случае философская методология науки соскальзывает в сферу *формальной логики*, начиная, например, устанавливать при изучении человека связи между понятиями «человек», «организм», «индивид», «*личность*», «*индивидуальность*» по произвольно взятым внешним признакам человека. При этом отчасти улавливается представление о реальных соотношениях, стоящих за этими понятиями проявлениях развития человека в природе и обществе. Тогда понятие «человек» становится самым широким по объему понятием, графически изображаемым большей окружностью. Понятие «организм» помещается рядом или внутри понятия «человек», выражая биологическое начало в человеке. Понятие «индивид» в зависимости от прибавления к нему эпитетов «биологический» или «социальный» отражает биологические или социально-ролевые характеристики отдельного неделимого представителя человеческого рода. За понятием «личность» сохраняется социальная характеристика человека. Через понятие «индивидуальность» передается представление о «биосоциальной» природе человека, отличающей одного человека от всех других членов человеческого общества. Подобная логика[13], перечисляющая набор внешних признаков человека и механически соединяющая содержание понятия «человек» путем сложения концентрических кругов разного объема понятий — «организма», «индивида», биологического плюс социального и т.п., создает иллюзию интеграции между науками и оказывается во власти стереотипного мышления. Тем самым она вступает в противоречие со второй функцией философской методологии — критико-конструктивной функцией (*Э.Г. Юдин*).

Критико-конструктивная функция философской методологии подвергает сомнению принятые в качестве акси-

[13] См. критику данного подхода: *Абишев К.* Человек. Индивид. Личность. Алма-Ата, 1978.

ом, исходных постулатов, предельных категорий достижения науки или мировоззрения определенного исторического периода, которые возводятся в ранг незыблемых, вечно существующих истин. *Эти истины, становящиеся фундаментом тех или иных научных учений и мировоззрений, часто превращаются в бытующие в культуре стереотипы, надсознательные установки, схематизмы сознания. Они объединяют сообщества ученых, которые руководствуются ими, переставая давать себе отчет в историко-культурном происхождении этих стереотипов.* И только когда развивающееся научное знание приводит к появлению различного рода парадоксов, внутренних противоречий, потока не укладывающихся в старые схемы фактов, в фокус внимания философской методологии попадают постулаты, тормозящие развитие науки.

Так, естественность системы Птолемея, утверждающей, что Солнце вращается вокруг Земли, привела к возведению данной системы в ранг мировоззрения и официальной идеологии. Факты, противоречащие этой системе, и прежде всего трудности при ее использовании в разных видах практики побудили Коперника подвергнуть сомнению сам фундамент птолемеевской системы и лишить Землю положения центра Вселенной.

История психологической науки в этом плане не составляет исключения. В традиционной психологии накопленные новые факты, в частности проявления активности человека, его неосознаваемых влечений, вступили в противоречие с *постулатом непосредственности*, согласно которому объективная действительность непосредственно воздействует на психику субъекта и однозначно определяет возникающие вслед за этим воздействием проявления его психики и поведения. Постулат непосредственности был введен Д.Н. Узнадзе в ходе анализа интроспективной психологии сознания и бихевиоризма. *В основе постулата непосредственности лежит присущая механистическому детерминизму двучленная схема анализа психики: воздействие на рецептирующие системы субъекта — ответные явления (субъективные или объективные), вызванные данным воздействием. Наиболее явно постулат непосредственности был*

выражен в центральной схеме бихевиоризма «стимул — реакция». Принятие постулата непосредственности приводит к тому, что активность субъекта либо выпадает из поля зрения психологов указанных направлений, либо объясняется вмешательством особых субъективных факторов, разных проявлений таинственного личностного начала.

Постулат непосредственности и представлял собой надсознательную установку мышления (*М.Г. Ярошевский*), которая была характерна для мышления естественных наук, в частности для классической физики и традиционной физиологии. Признание схемы механистического детерминизма — постулата непосредственности — определило то, что представители традиционной психологии, ориентированные в своих исследованиях на переживания отдельного индивида или факты поведения, резко обособили сферу психологической реальности от действительности и оказались либо в замкнутом круге сознания, либо в замкнутом круге поведения. В обоих вариантах человек оказывался изолированным от мира. Только пересмотр исходных надсознательных установок научного мышления психологии мог устранить те препятствия, которые встали на ее пути. Такой пересмотр возможен лишь при выходе за границы эмпирических фактов и специальных проблем конкретной науки и обращении к анализу ее методологических оснований, к философской методологии науки.

Критико-конструктивная функция философской методологии сыграла серьезную роль в исследовании развития человека, разрушив «методологический изоляционизм» в познании человека и поставив в центр человекознания *развитие бытия человека в мире.*

Третья функция философской методологии — *мировоззренческая нормативно-аксиологическая функция* (*Э.Г. Юдин*). Она заключается в этической оценке общенаучных и конкретно-научных построений и создании тех идеалов и ценностных норм, которым должен соответствовать образ человека в научной картине мира.

При игнорировании мировоззренческой функции философской методологии в конкретных науках начинают

складываться свои образы «плохого» или «хорошего» человека, принимаемые за естественные свойства его природы. Так, американский психолог Э. Стауб, например, предваряет исследование личности обсуждением допущений, является ли человек по своей природе изначально «хорошим» или «плохим». Он указывает на разноголосицу мнений по этому вопросы.

Например, Сократ считал, что человек потенциально совершенен и через самопознание может прийти к скрытому в его природе доброму началу. Некоторые философы прошлого полагали, что человек изначально альтруистичен, то есть он сразу рождается «хорошим». Современные представители гуманистической психологии А. Маслоу и К. Роджерс допускают, что человек по природе «добр», а психотерапия должна помочь более полному раскрытию доброго начала, спрятанного в недрах человека, стремления к любви и творчеству, принятию других людей.

Психологи других направлений, например основатель психоанализа З. Фрейд, придерживались допущения, что человек изначально агрессивен и эгоистичен, а общество обуздывает его эгоистические порывы. Иными словами, человек от природы «плох». Между тем принять ту или иную точку зрения, по мнению Э. Стауба, не позволяет равное количество фактов, свидетельствующих как о проявлениях агрессии, так и о доброжелательности в самом раннем детском возрасте.

Иной подход к «плохой» или «хорошей» природе человека принадлежит Э. Staубу, стоящему на позициях социально-бихевиористской концепции обмена социолога и социального психолога Дж. Хоманса. В соответствии с этой концепцией человек в социальной группе блюдет свой интерес: если за его дела ему платят добром, в обмен за это он «добр»; если же он не имеет никакой ощутимой прибыли, то он скорее будет в подобной ситуации «плох», чем «хорош». Иными словами, человек по своей природе обладает различными потенциалами, которые под влиянием среды выливаются в эгоистическое или альтруистическое поведение.

Критика нормативно-оценочного определения личности. Подобные рассуждения служат примером *подме-*

ны в психологии изучения личности сугубо нормативно-оценочными понятиями, исходящими из определенного идеала. Своим естественным истоком нормативно-оценочное определение личности имеет употребление термина «личность» в повседневной жизни, где назвать того или иного человека личностью, по сути, часто означает оценить его как нечто исключительное, выдающееся. И в этом есть своя правда и свой предмет исследования для таких отраслей философии, как, например, этика. Но ***когда нормативно-оценочная характеристика личности проникает из обыденного сознания в психологическое исследование механизмов развития и функционирования личности, она приводит к искажениям представлений о человеке.*** Например, полученные в психофизиологии индивидуальных различий данные о том, что человек может обладать сильным или слабым типом нервной системы, интерпретируются порой как положительная или отрицательная характеристика данного человека; наличие у человека тех или иных защитных психологических механизмов, срабатывающих в травмирующей ситуации, расценивается как проявления «слабой» личности; феномены конформного, подчиняющегося мнениям социальной группы, или нонконформного поведения личности в группе, иногда сами по себе оцениваются как «хорошие» или «плохие» качества личности. Известны даже случаи, когда в педагогических исследованиях в баллах, как в метрах или килограммах, измерялась степень выраженности патриотизма как черты личности ученика старших классов. Такого рода ситуации представляют собой грустный, а порой и трагический пример ***недопустимого смешения оценочных характеристик человека с изучением индивидуальности в той или иной конкретной науке.***

Если исследователь не отдает себе отчета в том, на каком уровне методологии науки он работает, путает общефилософские положения о человеке с конкретными характеристиками человека, то он рискует начать измерять патриотизм и убежденность личности в тех же единицах, что вес и рост индивида. ***Во всех этих случаях смешиваются идеальные нормативы, моральные эталоны,***

которым должна следовать личность в обществе, и психологические механизмы, обеспечивающие усвоение и функционирование этих эталонов в реальном поведении личности. В результате подобного наделения «оценочными» характеристиками механизмов развития и функционирования личности в обществе заслоняется их конкретное значение, происходит приписывание «хороших» или «плохих» качеств самой естественной природе человека.

Мировоззренческая ценностно-нормативная функция философской методологии обладает чрезвычайной важностью, так как создание того или иного образа человека в культуре — это действенный инструмент формирования личности человека. *Образ человека, которым осознанно или неосознанно пользуется исследователь, влияет на всю его практику работы с человеком и в ряде случаев на реальную подстройку личности под этот образ.* В тех случаях, когда конкретная наука — биология, психология, социология, экономика — создает этот образ на своем уровне, представители данных наук всегда должны осознавать, что «образ человека», как джин, выпущенный из бутылки, может перестать слушаться хозяина, подняться на уровень мировоззрения и официальной идеологии, стать нормативным каноном, а затем начать вести свою работу, творя людей по своему подобию.

Науки о человеке, выйдя за пределы лабораторий, оказались заселенными образами «человека-робота», «человека-компьютера», «Homo-gamen» («человека-игрока»), «Homo-consument» («человека-потребителя») и т.п. Один из создателей общей теории систем Л. фон Берталанфи с горечью отмечает, что образ «человека-робота» уже в значительной степени привел к тому, что человек стал «умственно недоразвитым идиотом, то есть высококвалифицированным в своей специальности, но во всех других отношениях составляющим собой лишь часть машины»[14]. Аналогично обстоит ситуация и с новой меж-

---

[14] Цит. по: *Лейбин В.М.* Системные исследования и символическая концепция человека // Системные исследования. М., 1985.

дисциплинарной наукой — социобиологией, изучающей биологические основы социального поведения человека и приводящей к пониманию человека как адаптивного, приспосабливающегося существа. Социобиологи обнаруживают новые яркие факты поведения животных, в том числе и человека, в биологических сообществах. Однако интерпретация этих фактов приводит социобиологов опять-таки к приписыванию агрессии, альтруизма самой натуре человека, «биологизации» общественно-исторических закономерностей, а впоследствии к возникновению социального биологизма как мировоззрения[15].

Образы человека в психологии. В психологии в течение многих лет сформировалось несколько образов человека.

Один из этих образов — «*человек ощущающий*», то есть пассивно воспринимающий мир, некая разумная машина по переработке и потреблению информации. Этот образ рационального человека сложился в интроспективной психологии сознания в прошлом веке. Недавно он был воспроизведен в новом обличии в когнитивной психологии, которая, пользуясь компьютерной метафорой, рассматривает человека как вычислительное устройство по приему и переработке информации.

Другой образ человека — «*человека как вместилища нужд, инстинктов, потребностей*» — возник под влиянием идей психоанализа З. Фрейда. В известном смысле человек, по З. Фрейду, — это «*человек нуждающийся*», который много хочет, но мало может. Многие теории личности, принимали они психоанализ или же отвергали его, исходили в своих представлениях о личности из обяраза «человека нуждающегося», выводя психологические закономерности из исследований динамики реализации и удовлетворения различных потребностей и мотивов. Так, *гуманистическая психология, которую ее основатель А. Маслоу назвал «третьим путем» в психологической науке*, задав тем самым оппозицию психоанализу и бихевиоризму, не смогла уйти от образа «человека нуж-

[15] См.: *Фролов И.Т.* Перспективы человека. М., 1983.

дающегося», человека как иерархии нужд, потребностей и мотивов.

Еще один образ человека — «*человек как система реакций*», «*человек реагирующий*». Этот образ оправдывался рефлексологическими исследованиями В.М. Бехтерева, работами по физиологии высшей нервной деятельности школы И.П. Павлова и «поведенческой психологией», или бихевиоризмом, Дж. Уотсона. При внешнем отличии «*человек реагирующий» в бихевиоризме и запрограммированный «ролевой человек» в социологии и социальной психологии по своей ценностно-нормативной характеристике фактически совпадают*. В обоих случаях речь идет о человеке-марионетке, послушно реагирующем на внешние стимулы или социальные приказы.

В русле отечественной психологии, и прежде всего в исследованиях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе, складывался образ «*человека-деятеля*», человека, порождаемого жизнью в обществе, стремящегося к достижению целей и отстаивающего своими делами определенный образ жизни.

Если исходно принимается образ «человека нуждающегося», то и практика действий с ним будет сведена к разным способам удовлетворения его потребностей и тем самым к формированию его личности как потребителя. *Если личность, по меткому выражению Л.С. Выготского, мыслится как «кожаный мешок с условными рефлексами», то воспитание личности сводится к удачному подбору стимулов и подкреплений, на которые будут послушно реагировать живые автоматы. Если же личность — пристрастное активное существо, порождаемое жизнью в обществе, стремящееся к достижению тех или иных идеалов и отстаивающее своими делами определенный образ жизни, то в центре практики воспитания личности станет организация совместной деятельности, сотрудничества между людьми*. Будучи вооружена философским мировоззрением, конкретная наука отдает себе отчет в том, из какого ценностного образа человека она исходит в своих исследованиях.

Бытие человека в мире — исходный пункт философской концепции человека

Все более последовательно «коперниканское» понимание человека, ищущее ключ к разгадке феномена личности в процессах развития и функционирования социальных систем, оттесняет «птолемеевское» понимание человека, которое в поисках специфики человеческой природы замыкается в кругу внутренних переживаний человека или под поверхностью кожи индивида.

Два принципиально различных пути изучения человека задают две разные системы координат при познании человеческой природы. *Центр птолемеевской системы отсчета в познании человека — изолированный индивид* (или индивиды плюс общество, индивиды плюс природа), который может быть наделен сознанием, потребностями, страстями, речью, социальными ролями, быть от природы «плохим» или «хорошим», обладать большей или меньшей степенью животности, заниматься самобичеванием в одиночестве или терять лицо в толпе и т.д.

Центр коперниканской деятельностной концепции анализа человека — бытие человека в мире, включающее естественно-исторический процесс становления человечества в ходе преобразования природы и общества, очеловечивание мира, поступки человека как автора и действующего лица своей жизненной драмы, восхождение в истории общества и истории каждого человека к свободной индивидуальности. Еще в «Немецкой идеологии», критикуя попытки объяснить сущность человека из самого себя, вывести ее из набора свойств, этико-антропологических характеристик отдельного индивида или общих для всех индивидов, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...что это вообще за “человек”, который рассматривается не в своей исторической деятельности и бытии, а может быть выведен из своей собственной ушной мочки или какого-либо иного признака, отличающего его от животных. Этот человек заключен в самом себе, как свой собственный на-

рыв»[16]. В ходе борьбы с философским антропоцентризмом также в разных формах звучала режущая слух обыденному сознанию мысль о том, где необходимо искать разгадку человеческой природы: «...человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — *это мир человека*...»[17]

Идеи о том, что центр изучения человека — это мир человека, что его социальная сущность заключена в ансамбле всех общественных отношений, вступили в противоречие с традиционной логикой понимания человека в обыденном сознании, а также с разными историческими и современными философскими течениями — философской антропологией, персонализмом, экзистенциализмом, позитивизмом, структурализмом и др.

Эти направления порой опираются в своих концепциях человека на родившийся в античные времена стереотип мышления, устойчивый схематизм сознания, представленный старой формулой «Познай самого себя». Как бы ни подкупала эта формула, она стала той надсознательной установкой мышления, которая нацелила на поиски сущности человека в психических внутренних переживаниях или биологических проявлениях. ***Формула «Познай самого себя» оказалась ловушкой, в которую попадали мыслители разных времен.*** Казалось бы, что может быть естественней поисков сущности человека в самом человеке. Это так же естественно и видно невооруженным глазом, как то, что Солнце ежедневно восходит и заходит, движется вокруг Земли.

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

(*А.С. Пушкин.* Движение)

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 516.
[17] *Там же.* Т. 1. С. 414.

Еще с большим упорством и ожесточением, чем гелиоцентрическая система Коперника и Галилия, обыденным разумом не принималась деятельностная мироцентрическая система понимания развития человека как истории его бытия в мире. Однако как геоцентрическая система рухнула под напором фактов, так и антропоцентрическая точка зрения на человека не может вырваться из сети опутавших ее реальных противоречий.

Задавая вопрос: «Что такое человек?», различные представители антропоцентрического взгляда как бы рассекают единое поле человеческой природы на два противоположных полюса — «объективизм» и «субъективизм» в понимании человека. Отсюда возникают парадоксы и противопоставления, за которыми реально стоят противоположности, одновременно отрицающие и предполагающие друг друга (*Г.С. Батищев, И.С. Кон*).

Человек оказывается «вещью среди вещей, частью природы или/и надприродным «единственным» духовным субъектом»; «животным и/или социальным существом»; «пассивным рабом обстоятельств и прошлого опыта, марионеткой социальной среды и/или активным, свободным творцом»; «родовым обезличенным носителем общественных отношений и/или самобытной несравнимой индивидуальностью». Эти же противоречия выступают в несколько иной форме при постановке вопросов: *«человек и/или природа», «человек и/или общество», «человек и/или мир», «общественное и/или индивидуальное» и т.д. Уже по самой постановке эти вопросы нацеливают на ответы по типу «да» или «нет» («да» — животное; «нет» — общественное существо и т.п.); на поиск решения этих вопросов либо только в мире (природе, социальной среде), либо только в самом противопоставленном миру человеке, либо, наконец, в механическом «включении» человека в мир, в обрастании его социальной средой.*

Последний компромиссный вариант ответа на указанные вопросы является наиболее распространенным. При этом нередко в философии, социологии и психологии пытаются дополнить «субъективную» и «объективную»

картину представлений о личности человека, совместить представление о личности как объекте и личности как субъекте социального процесса. Полученная в результате такого сложения двух изолированных реальностей картина остается «двоящимся изображением» (*В.Е. Кемеров*). «Следствием этого является обособленное рассмотрение личности как психики в психологии, как участника социального взаимодействия (изъятого из объективных отношений) — в социологии, как вещи и силы — в экономической науке и т.д. Происходит не просто выделение различных аспектов изучения личности как специальных объектов конкретных наук, естественное для развития теоретического познания, а обособление и даже фетишизация изолированных друг от друга сторон и свойств конкретного бытия личности. Это оборачивается теоретическим отчуждением ее предметного существования от ее психического мира, ее способностей — от ее потребностей, ее социальных ролей — от ее влечений и устремлений. Отдельные аспекты личностного бытия превращаются в независимые абстракции»[18].

В психологии «двоящееся изображение» человека стало одной из предпосылок распространенного разделения психологии на психологию личности и безличную психологию познавательных процессов. С разделением на естественнонаучное «объектное» описание человека и «субъектное» описание человека как неповторимой индивидуальности в психологии личности связано также восходящее к исследованиям немецкого философа В. Виндельбанда противопоставление *номотетических* естественных наук о природе и *идеографических* исторических наук о культуре. *Номотетические естественные науки изучают общее повторяемое типичное в различных явлениях, в то время как идеографические исторические науки имеют дело с неповторимыми явлениями, которые из-за своей исключительности в принципе не могут быть описаны с помощью тех или иных общих закономерностей.*

---

[18] *Кемеров В.Е.* Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977. С. 188.

Известный психолог Г. Олпорт заимствовал предложенное В. Виндельбандом разделение на идеографические и номотетические законы, предложив разграничивать законы, описывающие уникальные случаи поведения отдельной личности, и законы, позволяющие предсказывать типичное в поведении всех людей. Впоследствии это *разграничение номотетического и идеографического подходов при изучении личности оказало серьезное влияние на возникновение пропасти между психологией индивидуальных различий и психологией личности.*

С «двоящимся изображением» личности приходится сталкиваться не только методологам науки, но и практикам, имеющим дело с вопросами эффективного управления различного рода фирмами и корпорациями. Так, специалисты в области управления Т. Питерс и Р. Уоттермен замечают, что *рационалистический подход к человеку при управлении предприятиями малоэффективен, так как он слабо учитывает противоречия, присущие человеческой природе.* Они указывают, что человек, будучи продуктом своей среды, весьма чувствителен к поощрениям и наказаниям; но человеком движут сильные внутренние импульсы. Человек нуждается в учреждениях, которые помогут ему приобрести смысл жизни; вместе с тем он старается прослыть независимым и ему нужно ощущать себя хозяином своей судьбы. *Если та или иная компания хочет добиться успехов, то ей придется считаться с этими и многими другими противоречиями человеческой природы, учитывать рациональные типичные и иррациональные непредвиденные поступки личности.* Столь пристальное внимание Т. Питерса и Р. Уоттермена[19] к противоречиям в человеческой природе иллюстрирует то, что в выходе за рамки «двоящегося изображения» человека нуждаются не только философы, но и практики, пытающиеся учесть в своей работе межличностные отношения, ординарность и неординарность личности. Они в практике управления ощущают последствия, к которым приводит птолемеевская *антропоцен-*

---

[19] См.: *Питерс Т., Уоттермен Р.* В поисках эффективного управления. М., 1986.

трическая парадигма мышления о человеке, реально изучающая «человека вне мира» и «мир вне человека».

Не мир сам по себе, не человек сам по себе, а «мир человека», бытие человека в мире становятся основой исследования социально-деятельностной природы человеческого существования. *Понимание человека как «мира человека» коренным образом меняет лицо психологической науки.* Внешне психология оказывается как бы утратившей свои излюбленные проявления внутреннего мира субъективных переживаний. В действительности же она перестает быть той психологией, о которой с пренебрежением отзывался Ф.М. Достоевский, прося не называть его психологом, поскольку он является реалистом.

Психология, строящаяся на философском фундаменте, быть может, действительно утратит «лабораторные миры», населенные ощущениями, реакциями, блоками переработки информации. Взамен она приобретает нечто гораздо большее — «мир человека», станет той психологией, о которой К. Маркс писал: «...история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил*, чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с *сущностью* человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности, потому что, двигаясь в рамках отчуждения, люди усматривают действительность человеческих сущностных сил и *человеческую родовую деятельность* только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т.д. ...В *обыкновенной, материальной промышленности* (...вся человеческая деятельность была до сих пор трудом, то есть промышленностью, отчужденной от самой себя деятельностью) мы имеем перед собой под видом *чувственных, чужих, полезных предметов, под видом отчуждения, опредмеченные-сущностные силы* человека. Такая *психология*, для которой эта книга, то есть как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно со-

держательной и *реальной* наукой. Что вообще думать о такой науке, которая *высокомерно* абстрагируется от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты, когда все богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого, кроме того, что можно выразить одним термином "*потребность*", "*обыденная потребность*"?»[20]

Идея Маркса о психологии как непрочитанной книге произведенного человеком мира предвосхитила оценку психологии рядом известных ученых XX в. В.И. Вернадский непосредственно говорил о том, что в своем развитии человечество уже вступило и переживает *психозойскую* эру. В современной семиотике ведутся исследования *мира человека как смыслового пространства личности.* Историки, археологи и этнографы пытаются проникнуть в «мыслительные структуры» личности, строят картины мира человека других культур и эпох[21]. Представители всех этих наук так или иначе начинают обращаться к психологии, но именно к *психологии* «мира человека». Открытую книгу такой психологии могут прочесть историки, этнографы, социологи, археологи, антропологи, педагоги, сделавшие вместе с психологами бытие человека в мире точкой отсчета при изучении *развития* человека в природе и обществе.

Идеи о *мире человека как о потоке совокупных деятельностей* имеют ряд следствий для построения современной психологии личности.

Первое из этих следствий заключается в том, что *разгадка проблемы развития личности ищется в анализе самого богатства целенаправленных человеческих деятельностей в истории развития этих деятельностей в антропосоциогенезе, а не только в субъективных проявлениях сознания человека, его потребностях или же воздействиях на человека внешней среды.* Мир человека как целое «соединил в себе

---

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 123.

[21] Семиотика пространства и пространство семиотики // Труды по знаковым системам // Уч. зап. ТГУ. Вып. 720. Тарту, 1986; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984; *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983.

субъективные и объективные моменты деятельности, так что историческое обогащение его специфической, самобытной природы получает выражение в том, насколько он способен посредством деятельности *очеловечить* всю прочную природу. Человек тем более специфичен как человек, чем более *универсальна* его деятельность»[22].

Второе следствие изучения бытия, системы деятельностей человека в мире как опорного пункта понимания личности связано с такой характеристикой деятельности человека, как *ее творческий целеполагающий характер*. Через целеполагание, постановку различных задач и целей человек получает возможность не только творить мир, но и отыскивать смысл своего существования, воплощать смысл жизни в процессе реализации сущностных сил посредством предметной деятельности.

Тем самым *через изучение составляющих специфику человеческой деятельности процессов целеполагания психология личности сумеет получить доступ к пониманию того, ради чего живет и действует человек*[23]. Важно при этом избежать нередко встречающегося в философии и психологии растворения целеполагания с актами удовлетворения различных нужд и потребностей.

Третье следствие для понимания психологии личности — это недвусмысленное критическое отношение к той психологии, которая видит мир человека под углом внешней полезности и довольствуется указаниями на необходимость удовлетворения потребностей при объяснении всего богатства человеческой деятельности.

Впоследствии в XX в. к сходным мыслям пришел основатель *экзистенциальной психологии В. Франкл*, развивая представления о недопустимости вырывания человека из мира, превращения человека в изолированный духовный атом, «монаду», а действительности — в скопище полез-

---

[22] *Иванов В.П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977. С. 44.

[23] См.: *Ведин И.Ф.* Бытие человека: деятельность и смысл. Рига, 1987; *Ватин И.В.* Человеческая субъективность. Ростов, 1984.

ных вещей и нужных людей, средств удовлетворения потребностей. Выступая с критикой психоанализа, В. Франкл доказывал, что в действительности, являющейся только средством удовлетворения, разрядки потребностей, не остается места для преданности делу ради дела или же соучастия в делах другого ради другого. Вещи и люди в таком мире не имеют ценности, а обладают только полезностью для человека. Другой исследователь, *родоначальник гуманистического психоанализа Э. Фромм*, проводя различение между бытием и обладанием, замечает: *цель человека быть многим, а не обладать многим*[24].

При анализе представлений о развитии бытия человека в мире следует иметь в виду особый смысл категории «быть». Гегель отмечал, что *категория «быть» означает «быть в системе», «быть в другом»* и указывает на сущность определяемого явления или предмета, помогает раскрыть его содержание.

* * *

Итак, *философская методология выполняет интегративную, критико-конструктивную и мировоззренческую функции в человекознании.* Она помогает увидеть наиболее общие закономерности развития мышления о человеке в природе и обществе, присущие самым разным областям человекознания, и участвует в социальном конструировании идеала человека.

Благодаря философской методологии удается сделать первый шаг на пути решения вопроса *о методе*, о том, как изучать личность в психологии. Вместе с тем надо отчетливо осознавать, что *прямое наложение универсальных принципов на конкретную область изучения личности столь же недопустимо, как и стремление на уровне философской методологии найти готовые ответы, касающиеся психологии личности.* Нельзя, как отмечал Л.С. Выготский, в конкретной науке ограничиваться мировыми закономерностями, равно описывающими и космос, и землю, и психологические различия между людьми; нельзя смеши-

---

[24] См.: *Фромм Э.* Иметь или быть. М., 1986.

вать масштабы, меры, которыми описывается человек в философии и психологии.

Для того чтобы приблизится к видению человека в различных науках, необходимо перейти на воображаемой шкале *философской оптики* к иному масштабу и взглянуть на человека сквозь особую линзу, задаваемую системным историко-эволюционным подходом в человекознании.

Глава 3
Системный историко-эволюционный подход к изучению человека

Общая характеристика уровня системной методологии науки

Среди общенаучных принципов познания мира, выводящих за рамки построения картины действительности в конкретных дисциплинах, в том числе и в разных областях человекознания, все большее значение приобретает системный подход. Этот подход как средство познания *разнообразия* явлений природы и общества зарекомендовал себя во многих науках. К нему обращаются исследователи, когда возникает задача синтеза различных знаний, выражающих общее стремление исследователей к созданию целостной картины явления или процесса. По своему месту в иерархии уровней методологии науки системный подход выступает как связующее звено между философской методологией и методологией конкретных наук.

Подобное положение в иерархии уровней методологии науки в значительной степени определяет характер системного подхода, представления об истории его становления и те задачи, которые выдвигаются при разра-

ботке системного подхода к изучению природы и общества. Важным этапом в развитии системного подхода стали общая теория систем известного австрийского биолога Людвига фон Берталанфи, а также различные системные исследования в контексте кибернетики и теории информации (*Р.Л. Акофф, М.К. Мессарович, А. Раппопорт, У.Р. Эшби и др.*). Отличительная черта системного подхода в отечественной науке состоит в том, что объектом системного анализа прежде всего являются *развивающиеся системы* (*И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин*).

В 40-х гг. XX в. системный подход, прежде всего под влиянием общей теории систем Л. фон Берталанфи, выделился как особого рода *метатеория*, стал общенаучной методологией познания конкретных дисциплин.

Понятие «система» определяется как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность, единство (*В.Н. Садовский*).

В качестве общих характеристик «системы» в самых различных системных исследованиях фигурируют следующие:

1. *Целостность* — несводимость любой системы к сумме образующих ее частей и невыводимость из какой-либо части системы ее свойств как целого.

2. *Структурность* — связи и отношения элементов системы упорядочиваются в некоторую структуру, которая и определяет поведение системы в целом.

3. *Взаимосвязь* системы со средой, которая может иметь «закрытый» (не изменяющий среду и систему) или «открытый» (преобразующий среду и систему) характер.

4. *Иерархичность* — каждый компонент системы может рассматриваться как система, в которую входит другая система, то есть каждый компонент системы может быть одновременно и элементом (подсистемой) данной системы, и сам включать в себя другую систему.

5. *Множественность* описания — каждая система, являясь сложным объектом, в принципе не может быть сведена только к какой-то одной картине, одному отображению, что предполагает для полного описания системы сосуществования множества ее отображений.

Наряду с этими общими характеристиками любой системы выделяется и ряд более специфичных характеристик, например: *целеустремленность* сложных технических, живых и социальных систем, их *самоорганизация*, то есть способность менять свою собственную структуру, и т.п.

В своем развитии системный подход не только изменяет стратегию исследований в конкретных науках, но и сам развивается с опорой на те или иные фундаментальные исследования в биологии, экономике, социологии, этнологии, культурологии, психологии и т.д. Для иллюстрации этого положения достаточно упомянуть, что общая теория систем первоначально вычленилась из биологии.

Для психологии многие общие положения системного подхода вовсе не являются откровением. Они уже давно найдены и органично вписались в различные психологические концепции. Например, в борьбе гетшальтпсихологов с представителями ассоциативной атомарной психологии и бихевиоризма выкристаллизовалась идея о *психических явлениях как целостностях, в контексте которых части неразрывно связываются друг с другом и приобретают новые, ранее им не присущие свойства* (*М. Вертхаймер*). Для «молярных» целостных концепций поведения в необихевиоризме характерна идея о конечном результате, *объективной цели* поведения человека и животных, превращающей поведение в целенаправленный целостный процесс (*Э. Толмен*). Непосредственно выражает в психологических исследованиях ориентацию системного подхода принцип анализа психики «по единицам», то есть анализ, сохраняющий свойства явлений как целого (*Л.С. Выготский*), положение об установке как целостной модификации личности (*Д.Н. Узнадзе*), единицах анализа целенаправленной деятельности как своего рода подсистем (*С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев*) и т.п.

Системный подход и концепции личности в психологии. С особой отчетливостью системные идеи выступили в различных концепциях личности. Начиная с 1920-х гг. термин «система» прочно обосновался в психологии личности и с тех пор не покидал ее никогда. Большинство исследо-

вателей личности солидаризировались в том, что адекватное понимание личности может быть достигнуто только при изучении человека как *целостности*. Трудно также отыскать таких представителей психологии личности, которые были бы полностью равнодушны к изучению вопроса о *взаимодействии индивида с внешней средой*. В целом ряде подходов к исследованию личности, прежде всего в *психоанализе* З. Фрейда, было выдвинуто положение об *иерархической* уровневой структуре личности. *Организмические концепции личности* (например, концепция известного невролога и психолога К. Гольдштейна) пытались обосновать тезис о *саморазвитии личности*, целостного организма как системы еще в начале 30-х гг. XX в. В известном смысле *разработка проблемы личности в психологии всегда имела позитивную направленность, выступая как антитеза «атомизма», раздробленности человека на отдельные кирпичики, «элементы» в традиционной психологии*.

После появления в 1940-х гг. общей теории систем Л. фон Берталанфи тенденция к системному рассмотрению человека в психологии личности стала более выраженной. Один из ведущих исследователей в психологии личности — Гордон Олпорт озаглавливает свою статью «*Открытая система в теории личности*» (1960). В этой статье Г. Олпорт рассматривает личность как открытую, взаимодействующую с действительностью систему, тем самым подчеркивая коренное отличие своего понимания системы от концепции К. Гольдштейна, который исходил из идеи относительно автономного развития организма, его «закрытости» в контактах с внешней средой. Акцент, который ставит Г. Олпорт в названии своей статьи на открытом характере личности как системы, символичен, так как иллюстрирует тот факт, что за самим термином «система» в психологии личности часто стоят радикально отличающиеся по содержанию, методам и философской методологии построения.

Если пропустить через воображаемый фильтр, настроенный на термин «система» и его формальные параметры («целостность», «структурность», «взаимодействие со средой», «иерархичность», «саморазвитие»), тексты различ-

ных известных исследователей по психологии личности, то в одном ряду оказались бы такие непохожие друг на друга концепции, как *психоанализ*, *организмические теории*, *динамическая концепция личности Курта Левина*, *персонология Генри Мюррея, теория самоактуализирующейся личности Абрахама Маслоу, персоналистская концепция личности Гордона Олпорта и т.п.* Общей чертой этих концепций является стремление представить личность как целостный объект, рассмотрение личности как системы. На признании этого положения сходство большинства психологических концепций личности завершается, и начинаются их многочисленные различия.

Из приведенного примера с использованием общих системных идей в психологии вытекает, что представления общей теории систем, хотя и дают возможность более явно выделить характеристики исследуемых ими объектов (целостность, организация связей внутри системы, иерархии уровней управления системой и т.п.), недостаточно эффективно выполняют собственно *методологическую функцию системного подхода — функцию поиска новых путей познания сложных целостных объектов и постановки новых проблем исследования.*

В связи с этим некоторые представители конкретных наук о природе, обществе и человеке, в том числе и психологии, не видят особой необходимости в обращении к методологии системного подхода. Причина этого порой заключается в том, что системный подход подменяется общей теорией систем, которая, как правило, оставляет за занавесью своих разработок принципы развития и историзма и ограничивается уже достигнутым в конкретных науках *«моносистемным» видением действительности.*

Биологи знают, что человек — целостный организм; психологи знают, что личность — целостная система; социологи знают, что общество — это система. Иными словами, представители каждой из конкретных наук являются обладателями «моносистемного» видения своих объектов, то есть видения их как целостных систем. Иной пласт видения человека открывается при использовании *полисистемного знания* (*В.П. Кузьмин*), *рассматривающего человека*

как «элемент», который живет одновременно многими мирами — миром семьи, миром этноса, миром класса, миром природы и общества. Такого рода системный подход прорывает границы специальных дисциплин и открывает новые возможности для развития современного человекознания, разработки представлений о закономерностях *исторической эволюции человека в природе и обществе.*

Человек и его место в различных системах

Облик целого комплекса наук, изучающих разные проявления человеческой жизни, меняется на глазах. «Робинзонада», господствовавшая долгое время в исследованиях человека и приведшая к *антропоцентризму* в понимании его природы, уступает свое место системной историко-эволюционной методологии человекознания. *Исходным положением, на которое опирается эта методология, является идея о том, что ключ к пониманию природы человека лежит не в нем самом как некотором телесном объекте, а в тех различных системах, в которых осуществляется его жизнь.*

В естественных науках наиболее концентрированное выражение эта идея нашла в фундаментальных исследованиях В.И. Вернадского, который последовательно отстаивал *представления о необходимости перехода от организменного уровня анализа биологических свойств человека к изучению человека в популяционно-видовом, биоценотическом и биосферном типах организации жизни, а социальных качеств человека — в системе ноосферы,* то есть созданной деятельностью творческой мысли человечества сфере разума. Положение системного подхода об анализе природы человека в ходе развития различных систем и идеи В.И. Вернадского с трудом прибивают себе дорогу в сознании представителей разных наук, встречая в виде препятствия взгляд на человека как на вполне автономный природный или социальный объект, как на вещь. Если человек рассматривается только через призму «моносистемного» видения действительности, то и в биологии, и в социологии, и в психологии он предстает как замкнутый мир, взаимодействующий с другими столь же независимыми мирами — средой, обществом, Вселенной.

Вследствие *антропоцентризма* мышление в науках о человеке оказывается заселенным бинарными оппозициями: «организм—среда», «личность—общество», «биологическое—социальное» и т.п. Незамысловатая операция, проделываемая «птолемеевской» логикой с мышлением исследователей, похожа на действие чудака, вырвавшего у себя самого глаз, чтобы разобраться в его устройстве, а затем, так и не узнав, для чего он нужен, пытающегося водворить его на место. Точно так же порой *в традиционной психологии индивид изымается из биологического вида «человек», личность — из общества, индивидуальность — из человеческого рода, а затем после досконального перечня индивидуальных различий с точностью до стотысячного знака (и даже без анализа вопроса о происхождении этих различий) индивида пытаются приставить к виду, личность вернуть в общество, через индивидуальность залатать возникший разрыв между биологическим и социальным мирами.*

В том случае, если человек рассматривается как «элемент» более широких порождающих систем, то открывается возможность использования приемов и средств анализа, которыми располагает методология системного подхода. Системная методология анализа развития человека включает следующие положения о человеке:

- Человек выступает как «элемент» различных систем, в которых он приобретает и выражает присущие этим системам различные качества.
- Человек может быть изучен и понят при обязательном условии анализа истории и эволюции порождающих его различных физических, биологических и социальных систем.
- Необходимым моментом понимания человека является анализ *целевой* детерминации различных систем, в том числе исследования зарождения, развития и функционирования *целеустремленных систем* (так называемый объективный *телеологический* подход).
- Системная методология как задачу исследования выделяет вопрос о *необходимости* возникновения феномена личности, о том, «*для чего нужна личность*» в процессе развития природы и общества.

- Системный анализ неизбежно обращается к поиску тех «оснований» систем, посредством которых происходит *взаимодействие* человека с природой, обществом и самим собой.

Ответ на вопрос о человеке как «элементе» разных систем, о том, является ли человек физическим существом, биологическим существом или социальным существом и, что еще парадоксальней, *одновременно* и тем, и другим, и третьим, не может быть дан до тех пор, пока не указаны *система*, в которой рассматривается человек, и *задачи*, для разрешения которых ставятся подобные вопросы.

В связи с этим *попытки дать характеристику человека в психологии либо как организма, либо как индивида* (*биологического или социального*), *либо как личности без указаний той системы, к которой он принадлежит, лишены смысла.* Человек как «элемент» одновременно принадлежит к разным системам, взаимодействуя с которыми он проявляет или приобретает различные качества.

Изучение «человека в системе» с самого начала исходит из представления о неразрывной жизни человека в этой системе, которое радикально отличается от исследования человека в разных противопоставленных диадах, самая распространенная из которых «человек — окружающая его среда». В таких диадах «человек», любой живой организм словно насильно вырывается из природы, оказывается стоящим над ней или вне ее. Тогда термин «окружающая среда» невольно приобретает особый смысл, смысл окружающих человека сил природы, которые готовятся напасть на «живой организм», вступить с ним в бой. Системное видение человека, любого живого организма, напротив, открывает закономерности развития и функционирования человека как «элемента», живущего в системе.

Человек как биоэнергетический «элемент» биосферы. Одной из самых широких систем, в которой осуществляется жизнь человека, является *биосфера.* О любой системе бессмысленно вести разговор, пока, во-первых, не выделено то *системообразующее основание*, которое объединяет входящие в нее элементы как относительно однородные, во-вторых, не указан *характер связей между этими эле-*

ментами и, наконец, не обозначена еще более широкая система, в которую входит данная конкретная система. Среди различных характеристик биосферы как системы содержание этого фундаментально разработанного В.И. Вернадским *биогеохимического* понятия наиболее выпукло передается описанием биосферы как сферы, в которой развертываются *биоэнергетические процессы* и обмен веществ вследствие деятельности жизни (*В.П. Алексеев*). ***Биоэнергетические процессы и обмен веществ в ходе жизни — системообразующее основание биосферы как системы.*** Эта система в свою очередь входит в систему солнечной галактики и зависит во многом от изменений солнечной активности. Все эти рассуждения могут показаться надуманными абстракциями, игрой ума, которой на досуге занимались В.И. Вернадский, Н.И. Вавилов и ряд других исследователей.

Подобные выводы, по меньшей мере, недальнозорки: «...вырывать человека и микроорганизмы из его естественной среды — окружающего мира со всеми его электрическими радиациями, потоками и полями — это значит впадать в грубейшую, непростительную ошибку и проповедовать мысли, ничего общего с тенденцией современной науки не имеющие.

...И человек, и микроб — существа не только земные, но и космические, связанные всей своей биологией, всеми молекулами, всеми частицами своих тел с космосом, с его лучами, потоками и полями.

...Поток электронов и протонов, вылетающий из жерла солнечного пятна и пролетающий мимо Земли, вызывает огромные возмущения во всем физическом и органическом мире планеты: вспыхивают огни полярных сияний, Землю охватывают магнитные бури, резко увеличивается число внезапных смертей, эпидемий, случаев сумасшествия, эпилептических припадков, несчастных случаев вследствие шока в нервной системе и т.д.»[25] Эти строки основателя гелиобиологии А.Л. Чижевского, детально изучившего связь вспышек различных эпидемий в истории человечества с волнами солнечной активности,

[25] *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 331.

помогают увидеть общее природное качество различных элементов биосферной системы — микроорганизмов, растений, животных и человека. Таким *качеством*, особенно проявляющимся при изменениях солнечной активности, являются *биоэнергетические процессы организмов*, свойственные любым «элементам» биосферы как природным объектам. Нарушение равновесия в этих процессах, вызванное, в частности, изменениями солнечной активности, приводит к самым различным, порой трагическим земным последствиям (рис. 2). В повседневной жизни биоэнергетические качества человека дают знать о себе, выступая в жалобах на неважное самочувствие, тоску и даже депрессии, которые люди, смущаясь, связывают с перепадами погоды. В истории общества эти качества фетишизировались, жили в легендах о солнечных знамениях как каре за грехи человечества, астрологических воззрениях о влиянии созвездий на судьбы человечества. В русле гелиобиологии, опирающейся на концепцию В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, эти явления могут найти свое объяснение.

Системное видение человека как биоэнергетического существа в биосфере приводит не только к рождению новых наук, но и к изменению «технологии» обращения с человеком. Если старые врачи говорили, что нужно лечить человека, а не болезнь, то гелиобиолог А.Л. Чижев-

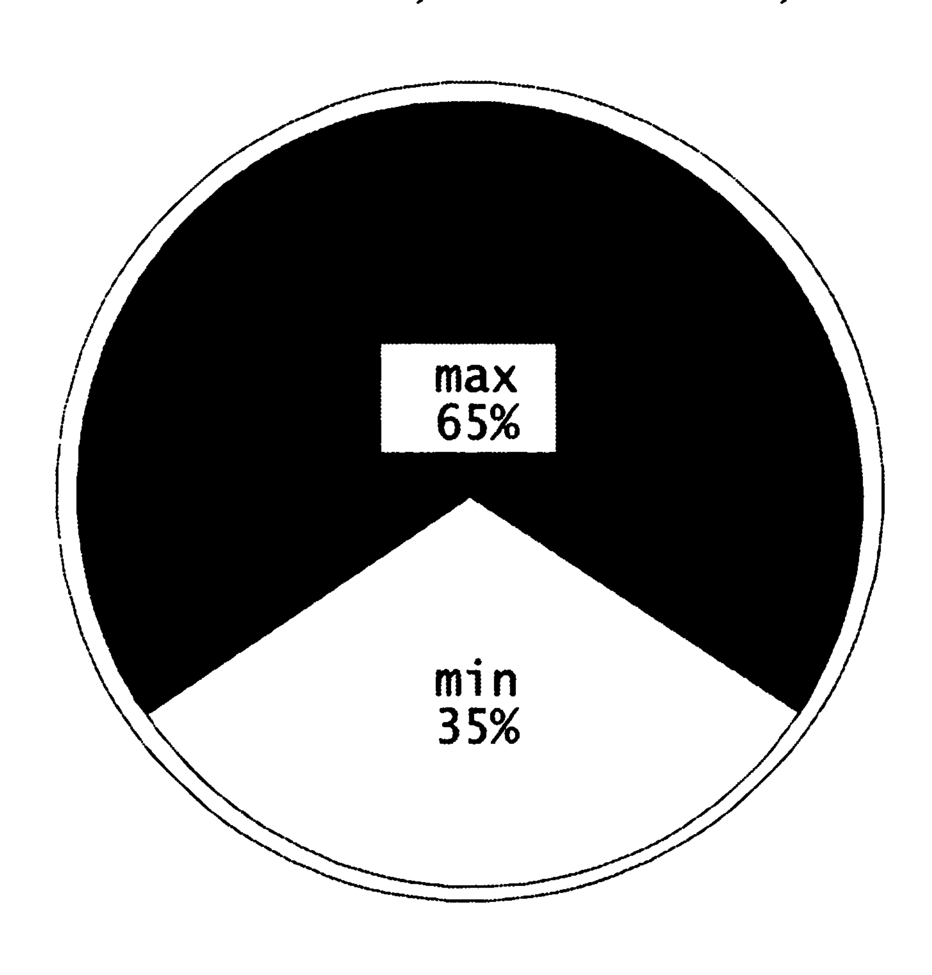

Рис. 2. Пример воздействия изменений солнечной активности на здоровье человека в системе биосферы: 65% чумных эпидемий падают на максимум в солнцедеятельности; 35% — падают на минимум в солнцедеятельности (по *А.Л. Чижевскому*, 1976)

ский сделал еще один шаг на пути преодоления свойственного медицине организмоцентризма. Он мечтал перестроить «больничный мир» человека и создать для подверженных вредным влияниям космоса больных экранированные палаты, куда они должны были бы переводиться по первому сигналу астрофизика, следящего за активностью Солнца. Из этого примера проступает еще одна особенность системного видения человека, противоположная практике антропоцентризма: чтобы *«вылечить» человека, необходимо преобразовать ту систему, которая приводит к возникновению «болезни», изменить мир человека.*

Биоэнергетические качества человека, роднящие его с проявлениями любой другой жизни на земле, относятся к тем его природным качествам, которые становятся предметом исследования при изучении человека в системе биосферы.

Человек как «организм». Аналогичным образом могут быть рассмотрены и *качества человека* в системах разных биологических популяций как *«организма»* — относительно самостоятельного «элемента» этих систем, обеспечивающего свое существование благодаря приспособлению к условиям жизни данных популяций. *В общей биологии «организм» исследуется как целостная единица, ответственная за воспроизведение, дальнейшее продолжение жизни в системе биологических популяций.* Функционально-структурные особенности «организма», присущие *разным* биологическим видам, проявляются в общности генетического кода, интеграции различных входящих в состав организма подсистем (эндокринной, гуморальной и т.п.).

Человек как индивид в системе вида. В системе биологического вида Homo sapiens человек выступает как *«индивид»*, целостное генотипическое образование, которое в ходе индивидуальной жизни реализует историю своего вида. *Системообразующим основанием биологического вида «человек» является специфичный для этого вида образ жизнедеятельности.* Функционально-структурные качества индивида, данные ему при рождении и приобретаемые в ходе его созревания, исследуются, например, биологией чело-

века, генетикой человека и т.д. — словом, комплексом естественных наук, изучающих историю развития человека. *Структурно-функциональные* качества биологического индивида, доставшиеся ему в наследство, гибко пригнаны к условиям образа жизнедеятельности вида. Однако, как и биоэнергетические свойства человека, они уже присущи индивиду как «элементу» в системе вида, являются его собственными свойствами, неотделимы от него самого.

Человек как личность в системе общества. Человек как «элемент» в системе общества становится носителем совокупности *социальных системных качеств*, которые порождаются в ходе его жизнедеятельности в обществе. Социальные системные качества человека как «элемента» общества принципиально отличаются от его природных качеств. В социальной системе любые вещи, в том числе и сам человек, начинают вести двойную жизнь, подчиняться и природным, и общественно-историческим закономерностям.

«Вторая природа» приобретается естественными объектами тогда, когда они производятся человеческим трудом и включаются в пространство социальных отношений. *В процессе труда происходит «очеловечивание» природы*: деревянный брусок может превратиться в «стул»; заостренная на одном конце прямая палка стать «копьем»; шкура леопарда — мягким «ковром» или теплой «одеждой». Стоит вырвать любой из этих природных объектов из системы общества, в котором они создаются, и их социальные системные качества «испаряются», прекращают свое существование. *Секрет бытия социальных системных качеств любой вещи «очеловеченного» мира в том и состоит, что, будучи изъяты из системы мира человека, они исчезают.* Их нет в самом природном объекте вне системы использования этого объекта в той или иной человеческой деятельности. Особенность любых системных социальных качеств объектов мира человека заключается в том, что они производятся в обществе, приобретают в нем, по выражению К. Маркса, *«социальную душу»*.

«Очеловеченную» природу можно охарактеризовать выразительными строками Ф.И. Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

В мире человека, действительно, есть и любовь, и язык, и душа... Они не лежат на поверхности вещей или в самих вещах, а существуют в особом измерении — в скрытых от глаза системных социальных качествах предметов.

Среди системных качеств «очеловеченной» природы выделяются *утилитарные функциональные качества предметов и интегральные сверхчувствительные системные качества.* Утилитарные функциональные качества воплощаются в переделываемых человеком объектах природы. Так, изготавливая «стол», человек меняет форму дерева, и изменившийся природный материал приобретает функциональное социальное качество — «быть столом», полезной вещью для представителей данной культуры. Такого рода материализованные, изменившие форму и имеющие практическое назначение объекты являются носителями функциональных системных качеств.

В определенных ситуациях эти же самые объекты могут стать носителями *интегральных системных качеств*, которые утрачивают связь с природным материалом. Так, например, шляпа, обладающая вполне утилитарным функциональным качеством, неожиданно может превратиться в «знак», в «улику». Герой романа Ф.М. Достоевского Родион Раскольников внезапно осознает, что его шляпа — это «улика», тот «знак», по которому его могут найти и распознать убийцу. В самом объекте, сколько бы в него ни вглядывались и ни исследовали, нет функционального качества «быть уликой». Объект приобрел системное интегральное качество в ситуации жизненной драмы, став «знаком» преступления. Такого рода качества и называют «сверхчувственными» системными качествами.

Сверхчувственными системными качествами обладает личность человека в системе социальных отношений. Поэтому-то пытаться понять природу личности исходя либо из биологической натуры индивида, скрытой под поверхностью его кожи, либо из субъективных проявлений, замкнутых

в круге сознания человека, столь же безнадежно и бесполезно, как искать природу стоимости денежных знаков в самой бумаге, на которой они отпечатаны. Эту бумагу можно изучить под совершенным электронным микроскопом, подвергнуть тщательному химическому анализу и т.д. Какие бы процедуры ни проводились, разгадка природы стоимости не будет раскрыта, поскольку интегральное системное качество не принадлежит объекту как таковому, а обнаруживается в нем только в ходе его жизни в той или иной социальной системе.

Такого рода системными качествами наделяется человек в различных подсистемах общества, в больших и малых социальных группах — семье, этнической общности или классе. В этом смысле сущность человека в социальной системе лежит вне его как биологического индивида, и поэтому даже самые изощренные методы естественных наук не могут уловить разные социальные ипостаси личности.

Наряду со структурно-функциональным аспектом анализа системных качеств человека выделяют еще один аспект его изучения в системе общества — *системно-исторический аспект.* Этот аспект системных качеств отражает конкретно-историческую специфику общественных явлений. Так, например, во все исторические эпохи человек, становясь членом семьи, выполнял в ней некоторые общие задаваемые семьей как социальной подсистемой функции, однако конкретно-историческое содержание этих функций в разные эпохи менялось, приобретало свою специфику. Системно-исторический план анализа общественных явлений позволяет показать, что, развиваясь в конкретно-исторических условиях, различные «элементы» социальных систем, в том числе и «личность» в системе социальных отношений, преобразуют некоторые константно задаваемые системой функциональные качества, например социальные роли, раздвигают границы тех систем, в которые они входят.

Личность в системах с конкурирующими целями и самосознание. Вопрос о существовании человека одновременно в различных социальных подсистемах общества, обладающих различными и порой взаимоисключающими

целями, имеет значение для понимания объективных условий возникновения возможных *конфликтов* человека с другими людьми, социальными группами и самим собой. Социальные ожидания одних групп, административные предписания других создают объективные предпосылки для возникновения в личности многих «Я», спорящих друг с другом.

Включенность личности в разные социальные группы и вызывает необходимость в ориентировке в дополняющих или исключающих друг друга целях этих групп, в развитии самосознания личности как функционального органа, обеспечивающего ориентировку в системах с разными целевыми установками. Отсюда вопрос о выделении *границ* различных групп, своего рода зон возможных «конфликтов», зон «риска», в которых проходит жизнь личности, становится крайне важным и для экономиста, и для историка, и для социолога, и для психотерапевта.

Наглядно условия возникновения конфликтов личности на стыке интересов административной системы тоталитарного общества и интересов профессиональной группы описаны в романе А. Бека «Новое назначение». Один из экономистов, анализируя роман, замечает: «Административная система нуждается в работниках, изгнавших все личное, олицетворяющих собой только конкретный пост и соответствующую функцию. Это не личность, вернее, это личности, у которых должно остаться только то личное, что обеспечивает успешную работу Системы»[26]. Жизнь личности в административной системе превращает ее в исполнителя директив, в вещь, «винтик», наделенный лишь утилитарными системными качествами, то есть качествами, которые полезны для системы. Однако как бы ни была однородна система, каким бы жестким централизованным контролем она ни обладала, у личности даже в предписанных тоталитарной системой рамках остается право на выбор. Герой романа А. Бека — крупный руководитель Онисимов — ставит приказы системы, особенно идущие от Сталина, превыше всего, но тот же

[26] Цит. по: *Попов Г.* С точки зрения экономиста (О романе А. Бека «Новое назначение») // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 57.

руководитель Онисимов является не только служакой, но и профессионалом. И тут-то заложен потенциальный конфликт, возникающий между героем романа как служакой административной системы и тем же самым героем как принадлежащим к группе профессионалов, компетентных специалистов. Этот конфликт прорывается в глубокой личностной драме, когда герой романа оказывается вынужденным внедрять заведомо абсурдную и никчемную техническую идею. Онисимов — типичный руководитель административной системы; он же — представитель определенной профессиональной группы. *Граница* между интересами административной системы и интересами профессиональной группы, в которые одновременно включена личность, — зона возможного конфликта между социальными подсистемами, ставшая в конце концов причиной внутриличностного *конфликта*.

Именно поэтому различные попытки классификации социальных общностей в социологии и социальной психологии (Г.М. Андреева, Б.А. Грушин, Г.Г. Дилигенский, Б.Ф. Поршнев), способствующие установлению границ тех групп, в которых развертывается деятельность личности, и помогающие прогнозировать ее потенциальные конфликты, представляют практический интерес для психологии личности.

Парадокс системности: «Личность в Мире» или «Мир в Личности». Выступая как «элемент» системы, личность вместе с тем является таким особым «элементом», который при определенных исторических обстоятельствах может вместить в себя систему и привести к ее изменению. Возникает парадокс, который относится к одному из парадоксов системного мышления (*В.М. Садовский*): «элемент в системе» и «система в элементе». Детский взгляд на мир читающего книгу о Вселенной героя повести В.Ф. Тендрякова «Весенние перевертыши» ухватывает самую суть этого парадокса:

«В самом начале задавался простой вопрос: “Как велик мир?” И дальше говорилось о... толщине волоса... Толщина волоса в десять тысяч раз меньше вытянутой человеческой руки. Вытянутая рука в десять тысяч раз короче расстояния до гор на горизонте. Расстояние до горизон-

та только в тысячу с небольшим меньше диаметра Земли. А диаметр Земли опять же в десять тысяч раз меньше расстояния до Солнца... мир безжалостно разбухал. А Дюшка съеживался, становился все ничтожней — до ничего, до пустоты!.. вместе с родной Землей, со своим родным Солнцем...»[27]

После этого ошеломившего его ощущения, ощущения крупинки в бесконечности вселенной подросток задает другу вопрос: есть ли вообще он на свете? И тот просит его дотронуться до головы.

«...Голова как голова... Ты чего?

— А того, что она по сравнению со звездами и галактиками мала. Не так ли?

— Сравнил тоже.

— А в нее вся вселенная поместилась — миллиарды звезд, миллиарды галактик. В маленькую голову. Как же это?.. Выходит, что эта штука, которую ты на плечах носишь... — самое великое, что есть во вселенной. И в самом деле захотелось вдруг до зуда в руках пощупать свою великую голову, начиненную сейчас вселенной»[28] (курсив наш. — *А.А.*).

Личность Дюшки Чугунова, как бы она ни была мала по своим физическим размерам, вмещает в себя вселенную; *человек как элемент системы может вмещать в себя саму систему.* Этот парадокс системного мышления пока остается неразрешимым. Возможный выход из этой парадоксальной ситуации позволяет наметить заманчивая аналогия между личностью и микроскопической частицей, которую известный физик М.А. Марков назвал «*фридмоном*» в честь гениального российского математика, спорившего в двадцатые годы с А. Эйнштейном, создавшего космологическую теорию расширяющейся вселенной, А.А. Фридмана.

Особенность фридмона заключается в том, что, несмотря на его микроскопически малые размеры, в нем могут свертываться и упаковываться целые галактики, большие миры упаковываются в малом мире. Миры во фридмонах, по

[27] *Тендряков В.Ф.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1988. С. 521—522.
[28] *Там же.* С. 526—527.

предположению М.А. Маркова, должны обладать большим числом измерений, чем трехмерное пространство и одномерное время. Из этой гипотезы вытекает, что в принципе могут существовать микроскопические элементы, вмещающие в себя целые системы.

По аналогии с гипотезой М.А. Маркова можно предположить, что *в процессе развития личности происходит как бы свертывание пространства социальных отношений в пространстве личности, своеобразная упаковка с изменением размерности большого мира в малом мире.* Подобное предположение не только открывает возможность для разрешения парадокса системного мышления, но и позволяет по-иному взглянуть на ряд психологических эффектов, возникающих при приобщении личности к общественно-историческому опыту человечества, *«выращивании» (Л.С. Выготский) социальных миров.*

* * *

Итак, человек как «элемент» входит в множество разнопорядковых физических, биологических и социальных систем. Этот аспект системного исследования человека выступает при его изучении в системно-структурном ракурсе. Системно-исторический план изучения человека открывает новые грани видения человека в разных системах и приводит к проблеме изучения человека в таких исторических процессах развития разного масштаба, как биогенез, антропогенез, социогенез и персоногенез.

Истоки историко-эволюционного подхода к пониманию человека

При изучении системных аспектов развития человека, его роли в эволюции расширяющихся систем представители системного подхода обращаются к тем закономерностям, которые выявлены на уровне конкретно-научной методологии науки — в истории, этнологии, культурологии, социологии, семиотике, эволюционной биологии. Причина обращения к этим внешне не связанным наукам заключается в том, что в них обнаружены общесистемные закономерности.

Одна из функций общенаучного системного анализа как раз и состоит в том, что с его помощью из конкретных наук о природе и обществе вычленяются общие закономерности развития любых систем и тем самым перебрасывается мост, создается канал связи между разными науками о человеке. Реализация положения о необходимости изучения человека в процессе эволюции порождающей его системы предполагает, чтобы исследователь не просто говорил о развитии, а каждый раз ставил вопрос об *эволюционном смысле* возникновения того или иного феномена в порождающей его системе. Например, каков эволюционный смысл появления новых видов в биологической эволюции или рас и разных этнических групп (племен, наций) в истории человечества; в чем эволюционный смысл возникновения новых органов в филогенезе определенного вида или формирования неповторимого характера в персоногенезе — индивидуальном жизненном пути личности? Изучение закономерностей развития систем (биологических и социальных), механики развития будет неполным до тех пор, пока не раскрыт тот эволюционный смысл, для обеспечения которого осуществляется вся механика развития, например, функционируют механизмы естественного отбора (*Н.А. Бернштейн, Н.И. Вавилов, А.Н. Северцов, И.И. Шмальгаузен, С.Н. Давиденков*).

Системный историко-эволюционный анализ развития исходит из положений о *необходимости изучения феномена человека в процессе эволюции порождающей его системы и об изучении целевой детерминации* развивающейся системы, предполагающей освещение вопроса «*для чего возникает явление*?» наряду с характерными для традиционного естествознания вопросами «*как происходит явление*?» и «*почему оно происходит*?» (*Н.А. Бернштейн*).

В русле психологии необходимость изучения развития человека с опорой на закономерности историко-эволюционного процесса в природе и обществе неоднократно отмечалась такими исследователями, как Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн и Д.Н. Узнадзе. В физиологии высшей нервной деятельности проблема *системогенеза* целостного челове-

ческого организма была разработана автором теории функциональных систем П.К. Анохиным. Оригинальные взгляды на закономерности развития личности в социальной группе с позиции теории эволюции сформулированы социальным психологом Т. Кэмпбеллом.

В системном подходе к изучению развития человека все более концентрируется внимание на общих закономерностях эволюционного процесса, открытых в научной школе эволюционной биологии А.Н. Северцова и И.И. Шмальгаузена. Вследствие этого поднимаются вопросы о критериях прогресса живых и технических саморегулирующихся систем (*К.М. Завадский, В.И. Варшавский, Д.А. Поспелов*), эволюционных закономерностях антропосоциогенеза и этнических общностей (*В.П. Алексеев, С.А. Арутюнов, Л.М. Дробижева, Ю.В. Бромлей, Г.П. Григорьев*), общих механизмах эволюции культуры (*Э.С. Марканян*). Важным этапом на пути изучения общих закономерностей *коэволюции* — гармоничного взаимообусловленного развития природы и общества — стали исследования последователя В.И. Вернадского Н.Н. Моисеева, обобщенные в его труде «Алгоритмы развития» (1987).

Концепция эволюционного прогресса А.Н. Северцова, идея о преадаптации Н.И. Вавилова и их развитие в системном подходе. Выдающимся достижением классика эволюционной биологии А.Н. Северцова является разработка учения о существовании двух различных форм прогресса в эволюции — биологического и морфофизиологического. *Биологический прогресс* заключается в *изменении образа жизни и положения вида животных в биосфере; морфофизиологический прогресс — в изменении строения и функций тела животных.* За этим разведением двух типов прогресса стоит изменение мышления исследователей об эволюционном процессе, переход от организмоцентрического изучения развития к системному видению закономерностей эволюционного процесса. Обоснованно критикуя вульгарный перенос эволюционных биологических закономерностей на историю развития общества, порой не замечают принципиального открытия А.Н. Северцова, допустившего *возможность относительно независимой эво-*

люции образа жизни, являющегося системообразующим основанием развития вида, от морфофизиологической эволюции организмов, доминирующей в органическом мире. Образ жизни определяет положение вида в системе биосферы.

От образа жизни вида зависит, пойдет ли эволюция по пути *ароморфоза, идиоадаптации или регресса.* Под *ароморфозами* А.Н. Северцов понимал прогрессивную эволюцию образа жизни, приводящую к появлению у вида новых качеств, которые повышают уровень жизнедеятельности вида, расширяют его приспособительные возможности и смогут оказаться полезны при критических изменениях среды обитания живых существ. Представление об *ароморфозе* А.Н. Северцова сходно с идеей Н.И. Вавилова о *возникновении в эволюционирующей системе преадаптации — тех или иных полезных признаков до того, как они стали для этой системы действительно полезны.*

От ароморфоза А.Н. Северцов отличал *идиоадаптацию, то есть адаптацию в узком смысле слова, как специализацию вида, обеспечивающую наилучшую приспособленность к типичным условиям его существования.* Если эволюция идет в направлении идиоадаптации, частных приспособлений, то образ жизни вида качественно не изменяется, остается на той же высоте. Ароморфоз же или преадаптация может привести к новому образу жизни вида, то есть повлечь за собой *смену* системообразующего основания, определяющего основные характеристики данного вида.

На уровне методологии системного подхода описанные А.Н. Северцовым закономерности прогресса эволюции были обобщены и развиты в исследованиях К.М. Завадского, а также В.И. Варшавского и Д.А. Поспелова. В этих работах, придавших идеям А.Н. Северцова более универсальное, то есть общесистемное, звучание, подчеркивается, что *возникновение и прогрессивное развитие любой эволюционирующей системы обеспечивается благодаря процессам ее интеграции и дифференциации — синтезогенеза и сегрегациогенеза (К.М. Завадский).*

По Завадскому, объединение элементов в единое целое, то есть рождение систем, — это не предпосылка

системного исследования, а факт, нуждающийся в объяснении. В процессе эволюции формы, ведущие изолированный образ жизни, были потеснены многочисленными формами с групповым образом жизни, которые в ходе развития осваивали одну экологическую нишу за другой. Тем самым весь ход эволюционного процесса как бы осуществил экспериментальную проверку преимуществ групповых форм жизни по сравнению с изолированными формами жизни. Вместе с тем эта победа приводит к постановке вопросов: в чем эволюционный смысл процесса синтезогенеза — объединения в системы отдельных элементов, какого рода сообщества могут считаться системами, обеспечивающими дальнейшее развитие вида?

Синтезогенез представляет такое объединение разрозненных элементов в систему, в множество, которое открывает возможность решения задач, ранее не доступных ни одному из составивших систему элементов. Так, муравьи из разных муравейников, смешавшиеся между собой на лугу, полностью автономны по отношению друг к другу. Они не «синтогенезное» образование, а скопление однородных элементов. В чем же состоит отличие скоплений однородных элементов от различных систем, ведущих групповой образ жизни?

«...В самом общем виде можно сказать, что некоторая совокупность элементов является единой системой, если эти элементы обладают потенциальным свойством образовывать статические или динамические структуры, необходимые для "выживания" элементов и всей их совокупности, то есть обладают свойством взаимодействовать друг с другом для достижения локальных и глобальных целей...

...Когда речь идет о биологических совокупностях, то в реальных ситуациях эти свойства проявляются частично, а остальные — ждут своего часа. Хорошо известны, например, опыты с некоторыми бактериями, которые всегда обитали в средах, где отсутствуют определенные виды углеводов. При искусственной пересадке их в среды, где эти непривычные углеводы были единственной доступной для бактерий пищей, они начали вырабатывать фер-

мент для их расщепления. Возможность этого была заложена в их генную структуру “на всякий случай” и реализовалась именно тогда, когда в этом возникла необходимость...

Таким образом, *синтезогенез — это путь увеличения числа потенциально возможных свойств, которые могут пригодиться системе при встрече с непредвиденными ситуациями*»[29].

Синтезогенез объясняет то, *для чего* элементы в ходе развития объединяются в единую систему. Именно *идеи синтезогенеза позволяют приоткрыть путь к пониманию эволюционного смысла возникновения человеческого общества, в том числе разных социальных общностей в социогенезе.* Вследствие синтезогенеза формируются системы, обеспечивающие адаптацию к более широкому кругу ситуаций за счет того, что их элементы, их «индивиды», их «личности» приобрели новые свойства — *возможности взаимодействовать друг с другом для достижения различных целей, а также особый резерв, запас которого может быть использован в непредвиденных обстоятельствах.*

Наряду с синтезогенезом, приводящим к возникновению объединений, решающих широкие классы задач, в эволюции также идет процесс вычленения подсистем, входящих в системы, то есть процесс *дифференциации* систем. Появляются подсистемы — узкие специалисты, обладающие возможностью делать одно и только одно дело, но зато делать его с самой высокой степенью эффективности. Этот путь развития систем, ведущий к специализации, К.М. Завадский охарактеризовал как *сегрегациогенез. В эволюции биологических, технических и социальных систем существует множество проявлений сегрегациогенеза как прогрессивного пути развития, обеспечивающего оптимальные возможности для системы решать типовые ранее встречавшиеся задачи.*

Вместе с тем специализация тех или иных подсистем, их жесткая пригнанность к одному классу задач, если сег-

---

[29] *Варшавский В.И., Поспелов Д.А.* Оркестр играет без дирижера. Размышления об эволюции некоторых технических систем и управлении ими. М., 1984. С. 180.

регациогенез не сочетается с синтезогенезом, становится тупиковым путем эволюционирующей системы, затрудняет ее существование при встречах с непредвиденными ситуациями. Подчиняясь *принципу полезности*, решению задач только текущего момента, система, идущая по направлению сегрегациогенеза, утрачивает преимущества, которые были достигнуты посредством объединения элементов в группу, возможности к взаимодействию при достижении разных целей и распадается. Ф.М. Достоевский вместе со своим героем Иваном Карамазовым иронизируют по поводу «сверхспециализации»: «Заболи у тебя нос, тебя шлют в Париж: там, дескать, европейский специалист носы лечит. Приедешь в Париж, он смотрит нос: я Вам, скажет, только правую ноздрю могу вылечить, потому что левых не лечу, это не моя специальность, а поезжайте после меня в Вену, там Вам особый специалист левую ноздрю долечит. Что будешь делать? Прибегнул к народным средствам»[30].

Эволюционирующая система должна найти своего рода компромисс между сверхспециализацией, которая может повлечь за собой утилитарный путь сегрегациогенеза, и универсализацией, «народными средствами», пригодными на все случаи жизни.

Рост вариативности элементов системы — критерий эволюционного прогресса. Из теории А.Н. Северцова об изменениях образа жизни как основе прогресса, представлений о синтезогенезе и сегрегациогенезе эволюционирующих систем вытекает, что именно в системе «элемент» («индивид», «личность», «индивидуальность») приобретает возможности для вариативности, проявления индивидуальной изменчивости. *Индивидуальные особенности активного «элемента», сколь бы отличными, самобытными они ни казались, в самой своей основе имеют системное происхождение, самим фактом своего существования обязаны системе. Индивидуальность личности, какой бы самобытной, неповторимой и непредсказуемой она ни была, порождается присущим системе образом жизни. В свете описанных выше положений представляется необоснованным противопостав-*

[30] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 7. С. 65.

ление «элемента» — «системе», «вариативности индивида» — «виду», «индивидуальности личности» — «обществу».

Эти противопоставления являются следствием «моносистемного» видения человека, пытающегося решить вопрос о том, *«для чего» возникает личность в естественно-историческом процессе развития общества*, замыкаясь в пространстве организма. Если пытаться отвечать на этот вопрос с позиции традиционной психологии, исследующей отдельного субъекта, его познавательную, мотивационно-эмоциональную и волевую сферы, то оказывается, что личность — высшая интегрирующая инстанция, управляющая психическими процессами, «хозяин» психических функций (*У. Джеймс*) и т.п. В результате личность предстает в традиционной психологии как поставленная где-то «над» психическими процессами, а главное ее предназначение заключается в том, чтобы собрать эти процессы в единый пучок психических функций и придать им определенную направленность. *Такого рода решение вопроса о природе личности помещает личность как вне психики, так и вне общества.*

Подобное пренебрежение вопросом о смысле возникновения феномена личности в эволюции было бы оправданным в том случае, если бы факты возникновения личности, индивидуальных различий между людьми и закономерности эволюционного процесса развития человеческого вида были совершенно не связаны между собой. Но являются ли проявления вариативности в онтогенезе любого биологического организма и эволюция его вида двумя независимыми рядами? Вполне определенный и отрицательный ответ на этот лобовой и наивный для каждого эволюциониста вопрос дает отечественный психолог В.А. Вагнер.

На основе анализа соотношения индивидуальных и видовых психических способностей и прежде всего индивидуальной и видовой одаренности у разных биологических видов В.А.Вагнер обнаруживает универсальную и великую закономерность: *чем выше развито то или иное сообщество, тем больше вариативность проявлений входящих в это сообщество особей.* Так, колебания индивидуальных

различий в одаренности у низших животных, ведущих одиночный образ жизни, очень незначительны: «У животных, ведущих стадно-вожаческую жизнь, в которой опасности, угрожающие составляющим стадо особям, легче предупреждаются, чем в условиях одиночного образа жизни, роль естественного отбора становится менее суровой и незначительные уклонения уже им не устраняются. В результате получаются уклонения от типа видовой одаренности. Как бы ни были они незначительны, их наличие представляет собой явление огромного принципиального значения: мы здесь впервые встречаемся с явлениями не видовой, а индивидуальной одаренности. В неволе, где жизнь животных под покровительством человека обеспечена еще более, а роль естественного отбора ослаблена, уклонения психических способностей могут быть еще большими, чем это наблюдается в стаде»[31].

Далее В.А. Вагнер, сопоставляя колебания в индивидуальной одаренности с изменением усложнения сообщества разных видов в процессе эволюции, показывает, что эти колебания все возрастают, достигая апогея в человеческом обществе. Из этих наблюдений вытекает факт наличия взаимосвязи между вариативностью психических способностей индивида и эволюцией вида и тем самым более явно выступает роль *вариативности индивида в расширении эволюционирующих систем*, появлении скачков к новым образам жизни, рождении и гибели социальных систем, цивилизаций и культур.

Обрисованная В.А. Вагнером картина возрастания индивидуальной одаренности с усложнением сообществ в процессе эволюции является яркой иллюстрацией идеи о том, что в ходе синтезогенеза на разных уровнях эволюции растет вариативность «элементов», входящих в расширяющиеся системы, в том числе вариативность проявлений человека в *биогенезе, антропогенезе, социогенезе и персоногенезе.*

---

[31] *Вагнер В.А.* Возникновение и развитие психических способностей. Вып. 7. Эволюция психических способностей по чистым и смешанным линиям. Л., 1928. С. 35.

Принципы историко-эволюционного подхода к пониманию человека[32]

Принцип 1. *Эволюция любых развивающихся систем предполагает взаимодействие двух противоборствующих тенденций — тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем.*

Так, в биологических системах *наследственность* выражает общую тенденцию эволюционирующей системы к ее сохранению, к передаче без искажений информации из поколения в поколение, а *изменчивость* проявляется в приспособлении различных видов к среде обитания. Наследственность характеризуют как *консервативную*, положительную, а приспособление, тенденцию к изменению системы — как *революционизирующую*, отрицательную сторону процесса развития.

В социальных системах тенденция к сохранению проявляется в *социальном наследовании*, в преемственности таких типичных форм культуры и социальной организации, которые обеспечивают *адаптацию* данной системы к тем или иным уже встречавшимся в ходе ее эволюции ситуациям.

Изменчивость же выступает в различных нестандартных, нестереотипизированных приспособлениях системы к непредсказуемым переменам ситуации, в поиске новой информации о среде существования и в построении целесообразного поведения в ней. *Индивидуальная изменчивость тех или иных элементов системы представляет собой условие для исторической изменяемости системы в целом.* Идея об индивидуальной изменчивости элементов системы как основе исторической изменяемости популяций, в наиболее явной форме высказанная в биологии И.И. Шмальгаузеном, отражает универсальную закономерность развития любых систем.

В качестве элементов, несущих индивидуальную изменчивость, могут выступить индивид — в системе биологического вида; член племени — в системе общественно-экономической формации; последователь научной школы — в системе профессионального научного сообщества; индивидуальность личности — в системе социальной группы и т.п. *Человек, включаясь в каждую из этих систем, наследует типичные для них системные каче-*

[32] Принципы системного историко-эволюционного подхода были сформулированы нами в 1985 г.

ства и одновременно выступает как носитель исторической изменчивости этих систем в целом.

Типичные родовые качества человека, выражающие тенденцию системы к сохранению, стоят за различными проявлениями активности субъекта — стереотипами поведения, репродуктивным мышлением, привычками, установками, — характеризуемыми в психологии как *адаптивные.*

Уникальные качества человека, выражающие тенденцию к изменению, возникают в синтезогенезе и проявляются в многообразных формах активности субъекта, таких, как творчество, воображение, самореализация личности, описываемых как *продуктивные* типы активности. Эволюционный смысл адаптивных типов активности не сводится к поддержанию равновесия со средой, гомеостаза, выживания. *Главным критерием адаптации является не только и не столько фактическое выживание индивида в данной конкретной среде, сколько обеспечение преемственности существования индивида — его жизни в ряду будущих поколений* (*И.И. Шмальгаузен*).

Механизмы адаптации и бифуркации. Обобщенную характеристику механизмов развития систем в процессе эволюции предлагает Н.Н. Моисеев. Наряду с *адаптационными механизмами*, обеспечивающими устойчивость развивающейся системы в стандартных условиях среды, он выделяет особые *бифуркационные механизмы* (bifurcation — разветвление или раздвоение).

Механизмы бифуркации, обеспечивающие тенденцию к изменениям развивающейся системы, приходят в действие, когда возникают резкие изменения среды, кризисы в жизни системы. Одна из наиболее существенных характеристик развития систем, обеспечиваемых адаптационными механизмами, — это *предсказуемость, прогнозируемость* будущего поведения и развития этих систем. В отличие от механизмов адаптационного типа механизмы бифуркационного типа характеризуют *неопределенность* будущего системы, *невозможность предсказать*, по какому пути после того или иного кризиса пойдет дальнейшее развитие системы, какой новый вариант эволюции будет выбран. Поведение системы, после того как начал действовать

механизм бифуркации, в принципе невозможно вывести из прошлого (из наследственности, из генов, прошлого опыта и т.п.). Развивающий сходные взгляды на эволюцию системы в природе и обществе бельгийский физик И. Пригожин отмечает, что в *условиях неустойчивости, неравновесия в переломный момент жизни системы нельзя предсказать ее будущее, так как любое в обычных условиях незначительное событие или действие может заставить всю систему измениться и история пойдет по новому, иному пути*[33]. Отсюда, например, следует, что *в ситуациях переходного периода в развитии общества, в эпохи перемен, в смутные времена возрастает вероятность того, что тот или иной поступок индивидуальности может резко изменить историческую траекторию, эволюцию системы.* Механизмы адаптации, функционирующие в социальных системах, связаны с обеспечением устойчивости личности, ее типичного, предсказуемого поведения в социальной группе. Механизмы бифуркации присущи индивидуальному поведению личности как индивидуальности в различных проблемно-конфликтных ситуациях. В тех случаях, когда в обществе наступает переломный момент, незначительные в обычных условиях поступки индивидуальности могут вызвать преобразование общества, стать толчком к возникновению непредсказуемой фазы в развитии культуры.

При описании родовых качеств человека, проявляющихся в стереотипизированных адаптивных формах поведения, их характеризуют как *социотипические проявления личности* в социальной системе. При характеристике *системно-интегральных* качеств человека, проявляемых им в непредсказуемых ситуациях, которые не удается преобразовать на основе стереотипизированного поведения, употребляют понятие «*индивидуальность личности*». Введение этого разграничения позволяет отразить существующие в единстве тенденции к сохранению и изменению, присущие жизнедеятельности человека как «элемента» различных развивающихся систем.

---

[33] См. об этом: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986; Синергетика и психология. Тексты. Вып. 2. Специальные процессы. М., 1999.

Благодаря указанному пониманию терминов «***личность как социальный тип***» и «***личность как индивидуальность***» также удается связать социотипические проявления человека с реализацией родовой типичной социально-унаследованной программы данной социальной общности и одновременно выделить неповторимые проявления человека, обеспечивающие в конечном итоге историческую изменяемость этой общности.

Данное разграничение помогает передать *эволюционный смысл индивидуальности личности: за проявлениями индивидуальности выступают потенциальные возможности бесконечных линий творческого эволюционного процесса жизни.* Анализ природы индивидуальности человека, ее функционального значения в эволюционном процессе приводит к выделению принципов системного историко-эволюционного подхода к человеку, касающегося вопросов о саморазвитии различных систем и о соотношении родовой адаптивной стратегии развития этих систем с неадаптивной стратегией или, используя термин Н.И. Вавилова, преадаптивной стратегии развития их элементов, несущих индивидуальную изменчивость.

Принцип 2. *В любой эволюционирующей системе функционируют избыточные преадаптивные элементы, относительно независимые от регулирующего влияния различных форм контроля и обеспечивающие саморазвитие системы при непредвиденных изменениях условий ее существования.*

В эволюционирующих системах возникают и проявляются различные виды активности включенных в эти системы «элементов», которые непосредственно не приводят к адаптивным прагматическим эффектам, удовлетворяющим нужды данных систем и обеспечивающим их сохранение, устойчивость.

Преадаптивные формы активности в биогенезе, антропогенезе и социогенезе. Ярким примером проявления филогенетических зачатков возникновения преадаптивной активности в биологических системах являются *игры животных.* Различные биологи и этологи словно соревнуются между собой, стремясь предлагаемыми характеристиками игры подчеркнуть ненужность этого вида поведения животных для биологической адаптации. Игровое поведе-

ние животных называют «избыточным», «мнимым», «действиями вхолостую», «вакуумной активностью» и т.п. И действительно, игровая активность не влечет за собой прямого адаптивного эффекта. Но именно в силу этой особенности игровой активности в ней оттачиваются унаследованные формы поведения до того, как они предстанут перед судом естественного отбора (*К.Э. Фабри*). Таким образом, сама *игра создает наибольшие возможности для неограниченного проявления индивидуальной изменчивости организма, а тем самым накопления опыта действования при переменах условий существования данного биологического вида.*

Введение представлений о преадаптивной неутилитарной активности *в антропогенезе* помогает пролить свет и на вопрос, как изменения образа жизни привели к переходу к качественно иному образу жизни — образу жизни Homo sapiens. На основе тщательного анализа антропологического и археологического материала известный археолог Г.П. Григорьев приходит к выводу, что по так называемому «орудийному критерию» представляется затруднительным провести резкую линию водораздела между видом Homo sapiens и другими ветвями рода Homo.

Из этих фактов следует, что одновременно с человеком были существа, которые обладали прямохождением, крупным мозгом, развитой морфологией обеих конечностей и, главное, добывали себе пищу при помощи орудий из камня, кости и дерева. «Объяснение наблюдаемым фактам можно найти в учении А.Н. Северцова об ароморфозе. Этот крупнейший специалист в области эволюции полагал, что изменения организмов, хотя и представляют собой приспособление к внешней среде, тем не менее никогда не являются точным ответом на заказ природы. Эволюция происходит скачкообразно, и при этом *во вновь возникшей форме есть некий запас способностей, нереализуемых непосредственно, как бы ненужных виду в данный момент, но полезных для него* в дальнейшем. У вида оказываются скрытые возможности, которыми он сумеет воспользоваться только в процессе своего длительного существова-

ния, но не сразу же по возникновении. Вид, таким образом, может приспосабливаться, *изменять формы поведения, не меняя морфологии своих органов.* Это "прыганье на ступеньку с запасом" и приводит к тому, что процесс эволюции приобретает прерывистый характер»[34]. *Решение вопроса о причинах возникновения человека в антропогенезе, отличиях образа жизни человека от образа жизни животных связывается тем самым с поиском преадаптивных избыточных форм поведения, существующих наряду с утилитарной деятельностью изготовления и употребления орудий.*

Уникальный материал для понимания *эволюционного смысла преадаптивной активности* в социогенезе, в истории разных культур приводится в классических трудах М.М. Бахтина о карнавальной культуре, исследованиях Д.С. Лихачева по смеховой культуре Древней Руси и цикле работ *основателя семиотической концепции культуры Ю.М. Лотмана* по типологии культуры. В этих исследованиях выступают две черты преадаптивных карнавальных или смеховых социальных действий:

а) смеховые социальные действия, поступки шута или юродивого дозволены в эволюционной системе данной культуры и относительно независимы от социального контроля, корригирующего отклонения от свойственных этой культуре социальных нормативов;

б) в смеховых социальных действиях подвергаются сомнению социально унаследованные типичные для данной культуры формы отношений и осуществляется поиск иных вариантов развития культуры, строится иная желаемая действительность.

Смеховые социальные действия позволяли в рамках средневековой культуры одновременно практиковать поведение, квалифицируемое и как грешное, недозволенное, и как дозволенное (*Ю.М. Лотман*).

Различная природа и эволюционный смысл адаптивных и преадаптивных социальных действий в развивающейся культуре Средневековья наглядно выступают в

[34] *Борисковский П.И., Григорьев Г.П.* Возникновение человеческого общества. Л., 1977. С. 90—91.

сопоставлении *официального праздника* и *карнавала*, проводимом М.М. Бахтиным: «Официальный праздник, в сущности, смотрел только назад, в прошлое и этим прошлым освящал существующий в настоящем строй. Официальный праздник, иногда даже вопреки собственной идее, утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм, запретов. Праздник был торжеством уже готовой, победившей, господствовавшей правды, которая выступала как вечная, неизменная и непререкаемая правда...

В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, завершению и концу. Он смотрел в незавершимое будущее»[35].

Впоследствии эти идеи М.М. Бахтина были включены в контекст семиотической концепции культуры Ю.М. Лотмана, специально подчеркнувшего, что *каждая культура как саморазвивающаяся система должна быть оснащена «механизмами для выработки неопределенности»*. Благодаря внесению неопределенности в строго детерминируемую систему культуры данная культура приобретает необходимый *резерв внутренней вариативности*, становится более чувствительной и подготовленной к преобразованию в ситуациях тех или иных социальных кризисов (*Ю.М. Лотман*). Если взглянуть через призму этих представлений на социальные карнавальные и смеховые действия, поступки шутов и «ведьм», деяния еретиков, феномен странных «лишних людей», то оказывается, что подобного рода *неадаптивные, кажущиеся избыточными для адаптивного функционирования социальной общности акты — обязательное условие исторической изменяемости этой общности, его*

[35] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 13.

эволюции. Так, смеховые социальные действия словно заботятся о том, чтобы культура не зашла в своем развитии в тупик, не достигла состояния равновесия, равносильного неподвижности и смерти. Они создают неустойчивый нелепый мир «спутанной знаковой системы», в котором царят небылицы, небывальщина, а герои совершают неожиданные поступки.

Раскрывая историко-культурный эволюционный смысл *феномена «дурака»*, Д.С. Лихачев замечает: «Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм — разоблачитель и разоблачающийся одновременно, нарушитель знаковой системы, человек, ошибочно ею пользующийся»[36].

Деяния еретиков, как и социальные смеховые действия шутов, также вносят неопределенность в культуру, лишают ее устойчивости и тем самым дают прорваться тенденции к изменению социальной общности. Но в отличие от смеховых социальных действий эти деяния подпадают под элиминирующее влияние социального контроля. Предлагаемые ими *варианты эволюции культуры* не вписываются в социальную систему, а поэтому пресекаются или рационализируются ею. При рационализации деяний «лишних людей» эти деяния часто стремятся отнести к разряду социальных смеховых действий, охарактеризовать их как «ненастоящие», шутовские, а следовательно, дозволенные. Так, посягнувший на права и гарантии образованного дворянства Павел I, который пытался внести изменение в существующую систему правления, объявляется «безумным», шутом на троне. Рационализация дворянским обществом поведения Павла I как «безумного», «странного», «исключительного» позволяет этой социальной группе освятить незыблемость самодержавного правления как такового. Точно так же дворянством объявляются «безумными» поступки П.Я. Чаадаева (прототип Чацкого),

[36] *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в Древней Руси. М., 1984. С. 15.

подвергшего критике официальную существующую систему правления. При всем глубочайшем социальном различии действий Павла I и П.Я. Чаадаева они направлены против устоявшегося социального правопорядка и рационализируются авторитарной элитой как «ненастоящие», «шутовские». При этом для элитарной группы безразлично, что за *феноменом «лишнего человека»* (Павла I) как *индивидуальности* проступает тенденция эволюционного процесса повернуть колесо истории вспять, к допетровским временам; а за феноменом «лишнего человека» Чаадаева как индивидуальности — зародыш иной линии развития культуры, предвестник будущих либеральных преобразований, *либеральной культуры* в целом. ***Эволюционное значение индивидуальности «лишнего человека» в том и состоит, что она несет такой вариант развития культуры, который в настоящий момент существования культуры не принимается, а в ряде случаев жестко элиминируется.***

Описанный круг проявлений преадаптивной активности в биогенезе, антропогенезе и социогенезе является необходимым моментом саморазвития системы, увеличения возможностей ее эволюции.

Таким образом, ***на разных уровнях функционирования человека как «элемента» развивающихся систем — на уровне человека как индивида в биогенезе и антропогенезе, на уровне личности как индивидуальности в социогенезе — проявляются преадаптивные, избыточные формы активности, которые выражают тенденцию к их изменению и тем самым выступают как необходимый момент эволюционного процесса данных систем. В переломные периоды жизни развивающихся систем (биологические катаклизмы, социальные кризисы) значение преадаптивной активности входящих в эти системы элементов возрастает и приоткрывает ее эволюционный смысл.*** Так, например, кажущиеся излишними преадаптивные действия Джордано Бруно, взошедшего ради своих убеждений на костер, выступают как цена за адаптацию развивающейся социальной общности в целом, ее прогресс. В эволюции нередко ***неадаптивные действия индивида выступают как «цена» за адаптацию вида.*** В этой связи ставится вопрос о судьбе преадаптивных актов и их результатов в процессе развития различных систем: могут ли акты, несущие тенденцию к

изменению системы, из преадаптивных переродиться в адаптивные акты; при каких обстоятельствах в процессе эволюции происходят подобного рода изменения функционального значения акта в развитии системы?

Принцип 3. *Необходимым условием развития различного рода систем является наличие противоречия (конфликта или гармонического взаимодействия) между адаптивными формами активности, направленными на реализацию родовой программы, и проявлениями активности элементов, несущих индивидуальную изменчивость.*

Из этого принципа предлагаемого нами системного историко-эволюционного подхода к изучению человека как активного «элемента» разных систем вытекают следующие взаимодополняющие положения:

♦ *Противоречие между мотивами деятельности индивидуальности, проявляющееся в виде конфликта или гармонического взаимодействия с идеалами и нормами социальной общности, может быть разрешено посредством либо поступков и действий, преобразующих родовую программу социальной общности, либо различных перестроек мотивов индивидуальности в процессе взаимодействия с социальной общностью.* В том случае, если противоречие носит характер гармонического взаимодействия, поступки и действия индивидуальности способствуют дальнейшему прогрессу социальной общности. Если же противоречие выступает в виде конфликта, то активность индивидуальности может повлечь за собой либо перестройку родовой программы данной общности, привести к иному направлению эволюционного процесса этой системы, либо к нивелировке индивидуальности, ее изоляции или полной элиминации в социальной системе[37].

♦ *Отстаивание* человеком своих мотивов и ценностей осуществляется как происходящая в процессе деятельности *самореализация индивидуальности*, которая приводит к дальнейшему развитию данной культуры или порождению в ходе преобразования действительности форм и продуктов *иной* культуры.

---

[37] См. об этом, например: *Банщиков К.Л.* Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии. М., 2002.

♦ *Неадаптивная активность индивидуальности перерождается в адаптивную активность по отношению к данной общности тогда, когда созданные этой активностью в процессе самореализации нормы и ценности становятся нормами и ценностями соответствующей культуры. При этом активность индивидуальности перестает выполнять функцию к изменению данной системы и начинает выполнять функцию ее сохранения, стабилизации.*

Например, деяния исторических личностей, провозглашающих новую веру, вначале порой подвергаются гонениям, так как они вносят смуту, неопределенность в культуру своего времени. Однако в дальнейшем, в случае победы их веры, их варианта эволюции культуры, эти деяния возводятся в ранг эталонов, превращаются в стереотипы. В результате они становятся носителями функции к сохранению системы, начиная элиминировать или рационализировать проявления активности других индивидуальностей как выразителей иных линий эволюционного процесса.

Идея о гармонии противоположностей как движущей силы развития личности привлекалась Л.И. Анцыферовой для объяснения некоторых форм взаимодействия (или содействия) между различными компонентами психологической организации личности как самостоятельной системы. Например, гармонического противоречия между желаемым и достигнутым и т.п. *В системном историко-эволюционном подходе к индивидуальности личности речь идет о гармоническом взаимодействии, возникающем в результате несовпадения между «только знаемыми» идеалами и ценностями группы и идеалами, которые стали подлинными мотивами для члена этой группы.* Побуждаемая значимыми ценностями индивидуальность борется за то, чтобы они не только внешне признавались группой, но и реально побуждали совместную деятельность данной группы. Отстаивая эти ценности, *индивидуальность* как бы подталкивает группу к более быстрому продвижению по принимаемому пути эволюции, *задает зону ближайшего развития культуры.* Порой людям, проявляющим активность, выходящую за пределы утилитарной деятельности, говорят:

«Ну что, вам больше всех надо?» Благодаря изменениям, вносимым вследствие неутилитарной активности в родовую программу социальной общности, эта программа эволюционирования претворяется в жизнь.

Поведение «шута» как культурный эталон поведения индивидуальности. Поступки индивидуальности личности часто не вписываются в канонический образ «разумного человека», совершающего рациональные действия (*М.К. Мамардашвили*). В истории культуры наряду с образом «разумного человека» выкристаллизовывался своего рода эталон «индивидуальности», черты которого в явном виде переданы в мифах и фольклоре разных народов о своих культурных героях и их близнецах, «шутовских дублерах» (*Е.М. Мелетинский*). К числу таких шутовских дублеров относятся *мифологические плуты*, или *трикстеры*. В.Н. Топоров на материале анализа образа трикстера в сибирском фольклоре раскрывает роль индивидуального поведения мифологического плута в разрешении противоречий поведения социальной группы.

Первая особенность индивидуальности, характерная для *поведения* трикстера, *заключается в постановке сверхцелей*, то есть целей, выходящих за пределы таких целей социальной группы, для достижения которых группа выработала стандартные типовые действия. Особый характер *целеобразования* индивидуальности личности, ухваченный в фольклорном образе трикстера, и приводит к другим чертам его социального портрета — *готовности освоить неожиданный тип поведения, отклонению от принятых норм и даже их нарушению, немотивированности поступков с точки зрения здравого смысла, возможности менять свой облик и свободно перемещаться во времени и пространстве, бескорыстности действий.*

«Человек трикстерной природы... и трикстер — ...всегда ищут свой *единственный* шанс на *необщих путях*, а ими, как правило, оказываются такие пути, которые расцениваются коллективным сознанием (во всяком случае, при первом взгляде) как неправильные, неэффективные, заведомо плохие. Собственно говоря, так оно и есть, если учесть, что *главная цель коллектива — установка не на*

максимум, а на гарантию сохранности, часто предполагающей именно стабильность, неизменность, верность апробированным образцам.

В *формуле "пан или пропал" для коллектива самое важное не пропасть.* Но есть класс экстремальных ситуаций (кстати, имеющих прямое отношение к коллективу в целом), когда единственный шанс на спасение — отдать себя выбору между "пан" и "пропал", полным успехом или полным поражением, во вступлении на путь риска... *Отдача себя этой рискованной ситуации выбора есть не что иное, как поиск некоего скрытого резерва*, но не за счет стандартных решений или даже магии, чуда... а за счет соответствующей критической ситуации поведенческой реакции на внешний стимул. *Готовность и умение усвоить особый тип поведения определяет активный полюс деятельности трикстера...* (курсив наш. — *А.А.*)»[38].

Среди характеристик «мифологических плутов» и культурных героев, будь то художественные образы Дон Кихота или Ходжи Насреддина или же реальное описание странствующих в начале Средних веков бродячих поэтов «вагантов», весьма *существенной чертой является их неприкованность к тому или иному социальному слою, их подвижность, мобильность в культуре.* Они не просто перемещаются в географическом пространстве своего времени, разрушая сословные перегородки, устойчивый, подчиняющийся жесткому социальному контролю распорядок жизни. *Эти социальные кочевники тем и вносят неопределенность, возмущая спокойствие, что, будучи лишены социальной оседлости, они выскальзывают из-под влияния того или иного централизованного управления обществом*, выпадают из рациональной картины мира в целом.

Вместе с тем культурные герои или трикстеры, ориентированные на исключительные и непредсказуемые решения, помогают «не пропасть» социальной общности, когда в истории общества возникают ситуации, требующие

---

[38] *Топоров В.Н.* Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные требования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 6—7. См. также: *Манин Ю.И.* «Мифологический плут» по данным психологии и культуры // Природа. 1987. № 7.

парадоксальных решений. Трикстер русского фольклора *Иванушка-дурачок только тогда перестает быть дурачком, когда лягушка перевоплощается в Марью-царевну.* В таких ситуациях проявляется присущая ему ориентация на парадоксальные решения, и из таких ситуаций он выходит уже для всего честного народа добрым молодцем. Иногда индивидуальное поведение шутов, или трикстеров, обозначают исключительно как противоположное принятому поведению, как антинорму или антикультуру. Такая деструктивная разрушительная характеристика образа «шута», или «трикстера» страдает ограниченностью. В.Н. Топоров справедливо отмечает, что *трикстер в критической ситуации отыскивает необщие пути выхода из нее, иные пути для развития социальной группы, а не просто автоматически меняет принятые нормы на непринятые, находя парадоксальные выходы из безвыходных ситуаций, и после становится народным героем.*

Всеми этими чертами обладают образы «трикстеров» и культурных героев в мифах, в фольклоре разных культур. *В реальной жизни в каждой личности обитает трикстер или культурный герой, существование которого проявляется в ситуациях, требующих выбора и постановки сверхцелей, разрешения противоречий с социальной группой и самим собой, поиска нестандартных путей развития.*

В естественно-историческом процессе развития социальных систем, прогрессе общества ценность проявлений личности как индивидуальности может возрастать и приводить к возникновению *толерантных культур, культур достоинства.* Так, этнографами, например, показывается, что в традиционных архаических культурах преобладают социально-типические стереотипизированные формы поведения личности. В этих культурах мотивация поступков личности ограничивается ссылкой на законы предков — «так было раньше», а само поведение личности жестко регламентируется ритуалами. *Основная функция ритуала в подобных культурах заключалась в том, что «ритуал стоял “на страже” традиции, выполняя всевозможные потери и исправляя искажения, с одной стороны, и не допуская ничего нового в контролируемую сферу, с другой.* Исключительная

важность подобной проверки объясняется тем, что для так называемых традиционных обществ цельность, неизменность и равновесие были заменой прогресса»[39]. Сколь разителен контраст этих обществ в исторической перспективе с теми культурами в человеческой истории, в которых ценность индивидуальности личности, ее инициатива, творчество становятся неотъемлемым компонентом *толерантных открытых систем*, условием развития гражданского общества.

Итак, *коперниканское* видение человека как активного «компонента» тех или иных систем в русле системного историко-эволюционного подхода приводит к постановке вопроса о необходимости возникновения феномена личности и его значении в естественно-историческом процессе развития общества. *Эволюционный смысл индивидуальных проявлений человека в истории природы и общества состоит в том, что эти проявления, порождаясь в системе, обеспечивают ее существование и дальнейшее развитие.*

* * *

Для того чтобы раскрыть конкретные механизмы развития и осуществления человека в биогенезе, антропогенезе, социогенезе и персоногенезе, необходимо выделить *системообразующие* основания тех многочисленных подсистем, в которых происходит становление человека.

В качестве системообразующего основания, обеспечивающего приобщение человека к миру культуры и его саморазвитие, выступает целенаправленная совместная деятельность. Развитие и функционирование человека в процессе деятельности является исходным пунктом анализа человека в русле конкретно-научной методологии деятельностного подхода в психологии.

---

[39] *Байбурин А.Г.* Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. 1985. № 2. С. 45.

Глава 4
Принципы системно-деятельностного подхода — конкретно-научной методологии изучения человека в психологии

Категория деятельности в психологии личности

В качестве конкретно-научной методологии изучения личности различные общепсихологические направления принимают принципы деятельностного подхода, в том числе и получивший свое конкретное воплощение в ряде исследований этого подхода *принцип системности*[40].

В психологии понятие «деятельностный подход» чаще всего употребляется в двух значениях. В более широком смысле под деятельностным подходом понимается методологическое направление исследований, в основу которого положена категория предметной деятельности (*К. Маркс*). Это направление развивается в исследованиях таких психологов, как Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин и С.Л. Рубинштейн. Особенно большой вклад в разработку деятельностного подхода внесен А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном. Деятельностный подход также нашел свое выражение в исследованиях таких зарубежных психологов, как Ж. Политцер, А. Валлон, Л. Сэв, Т. Томашевский, М. Форверг, М. Коул, Дж. Верч и другие.

В более узком смысле *«деятельностный подход» есть теория, рассматривающая психологию как науку о порождении, функционировании и структуре психического образа в процессах деятельности индивидов* (*А.Н. Леонтьев*).

При всех различиях в трактовке категории «деятельность» подавляющая часть современных психологов признают тот факт, что без обращения к этой категории путь к конкретному изучению развития и формирования личности — вопросов о соотношении биологического и социального в жизни личности, механизмов регуляции социального по-

---

[40] Развернутая характеристика данного подхода как *системно-деятельностного* была впервые дана нами в 1985 г.

ведения личности, ее творчества, способностей, характера, воспитания, коррекции отклонений личности и т.д. — будет закрыт. Разработка психологии личности в контексте методологии деятельностного подхода позволяет реализовать те требования к изучению человека, которые сформулированы на уровнях философской и общенаучной системной методологии, преодолеть антропоцентризм при исследовании личности.

Введение категории деятельности в психологию меняет точку отсчета, с которой начинается построение общей теории и конкретных методов анализа развития и динамики поведения личности. На смену традиционному пониманию человеческого «Я» либо как некоего интегрирующего психические процессы начала, либо «спрятанного под поверхностью кожи индивида», либо выступающего как идеальная метафизическая инстанция, приходят представления о нескончаемой веренице рождений человека как личности в процессе его движения в *системе* социальных отношений, осуществляемого в деятельности и общении. Акцентируя происходящий в психологии переход изучения проблемы личности в иную систему координат, А.Н. Леонтьев писал: «Личность... ее коперниканское понимание: я *нахожу// имею* свое “я” не в себе самом (его во мне видят другие), а вовне меня существующем — в собеседнике, в любимом, в природе, а также в компьютере, в Системе»[41].

Если предметная совместная деятельность *вводится* в качестве *метода анализа* развития личности, то становится очевидной неадекватность статичного «вещного» понимания личности, ее структуры и утверждается, что *основной формой существования личности является ее развитие.*

В контексте деятельностного подхода к изучению психических явлений и личности человека предлагается следующее определение категории «деятельность»: *деятельность представляет собой динамическую, саморазвивающуюся иерархическую систему взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит порождение психического об-*

[41] *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 241.

раза, осуществление, преобразование и воплощение опосредствованных психическим образом отношений субъекта в предметной действительности.

Исторически для психологии характерны два следующих момента: а) *введение положения о единстве психики и деятельности*, исходно противопоставившего деятельностный подход в психологии как различным вариантам психологии сознания, изучавшим «*психику вне поведения*», так и разным натуралистическим течениям поведенческой психологии, изучавшим «*поведение вне психики*»; б) *введение принципов развития и историзма*, воплощение которых в конкретных исследованиях эволюции психики и общественно-исторической природы психики человека необходимо предполагает обращение к *деятельности как движущей силе развития психики человека и его личности.*

В деятельностном подходе раскрывается положение о том, что *анализ системы деятельностей, реализующих жизнь человека в обществе, приводит к раскрытию такого многоуровневого системного образования, как личность.*

Любые попытки понимать личность вне контекста реального процесса взаимоотношений субъекта в мире с самого начала обессмысливают изучение ее сущности. *Рассматривать личность вне анализа деятельности — значит сбрасывать со счетов ключевой для понимания любой саморазвивающейся системы вопрос: «для чего» (Н.А. Бернштейн) возникает личность как совершенно особая реальность? Эволюция образа жизни, развитие психики человека в биогенезе, социогенезе и персоногенезе приводят к появлению личности как особого «элемента» системы, обеспечивающего ориентировку в мире социальных отношений и преобразование образа жизни.* Поэтому логическая операция изъятия личности из системы общества, из процесса взаимоотношений субъекта с миром, «потока» его деятельностей перекрывает дорогу к изучению закономерностей становления, развития и функционирования личности в мире.

Системно-деятельностный подход не отбрасывает принципы анализа психических явлений в других течениях психологической науки, а сохраняет и перерабатывает все

ценное, найденное в разных направлениях развития психологической мысли. К числу принципов системно-деятельностного подхода в психологии относятся принципы предметности, активности, неадаптивной природы деятельности субъекта, опосредствования, интериоризации (экстериоризации), а также принципы зависимости психического образа от места отражаемого явления в структуре деятельности субъекта, принципы развития и историзма.

Принцип объектной и предметной детерминации деятельности человека

При исследовании проявлений человека как организма, человека как индивида и человека как личности необходимо разграничивать *объектную и предметную детерминацию проявлений жизни человека в разных системах.*

Под объектной детерминацией понимаются различные виды физической стимуляции, непосредственно воздействующие на организм и воспринимаемые разными органами чувств человека. Объектная детерминация, обеспечивающая ориентировку человека в мире, является максимально беспристрастной, неизбирательной, индифферентной к смысловому содержанию раздражителя. Если на мгновение можно было бы представить себя в «объектном» мире, то вокруг оказалось бы пространство контрастов, форм, послеобразов, то есть пространство, в котором действует «закон угла зрения», а не «закон константности восприятия». Люди очутились бы в «мире без значений» и, как Алиса в Зазеркалье, старались бы всюду отыскать «значения», которые покинули вещи.

Две главные характеристики объектной детерминации образа — максимальная *полнота* и *объективность* рецепции объекта (*Н.А. Бернштейн*). Представления о закономерностях преобразования объектной детерминации образа изучались в русле естественно-научных натуралистических концепций, основывающихся на схемах «стимул — реакция», «организм — среда». *Объектная детерминация образа является предметом исследования в сенсорной психофизике, нейрофизиологии, психофизиологии сенсорных систем.* Объектная детерминация образа действительно обеспечивает тот материал, те «сырые сенсорные данные», без которых не

может быть построен субъективный образ *объективного* мира.

Объектная и предметная детерминации процессов психического отражения не противостоят друг другу. Их противопоставление иногда возникает в ходе полемики между представителями разных подходов к изучению психики, сосредоточившихся на изучении психического восприятия мира человеческой культуры и изучающих существующий независимо от совокупной деятельности человечества мир природы. В реальности же продукты объектной детерминации выступают в качестве необходимого чувственного материала, по выражению А.Н. Леонтьева, в «*чувственной ткани сознания*».

Специфика *предметной детерминации* образа мира состоит в том, что *объекты внешнего мира не сами по себе непосредственно воздействуют на субъекта, а определяют формирование образа, лишь преобразовавшись в деятельности, превратясь в ее продукты и приобретя тем самым не присущие им от природы системные качества. Только наделенные системными качествами объекты становятся предметами деятельности. Вне деятельности этих системных качеств объектов не существует.*

Филогенетические предпосылки предметности проявляются в детерминации процессов образа мира животных биологически значимыми признаками объектов, описанными в этологии *ключевыми раздражителями*, а не любыми воздействиями внешнего мира. Так, например, паука побуждает к активности не появление мухи, а вибрация паутины, приобретшая в ходе адаптации «биологический смысл», то есть отношение к потребностям паука, и ставшая тем самым вызывающим активность паука ключевым раздражителем. В филогенезе различных биологических видов *образы мира выступают для животных как обусловленные предметной детерминацией разные пространства биологических смыслов* (*А.Н. Леонтьев*).

В своей развитой форме предметная детерминация *образа мира* свойственна исключительно миру человеческой культуры. Она проявляется в обусловленности процессов порождения образа опредмеченными в объектах внешнего мира «*значениями*» (*А.Н. Леонтьев*).

Значения представляют собой форму хранения общественно-исторического опыта и существуют в фиксированных в орудиях труда схемах действия, в понятиях языка, социальных ролях, нормах и ценностях.

Принцип предметности составляет ядро методологии деятельностного подхода к изучению личности. Именно этот принцип *и тесно* связанные с ним *феномены предметности* позволяют провести четкую разделяющую линию между деятельностным подходом и различными антропологическими концепциями, основывающимися на схемах «стимул — реакция», «организм — среда», «личность — общество». Без детального освещения принципа предметности и раскрытия феноменов предметности как узлового пункта деятельностного подхода понять смысл и пафос этой конкретно-научной методологии изучения человека в психологии невозможно. Для того чтобы раскрыть содержание феноменов и принципа предметности, необходимо охарактеризовать *системную* природу этих феноменов и тем самым показать их несовместимость с пониманием взаимоотношений между «организмом» и «средой», «обществом» и «личностью» как двумя механически воздействующими друг на друга факторами.

Сделать это совсем не просто, так как при характеристике этого принципа возникают те милые препятствия, которые «расставляет» цепкое метофизическое мышление. Первое из этих препятствий заключается в том, что «предмет» берется в обыденном понимании как «объект», то есть вне зависимости от деятельности, образа жизни в целом. Такого рода понимание является благодатной почвой для возникновения разного рода упрощенных выражений, например высказывания о том, что предметная деятельность — это не что иное, как манипулирование с предметами. При этом окружающая действительность сразу же, как это демонстрируют бихевиористы, благополучно рассекается на мир стимулов («объектов»), воздействующих на субъекта, и мир реакций; или «внешний мир общества» и «внутренний мир личности». Между тем, как специально подчеркивал А.Н. Леонтьев, предмет не есть сам по себе существующий объект природы, а всегда *предмет интенции*, «...то, на что *направ-*

лен акт... то есть как нечто, к чему относится живое существо, как *предмет его деятельности*»[42]. В другой работе он писал: «...предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может»[43]. В свою очередь ***деятельность субъекта, регулируемая психическим образом, опредмечивается в своем продукте. Опредмечиваясь в продукте, она превращается в идеальную сверхчувственную сторону производимых ею вещей, их особое системное качество.***

Все указанные выше положения являются основой понимания принципа предметности в деятельностном подходе. Однако за ними нелегко просматривается психологическая реальность, и порой создается впечатление, что эти положения остаются на уровне пустых абстракций. Поэтому-то необходимо прямо указать на различные *феномены предметности*, феномены *интенциональности предмета*, которые проявляются в познавательной и мотивационно-потребностной сферах деятельности личности.

Интенциональный характер предметов деятельности. В экспериментальной психологии существует немало фактов, на материале которых можно отчетливо высветить самые различные аспекты феномена предметности. Прежде всего к числу этих фактов относятся обнаруженные в теории поля Курта Левина и в гештальтпсихологии *феномены «характера требования» и «функциональной фиксированности» объектов. «Характер требования» и «функциональная фиксированность» (К. Дункер) и относятся к такого рода свойствам объекта, которыми объект наделяется, только попадая в целостную систему, в то или иное феноменальное поле.*

[42] *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972. С. 39.

[43] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 84. См. также: *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.

Явление притяжения со стороны объектов, то есть *«характер требования»* (*К. Левин*) предметов, неоднократно описывался в художественной литературе. Порой побуждающий предмет не выступает в сознании человека, но, тем не менее, властно определяет его поступки, «притягивает» человека к себе. Так, герой романа «Преступление и наказание» Раскольников, намеревающийся пойти в полицейскую контору, в д р у г н а х о д и т с е б я (разрядка моя. — *А.А.*) у того места, где им было совершено убийство старухи-ростовщицы: «В контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево: она была уже в двух шагах. Но, дойдя до первого поворота, он остановился, подумал, поворотил в переулок и пошел обходом через две улицы, — может быть, без всякой цели, а может быть, чтобы хоть минуту еще потянуть и выиграть время. Он шел и смотрел в землю. Вдруг как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у того дома, у самых ворот. С *того* вечера он здесь не был и мимо не проходил.

Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его»[44]. В этом примере какая-то непонятная сила влечет главного героя к месту преступления, и она, эта сила, словно действует помимо него. ***При наличии некоторой потребности объект, могущий удовлетворить человека, влечет его к себе и побуждает совершить акт, как бы «требуемый» этой вещью и приводящий к удовлетворению данной потребности.***

Тот фундаментальный факт, что ***«значение», кристаллизированное в продуктах общественной деятельности, как бы «требует» совершить то или иное действие, нашел свое выражение также в представлениях К. Дункера о «функциональной фиксированности»***. К. Дункер провел детальное исследование фиксации функционального «значения» за различными объектами. В типовых задачах испытуемый должен был преодолеть фиксацию функции, закрепленной за объектом, и употребить объект, ранее применявшийся в той же ситуации в обычной функции, в другой,

[44] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М., 1980. С. 45.

непривычной функции. Например, после того как плоскогубцы использовались для вынимания гвоздей, применить их в качестве «подставки для цветов» и т.д. Было установлено, что фиксация какой-либо функции за объектом впоследствии приводит к тому, что у испытуемого возникает функциональная фиксированность, т. е. применение объекта только в той функции, в которой он использовался ранее. О наличии функциональной фиксированности судят по тому, как она препятствует, мешает употребить объект в новой, непривычной функции.

Сущность феноменов и принципа предметности особенно ярко проступает в тех фактах, в которых проявляется расхождение и даже конфликт между естественной логикой движения, определяемой чисто физическими свойствами объекта как «вещи», и логикой интенционального действия с «предметом», за которым в культуре фиксирован вполне определенный набор операций. Такого рода конфликт и выступал в качестве прообраза методического принципа экспериментальных исследований практического интеллекта ребенка, которые проводились в 1930-е гг. А.Н. Леонтьевым и его сотрудниками Л.И. Божович, П.Я. Гальпериным, А.В. Запорожцем и другими.

Приведем в качестве примера исследование Л.И. Божович. Она просила детей 3—5 лет достать картинку, которая прикреплена к рычагу на столе. Сложность задания заключалась в том, что ребенок тянет ручку рычага к себе и все время терпит неудачи, так как логика непосредственного восприятия ситуации вступает в конфликт с логикой «орудия», которая, используя термин К. Левина, «требует», чтобы ребенок оттолкнул ручку от себя. Лишь тогда картинка приблизится к нему.

Впоследствии специфические особенности *«предметных» интенциональных действий* с удивительной ясностью были описаны выдающимся исследователем, создателем теории «построения движения» и «физиологии активности» Н.А. Бернштейном: «Дело в том, что движения в предметном уровне ведет не пространственный, а смысловой образ и двигательные компоненты цепей уровня

действий диктуются и подбираются по смысловой сущности предмета и того, что должно быть проделано с ним. Поскольку же эта смысловая сущность далеко не всегда совпадает с геометрической формой, с пространственно-кинематическими свойствами предмета, постольку среди движений — звеньев предметных действий вычленяется довольно высокий процент движений, ведущих не туда, куда непосредственно зовет пространственное восприятие...»[45] Процедуры открывания крышки шкатулки путем прижатия ее книзу, поворота лодки против часовой стрелки путем поворота руля по часовой стрелке — все это примеры движений «не туда», в которых вещь фигурирует в первую очередь не как «материальная точка в пространстве», не как стимул, вызывающий реакции, а как *предмет — носитель общественно-исторического опыта, определяющий специфику предметного интенционального действия человеческой личности.*

Н.А. Бернштейн, изучавший характер предметных действий, А.Н. Леонтьев и его сотрудники, исследовавшие значения, фиксируемые в орудиях, имели дело с той же реальностью, что К. Левин и К. Дункер. Но в отличие от гештальпсихологов они сумели раскрыть действительное происхождение реальности, этих «системных качеств» объекта, усмотреть за ней «осевшую» на объектах мира человека деятельность.

Феномен предметности мгновенно исчезает, стоит лишь изъять объект из той или иной деятельности, из той или иной культуры. Ни на каком объекте, взятом самом по себе, не написано, что он является мотивом деятельности личности, и в то же время любой объект может превратиться в мотив деятельности (предмет потребности), наделиться таким сверхчувственным системным качеством, как «характер требования», когда он попадает в определенную систему деятельностей человека.

Феномен «идеализации». Наделяется этими сверхчувственными системными качествами и такой вполне телесный объект природы, как человек, вступая как личность во все но-

[45] *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М., 1947. С. 131.

вые и новые отношения с другими людьми и становясь порой мотивом их деятельности. Именно эти системные качества человека, а не то, что «спрятано под поверхностью его кожи», составляют плоть его *личности.* Здравый смысл упорно сопротивляется в самых разных формах подобному «предметному» пониманию личности, выступая в обыденном сознании, например, в виде расхожих представлений вроде представления об «идеализации», приукрашивании любимого человека. В действительности же любящий человек, включаясь в такой тип творческой деятельности, как творчество любви, не идеализирует, а открывает появившиеся в совместной деятельности системные социальные качества другой личности. Одну из важнейших характеристик предметной деятельности, неразделимость в деятельности личности и общества, можно проиллюстрировать образным высказыванием публициста Е.М. Богата. По его мысли, одна из самых замечательных особенностей творчества в том и состоит, что в нем меняются, рождаются заново не только полотно или камень, но и сам художник. К творчеству, объединяющему в одно целое двух близких людей, это относится особенно, так как в нем «субъект» и «объект» — живые, и понять, кто субъект, а кто объект, практически невозможно.

Итак, реальным основанием для выделения принципа предметной интенциональной детерминации деятельности в психологии личности служит целый ряд описанных выше феноменов предметности. Принцип предметности, выделяемый в конкретно-научной методологии деятельностного подхода к изучению человека, выступает как оппозиция объектному «антропоцентрическому» видению человека и задает особое пространство исследования личности.

Для этого пространства характерны следующие особенности: а) в нем снимается присущее бихевиористскому, персонологическому, ролевому и психоаналитическому подходам к личности противопоставление *индивида — среде, личности — обществу, мира стимулов — миру реакций*; б) человек и предметный мир рассматриваются как полюса развивающейся системы, системы деятельностей в обществе, внутри кото-

рой они только и приобретают присущие им системные качества. Анализ деятельности на полюсе субъекта вплотную подводит еще к двум принципам системно-деятельностного подхода — принципу активности и принципу неадаптивной природы индивидуальности личности.

Принцип реактивной и активной организации процессов деятельности человека

Представления о реактивной и пассивной природе человека всегда были и остаются отличительными признаками различных психологических и биологических концепций, основывающихся на идеях механистического материализма, для которого характерен взгляд на человека как на своего рода «машину» (*Ж. Ламетри*), «автомат», «ролевой робот» и т.п. Эти представления отличаются удивительной живучестью, постоянно находя аналогии между человеком и его органами и различными техническими устройствами — от камеры-обскуры до сложнейших современных электронно-вычислительных машин.

Своеобразной иллюстрацией этих принципов может послужить воображаемая перекличка между философами и учеными Средневековья, физиологами, работающими в рамках рефлекторного подхода, бихевиористами, представителями когнитивной психологии, создателями «ролевых» теорий личности. Так, Ч. Шеррингтон словно перекликается с Дж. Уотсоном, говоря, что животные являются лишь *марионетками*, которых явления внешнего мира заставляют совершать то, что они совершают. Однако Ч. Шеррингтон, вслед за Р. Декартом, говорит о реактивной, пассивной природе только животных. *Родоначальник же бихевиоризма Дж. Уотсон* с присущей ему категоричностью заключает: «Необходимо изучать человека аналогично тому, как химики изучают органические соединения. *Психологически человек все еще остается комком непроанализированной протоплазмы*»[46]. Дж. Уотсону спустя полвека вторит основатель *социального бихевиоризма Б. Скиннер*, утверждая, что за поведение человека несет ответственность не он сам,

[46] *Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении. М., 1926. С. 6.

а окружающая его Среда. По мысли Б. Скиннера, человек бьется головой о стену, стена «наказывает»; это больше не повторяется, потому что именно «стена», а не «чувство ответственности» помогает человеку в дальнейшем избежать подобных неприятных случаев. И все это звучит довольно последовательно, если вспомнить принятый Скиннером принцип реактивности и идущее рука об руку с этим принципом превращение человека в марионетку, всецело выполняющую волю Среды. В ролевых концепциях личность чаще оказывается пассивным конформистом, действующим под влиянием социальных ожиданий и норм группы.

Превращение человека в бихевиоризме в марионетку, а в социальном бихевиоризме Скиннера — в функционера, манипулируемого посредством разных подкреплений, в ролевых теориях — в «играющего человека» — вещь закономерная. Предложив для объяснения поведения лаконичную схему *S—R,* бихевиористы начали борьбу против «психологии сознания», предприняв попытку выбросить на свалку истории такие мистические категории, как «намерение», «образ», «сознание», «апперцепция», «свобода», «вина» и т.п. — словом, все то, что было связано с *активностью, пристрастностью субъекта.* Подобно средневековым рыцарям, уотсоновцы предали огню и мечу внешние атрибуты старой религии, не разрушив при этом основания самого храма.

В роли такого основания выступал «постулат непосредственности» (*Д.Н. Узнадзе*), молчаливо признаваемый психологами разных школ, будь то ассоцианисты или бихевиористы, персонологи или психоаналитики, — постулат, который был позаимствован у классической физики. Радикальный, а затем и социальный бихевиоризм возвели этот постулат в принцип, которому должно подчиняться объяснение поведения, тем самым узаконив взгляд на поведение человека как реактивное по своей природе.

Вместе с тем, критикуя различные концепции человека, будь то бихевиористские, когнитивистские или ролевые теории, не следует забывать, что все эти основывающиеся на принципе реактивности модели человеческого поведения основываются на реальных фактах,

которые гиперболизируются, односторонне освещаются. Например, *за ролевым поведением личности стоят утилитарные качества человека, которые он приобретает в той или иной социальной группе.* В типичной социальной ситуации следование социальным нормам и ожиданиям группы освобождает человека от тяжелой работы по принятию решения. Так, П. Жане, резко разделивший память человека на *память как социальное действие*, присущее только человеку, и *память как автоматическое повторение*, подчеркивал большое значение реактивного поведения. Он даже назвал людей «автоматами для повторения», которые воспроизводят одно за другим привычные, стереотипные действия в течение многих десятилетий.

Ориентируясь на принятое в конкретной культуре стереотипное поведение, можно с большей или меньшей степенью вероятности прогнозировать типичные социальные действия человека как представителя той или иной социальной группы. Стоит, однако, выйти за границы диапазона конкретных привычных ситуаций, например попасть в другую культуру или перенестись мысленно в другую историческую эпоху, и за кажущейся естественностью реактивного стереотипизированного поведения приоткроется его культурное историческое происхождение. Например, шведский путешественник Эрик Лундквист рассказывает, как однажды в Новой Гвинее после удачной охоты он, объев почти до конца кость дичи, бросил ее старому туземному вождю. Присутствующий при этом друг Э. Лундквиста, европеец, возмутился: «Ты обращаешься с ним, как с собакой!.. Швырять ему кости! Это же унизительно для него! А сам проповедуешь, что мы должны обращаться с туземцами по-человечески, так, словно они белые»[47]. Этот европеец, оценивая происшедшее событие через призму социальных норм общения, этикета в европейской культуре, неверно сориентировался в ситуации. Он не учел различия обычаев у папуасов и европейцев, характерных для образа жизни в этих культурах. У папуасов совершенное Э. Лундквистом действие считается проявлением дружеских отношений.

---

[47] *Лундквист Э.* Дикари живут на Западе. М., 1958. С. 340.

Поэтому вождь племени в том, что ему давали недоеденную его гостем пищу, усматривал не обиду, а знак дружеского расположения. В приведенном примере проявляется то, что реактивное стереотипическое поведение пригнано к определенному образу жизни. Оно дает сбой тогда, когда человек сталкивается с нестандартной ситуацией, в частности попадает в другую культуру.

Реактивное и активное поведение человека не антиподы, а дополняющие друг друга приспособления в определенной системе взаимоотношений с миром, между которыми далеко не всегда удается провести отчетливую границу (*С.Д. Смирнов*).

В методологии деятельностного подхода с самого начала отстаивалось положение о том, что поведение человека в мире и его познание действительности носят активный пристрастный характер. В современной психологии выделяются *три подхода*, раскрывающих разные грани принципа активности.

Первый, наиболее традиционный из этих подходов состоит в том, что в нем исследуется ***зависимость познания мира человеком от различного рода ценностей, целей, установок, потребностей, эмоций и прошлого опыта, которые определяют избирательность и направленность деятельности субъекта.*** «Понятие субъективности образа включает в себя понятие *пристрастности* субъекта. Психология издавна описывала и изучала зависимость восприятия, представления, мышления от того, «что человеку нужно», — от его потребностей, мотивов, установок, эмоций. Очень важно при этом подчеркнуть, что такая *пристрастность* сама объективно детерминирована и отражается не в неадекватности образа (хотя и может в ней выражаться), а в том, что она позволяет активно проникать в реальность»[48].

Различная глубина вкладов субъекта в *образ мира* проявляется на разных уровнях — от избирательности восприятия, обусловленной предшествующим контекстом, до пристрастности восприятия мира, обусловленной мотивами личности.

---

[48] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 55—56.

Подобное понимание активности может быть полностью выражено известной формулой С.Л. Рубинштейна, согласно которой *внешние причины* действуют через *внутренние условия.*

Обусловленность познания человека ожиданиями будущих событий, предвосхищением возможных результатов действия, установками, гипотезами и т.п. позволяет выделить *предвосхищение вероятного и потребного будущего как одну из особенностей проявления активности субъекта.* Разные аспекты представлений в заглядывании в будущее фиксировались понятиями «образ потребного будущего» (*Н.А. Бернштейн*), «акцептор результатов действия» (*П.К. Анохин*), «установка» (*Д.Н. Узнадзе*), «вероятностное прогнозирование» (*И.М. Фейгенберг*).

В психологии личности эти представления нашли свое выражение в понятиях «жизненные планы», «временная перспектива» (*К. Левин*), которые существенным образом влияют на выбор поступков личности, на ее судьбу[49].

Второй подход к проблеме активности является антиподом различных представлений о поведении, основывающихся на принципе активности. *Этот подход выражается во взгляде на психические процессы как на творческие, продуктивные, как на процессы порождения психического образа.* Представители его (это прежде всего *Н.А. Бернштейн, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев*) с самого начала показывают, что в той среде, где возможно поведение как реактивное приспособление к миру, в возникновении пристрастного психического образа нет никакой необходимости, а все реагирование субъекта может быть основано на врожденных физиологических механизмах или готовых социальных шаблонах и эталонах поведения и восприятия.

Совсем недавно и с несколько неожиданной стороны представители второго подхода получили подтверждение не только его правильности, но и своевременности. Разработчики моделей распознавания образа убедились в том, что сказочная форма «*пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что*» имеет гораздо более глубокий смысл, чем это может

---

[49] См.: *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.

показаться с первого взгляда. Оказалось, что *в реальной жизни встреча с подобными «плохо сформулированными задачами» является скорее правилом, чем исключением.* Люди то и дело попадают в ситуации, где буква *S* при случае может быть воспринята как цифра 5 или змея и т.д. *Для таких ситуаций характерны следующие черты: во-первых, они содержат неопределенность и мало указаний на то, а что же требуется получить; во-вторых, для их решения постоянно приходится обращаться к частным, разовым способам решения, применимым к данному конкретному случаю.* Таким образом, представители различных вариантов теории распознавания образа и вместе с ними психологи когнитивистского направления, такие как У. Найссер, попадают в затруднительное положение, когда им приходится решать вопрос: как распознаются «плохо оформленные» категории? Выход из этого положения пытаются найти на пути выделения универсальных шаблонов, посредством которых можно распознавать образ, подогнать стимул к готовому шаблону. Такого рода шаблоны или готовые рефлекторные механизмы поведения были бы наиболее экономным способом приспособления в стационарной, а не в изменчивой среде. Именно в стационарной среде поведение по принципу реактивности обеспечило бы организму наилучшее выживание.

Но, как отмечал Н.А. Бернштейн, развивая взгляды на моторное запоминание как активную творческую деятельность, что бы человек ни делал — бежал ли по неровному месту, боролся с другими животными, выполнял тот или иной рабочий процесс, — всегда и всюду он занимается преодолением сил из категории неподвластных, не предусмотренных и не могущих быть преодоленными никаким стереотипом движения, управляемым только изнутри. В связи с этим положением *ни познание, ни социальное поведение личности не могут быть объяснены при помощи ролевых или бихевиористских концепций, рассматривающих эти процессы как пассивное «отдавание» воздействиям, идущим извне, и как опирающиеся на те или иные раз и навсегда приготовленные следы, шаблоны в прошлом опыте человека. Они представляют собой не повторение действий, а их построение в непредвиденных и конфликтных ситуациях.* Человек как активный «элемент»

разных социальных общностей постоянно сталкивается с задачей соотнесения тех целей, которые ему приходится осуществлять в ситуациях, выдвигающих порой разные требования. Тут-то он и разыгрывает *конфликт «быть или казаться»*, пуститься ему в погоню за удачным выполнением в разных системах разных социальных ролей и стремиться стать «хорошим для всех» или же не раствориться в разных системах и остаться самим собой.

Включенность человека в разные и иногда противоречивые социальные группы приводит к необходимости ориентировки в разных социальных ситуациях и строительству таких поступков индивидуальности, которые могут привести как к трансформации личности, так и к развитию тех систем, в которые личность входит как их активный «элемент».

Таким образом, этот второй подход к проблеме активности доказывает ограниченность тех направлений психологии, которые опираются на принцип реактивности при объяснении различных проявлений поведения и познания человека.

Третий подход к проблеме активности ставит во главу угла *идею о самодвижении деятельности.* Этот подход не отрывен от принципа неадаптивной природы человеческой деятельности.

Принцип сочетания адаптивного и неадаптивного типов активности как условие развития деятельности человека

В деятельностном подходе к изучению человека неоднократно подчеркивался тот факт, что *личность представляет собой такого рода особое образование, которое не может быть выведено из приспособительного адаптивного поведения (А.Н. Леонтьев). Личность живет по формуле «жить, а не выживать».*

При анализе соотношений адаптивных и неадаптивных качеств деятельности субъекта следует учесть, что в психологии долгое время преобладали взгляды на человека как на адаптивное приспосабливающееся существо. В.А. Петровским были специально проанализированы и выделены три наиболее распространенных варианта принципа адаптивности в различных общепсихологических

подходах к изучению поведения человека: *гомеостатический, гедонистический* и *прагматический.*

Гомеостатический вариант. Идея гомеостаза досталась психологам в наследство от традиционных биологических теорий, утверждающих, что все реакции организма как системы, пассивно приспосабливающейся к воздействиям среды, призваны лишь выполнять сугубо адаптивную функцию — вернуть организм в состояние равновесия. В эмпирической психологии этот вариант принимал самые различные формы. Особенно явно он выступил в рефлексологии, в которой активность субъекта сводится к поддержанию равновесия со средой. ***Гомеостатический вариант объяснения поведения личности нашел свое выражение в столь внешне непохожих общепсихологических концепциях, как психоанализ З. Фрейда; динамическая теория личности К. Левина; социально-психологические теории стремления к разрядке когнитивного несоответствия (диссонанса) Л. Фестингера или баланса Ч. Осгуда*** (*Ч. Осгуд и др.*); ***в необихевиористских концепциях редукции напряжения потребностей организма человека и животных.***

Внешне противоположными, но близкими по исходному принципу являются концепции личности в гуманистической психологии, в которых идее гомеостазиса противопоставляется идея «*стремления к напряжению*», к нарушению равновесия как исходная методологическая предпосылка изучения мотивации развития личности человека (*А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс* и др.). И в тех и в других концепциях личность противопоставляется социальной среде, а ее поведение подчиняется *заранее предустановленной конечной цели — обрести равновесие с обществом за счет разрядки потребностей или достичь «равновесия» с самим собой за счет самоактуализации*, то есть добиться «равновесия», как бы ни мешало или ни помогало общество.

Гедонистический вариант. В соответствии с гедонистической предпосылкой анализа поведения человека любые поведенческие акты направлены *на максимизацию удовольствия и минимизацию страдания*, в частности отрицательных эмоций, огорчений и т.п. На первый взгляд против

гедонистического варианта, прямо формулируемого в концепции мотивации достижения Дж. Макклелланда, возражать довольно трудно[50]. В повседневной жизни существует немало примеров, когда человек совершает то или иное действие, чтобы получить удовольствие. Однако даже если оставить в стороне этические характеристики подобной интерпретации конечных целей человеческих стремлений, то найдется немало фактов, иллюстрирующих существование действий и поступков личности, которые идут вразрез со стремлениями достичь удовольствия и избежать страданий. И факты эти не только в сфере героизма и самопожертвования, а в человеческой работе, где большинство действий направлено не на достижение удовольствия, а на то дело, ради которого живет человек.

Прагматический вариант. Этот вариант, распространенный в функциональной и когнитивной психологии, выступает в виде положения о том, что *любое оптимальное поведение направлено на максимизацию пользы, достижение эффекта при минимальных затратах.* Так, известные представители когнитивной психологии П. Линдсей и Д. Норман практически прямо формулируют суть этого варианта принципа адаптивности: «...даже если принятое кем-то решение кажется неразумным, мы все равно допускаем, что оно логично и обоснованно. Наш основной постулат состоит в том, что всякое решение оптимизирует психологическую полезность, даже если посторонний наблюдатель (а может быть, и человек, принявший решение) будет удивляться сделанному выбору»[51].

Прагматический вариант, особенно в той форме, в которой он дается в когнитивной психологии, исходит из определения человека как «*человека рационального*», а тем самым любого человеческого действия как рационального и разумного. Отсюда *при анализе развития человека и в его индивидуальной жизни, и в истории общества любые проявления, не вписывающиеся в рамки «разумного действия», отфильтровываются, отбрасываются немотивированные*

---

[50] См. об этом: *Хекхаузен Х.* Психология мотивации достижения. СПб., 2001.

[51] *Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации человеком. М., 1974. С. 502.

поступки в жизни личности, неутилитарные проявления человека в истории общества. И психологи, и антропологи, и археологи ищут объяснения проявлений сущности личности в ее индивидуальной жизни и в истории человечества в чисто рациональных приспособительных образованиях — в утилитарной полезной деятельности и ее продуктах. При этом соответствующий прагматическому варианту принципа адаптации образ «разумного человека» достраивается, подтверждается, а многие неутилитарные проявления жизни личности и человечества интерпретируются как недостойные внимания, странные, ненужные и неполезные.

Гомеостатический, гедонистический и прагматический варианты принципа адаптации объединяет то, что во всех этих вариантах поведение устремлено к изначально данной, предустановленной цели. *Подчиненность активности какой-либо заранее данной норме или цели и составляет существенную особенность поведения субъекта, характеризуемого как адаптивное* (*В.А. Петровский*).

Наивно было бы отрицать наличие у человека широкого класса поведенческих актов адаптивной природы. Точно *так же, как самолет, взлетающий в небо, не противоречит и тем более не отменяет законов земного тяготения, возникновение неадаптивных проявлений поведения никоим образом не является отрицанием адаптивных поведенческих реакций.*

Неадаптивный характер деятельности человека явственно выступает при изучении активности человека, отвечающей формуле «*внутреннее* (*субъект*) *действует через внешнее и тем самым само себя изменяет*» (*А.Н. Леонтьев*). Суть этой формулы активности можно проиллюстрировать на примере развития человеческих потребностей. Вначале потребность выступает как чисто динамический силовой импульс, некоторый физиологический порыв (drive), который приводит к возникновению ненаправленной поисковой активности. Вследствие своей *универсальной пластичности* (*В.В. Давыдов*) поисковая активность может подчиниться, *уподобиться*, принять на себя самые разные предметы окружающего мира. До того как это «внутреннее» побуждение не нашло в процессе активности свой

предмет, оно способно вызывать лишь «внешнее» — саму эту поисковую активность. Однако после встречи этого побуждения с предметом, который заранее не предустановлен, картина разительно меняется. Побуждение преобразуется, опредмечивается, и потребность начинает направлять, вести за собой деятельность. Только в этой своей направляющей функции потребность является предметом психологического анализа.

Если у животных диапазон объектов, на которых может фиксироваться потребность, как показывают блестящие исследования этологов, например исследования *импринтинга* — реакций *запечатления*, следования новорожденных животных за первым проходящим мимо объектом, весьма ограничен, то у человека в силу постоянного преобразования им среды, производства материальных и духовных ценностей этот диапазон воистину не имеет границ. Преобразование по описанной выше формуле активности потребностей, переход их из физиологического состояния нужды, выступающей в роли предпосылки деятельности, на уровень собственно психологической регуляции деятельности, естественно, лишь один из частных случаев таких трансформаций. Подобного рода трансформации происходят и с индивидом в целом, приводя к рождению личности, и с личностью, выступая самодвижущей силой ее развития. Последний момент особенно выделен С.Л. Рубинштейном, который писал: «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя»[52].

Методологические представления о самодвижении деятельности определили общую стратегию поиска конкретных психологических феноменов и механизмов этого самодвижения. А.Н. Леонтьев подчеркивал, что *источники как саморазвития, так и сохранения устойчивости деятельности должны быть найдены в ней самой.* Для решения этой задачи, а тем самым и ответа на вопрос, как рождается

[52] *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1971. С. 334.

новая деятельность, В.А. Петровским была предпринята попытка обнаружить и экспериментально исследовать возникающую по ходу движения деятельности *избыточную активность*, этот своего рода «движитель» деятельности. На материале анализа *феномена «бескорыстного риска»*, проявляющегося в ситуации опасности, им было показано, что человеку присуща явно неадаптивная по своей природе тенденция — тенденция действовать как бы вопреки адаптивным побуждениям над порогом внутренней и внешней ситуативной необходимости. В основе *феномена «бескорыстного риска», в частности и в основе зарождения любой новой деятельности, лежит порождаемый развитием самой деятельности источник — «надситуативная активность»*. Исследования феномена «бескорыстного риска» выдвигают на передний план идею о неадаптивном, непрагматическом характере активности субъекта, его саморазвитии и тем самым закладывают основания для нового проблемного поля анализа личности.

Один из феноменов, иллюстрирующих существование проявлений надситуативной активности, был продемонстрирован еще в 1940-х гг. экспериментами В.И. Аснина. В этих исследованиях детей 3 и 4 лет просили достать, например, шоколадку, лежащую на столе. Между ними и этой шоколадкой помещали барьер, например проводили черту, то есть делали так, чтобы они не могли прямо подойти и достать желаемую вещь. Рядом с ребенком клали, например, небольшую палку, с помощью которой эту шоколадку можно достать. Дети 3—4 лет методом «проб и ошибок» через некоторое время придвигали эту шоколадку к себе. После этого они были довольны, что достигли цели, которую перед ними поставили. Затем опыт воспроизводился уже с детьми 9 лет. Ребенок 9 лет, который, казалось бы, должен мгновенно решить эту задачу, мучается, ходит из стороны в сторону, не обращает никакого внимания на эту удобную, лежащую рядом с ним палку, с помощью которой он может достать шоколадку.

Тогда В.И. Аснин сделал следующее: он объяснил четырехлетнему ребенку, что тот ни в коем случае не должен подсказывать своему старшему другу, как достать

шоколадку, но при этом он должен находиться в комнате. Иными словами, ситуация внешне очень схожа, только в комнате рядом с девятилетним находится четырехлетний ребенок, и опыт повторяется. Девятилетний ребенок вновь не может решить задачу. Наконец, четырехлетний ребенок не выдерживает, нарушает барьер, выступающий в виде запрета взрослого, и говорит: «Ты возьми палку, тогда достанешь шоколадку». Тогда девятилетний мальчик отвечает: «Так и каждый сможет».

За феноменом «интеллектуальной инициативы» (*В.И. Аснин*), за феноменом «риск ради риска» (*В.А. Петровский*) и выступает надситуативная неадаптивная активность субъекта. Она проявляется в присущей человеку как члену той или иной социальной общности постановке перед собой «*сверхзадач*» (*К.С. Станиславский*).

Возникновение и проявление избыточной надситуативной активности, преобразующей социальные нормы, своим происхождением обязано образу жизни личности как активного «элемента» различных социальных групп, включение в которые обеспечивает возникновение потенциальных ранее не присущих «элементам» избыточных качеств, обеспечивающих поиск инновационных вариантов решения в проблемно-конфликтных ситуациях. В подобных ситуациях эти системные качества индивидуальности личности могут сыграть важную роль как в индивидуальной жизни человека, так и в жизни той социальной системы, проявлением которой они в конечном итоге являются. Адаптивные и неадаптивные проявления поведения личности, за которыми стоят тенденции к сохранению и изменению социальных систем, представляют собой обязательное условие развития личности человека, его социализации.

Интериоризация/ экстериоризация как механизм социализации человека

Иногда характеристика появившегося на свет ребенка как существа «генетически социального» воспринимается как метафора. В действительности эта характеристика отражает тот факт,

что ребенок появляется не в природной среде, а с самого начала его индивидуальная жизнь вплетается в присущий только человеку мир общественно-исторического опыта (животные обладают видовым и индивидуальным опытом), в сложную систему социальных связей, и он сам изменяет эти связи. Как бы парадоксально это ни звучало, активность появившегося в «мире человека» ребенка, то, родился ли он в хижине или дворце, длительность периода детства в данной культуре и т.д. — все это приводит к тому, что в *центре развития личности оказывается не индивид сам по себе, вбирающий воздействия окружающей среды, а первые изначально совместные акты поведения, преобразующие микросоциальную ситуацию развития личности.* Не подозревающий об этом ребенок получает идеальную представленность в жизни других людей, меняет их судьбы и отношение к миру.

Тот кардинальный момент, что ребенок с первых мгновений своего существования — член общества, участник развития очеловеченного пространства и времени, в корне меняет распространенные представления о социализации как воздействии общества на изначально пассивного индивида.

Очеловеченное пространство — это, во-первых, пространство предметов, за которыми закреплены исторически выработанные способы их употребления;

во-вторых, закрепленные в данной культуре правила, ритуалы, нормы обращения и общения с ребенком в зависимости от занятой им при рождении социальной позиции в обществе (например, «принц» или «нищий»);

в-третьих, в очеловеченное пространство входит и очеловеченное время — режим, временной распорядок жизни новорожденного, предписывающий, что и когда с ним нужно делать.

«Очеловеченное пространство, очеловеченное время и человеческие формы поведения реализуются для ребенка первоначально в действиях взрослых людей, действиях, направленных на его обслуживание. С самого рождения ребенка его активность регулируется внутри системы взаимо-

связи взрослый — ребенок»[53], то есть той системы, которая в свою очередь обусловлена более широким культурно-историческим контекстом, той культурой, тем временем, тем обществом, членом которого становится ребенок.

Не биологический индивид сам по себе, а *разделенные совместные действия со взрослыми, а затем и со сверстниками, включенные в деятельность общества, и продукт этой деятельности — культуру — исходный момент движения человека в обществе.*

В современной психологии бытует ошибочное мнение, что Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев выступали против понятия *«социализация»* как такового. Почвой для возникновения этого мнения послужили два следующих основания. Первое из них, как на это справедливо указывает Г.М. Андреева, имеет своим истоком резкую критику Л.С. Выготским представлений о социализации ребенка в концепции Ж. Пиаже. В ранних исследованиях Ж. Пиаже социальная среда интерпретируется как внешняя, чуждая по отношению к ребенку сила, которая *принуждает* его принять чуждые схемы мысли. «Сама социализация детского мышления, — отмечает Л.С. Выготский, — рассматривается Пиаже вне практики как чистое общение душ»[54]. Именно с критикой концепции социализации, в которой причудливо переплетаются психоанализ З. Фрейда с социологической теорией Э. Дюркгейма, и выступал Л.С. Выготский.

Вторым основанием указанного выше мнения является стремление А.Н. Леонтьева дать содержательную характеристику понятию «социализация»: «Для психологии, которая ограничивается понятием “социализация” психики индивида без дальнейшего анализа, эти трансформации (взаимопереходы в системе «личность в обществе». — *А.А.*) остаются настоящей тайной. Эта психологическая тайна открывается только в исследовании порождения челове-

[53] *Мещеряков А.И.* Соотношение органического и социального в первоначальном развитии ребенка // Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975. С. 459.
[54] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 105.

ческой деятельности и ее внутреннего строения»[55]. Пытаясь дать содержательную характеристику «социализации», А.Н. Леонтьев вслед за Л.С. Выготским вводит положение *об интериоризации/экстериоризации как взаимопереходах в системе совместной деятельности человека в обществе.*

Представления об интериоризации как механизме социализации, присвоения зафиксированных в культуре социальных норм и программ наиболее детально развивались Л.С. Выготским и его школой. Исторически, однако, сложилось так, что с середины 1950-х гг. основные усилия таких представителей деятельностного подхода, как П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Н.Ф. Талызина, сконцентрировались на изучении интериоризации как механизма перехода из внешней практической или познавательной деятельности во внутреннюю деятельность. В этих исследованиях, поставивших в центр проблему перехода из внешнего плана деятельности во внутренний *идеальный* план, выделилась *теория поэтапного, или планомерного, формирования умственных действий, созданнаяблагодаря классическим работам П.Я. Гальперина и его последователей.* Однако нацеленность этих исследований прежде всего на изучение познавательной деятельности субъекта привела к неявному возникновению сужения понятия «интериоризация» как понятия, раскрывающего механизм превращения материального в идеальное, внешнего во внутреннее в *индивидуальной* деятельности. Первоначальный более широкий смысл понятия «интериоризация» как механизма социализации оказался в тени.

Между тем еще в начале 1930-х гг. Л.С. Выготский писал: «Для нас сказать о процессе "*внешний*" — *значит* сказать "*социальный*". Всякая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией; она была прежде социальным отношением двух людей»[56]. *Для Л.С. Выготского интериоризация и представляла собой*

---

[55] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1974. С. 83—84.

[56] *Выготский Л.С.* Избранные психологические произведения. М., 1960. С. 197.

переход от интерпсихического социального к интрапсихическому индивидуальному способу жизни человека.

При анализе социализации как механизма усвоения общественно-исторического опыта в целом процесс овладения индивидом общественным опытом характеризуют термином «*присвоение*», а для характеристики процесса вовлечения человека в систему социальных связей с другими людьми используют термин «*приобщение*».

«Ребенок не приспосабливается к окружающему его миру человеческих предметов и явлений, а делает его своим, то есть *присваивает его*.

Различие между процессом приспособления в том смысле слова, в каком он употребляется по отношению к животным, и процессом присвоения состоит в следующем. Биологическое приспособление есть процесс изменения видовых свойств и способностей субъекта и его врожденного поведения, который вызывается требованиями среды. Другое дело — процесс присвоения. Это процесс, который имеет своим результатом воспроизведение индивидуумом исторически сформировавшихся человеческих свойств, способностей и способов поведения. Иначе говоря, это есть процесс, благодаря которому у ребенка происходит то, что у животных достигается действием наследственности: передача *индивиду* достижений *вида*...

Чтобы овладеть предметом или явлением, нужно активно осуществить деятельность, адекватную той, которая воплощена в данном предмете или явлении»[57].

Если абстрактно выразить общую схему процесса присвоения и воспроизводства общественно-исторического опыта, то она будет выглядеть так: социальная конкретно-историческая система общества, образ жизни в данной системе (в том числе в культуре) → процесс совместной деятельности члена общества (ребенка, взрослого) в социальной группе как основа социализации личности (механизм интериоризации) → формирование личности → проявление личности как субъекта деятельности (механизм экстериоризации) → преобразование совместной деятельности

[57] *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972. С. 535—536.

социальной группы → преобразование образа жизни в данной социальной системе.

В деятельностном подходе долгое время при анализе процесса присвоения общественно-исторического опыта абстрагировались от ряда моментов этой общей схемы. Из нее как бы выпадали «образ жизни и культура», а «совместная деятельность» порой сводилась к взаимодействию в диаде «ребенок — взрослый», интерпретировалась как «индивидуальная деятельность», ставился неявно знак тождества между психикой человека и его личностью. Вследствие этого процесс перехода социогенеза общества в онтогенез личности, механизмы этого перехода до сих пор изучены недостаточно. Все внимание было сосредоточено на механизме интериоризации, а вопросы социального конструирования мира, порождения «интерсубъективной реальности» оставались вне поля исследования.

Если процесс социализации и стоящий за ним механизм интериоризации изучен в психологии, особенно в психологии познавательных процессов, то процесс *индивидуализации* человека и лежащий в его основе механизм экстериоризации весьма слабо освещены в различных подходах к изучению развития человека. Отсутствие методических приемов исследования механизмов экстериоризации, а также не всегда прямо выраженный взгляд на индивида как «приемника», потребителя внешних социальных воздействий и благ, замедлили исследования экстериоризации, а тем самым и роли личности в развитии различных малых и больших социальных групп.

Процесс развития личности как субъекта деятельности, изучение ее социализации предполагают исследование механизмов овладения собственным поведением, превращение психики личности в особый «орган», орудие преобразования человеческого мира.

Опосредствование и сигнификация как механизмы овладения и саморегуляции поведения человека

Положение об использовании внешних и внутренних средств как «знаков», как особого рода «орудий», при помощи которых *человек переходит от детерминации поведения раз-*

личного рода внешними командами, инструкциями, социальными ожиданиями к самодетерминации, к преднамеренной произвольной регуляции поведения, прочно вошло в арсенал основополагающих принципов деятельностного подхода к изучению человека. Это положение было введено основателем культурно-исторической психологии Л.С. Выготским, а затем развито в исследованиях А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.В. Запорожца и ряда других представителей деятельностного подхода. Близкие подходы, иногда характеризуемые как социально-психологические исследования социального конструирования поведения и памяти, разрабатывали Пьер Жане и Фредерик Бартлетт. В настоящее время эти идеи плодотворно разрабатываются эстонским психологом П. Тульвисте, американскими психологами Дж. Верчем и М. Коулом.

Прежде всего следует выделить *те задачи*, ради разрешения которых Л.С. Выготским были введены представления об опосредствовании. Этими задачами были, во-первых, задача преодоления постулата непосредственности в традиционной психологии и вытекающей из этого постулата натурализации, отождествления закономерностей приспособления к миру у животных и человека. Второй задачей была задача изучения преобразования природных механизмов психических процессов в результате усвоения человеком в ходе общественно-исторического и онтогенетического развития продуктов человеческой культуры в «высшие психические функции», присущие только человеку. При решении этой задачи Л.С. Выготским были развиты взаимосвязанные положения об опосредствовании и сигнификации высших психических функций человека.

Под сигнификацией понимается создание и употребление человеком знаков, с помощью которых он вначале оказывает влияние на поведение других людей, а затем использует их как «средство», особое «орудие» овладения собственным поведением.

Наиболее важную роль в развитии человека играет такая система знаков, как язык. В. Гумбольдт в свое время

афористично отмечал, что не *люди овладевают языком, а язык овладевает людьми.* В семиотике — науке о знаках — в школе Ю.М. Лотмана культура интерпретируется как система знаков, особая «*семиосфера*», как своего рода «текст», в который вовлекается человек. Все эти представления во многом близки к идеям Л.С. Выготского о сигнификации.

Вместе с тем для Л.С. Выготского было более существенно не столько рассмотрение культуры как внешней интерсубъективной знаковой системы, сколько превращение внешних знаков — слов языка, жестов, символов и т.д. — в «средства» овладения человеческим поведением. Вслед за французским психологом Ж. Полицером Л.С. Выготский искал специфические особенности «*гуманизации*» человеческого поведения, его отличия от приспособления животных, в том числе отличия от «*гоминизации*», присущей разумным ветвям в эволюции рода «homo». *Принцип сигнификации и выступил как присущий только человеку регулятивный принцип управления поведением.*

Ведущей чертой приспособления животных является определяемость их поведения внешней стимуляцией. С переходом же от естественного, подчиняющегося исключительно законам биологической эволюции развития поведения человека к истории поведения человека как социального существа меняются и лежащие в основе поведения законы. Появляется новая черта в приспособлении человека к действительности — *автостимуляция личности.*

Суть автостимуляции как регулятивного принципа заключается в социальной детерминации поведения, осуществляемой с помощью искусственно созданных стимулов — «*средств-знаков*». Человек не просто подвергается воздействию потока стимулов, к которым он пассивно приспосабливается. Он создает знаки и употребляет их в качестве особых орудий, в том числе «мыслительных инструментов» (*Дж. Верч*), посредством которых овладевает своим собственным поведением.

Поведение, опосредствуемое знаком, социально детерминируемое и произвольно регулируемое, Л.С. Выготский назы-

вает высшим поведением. Немалое значение в выделении специфики высших психических функций сыграли именно те факты, в которых ассоцианисты и когнитивные психологи видят лишь мнемотехнические приемы, облегчающие запоминание.

Совершенно иное раскрывает в этих фактах Л.С. Выготский. Он так описывает основные особенности любой высшей психической функции человека: «Если вдуматься глубоко в тот факт, что человек в узелке, завязанном на память, в сущности, *конструирует* извне процесс воспоминания, заставляет внешний предмет напомнить ему, то есть напоминает сам себе через внешний предмет и как бы выносит, таким образом, процесс запоминания наружу, превращая его во внешнюю деятельность, если вдуматься в сущность того, что при этом происходит, один этот факт может раскрыть перед нами все глубокое своеобразие высших форм поведения. В одном случае нечто запоминается, в другом — человек запоминает нечто. В одном случае временная связь устанавливается благодаря совпадению двух раздражителей, одновременно воздействующих на организм; в другом — человек сам создает с помощью искусственного сочетания стимулов временную связь в мозгу.

Сама сущность человеческой памяти состоит в том, что человек активно запоминает с помощью знаков. *О поведении человека в общем виде можно сказать, что его особенность в первую очередь обусловлена тем, что человек активно вмешивается в свои отношения со средой и через среду изменяет поведение, подчиняя его своей власти»*[58] (курсив мой. — *А.А.*).

Вслед за Выготским А.Н. Леонтьев видит основную и специфическую черту высшей формы поведения в его опосредствованном характере. Он приводит пример использования австралийцами так называемых «жезлов вестников» в качестве специальных пособий для памяти: «Одна лишь огромная сила запечатления... не в состоянии, конечно, гарантировать всплывание нужного воспоминания в тот самый момент, когда послание (которое должен

[58] *Выготский Л.С.* Избранные психологические произведения. М., 1960. С. 53.

передать вестник. — *А.А.*) должно быть передано. Для того чтобы воскреснуть, механически удержанные памятью следы должны через какое-нибудь общее звено вступить в естественную связь с данной новой ситуацией; вот это-то общее звено и не может быть гарантировано, когда оно *не создается заранее* (здесь и далее курсив мой. — *А.А.*) в самом процессе запоминания... Как поступает австралийский вестник, когда ему нужно обеспечить надежное воспроизведение в нужную минуту соответствующего послания? Нанося на свой жезл зарубки, он как бы искусственно создает это необходимое *общее звено, соединяющее настоящее с некоторой будущей ситуацией*; сделанные зарубки и будут служить ему тем выполняющим функцию средства воспоминания промежуточным стимулом, с помощью которого он таким образом овладевает своей памятью...

Активное приспособление к будущему и есть такой непрямой акт, структура которого является специфической именно для высшего поведения человека»[59].

А.Н. Леонтьев подчеркивает, что *специфически человеческое поведение личности — это активное приспособление к будущему*. Во-первых, оно протекает как *произвольное действие*; во-вторых, акт приспособления к будущему является непрямым *опосредствованным* актом по своей структуре; в-третьих, такого рода вспомогательный «знак-средство», как «жезл—вестник», представляет собой *изобретение*, присущее человеку данной конкретной культуры. В качестве знаков-средств могут фигурировать и внутренние интериоризированные знаки, через которое человек овладевает собственным поведением, отдает самокоманды.

Саморегуляция, овладение поведением, в том числе и своим прошлым опытом, с помощью созданных в культуре или изобретенных в данной ситуации «знаков» характеризует произвольное преднамеренное поведение личности. Однако во всех этих примерах личность овладевает поведением, приспосабливается с помощью знаков к будущим ситуациям, но сама личность, по словам Л.С. Выготского, *незримо* присутствует за процессом культурного развития челове-

[59] *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972. С. 429.

ка. *Для личностного уровня регуляции поведения характерно то, что эта регуляция не просто выступает как активное приспособление к будущему, а представляет собой особый культурный «инструмент» овладения будущим при помощи творческих действий, в том числе и воображения.* В творческих действиях осуществляется будущее через создание той действительности, ради которой живет человек.

Положения об опосредствовании и сигнификации как принципах социального конструирования и саморегуляции поведения, открытые в психологии Л.С. Выготским, Ф. Бартлеттом и П. Жане, позволяют подойти к пониманию того, как личность порождается культурой и историей.

Принцип зависимости психического образа от места отражаемого объекта в структуре деятельности человека

Одним из доказательств реальности существования того или иного принципа деятельностного подхода является то, что с ним рано или поздно приходится столкнуться представителям разных ориентаций в науке. Высказанное положение полностью относится к принципу зависимости психического образа от места отражаемого объекта в структуре деятельности субъекта. Этот принцип пережил, по крайней мере, два своих рождения. В 60-е гг. XX в. он был замечен когнитивными психологами, которые начали осознавать тот факт, что нельзя построить психологию познавательных процессов в рамках информационного подхода с его схемой «вход — выход», оставив за скобками реальный содержательный процесс взаимодействия человека с миром.

Задолго до того как когнитивные психологи пришли к мысли о необходимости исследования познания в контексте целенаправленной деятельности, в деятельностном подходе на материале исследования памяти был фактически открыт принцип зависимости психического образа от места отражаемого объекта в структуре деятельности. В классических исследованиях П.И. Зинченко и А.А. Смирнова было убедительно показано *изменение характера зависимости запоминания от того, с какими компонентами деятельности личности — мотивами, целями или условиями выполнения действия — связан запоминаемый объект.*

Основной методический принцип экспериментов П.И. Зинченко в деятельностном подходе был в известном смысле противоположен требованиям, предъявляемым к методикам в когнитивной психологии. Во всех своих экспериментах П.И. Зинченко пытался не изолировать определенный материал от деятельности, а, напротив, включить этот материал в какую-либо деятельность, например в познавательную или игровую. Важно лишь, чтобы эта деятельность не была мнемической, поскольку в мнемической деятельности экспериментатор сталкивается с произвольным запоминанием и соответствующими этой форме запоминания специальными мнемическими операциями по организации материала (смысловая группировка, выделение опорных пунктов в тексте, соотнесение запоминаемого материала либо с чем-нибудь ранее известным, либо соотнесение отдельных частей материала друг с другом). Включение того или иного материала в процесс целенаправленной деятельности было первой чертой методического приема. Вторая черта методического приема заключалась в том, что один и тот же материал должен был выступать в двух ипостасях: один раз — в качестве объекта, на который направлена деятельность субъекта; другой раз — в качестве фона, то есть объекта, который непосредственно не включен в выполняемую субъектом познавательную или игровую деятельность.

Роль мотивации в познании мира. В исследованиях П.И. Зинченко и А.А. Смирнова было показано, что *различные мотивы и цели деятельности человека влияют на продуктивность запоминания.* Этот цикл работ представляет собой характерный пример изучения *роли мотивации личности в познании мира.* В зависимости от мотивации одни аспекты образа мира становятся значимыми для человека, эмоционально окрашиваются, а другие остаются «безличными» знаниями, не оказывая существенно влияния на его жизнь.

В том же случае, если некоторые знания вступают в конфликт с мотивами личности, личность может прибегнуть к «*отчуждению*» этих знаний, *вытеснить* их из памяти (*П. Жане, З. Фрейд*). Так, например, *неприятные события*

вытесняются из сознания личности тогда, когда существует конфликт между неосознаваемыми мотивами деятельности личности и осознаваемыми целями действия. Именно такой конфликт описывает З. Фрейд, когда он, поссорившись с одним семейством, неосознанно обходит, избегает дом, в который он отправился с целью приобретения шкатулки для своей знакомой: «Я не мог вспомнить название улицы, но был уверен, что стоит мне пройтись по городу, и я найду лавку, потому что моя память говорила мне, что я проходил мимо нее бесчисленное множество раз. Однако, к моей досаде, мне не удалось найти витрины со шкатулками, несмотря на то, что я исходил эту часть города во всех направлениях <...>

Оказалось, что я, действительно, бесчисленное множество раз проходил мимо его витрины, и это было каждый раз, когда я шел в гости к семейству М., долгие годы живущему в том же доме. С тех пор как это близкое знакомство сменилось полным отчуждением, я обычно, не отдавая себе отчета в мотивах, избегал и этой местности, и этого дома... Мотив неохоты, послужившей в данном случае виной моей неориентированности, здесь вполне осязателен... В числе причин, вызвавших разлад с жившим в этом доме семейством, большую роль играли деньги»[60]. Из-за неосознаваемого мотива личности «избегание встречи с неприятным семейством» осознаваемая цель действия «купить шкатулку» привела к *вытеснению* связанных с этим мотивом знаний из памяти, к их забыванию.

Из этого примера видно, что в зависимости от места отражаемого человеком объекта в структуре целенаправленной деятельности будут изменяться следующие параметры образа мира: (а) содержание — будет ли объект отражен в своем, известном для всех, общеупотребимом «*значении*» («витрина со шкатулками») или в зависимости от мотивов субъекта приобретает только для него присущую индивидуальную значимость, *личностный смысл* («враждебный дом»); (б) уровень представленности образа объекта в сознании личности — *осознаваемый* или *не-*

[60] *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М., 1925. С. 115—116.

осознаваемый (мотив деятельности «избегание встречи с неприятным семейством» скрыт от субъекта; цель действия осознается им); (в) тип регуляции деятельности — *произвольный* или *непроизвольный* (так, описывая поиск шкатулки как «действие», указывают на произвольный преднамеренный характер этой активности).

Принцип зависимости познания от места отражаемого объекта в структуре целенаправленной деятельности, от его связи с мотивами, целями и условиями осуществления деятельности выступил в исследованиях творческого мышления человека (*О.К. Тихомиров, А.Я. Пономарев*), восприятия (*Л.А. Венгер*). Этот принцип также лег в основу выделения двух классов эмоциональных явлений — ***ведущих устойчивых эмоциональных явлений личности, открывающих человеку смысл его мотивов; производных эмоциональных явлений, в частности эмоций успеха и неуспеха, возникающих при достижении или недостижении целей действия человека в конкретной ситуации*** (*В.К. Вилюнас*). Этот принцип представляет собой один из важных принципов деятельностного подхода и обладает далеко еще не исчерпанным объяснительным потенциалом.

Принцип психологического анализа «по единицам» как оппозиция принципу анализа «по элементам»

Принципы реактивности и адаптивности нередко соседствуют в традиционных психологических теориях с принципом атомарного анализа психики. Этот принцип зиждется на том положении, что целое есть всегда сумма составляющих его частей, и не более того. В психологии этот принцип был назван Л.С. Выготским принципом анализа «по элементам». «Существенным признаком анализа является то, — писал Л.С. Выготский, — что в результате его получаются продукты, чужеродные по отношению к анализируемого целому, — элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают целым рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло бы обнаружить»[61]. В качестве типичного примера анализа по-

[61] *Выготский Л.С.* Избранные психологические произведения. М., 1956. С. 46.

ведения человека «по элементам» можно привести сведение поведения человека к сумме рефлексов в радикальном бихевиоризме. *Полную противоположность принципу анализа «по элементам» представляет собой системный принцип анализа «по единицам», существеннейшая черта которого состоит в том, что продукт такого анализа несет в себе все основные свойства, присущие целому.*

Из принципа анализа «по единицам» исходит А.Н. Леонтьев при разработке представлений о *структуре предметной целенаправленной деятельности человека.* В предметной *деятельности*, имеющей иерархическую уровневую структуру, вычленяются относительно самостоятельные, но неотторжимые от ее живого потока «единицы» — *действия и операции.* А.Н. Леонтьев специально указывает, что структурные моменты деятельности, «единицы» деятельности не имеют своего отдельного существования. При выделении этих «единиц» как бы ставят три следующих вопроса: «*Ради чего* осуществляется деятельность? *На что* направлена деятельность? *Какими способами*, приемами реализуется деятельность?» При ответе на эти вопросы выделяют три плана анализа целенаправленной деятельности: *мотивационный, интенциональный и операциональный.*

Отвечая на вопрос «Ради чего..?», выделяют такой системообразующий признак, характеризующий целенаправленную деятельность, как мотив деятельности (предмет потребности).

При ответе на вопрос «На что..?» внутри деятельности выделяют системообразующий признак — цель, к которой стремится человек, побуждаемый тем или иным мотивом.

При ответе на вопрос «Как, каким образом осуществляется действие..?» выделяют операцию, соотносящую способ осуществления действия с условиями достижения цели действия.

Цель представляет собой осознаваемый образ предвосхищаемого результата и используется при изучении произвольных преднамеренных действий, представляющих специфическую единицу человеческой деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн). В качестве филогенетических предпосылок возникновения осознаваемых целей у человека выступают две формы предвосхищения в деятельно-

сти животных: а) *предвосхищение полезного результата*, «потребного будущего» (*Н.А. Бернштейн*), достижение которого дает прямой приспособительный адаптивный эффект, является присущей любому целенаправленному поведению формой предвосхищения, наиболее отчетливо выявляемой в экспериментальных ситуациях с отсроченным во времени получением животными подкрепления при решении задач; б) *предвосхищение средств* и соответственно актуализация готовности к выбору тех средств, использование которых приведет к достижению полезного результата. Эта форма предвосхищения возникает на относительно высоких уровнях биологической эволюции, проявляется в разных феноменах (от экстраполяции траектории движущегося объекта и заучивания особенностей ситуации при отсутствии подкрепления до готовности у высших приматов к использованию «орудий» для преобразования наличной ситуации) и представляет необходимое условие возникновения осознаваемых целей.

По своему происхождению в истории развития общества *действие* выделяется в структуре индивидуальной деятельности человека вследствие несовпадения мотива совместной деятельности и целей отдельных ее участников, обусловленного разделением труда. В результате этого несовпадения *мотив выступает по отношению к деятельности в побудительной функции, а цель, непосредственно не побуждая действие, выступает по отношению к нему в направляющей функции.* По своей структуре действие в отличие от непосредственно определяемого предметной ситуацией привычного или импульсивного поведенческого акта всегда опосредствовано. В качестве средств могут выступать различные знаки (роли, ценности, нормы и т.п.), применяя которые человек овладевает действием, превращает его в *«личностное» действие* (*Д.Б. Эльконин*).

В каждом действии выделяются его ориентировочная, исполнительная и контрольная части (*П.Я. Гальперин*).

По способу функционирования действие является произвольным и преднамеренным. В онтогенезе развития личности ребенка функция произвольного контроля и регулирования действия осуществляется вначале взрослым в процес-

се совместной деятельности с ребенком, а затем вследствие интериоризации социальных эталонов и схем выполнения действия ребенок сам начинает контролировать действие в соответствии с этими эталонами и схемами. *Преднамеренность* как черта действия возникает после принятия решения человеком о том, что образ будущего результата действия отвечает мотиву его деятельности. При наличии намерения у человека возникает *целевая установка — готовность к достижению предвосхищаемой цели действия, которая часто сопровождается переживанием «я хочу»*. Целевая установка актуализируется образом осознаваемой предвидимой цели, в котором однозначно не представлены конкретные условия и способы, с наибольшей вероятностью и эффективностью обеспечивающие достижение цели. *Образ будущей цели задает только общее направление построения действия, в то время как исполнительная часть любого действия определяется конкретными условиями ситуации*. В ходе выполнения действия осуществляются контакт субъекта с предметным миром, преобразование (внешнее и мысленное) предметной ситуации и достигаются те или иные результаты, *смысл которых для человека оценивается эмоциями*. В процессе действия могут образовываться новые цели и изменяться место действия в структуре деятельности человека.

Действие может превратиться в операцию. В отличие от деятельности и действия *операция — это способ выполнения действия, детерминируемого* условиями, в которых человеку дана цель. В условиях предметной ситуации экстериоризированы, воплощены в форме значений различные общественно выработанные схемы поведения вроде схем употребления орудий или принятых в определенной культуре норм этикета, полностью обусловливающих содержание операций.

В зависимости от происхождения выделяют два вида операций — приспособительные и сознательные. *Приспособительные операции* относятся к реактивному, иерархически самому низкому, неосознаваемому уровню реагирования в структуре деятельности человека. Они возникают в процессе непроизвольного подражания или прилаживания к

предметным условиям ситуации, например приспособления ребенка к языковым условиям, в результате которого усваиваются различные грамматические формы, используемые в речевом общении. Приспособительные операции характеризуются тремя следующими особенностями: *по способу регуляции* приспособительные операции — *непроизвольны*; *по уровню отражения* — изначально *неосознаваемы*; *по динамике протекания — косны, ригидны.*

Сознательные операции возникают вследствие автоматизации действия. В ходе неоднократных повторений действия, например при обучении вождению автомобиля или письму, содержание цели действия, вначале осознаваемое человеком, занимает в строении другого, более сложного действия место условия его выполнения. Вследствие изменения места цели в структуре деятельности, *«сдвига цели на условие»*, произошедшего при *автоматизации* действия, данное действие и превращается в сознательную операцию. По способу регуляции сознательные операции потенциально *произвольно контролируемы*; по уровню отражения — *вторично неосознаваемы* (при появлении затруднений в ходе их осуществления операции могут осознаваться); по динамике протекания — *гибки, лабильны.*

Необходимым моментом психологического строения предметной деятельности являются *психофизиологические механизмы*, реализующие действия и операции человека. В отечественной психологии и психофизиологии представления о психофизиологических механизмах — реализаторах действий и операций — разработаны в русле теории функциональных систем (*П.К. Анохин*), «физиологии активности» (*Н.А. Бернштейн*), концепции нервной модели стимула (*Е.Н. Соколов*) и представлений о системной организации высших корковых функций человека (*А.Р. Лурия*).

Таково описание строения предметной целенаправленной деятельности человека, «единиц» ее анализа в деятельностном подходе к изучению человека в психологии.

«Единицы» целенаправленной деятельности и перспективы их использования в психологии. В зависимости от задачи при объяснении различных сторон психической

реальности возможно использование разных «единиц» деятельности.

Так, при анализе развития психики ребенка в онтогенезе в качестве «единицы» анализа выступает *«особенная» деятельность*, например игровая деятельность, учебная деятельность, общение, профессиональная деятельность и т.п. (*А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Н.Ф. Талызина, М.И. Лисина, Д.И. Фельдштейн* и др.).

При изучении *динамики межличностных отношений в социальных группах* и восприятия человека человеком все активнее в социальной психологии используется для *объяснения* этих процессов такая «единица», как *«совместная деятельность»* (*Г.М. Андреева, А.А. Леонтьев, А.В. Петровский*). Совместная деятельность выступает прежде всего в своей методологической функции как «организатор» предмета социальной психологии, основание для построения теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в малых социальных группах (*А.В. Петровский*).

При исследовании процессов *познания*, например при изучении памяти, восприятия и мышления в качестве «единицы» анализа и одновременно предмета конкретного исследования, используется *«действие»*. Продуктивность использования действия как «единицы» анализа процессов познания привела к тому, что в деятельностном подходе были разработаны теории мнемических действий (*П.И. Зинченко, А.А. Смирнов*), перцептивных действий (*А.В. Запорожец, Л.А. Венгер, В.П. Зинченко*), теория детской игры (*Д.Б. Эльконин*), теория поэтапного (планомерного) формирования умственных действий (*П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина*), смысловая концепция мышления (*О.К. Тихомиров*). Действие как единица произвольных познавательных процессов столь органично вписывается в схемы конкретных экспериментальных исследований, что изучение действия дает возможность выполнить как бы два дела сразу: в методологическом плане — построение различных концепций; в эмпирическом плане — изучение закономерностей познавательных процессов и разработку конкретных методов их исследования (*Э.Г. Юдин*).

Высокий методологический и предметно-содержательный потенциал использования действия в качестве и объяснительного методологического принципа изучения познания, и конкретного предмета исследования приводит к тому, что под косвенным влиянием конкретно-научной методологии деятельностного подхода начинает меняться «психологическая» карта исследований, «психологическая» география. В Западной Европе одна за другой появляются теории действия, которые изнутри подрывают монополию когнитивной психологии и ее образ «человека» как устройства по переработке информации. Теории действия, направленные на исследования процессов познания, начинают оформляться как особые направления в Швейцарии (*М. Кранах*), Германии (*В. Фольперт*), Великобритании (*Р. Харре*). Тем самым деятельностная парадигма все более интенсивно овладевает мышлением в современной психологии.

Деятельностный подход как конкретно-научная методология изучения человека в психологии позволяет вписать через категорию «деятельность» предмет психологии в различные науки, изучающие человека (*Э.Г. Юдин*). При помощи понятия «особенная» деятельность, то есть верхнего уровня в схеме «единиц» анализа (деятельность, действие, операции, психофизиологические реализаторы деятельности), психология сотрудничает с философской методологией, а также с комплексом социальных наук — социологией, историей, этнографией, археологией и т.п.

Одна за другой появляются и вычленяются из общей психологии на стыке с разными социальными науками пограничные дисциплины — психология личности, социальная психология, этнопсихология, историческая психология, палеопсихология и т.д. Через такие единицы, как «операция» и «психофизиологические реализаторы», удается построить мост, связывающий психологию с естественными науками о человеке — биологией, нейрофизиологией и т.п.

Конкретно-научная методология деятельностного подхода выступает как основа для изучения познания и личности человека в психологии. *Деятельностный подход также*

выступает в функции методологии для ряда направлений в специальных отраслях психологии — возрастной, социальной, инженерной, медицинской психологии и т.д. Выполняя методологическую функцию в этих отраслях, он *приводит к построению предметов их исследований.* В свою очередь через специальные психологические дисциплины деятельностный подход связан с прикладными отраслями человекознания — педагогикой, криминологией, психиатрией и т.п. Некоторые представители этих прикладных отраслей человекознания опираются в своей работе на методологию деятельностного подхода к изучению человека в психологии[62].

В своем развитии деятельностный подход, как и любое живое направление науки, сталкивается с рядом трудностей, имеет «белые пятна».

Некоторые из этих трудностей связаны с тем, что при обсуждении деятельностного подхода в психологии недостаточно четко разграничиваются *деятельностный подход как объяснительный принцип изучения психических явлений и «деятельность» как предмет конкретного исследования* (*Э.Г. Юдин*). В результате возникают дискуссии о том, например, может ли психология строиться только на одной категории — категории деятельности, или она должна включить в свой фундамент и такие базовые категории, как «общение», «личность» и т.д. (*Б.Ф. Ломов, А.А. Леонтьев*). Взаимоотношения между «деятельностью» и «общением» в психологических исследованиях, их тесная взаимосвязь подробно освещены в психологии (*Г.М. Андреева, А.А. Леонтьев, А.В. Петровский*). При анализе же «деятельности» и «общения» в методологическом плане следует иметь в виду, что «деятельность» и «общение» — равноправные конкретные проекции методологии деятельностного подхода на психологическую реальность. И конкретная «деятельность» (например, игра), и «общение» (например,

---

[62] См., например, в криминологии: Криминальная мотивация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1986; в психиатрии: *Бехтель Э.Е.* Донозологические формы злоупотребления алкоголем. М., 1986; в педагогике: *Мудрик А.В.* О воспитании старшеклассника. М., 1981.

интимно-личностное общение между подростками) приводят к формированию образа мира и межличностных отношений человека. В конкретно-исторической ситуации одна из этих сфер жизни человека в обществе может приобрести большую ценность, занять большую территорию в социальном образе жизни. Отсюда и возникает оправданный интерес к ее более конкретному исследованию. При этом, однако, в методологическом плане отправным пунктом по-прежнему остается «поток деятельности» человека в мире и метод анализа преобразований психики в движении предметной интенциональной деятельности (будь то игра, общение или труд и т.п.).

Другие трудности в развитии деятельностного подхода в психологии связаны с тем, что его разработка долгое время как бы замыкалась в пределах «отдельной деятельности»: ее структуры, динамики и т.п. Такая абстракция затрудняла разработку психологии личности, роли поступков и деяний в развитии личности.

Поступок — начало личности. *Человек в обществе — полидеятельностное, диалогичное, пристрастное существо* (*Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, А.Н. Леонтьев*). Если изучать человека как «моноделятельностное» существо, то личность выступит лишь как момент в движении деятельности, а проявления личности как субъекта деятельности — переживание, воля, характер, поступки — будут с трудом вмещаться в границы деятельностного подхода к изучению человека.

Анализ «единиц» деятельности, особенно их эмпирическое исследование, как бы обрывается на таких единицах, как «действие» и «операция». Между тем очевидно, что человек может выполнять действие, осознавать его цель, понести за это действие ответственность перед собой и другими людьми. Поэтому С.Л. Рубинштейн отмечал, что *поступок отличается от действия иным отношением к субъекту, то есть предполагает общественную оценку и самооценку личностью его социальных последствий. Он также указывал, что поступок — проявление поведения в этико-оценочном значении этого термина.* В одном из своих публицистических выступлений А.Н. Леонтьев писал:

«Личность человека порождается в его деятельности, которая осуществляет его связи с миром. *Первые активные и сознательные поступки — вот начало личности.* Становление ее проходит в напряженной внутренней работе, когда человек как бы постоянно решает задачу, “чему во мне быть”, и, случается, отторгает от себя то, что обнаружилось. Вспомните Антона Павловича Чехова, “по капле выдавливающего из себя раба...”»[63].

Удачную иллюстрацию, показывающую отличие поступка от «движения» и «действия», приводит английский психолог Р. Харре. Одно и то же «движение» может означать и «движение», и «действие», и «поступок». Во время бракосочетания палец невесты, проходящий через кольцо, — «движение»; надевание кольца женихом на палец — «действие»; то же самое «движение» — «поступок», означающий, что данный человек женится на своей невесте. Поступок — это движение в социальном контексте, в социальной системе координат.

Выпадение *поступка и деяния* из схемы анализа деятельности, из «единиц», образующих структуру деятельности, — не случайность. Оно вызвано тем, что в центре внимания деятельностного подхода была концептуальная схема отдельной деятельности, в то время как *социальная* позиция личности как члена разных социальных общностей оставалась фоном исследования. Там, где есть «одна деятельность», там нет связанного с позицией человека в разных социальных общностях *выбора* разных ценностей, а тем самым нет и «поступка» как оцениваемого личностью и социальной группой акта человеческой деятельности.

Дальнейший анализ методологии деятельностного подхода в психологии предполагает разработку представлений об иерархии деятельностей, осуществляющих жизнь личности в полном в мире разнообразия. Положение об иерархии деятельностей как основании личности (*А.Н. Леонтьев*) представляет собой плацдарм для построения *психологии личности*, в которой осуществление различных деятельностей личности в социогенезе и персоногенезе — основа и

[63] *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. I. М., 1983. С. 382.

отправной пункт исследования, начало, а не конец пути. По пути анализа движения личности в обществе, присвоения и воспроизводства ею в ходе деятельности и общения разных системных социальных качеств, изучения условий и движущих сил развития личности, целеобразования, выбора личностью разных ценностей, роли переживаний и воли в личностном выборе индивидуальности, поступков и деяний личности и идет разработка проблемы личности в *системном историко-эволюционном деятельностном подходе к изучению развития человека в природе, обществе и индивидуальной жизни.*

Корнем изучения природы личности в деятельностном подходе, опирающимся на философскую и общенаучную методологию человекознания, становятся те «...конкретные формы деятельности, которые никогда не рассматривались классической психологией как имеющие основное значение... Камень, который презрели строители, ложится во главу угла; психология перестает трактоваться в свете концепций естественно-научного позитивизма; психология становится исторической наукой»[64].

[64] *Лурия А.Р.* Психология как историческая наука // История и психология. М., 1971. С. 37.

Глава 5
Движущие силы и условия развития личности

Среда, наследственность и развитие личности

Секрет любых вечных проблем в науке заключается в способе их постановки, определяемом принятыми в данной науке нормами и установками научного мышления. Если в течение нескольких столетий исследователи вновь и вновь поднимают один и тот же вопрос и не могут прийти к его решению, то стоит усомниться, верно ли поставлен сам вопрос, не нуждается ли он в переформулировке. К числу таких вечных вопросов относится и *проблема соотношения биологического и социального в человеке.*

В психологии эта проблема фигурирует под разными названиями: соотношение среды и наследственности; степень «животности» и степень «человечности» в личности; роль «ситуации» и «диспозиции» (черт личности, прошлого опыта, задатков) в объяснении причин поведения личности; внутренняя и внешняя детерминация развития личности; объективные и субъективные факторы ее развития; соотношение социального и индивидуального в поступках личности и ее восприятия мира и т.п.

Сторонники представлений о главенствующей роли «среды», «ситуации», «общества», «объективной» и «внешней» детерминации развития личности, как бы ни различались их позиции в интерпретации всех этих понятий, находят множество аргументов в пользу того, что человек представляет собой продукт воздействующих на него обстоятельств, из анализа которых можно вывести общие закономерности жизни личности.

Кто будет отрицать самые обычные факты о том, что поведение личности ребенка изменяется в саду, школе, на спортплощадке, в семье. Под влиянием других людей ребенок начинает копировать их манеры, усваивает в обществе разные социальные роли, получает из школьной «среды»

массу новых знаний. У людей разных культур — разные обычаи, традиции и стереотипы поведения. Без анализа всех этих «внешних», совсем неэкзотических факторов вряд ли удастся предсказать поведение личности. В сфере этих фактов и черпают свои аргументы сторонники различных теорий «среды», начиная со старых позиций «эмпиризма», согласно которым пришедший в мир человек — «чистая доска», на которой «среда» выводит свои узоры, — до концепции современного «ситуационализма» (*В. Мишель*) в теориях личности. В этих появившихся в 70-х гг. XX в. концепциях личности с упорством отстаивается мнение о том, что люди изначально не делятся на честных и бесчестных, агрессивных и альтруистичных, а становятся таковыми под давлением со стороны «ситуации». Каскад подтверждающих эту позицию экспериментальных исследований, варьирующих «независимые» внешние переменные, поддерживает «победоносное» шествие сторонников современного варианта *теорий «среды»*.

Однако, по меткому замечанию известного психолога начала XX в. Вильяма Штерна, старые нативистские установки (native — врожденное) опираются на не менее достоверные факты, поддерживающие победоносное шествие *концепции «наследственности», традиционно объясняющей развитие и поведение личности врожденными задатками, конституцией человека и, наконец, его генотипом.* В более современной и не столь жестко привязанной к врожденным факторам форме теория «наследственности» выступает в различных «диспозиционных» подходах к личности, исходящих при объяснении поведения из «врожденных» или «приобретенных» черт личности, характерологических особенностей, то есть различных внутренних факторов, которые определяют прежде всего индивидуальные различия в поведении человека. Какой бы пагубной ни была «среда», настоящие таланты пробивают себе дорогу, их задатки могут прорасти в любых, даже неблагоприятных внешних условиях. Так утверждают *представители теории «наследственности»* в ее традиционном варианте. Но кто станет спорить, что человек, как и любое другое живое существо, обладает

многими общими с животными формами поведения: ест, пьет, спит, размножается. В письме А. Эйнштейну основатель психоанализа З. Фрейд констатирует, что человеку от природы присуща агрессивность. Та же самая натура человека становится территорией для поиска индивидуальных различий в человеческих действиях, их отклонений от нормативного типичного поведения, предписанного обществом. Один из специалистов в области изучения мотивации поведения личности — Х. Хекхаузен выделяет *три параметра индивидуального действия личности*, которые нелегко объяснить с помощью внешних «ситуационных» или «средовых» факторов.

Первый параметр — это степень соответствия действия человека действиям других людей. Чем больше действие человека отклоняется от типичных действий большинства людей, тем вернее, что за ним стоят «внутренние» личностные факторы — внутренние «диспозиции» (предрасположенности к действиям). В зале библиотеки все, как правило, сидят за своими местами, а один человек, несмотря на недоуменные взгляды окружающих, становится коленями на стул и пишет. Этот человек имеет тенденцию к нонконформности или же обладает индивидуальным поленезависимым стилем поведения. *Второй параметр — степень соответствия действия человека его же действиям в других происходящих в близкое время ситуациях. Третий параметр индивидуального действия — степень его соответствия действиям, которые имели место в прошлом в сходных ситуациях (стабильность во времени).* Если при повторяющейся сходной ситуации человек ведет себя по-иному, то есть основания, чтобы объяснить подобную перемену его поведения «внутренними», «индивидуальными», а не «средовыми», «социальными» факторами[65]. Подобного рода устойчивость индивидуальных действий личности, как бы ни менялась вокруг «среда», используется представителями теории черт личности в дискуссиях со сторонниками «ситуационных» концепций личности.

---

[65] См.: *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 15.

Чаша весов, на которые ложатся факты сторонников «среды» и «наследственности» в любых модификациях этих подходов, непрерывно колеблется. Как правило, эти факты дают простор для противоположных интерпретаций. Так, в родословной Бахов кроме И.С. Баха было еще несколько десятков музыкантов. Для сторонников концепции «наследственности» это яркий пример передачи задатков музыкальных способностей из одного поколения в другое.

В тех же фактах представители концепций «среды» видят социально-психологический механизм, иллюстрирующий роль традиций, психологического климата в семье Бахов. Другой пример такого рода фактов — это появившееся в начале 80-х гг. XX в. сообщение, что мужчины с *XXY*-хромосомной конституцией, то есть с лишней *Y*-хромосомой, чаще встречаются среди заключенных в тюрьмах, чем мужчины с соответствующей норме хромосомной конституцией. Эти факты, возродившие мифы о гене «преступности», впоследствии не подтвердились. Чаша весов вновь склонилась в пользу представителей теории «среды». Однако сами по себе эти факты, по мнению известного генетика Н.П. Бочкова, ровным счетом ничего не говорят ни в пользу теории «среды», ни в пользу теории «наследственности». Наличие хромосомного набора *XXY* ненормально для человека, что и может повлечь за собой патологические изменения его поведения, а тем самым увеличить вероятность возникновения асоциальных поступков.

Представления о «наследственной» и «средовой» детерминации развития личности отличаются поразительной жизнестойкостью. Вместе с тем лежащий в их основе механистический «линейный» детерминизм уже вначале вызывал резкие возражения. В конце XX в. эти возражения в принципе сохранилась, а дискуссия о соотношении «средового» и «наследственного» факторов была переведена в плоскость экспериментальных исследований, в частности исследований проблемы устойчивости и изменчивости свойств человека в изменяющихся ситуациях. Раскрывая ограниченность этих противоборствующих подходов, А.М. Эткинд обращает внимание на весьма красноречивый

результат, ставший итогом экспериментальных исследований в этой области: за реальную изменчивость поведения различия между ситуациями, взятые сами по себе, отвечают лишь в 10% случаев. Подобный итог исследований, за которыми стоит постановка проблемы «среда или диспозиция», лишний раз убеждает в том, что проблема исходно поставлена в некорректной форме. Но если ни ситуация сама по себе, ни личность сама по себе не определяют большинство человеческих поступков, то что же их определяет? Ответ на этот вопрос в самых разных подходах к исследованию причин поведения личности звучит следующим образом: взаимодействие между личностью и ситуацией, взаимодействие между средой и наследственностью[66].

Выход из положения был найден в различного рода *двухфакторных теориях детерминации развития личности*, которые до сих пор определяют постановку проблемы о соотношении биологического и социального в человеке, а также методы ее изучения.

Существуют два наиболее распространенных варианта двухфакторных теорий, или, как их иногда называют, «*концепций двойной детерминации развития*» личности человека: *теория конвергенции двух факторов* (*В. Штерн*) и *теория конфронтации двух факторов* (*З. Фрейд*).

Теория конвергенции двух факторов. В. Штерн, предложивший эту теорию, с подкупающей откровенностью писал, что его концепция представляет компромиссный вариант между теориями «среды» и теориями «наследственности»: «Если из двух противоположных точек зрения каждая может опереться на серьезные основания, то истина должна заключаться в соединении их обеих: душевное развитие не есть простое воспроизведение прирожденных свойств, но и не простое восприятие внешних воздействий, а результат *конвергенции* внутренних данных с внешними условиями развития. Эта "конвергенция" имеет силу как для основных *черт*, так и для отдельных явлений развития. Ни о какой функции, ни о каком свойстве нельзя

[66] См.: *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. Т. 1. М., 1986.

спрашивать: "Происходит ли оно извне или изнутри?", а нужно спрашивать: "*Что* в нем происходит извне? *Что* изнутри?" Так как и то и другое принимает участие — только неодинаковое в разных случаях — в его осуществлении»[67]. Иными словами, В. Штерн считает, что личность предстает продуктом как социальной среды, то есть социального фактора, так и наследственных диспозиций, которые достаются человеку от рождения, то есть биологического фактора. Социальный фактор (среда) и биологический фактор (диспозиция организма) приводят к возникновению нового состояния личности. Впоследствии Г. Олпорт специально подчеркнул, что предложенная В. Штерном схема, или принцип «конвергенции», не является собственно психологическим принципом, а взаимодействие сил «среды» и «сил», исходящих из организма, является выражением *диалектического* взаимоотношения организма и среды.

Г. Олпорт прав, утверждая, что схема конвергенции, предложенная философом и психологом В. Штерном, является по своему характеру методологической схемой, выходящей за рамки психологии. Дискуссии о соотношении биологического и социального, длящиеся более ста лет между биологами, социологами, психологами, медиками и др. после выделения схемы «конвергенции» двух факторов («сил»), опирались на эту схему как на нечто само собой разумеющееся. Нередко независимо от В. Штерна и Г. Олпорта эта схема характеризовалась как «диалектическое» взаимодействие двух факторов. Однако от того, что к складыванию двух противоположных «факторов» прибавляется термин «диалектика», ни методологический анализ развития человека в природе и обществе, ни конкретно-психологическое исследование механизмов развития личности не продвигаются ни на шаг. Напротив, использование мнимой «диалектики» создает опасную видимость решения проблемы там, где нет ни методологически корректной постановки вопроса, ни конкретно-

[67] *Штерн В.* Психология раннего детства. Петроград, 1915. С. 20.

научных поисков путей его решения. В связи с этим, например, А.Н. Леонтьев предостерегал против легкомысленной «псевдодиалектики», за которой стоит признанная самим В. Штерном эклектическая позиция, исходный *дуализм* механистически сложенного биологического и социального в жизни человека.

Теория конфронтации двух факторов. Другой теорией, пытающейся решить вопрос о детерминации развития личности, а тем самым вопрос о взаимодействии биологического и социального, является теория конфронтации двух факторов, их противоборства. Эта теория выступила в психоанализе З. Фрейда, а затем в индивидуальной психологии А. Адлера, аналитической психологии К. Юнга, а также многих представителей неофрейдизма (*Э. Фромм, К. Хорни* и др.). В менее явной форме идея о конфликте между биологическим и социальным проявилась в большинстве направлений изучения личности в современной психологии.

З. Фрейд считал, что любая динамика и развитие жизни могут быть поняты, исходя из изучения двух принципов душевной деятельности — *принципа стремления к удовольствию* (избегания неудовольствия) и *принципа реальности.* В соответствии с принципом реальности «душевный аппарат» человека вынужден считаться с реальными отношениями мира, а также стремиться преобразовать их. Благодаря «воспитанию» удается временно примирить те силы, которые сталкиваются из-за противоборства принципа реальности и принципа удовольствия. Если человек, побуждаемый либидозной энергией, стремится к получению удовольствия, то реальная социальная среда накладывает свои нормы, свои запреты, препятствующие достижению той или иной потребности.

С позиции внешнего наблюдателя конфронтация двух факторов предстает как конфликт между культурой и влечениями личности. Во внутреннем плане конфронтация биологического и социального обозначается З. Фрейдом через изначальный конфликт между различными инстанциями личности — «Сверх-Я» и «Оно». Сверх-Я представляет в организации личности социальные нормы, усвоенные в ходе

развития субъекта под давлением принципа реальности, а *Оно* в основном отражает спрятанное в глубине организма природное начало.

Теория конфронтации двух факторов неоднократно подвергалась критическому анализу в психологии и философии. При этом подчеркивалось, что в мировоззренческом плане предложенные З. Фрейдом схемы влекут за собой резкое противопоставление: «личность» и «общество». Пансексуализм психоаналитической теории З. Фрейда, его настойчивое стремление видеть в метаморфозах либидозных первичных порывов объяснительный принцип любых проявлений не только жизни личности, но и общественных движений в истории человечества, привел к появлению «отступников» в рядах сторонников психоанализа. Многочисленные попытки вначале К. Юнга и А. Адлера, а затем К. Хорни, Э. Фромма и многих других неофрейдистов ограничить сферу действия либидозных порывов как объяснительного принципа развития личности шли по пути «социологизации» психоанализа, а также поиска фактов, доказывающих ограниченное значение сексуальных влечений в жизни личности.

Известно, что З. Фрейд не принял ни этих попыток «социологизации» психоанализа, ни этих фактов, ни обвинений в биологизаторстве. Дело заключается в том, что З. Фрейд и его критики общались на разных уровнях методологии науки. ***Ни один из неофрейдистов, как, впрочем, и их противники в рядах гуманистической психологии, социального бихевиоризма, ролевых подходов к изучению личности, не вышел за рамки метапсихологии традиционного психоанализа, обоснованной З. Фрейдом в его исследовании «По ту сторону принципа удовольствия»***. Этими рамками являются выведение развития жизни, истории организмов из борьбы конструктивной тенденции к *ассимиляции* (поддержанию жизни и ее развитию) и разрушающей тенденции к *диссимиляции* (стремлению к распаду, к смерти), конечной целью которой является присущая любой органической жизни тяга к восстановлению прежнего состояния. Тягу к восстановлению прежнего состояния З. Фрейд

и охарактеризовал понятием *«либидо»*, или первичный порыв, за которым стоит, по его выражению, в разных формах дуализм двух тенденций, в частности в виде конфликта *Оно* и *Сверх-Я*. Невосприимчивость З. Фрейда к подобной критике имеет своим объективным основанием то, что на методологическом уровне большинство его противников критиковали частности, сами оставаясь в рамках схемы противоборства двух факторов, обеспечивающих в конечном итоге *адаптацию* индивида и вида, а также историю их эволюции.

«Феномены социальной психологии должны быть объяснены как процессы активной и пассивной *адаптации* инстинктивного аппарата к социально-экономической ситуации. В определенных аспектах инстинктивный аппарат как таковой является биологически данным; но в высокой степени подвержен преобразованиям. Роль первичных формационных (образующих) факторов переходит к экономическим условиям. Через семью экономическая ситуация оказывает свое образующее влияние на индивидуальную психику. Задача социальной психологии заключается в том, чтобы объяснить долю психических установок и идеологии — в особенности их бессознательных корней — через влияние экономических условий на либидозные порывы»[68]. В неофрейдизме к биологическому фактору прибавляется солидный социально-экономический фактор, а лежащие в основе развивающейся системы закономерности полностью остаются согласующимися с их пониманием в *метапсихологии психоанализа*.

Двухфакторные схемы детерминации развития личности в результате подобной критики уточняются, «переодеваются» в новые термины, но содержание их остается неизменным. В связи с этим особенно сложной становится задача их критического анализа, выделения тех реальных фактов, на которые опираются в современной психологии личности схемы двухфакторной детерминации развития личности, а также тех устойчивых стереотипов, схематизмов сознания в мышлении ученых, которые

---

[68] *Fromm E.* The Crisis of Psychoanalysis. Essays on Freud, Marx and Social Psychology. L., 1978. P. 164.

препятствуют продуктивной постановке проблемы биологического и социального в человекознании.

Методологические предпосылки концепции двойной детерминации развития личности

З. Фрейд и В. Штерн по праву считаются классиками современной психологии личности, а не исследователями, чьи идеи принадлежат лишь истории. Именно поэтому следует со всей тщательностью осмыслить лежащие в основе их теорий методологические предпосылки концепции двойной детерминации развития личности.

При всем различии подходов к изучению соотношения «среды» и «наследственности», «степени животности» и «степени человечности», «индивидуального» и «социального» в развитии человека эти подходы опираются на некоторые общие методологические установки.

Антропоцентристская парадигма мышления. Сущность человека ищется либо в самом человеке, либо в воздействующей на него среде (биологической, социальной или физической). Тем самым на уровне философской методологии разработка проблемы соотношения биологического и социального ведется в контексте биологизированной, социологизированной или психологизированной *антропоцентрической парадигмы мышления о человеке, изучающей «человека вне мира», а «мир вне человека».* Иными словами, из антропоцентристской парадигмы мышления вытекает дуалистический взгляд на человека, приводящий к изъятию человека из природы и общества, а затем с помощью схем двухфакторной детерминации развития человека превращающий его в кентавра из древнегреческих мифов — полуживотное, получеловека, полубиологическое, полусоциальное существо.

Абсолютизация филогенетических, социогенетических, онтогенетических закономерностей развития человека. Из антропоцентристской парадигмы мышления о человеке вытекает либо взгляд на человека вне истории его развития, либо абсолютизация закономерностей какого-либо этапа процесса эволюции человека.

Бушующие дискуссии о «степени животности» или «степени человечности» человека, как правило, начинают свое

обсуждение «биосоциальной» природы человека с рассмотрения его в онтогенезе либо совершают рекордный по временному интервалу прыжок из филогенеза в онтогенез. При этом изменения человека в ходе эволюции его образа жизни в антропогенезе и социогенезе полностью сбрасываются со счетов.

Человек — существо социально-генетическое не только потому, что он родился в обществе. За его появлением на свет стоит сложнейший процесс преобразования эволюционных закономерностей образа жизни в истории филогенеза, антропогенеза и социогенеза.

В связи с этим постановка вопроса о «степени животности» и «степени человечности» человека в обществе некорректна в самой своей основе. Она, во-первых, изолирует человека из системы общества, в которой он только и существует; во-вторых, абстрагируется от истории преобразования образа жизни человеческого вида в антропогенезе и социогенезе, игнорирует специфику истории человеческого вида в эволюции, смену закономерностей этой эволюции.

Поэтому, например, бихевиористы, изучающие человека как «стимульно-реактивное» существо, взаимодействующее с той же средой, что и животные, допускают не только неправомерную абстракцию от закономерностей развития человека в истории общества. Они допускают также и необоснованную абстракцию как биологи, отождествляя закономерности развития вида «человека» с закономерностями других видов. Аналогичную двойную абстракцию проделывает и социобиология, перенося закономерности развития «общественных» насекомых на закономерности человеческого вида и общества.

Своего рода образцом скачка из филогенеза и эмбриогенеза в область изучения типологии личности служит *конституционная концепция личности Уильяма Шелдона.* Беря за основание своей концепции понятие «соматотония» (тип телосложения), У. Шелдон из трех слоев зародышевых листиков в эмбриогенезе — *эндодермы* (из эндодермы образуются внутренние органы), *мезодермы* (из мезодермы образуются мышечные ткани) и *эктодер-*

мы (из эктодермы развиваются кожа и нервные ткани) выводит разные *соматотипы*, из них — *типы темперамента*, из них — *характер личности*, а затем и закономерности развития общества. Закономерности эмбриогенеза организма, присущие самым разным биологическим видам в филогенезе, абсолютизируются и возводятся в ранг закономерностей развития общества. *На место закономерностей развития общества становятся закономерности филогенеза и эмбриогенеза, присущие разным биологическим видам.* Концепция У. Шелдона опять же не только не учитывает социального происхождения личности, она еще в большей степени, чем концепции бихевиористов, погружает процесс развития человека в самые глубокие пласты биологической эволюции, забывая о биологической специфике вида Homo sapiens.

Примером абсолютизации закономерностей социогенеза и их прямого переноса на онтогенез личности является *концепция рекапитуляции Стенли Холла. Согласно С. Холлу, подобно тому как эмбриогенез в сжатом виде воспроизводит филогенез, онтогенез в сжатом виде проходит основные исторические этапы социогенеза.* С. Холл устанавливает отношения изоморфизма между тремя разными периодами развития человеческого вида — эмбриогенезом, социогенезом и онтогенезом. Так, ребенок в индивидуальном развитии воспроизводит все фазы развития общества (животная фаза, фаза охоты и рыболовства, конец дикости и начало цивилизации и т.д.), как эмбрион проходит основные этапы филогенеза.

За этими примерами стоит абсолютизация тех или иных частных реальных закономерностей эволюционного процесса и изолирование процесса становления личности из антропогенетического, социогенетического и онтогенетического историко-эволюционного процесса развития человечества. Развитие личности опосредствовано историей антропогенеза и социогенеза человеческого вида, а поэтому вопрос о существовании животного, «низшего» начала в человеке и т.п. как с точки зрения философской методологии, так и с позиций системной и конкрентнонаучной методологии упускает из виду тот факт, что человек рождается человеком в мире человека.

«Искусственные миры» вместо «мира человека в обществе». Парадоксальность различных представлений о «среде», «культуре» и т.п. заключается в том, что так называемые «среды», например *«физическая среда» в понимании Ньютона, «геометрическое пространство» Эвклида, «система координат» Декарта, являются человеческим изобретением*, как и любые другие системные проявления предметного мира.

В психологии предпринималось немало усилий, чтобы человек очутился в «мире необработанного опыта». Благодаря специальным процедурам, например методической процедуре *аналитической интроспекции*, предметы изымались из мира общественно-исторического опыта, освобождались от значений. Если, например, испытуемые после специальной тренировки входили в «мир необработанного опыта», то они обучались вместо «дороги» видеть «две прямые линии», вместо слова «мама» слышать набор незнакомых звуков и т.п. Предполагалось, что человек наконец окажется в реальном «физическом мире», который вызывает «чистые ощущения». Логика подобных исследований неоднократно подвергалась критике в психологии за искусственность процедур анализа, помещение человека в неестественную обстановку. При этом, однако, упускалось из виду, что «мир необработанного опыта» — это совсем не физическая среда обитания человека, а та открытая наукой на данный момент их истории реальность, которая считается «физической средой».

В.И. Вернадский называл научную деятельность человечества тем геологическим фактором, который приводит к возникновению ноосферы. В ноосфере и обитают многочисленные «лабораторные миры», «искусственные среды», «абстрактное время и пространство», открытые наукой, а потом принятые за «реальность», подчиняющуюся универсальным законам. Один из американских исследователей психологии развития — Дж. Бруннер озаглавил свою книгу «За пределами непосредственной информации», выпукло отразив стремление психологов

выйти за пределы «мира стимулов» и заглянуть в мир культуры и мотивации личности. *В действительности же книгу об истории многих психологических течений — бихевиоризма, интроспективной психологии, психофизиологии, когнитивной психологии, психолингвистики Н. Хомского — можно было бы озаглавить «За пределами мира человека».*

За пределами мира человека открывают «искусственные миры», которые конструируются в соответствии с представлениями науки и культуры конкретно-исторической эпохи.

В «башне молчания» И.П. Павлова или «проблемной клетке» бихевиористов человек начинает реагировать на стимулы, причем иногда по ряду параметров быстрее или медленнее, чем крыса или собака.

Психоаналитик, проработавший много часов с лежащим на кушетке пациентом, в конце концов заставит его поверить, что он всю жизнь ненавидел свою жену или же бессознательно хотел смерти собственного отца из-за того, что отец был «барьером» на пути его детского либидозного влечения к матери.

«Искусственные миры», неявно выдаваемые за особенности образа жизни в данном обществе или оправдываемые действительно необходимой аналитической стратегией экспериментатора, приводят к возникновению не только «психологических миров», «физической среды», «биологической среды», но и в не меньшей степени к «искусственным мирам» культуры.

«Человеческое существо живет не в одном только объективном мире, не в одном только мире социальной деятельности, как это обычно считается. В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося для данного общества средством выражения. Было бы заблуждением считать, что человек приспосабливается к действительности абсолютно без участия языка.

На самом же деле “реальный мир” в большей степени строится бессознательно на основе языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе, в значительной мере

потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному выбору интерпретации»[69].

Эти строки известного лингвиста Э. Сепира не только представляют собой предельное выражение *гипотезы «лингвистического детерминизма»* в объяснении поведения и познания личности, но и символизируют помещение человека в новый «искусственный мир» — «мир языка». Основой образа жизни человека становится язык, который и представляет собой, по Сепиру, человеческую среду. Позднее французский психоаналитик Ж. Лакан определит человека как «говорящее существо», появятся идеи Л. фон Берталанфи о «символическом существе». *С развитием современной семиотики культура начинает интерпретироваться как «текст», а человек — как «знаковое» или «психосемантическое» существо.* Из реального влияния языка на развитие познания и личности делаются абсолютизирующие роль языка выводы о том, что человек живет в «мире языка».

Гипертрофия культуры может привести и к тому, что «среда» обернется «миром безличных социальных норм», которые подчиняют социальным шаблонам антропологические характеристики разных индивидов, их природные мотивы и потребности. «Культурные модели предстают *перед* индивидом как готовое платье: они приблизительно соответствуют мерке его требований, но не идут ему по-настоящему до тех пор, пока они не уменьшены здесь и не распущены там. Так же как костюмы, реальные модели имеют границы, в которых возможны подобные модификации, но обычно эти границы достаточно широки для обеспечения всякой случайности, кроме значительного отклонения от нормы»[70] — так характеризует соотношение общества и индивида культурный антрополог Р. Линтон. Мир культуры уподобляется Р. Линтоном дому готовых моделей, подгоняемых под биологическую фигуру индивида.

---

[69] Цит. по: *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М., 1986. С. 198.

[70] Цит. по: *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 345.

Из реальных фактов существования социальных норм в «мире человека» исследователь, оказавшийся под влиянием схем двухфакторной детерминации развития личности, вынужден сделать выводы о существовании двух изолированных миров — «мира социальных норм», присущего некоей *типичной личности* в данной культуре («базовой личности»), и «психофизиологического мира» индивида, от индивидуальных естественных особенностей которого зависит в незначительной степени адаптация к этим социальным нормам.

При анализе «искусственных миров», подчиняющихся неизменным законам классической науки, складывается поразительное впечатление, что *многие исследователи психологии личности во что бы то ни стало пытаются вместить изучение личности в рамки обезличенной рациональной науки, в то время как некоторые современные химики и математики, например И. Пригожин, Н.Н. Моисеев, восстают против дегуманизированного мира ньютоновской рациональности.* Символом рациональности, мирового порядка часто служили часы: «Часы — механизм, управляемый рациональностью, которая лежит вне его, планом, которому слепо следуют внутренние детали. Мировые часы — метафора, наводящая на мысль о боге-часовщике, рациональном вседержателе, управляющем природой, послушно выполняющей его указания наподобие робота»[71]. И. Пригожин показывает, что взгляды, использующие *идеал рациональности* на мир как на мир-автомат и на мир, подчиненный богу, сходятся: автомату необходим бог. Именно принятие рациональной картины природы и общества, мира универсальных законов равновесия и порядка сближает характеристики «искусственных миров», в которых любые индивидуальные проявления жизни человека подчинены принципу гомеостаза.

Гомеостатическая модель развития психики человека. За схемами двухфакторной детерминации развития личности стоит гомеостатическая модель, выводящая любые проявления активности организма в ходе эволюции из

[71] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 91.

стремления к достижению равновесия. Именно эта модель была исходной для психоанализа З. Фрейда, его метапсихологических построений. Впоследствии на гомеостатическую модель опиралось большинство теорий психического развития человека, в том числе и *теория швейцарской школы генетической психологии Ж. Пиаже*, по праву получившей мировую известность. Ж. Пиаже провел скрупулезный анализ разных вариантов гомеостатических объяснений эволюции в биологии и психологии, рассматривающих процесс взаимоотношения организма со средой.

По мнению Ж. Пиаже, могут быть выделены неэволюционистские и эволюционистские подходы к пониманию адаптации. К числу самых распространенных неэволюционистских подходов относится *преформизм*, сводящий адаптацию к актуализации изначально заложенных в организм наследственных структур и, по сути, нивелирующий роль внешней среды в процессе эволюции. Среди эволюционистских взглядов на взаимоотношение организма и среды Ж. Пиаже выделил три варианта: а) объяснение адаптивных изменений организма исключительно влиянием среды (ламаркизм); б) объяснение адаптации эндогенными внутренними мутациями с последующим отбором; в) объяснение адаптации прогрессирующим влиянием внешних и внутренних факторов. Свою теорию познавательного развития Ж. Пиаже относит к третьему варианту — к концепции двухфакторной детерминации познавательного развития ребенка.

При всем своеобразии теории генетической психологии Ж. Пиаже она в понимании адаптации процесса развития сходна с представлениями психоанализа об ассимиляции и диссимиляции, обеспечивающими стремление организма при взаимодействии со средой к состоянию равновесия. Тем самым идеи психоанализа о развитии, о двухфакторной детерминации личности ни в коей мере не следует считать только достоянием истории психологии.

Дать конструктивную критику психоанализа, а также схем двухфакторной детерминации развития личности на уровне системной и деятельностной методологии науки —

это значит ответить на вопрос: *правомерны ли представления о развитии организма в эволюции как адаптивном процессе*? Из принципов анализа человека как активного «элемента» развивающейся системы следует, что обязательным условием развития является возникновение преадаптивных неутилитарных проявлений поведения человека, возникающих в системе и обеспечивающих ее историческую изменяемость, особенно в критических непредвиденных ситуациях. Подобное понимание развития систем в историко-эволюционном подходе к пониманию человека резко расходится с пониманием развития в психоанализе. Само ядро данного понимания может быть передано следующим образом: «*Процесс жизни есть не уравновешивание с окружающей средой... а преодоление этой среды, направленной не на сохранение статуса или гомеостаза, а на движение в направлении родовой программы развития и самообеспечения*»[72].

Из принципов гомеостатического понимания развития человека вытекает ряд прикладных направлений изучения динамики поведения организма. *Встает вопрос: существуют ли конкретные факты, которые рассогласуются с гомеостатической моделью развития*? Так, из схемы конфронтации двух факторов, в частности, следует, что организм, стремящийся к удовольствию, при встрече с неблагоприятными обстоятельствами или барьерами на пути достижения объекта испытывает *отрицательные эмоции*, которые им подавляются или, если есть возможность, сводятся к минимуму. Эта схема З. Фрейда получила широкое распространение в *психосоматике — направлении психологии и медицины, изучающей влияние психологических факторов, психотравмирующих ситуаций на многие соматические заболевания*. В психосоматике как общепризнанный факт принимается положение о том, что неотреагированные отрицательные эмоции (тревога, страх, гнев) приводят к вредным соматическим последствиям.

Основываясь на идеях З. Фрейда, Ф. Александер предложил свою схему действия на организм отрицательных

---

[72] *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966. С. 314—315.

эмоций у человека. Адаптивное значение отрицательных эмоций в регуляции поведения организма заключается в том, чтобы оценить смысл для организма неблагоприятной ситуации. После эмоциональной оценки ситуации как неблагоприятной могут быть осуществлены два типа поведенческих реакций — бегство или борьба. У животных отрицательная эмоциональная оценка ситуации приводит к таким физиологическим изменениям организма, которые призваны обеспечить либо борьбу, либо избегание неблагоприятной ситуации (повышение мышечного тонуса, учащение пульса, повышение артериального давления и т.п.). Вслед за такой психофизиологической преднастройкой у животных разворачивается поведенческий акт. По-иному происходит адаптация у человека. В силу многих социальных запретов при эмоциональной оценке ситуации как опасной он далеко не всегда может отреагировать бегством или агрессией. Между тем механизмы физиологической мобилизации, выработанные в ходе эволюции, срабатывают, что и приводит вначале к стойкому вегетативному возбуждению, а затем и к органическому поражению внутренних органов, например к гипертонической или язвенной болезни.

Из схемы «разрядки» эмоции в поведении, предложенной Ф. Александером, следуют три вывода:

1) отрицательные эмоции вредны организму, причем если они подавлены, то их вред возрастает;

2) эмоционально-нейтральная ситуация предпочтительнее для адаптации организма, чем отрицательные эмоции;

3) позитивные эмоции полезны для организма, так как дают возможность более полно проявиться принципу удовольствия (*В.С. Ротенберг*).

Здравый смысл, а также некоторые факты из области психосоматики на первый взгляд подтверждают гомеостатическую схему «разрядки» эмоций Ф. Александера, а тем самым концепцию конфронтации двух факторов З. Фрейда.

Схема «разрядки» Ф. Александера была проанализирована В.С. Ротенбергом — одним из последователей создателя «физиологии активности» Н.А. Бернштейна. В.С. Ротенберг

приводит две группы фактов, которые не только противоречат схеме Ф. Александера, но и показывают ограниченность концепций детерминации двух факторов.

Первая группа фактов основывается на наблюдениях врачей за поведением людей, их подверженностью различным заболеваниям во время экстремальных, критических ситуаций, массовых катастроф, войны, блокады. ***Во время войн падает процент психосоматических заболеваний (язва двенадцатиперстной кишки, гипертония). Далее, в экстремальных условиях повышается устойчивость к инфекционным заболеваниям***, например, у борющихся с эпидемиями врачей; у матерей, которые являются единственными кормильцами детей. В указанном круге ситуаций резкое ухудшение условий жизни, порой совершенно нечеловеческие ее условия приводят к возрастанию отрицательных эмоций, которые не только не влекут за собой предсказанные З. Фрейдом и Ф. Александером последствия, а приводят при одном *обязательном* условии к прямо противоположным эффектам. В качестве такого условия выступает активное вовлечение людей в экстремальных ситуациях в ратную или трудовую *деятельность*, за которую они несут ответственность и ради которой преодолевают самые различные препятствия. ***При отказе от деятельности и при возвращении в нормальные ситуации, несмотря на положительные эмоции, как это ни парадоксально, процент психосоматических заболеваний вновь возрастает.***

Вторая группа фактов, рассогласующихся со схемой «разрядки» эмоций Ф. Александера, касается *«болезней достижения»*, или, как их удачно называет В.С. Ротенберг, *«синдрома Мартина Идена»*. Для «болезней достижения» характерно то, что резко выраженные *психосоматические заболевания возникают у людей на гребне успеха*, то есть при достижении той цели, к которой они стремились и которой наконец достигли. Человек стремится завершить любимое дело, неутомимо борется за истину, в общем, ставит перед собой сверхзадачи, разрешает их и... возникают «болезни достижения» (инфаркты и т.п.), вызванные психогенными причинами. В основе «болезней достижения» лежит та же

самая причина, которая вела к повышению сопротивляемости человека к психосоматическим заболеваниям, — *поисковая активность, деятельность по преодолению подобных ситуаций.* Однако *при «болезнях достижения» резкий отказ от поисковой активности влечет за собой утрату смысла существования, что может привести и приводит порой к тяжелым соматическим последствиям, в том числе и к смертельному исходу.* Данные две группы фактов не укладываются в традиционные представления психосоматики, а тем самым в стоящую за психосоматикой гомеостатическую модель развития личности.

Они также свидетельствуют о том, что без учета потока жизни — потока целенаправленных деятельностей — картина представлений о развитии личности не просто обедняется, а искажается, приводя к противопоставлению человека — его жизни в мире человека.

* * *

Дуализм схем двухфакторной детерминации развития личности, устойчиво поддерживаемый антропоцентристской парадигмой мышления о человеке, помещением человека в «искусственные миры» среды и культуры вместо анализа образа жизни человека в обществе, абсолютизацией закономерностей развития, а также гомеостатической моделью развития психики человека, преодолевается в системном историко-эволюционном деятельностном подходе к пониманию человека.

Образ жизни, индивидные свойства человека, совместная деятельность — предпосылки и основание развития личности

В качестве отправной точки при анализе проблемы природной и социальной детерминации человека, а также связанных с ней вопросов о роли социальной среды в развитии личности, движущих сил развития личности, ее жизненного пути, структуры личности, творчества, личностного выбора и, наконец, характера и способностей личности может быть дана следующая методологическая характеристика психологии личности:

«Личность ≠ индивид; это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид *вовлекается*. <...>

Иначе говоря, личность есть *системное* и поэтому "*сверхчувственное*" качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его врожденными и приобретенными свойствами. Они, эти свойства, составляют лишь условия (предпосылки) формирования и функционирования личности, как и внешние условия и обстоятельства жизни, выпадающие на долю индивида.

С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: *иное*, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных от свойств и состояний человека; это — исследование его места, *позиции* в системе, которая есть система общественных связей, *общений*, которые открываются ему; это — исследование того, *что, ради чего* и *как* использует человек врожденное ему и приобретенное им (даже черты своего темперамента и уж, конечно, приобретенные знания, умения, навыки... мышление). То же относится и к внешним условиям, к объективным возможностям удовлетворения потребностей человека»[73].

Данная А.Н. Леонтьевым характеристика психологии личности представляет собой пример той абстракции, развертывая которую можно создать конкретную стратегию психологии личности как самостоятельного направления психологической науки. Для того чтобы развернуть эту абстракцию, нужно, во-первых, обозначить содержащиеся в ней ориентиры, задающие общую логику изучения развития личности: разведение понятий «индивид» и «личность», «личность» и «психические процессы», а также выделение новой схемы детерминации развития личности. Во-вторых, указать конкретные области психологии личности, высвечиваемые этими ориентирами. Основная особенность данной характеристики психологии лично-

[73] *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. I. М., 1983. С. 385.

сти состоит в том, что она является выражением полисистемного видения личности и тем самым контрастирует с любыми описаниями «индивида» и «личности» в рамках антропоцентрической парадигмы, изолирующей их из системы природы и общества.

Первый ориентир — это *разведение понятий «индивид» и «личность»*, а также выявление различных качеств «индивида» и «личности», отражающих специфику их развития в природе и обществе.

При выделении понятия «*индивид*» в психологии личности отвечают прежде всего на вопрос, *в чем данный человек подобен всем другим людям*, то есть указывают, что́ объединяет данного человека с человеческим видом. Понятие «индивид» не следует смешивать с противоположным по значению понятием «индивидуальность», с помощью которого дается ответ на вопрос, *чем данный человек отличается от всех других людей*. «Индивид» обозначает нечто целостное, неделимое. Этимологическим истоком этого значения понятия «индивид» является латинский термин «individuum» (индивидуум). *Характеризуя личность, также имеют в виду «целостность», но такую «целостность», которая рождается в обществе*. «Индивид» выступает как преимущественно генотипическое образование, а его онтогенез характеризуется как реализация определенной филогенетической программы вида, достраиваемой в процессе созревания организма. *В основе созревания индивида лежат в основном адаптивные приспособительные процессы, в то время как развитие личности не может быть понято исключительно из приспособительных форм поведения. Индивидом рождаются, а личностью становятся* (*А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн*).

В обыденном сознании «индивид» и «личность» нередко отождествляются между собой. Истоки отождествления этих понятий восходят еще к мифологической антропологии Древнего Египта, откуда идея телесно инкапсулированной личности перекочевала в христианскую мифологию, а затем проявилась в таких психологических течениях, как психоанализ, персонология и гуманистическая психология. Это понимание «телесности» личности нашло, в част-

ности, выражение в том, что некоторые персонологи, прослеживая этимологию термина «личность», указывают не только на греческую или латинскую этимологию этого термина (persona) — *маска*, а затем *«роль артиста»*, но и на удобное для разведения различных психологических течений разграничение в немецком языке терминов «Persönlichkeit» и «Personalität». *Немецкий термин «Persönlichkeit» близок по значению к латинскому «persona» и отражает то социальное публичное впечатление, которое данный человек производит на других людей. Термин «личность» в этом смысле сводит понятие «личность» к внешним публичным проявлениям человека. В данном значении термин «личность» используется преимущественно в ролевых подходах к пониманию социального поведения человека.*

Термин «личность» в значении «Personalität» отражает ядро, сердцевину, неповторимую глубинную природу человеческого существа, которая может быть врожденной, приобретенной, но, главное, телесно инкапсулированной. *С помощью термина «Personalität» подчеркивается устойчивость личности, ее автономность от изменяющихся социальных ситуаций, общества в целом. В этом значении термин «личность», как правило, употребляется психоаналитиками (З. Фрейд, К. Юнг), представителями гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс), а также создателем теории неповторимости индивидуальной личности Г. Мюрреем.* В *персонологии* Г. Мюррея пространством обитания личности считается мозг человека. *В указанных течениях личность выступает как нечто «единичное», уникальное, резко отличающееся от периферийного социального фасада, то есть социальной маски, персоны, «социального индивида».*

Если различие реальностей, обозначаемых понятиями «индивид» и «личность», упускается из виду, сущность личности размещается в пространстве «индивида», а исследователи оказываются в плену схем двухфакторной детерминации развития личности и многочисленных биологических типологий личности, опирающихся при пост-

роении этих типологий на те или иные свойства индивида, например на особенности его внешнего или внутреннего телосложения (*Э. Кречмер, У. Шелдон, Г. Айзенк* и др.). *Игнорирование несовпадения реальностей, обозначаемых понятиями «индивид» и «личность», влечет за собой две крайности: либо развитие личности подменяется развитием индивида, вследствие чего появление различных психических новообразований механически приурочивается к тому или иному возрасту по чисто хронологическим и биологическим критериям; либо процессы созревания индивида полностью выносятся за скобки в социологизированных подходах к изучению личности.*

Важность разграничения понятий «индивид» и «личность» весьма продуктивна в психологии. Но при этом не должно произойти подмены терминов, при которой вместо «биологического» употребляется «индивидное», вместо «социальное» — «личностное», а сам взгляд на проблему соотношения биологического и социального остается дуалистическим.

Разграничение понятий «индивид» и «личность» имеет не только методологические, но и эмпирические основания. Если представить шкалу с противоположными точками «индивид» и «личность», то на одном ее конце окажется «личность без телесного индивида», вроде описанного Ю. Тыняновым поручика Киже или различных мифических личностей, а на другом — «индивид без личности», вроде детей, выращенных животными (феномен Маугли).

Трагическую картину процесса превращения личности в индивида, возникающего при выпадении личности из системы социальных связей, приходится иногда наблюдать в домах-интернатах для престарелых (*В.Ф. Болтенко*). В.В. Давыдов, приводя пример из известной повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», проводит грань между биологической смертью «индивида» и порой опережающей ее смертью самосознания личности. Иван Ильич знал, что умирает, но никак не мог принять этого. «Возможно, это и покажется парадоксальным, но люди порой “умирают” задолго до биологической смер-

ти. Умирают, ибо все ими *сделано* и исчерпана до конца та возможность выразить себя в мире, которая дается каждому лишь раз. И у "роковой черты" остается только одно — сказать себе правду о своей жизни. Остается только исповедь как форма самораскрытия *изнутри*. И эта правда, которую должен сказать себе человек, является последним, что ему остается сделать в жизни. Иван Ильич сказал себе эту правду, и ему было легко умирать, так как он уже фактически похоронил свою душу — эту, по меткому выражению М.М. Бахтина, последнюю смысловую позицию личности»[74]. Самосознание личности оставляет человека, а жизнь индивида в системе социальных отношений еще продолжается, что ставит перед медиками порой немало трудноразрешимых этических проблем.

При разграничении понятий «индивид» и «личность» в эмпирическом плане самого пристального внимания заслуживает обнаруженный психогенетиками феномен «мысамость» (we-self) — существование одной личности у однояйцевых близнецов, не могущих существовать друг без друга ни во времени, ни в пространстве. Одна личность тем самым как бы обслуживается двумя индивидами.

Наряду с разграничением понятий «индивид» и «личность» в отечественной и зарубежной психологии при характеристике личности используют различные триады: «организм», «социальный индивид», «личность» (*М.Г. Ярошевский, Р. Харре*); «индивид», «личность», «индивидуальность» (*С.Л. Рубинштейн*). Б.Г. Ананьевым было введено представление об «индивиде», «личности», «субъекте деятельности» и «индивидуальности». Через понятие «индивид» он обозначил «индивидные» природные свойства человека; через понятие «личность» — социальное положение человека в обществе, общественные функции — роли, цели и ценностные ориентации, определяющие социальную биографию человека. Под «субъектом деятельности» Б.Г. Ананьев понимал человека, обладающего сознанием и активно преобразующего мир в познании, труде

[74] *Давыдов В.В.* Личностью надо «выделаться» // С чего начинается личность. М., 1979. С. 109—110.

и т.д., а под «индивидуальностью» — интегративное целостное объединение «индивида», «личности» и «субъекта деятельности». Сходных взглядов на индивидуальность придерживался *В.С. Мерлин, разработавший концепцию «интегральной индивидуальности»*.

Такого рода разграничение разных проявлений жизни личности в обществе является продуктивным, особенно когда в целях экспериментального исследования ставится задача выделения тех или иных специфических закономерностей становления личности. Вместе с тем при резком разведении личности на различные «триады» возникают определенные затруднения.

Биогенетическая ориентация исследования развития человека в онтогенезе приводит исследователей к изучению прежде всего фенотипических особенностей созревания организма. *Социогенетическая ориентация* побуждает исследователей к разработке представлений о закономерностях развития «социального индивида» или «личности» в понимании Б.Г. Ананьева. *Персоногенетическая* ориентация, даже если она освободится от ассоциации термина «персонология» с «персонологией» в смысле Г. Мюррея, приводит к анализу преимущественно формирования самосознания личности, проявлений ее «индивидуальности». Выделяя эти ориентации изучения личности, И.С. Кон отмечает: «Поскольку каждая из этих моделей (реализация биологически заданной программы, социализация и сознательное самоосуществление) отражает реальные стороны развития личности, спор по принципу "или—или" не имеет смысла. "Развести" эти модели по разным "носителям" (организм, социальный индивид, личность) также невозможно, ибо это означало бы жесткое однозначное разграничение органических, социальных и психических свойств индивида, против которого выступает вся современная наука»[75].

При анализе соотношений «индивида», «личности» и «индивидуальности» как «элементов» эволюционирующей сис-

---

[75] *Кон И.С.* В поисках себя. Личность и самосознание. М., 1984. С. 168.

темы анализируются их взаимосвязи в филогенетическом, антропогенетическом, социогенетическом, онтогенетическом и функциональном аспектах их развития, а также ставится вопрос о преобразовании закономерностей историко-эволюционного процесса в ходе истории вида.

Появление человеческого индивида в «мире человека» опосредствовано всей историей его вида, которая преломилась в наследственной программе индивида,подготавливающей его к специфическому для данного вида образу жизни. Так, только человеку присущи рекордная продолжительность периода детства; возможность пребывать при рождении в состоянии крайней «беспомощности»; размер веса мозга ребенка, составляющий всего лишь около четверти веса мозга взрослого человека. Последний факт станет еще более красноречивым, если вспомнить, что вес мозга большинства обезьян при рождении составляет более двух третей взрослой особи и достигает веса мозга взрослой обезьяны уже к концу первого года жизни.

Подобная *беспомощность человеческого индивида* при рождении — яркое свидетельство того, что закономерности биологической эволюции потеснились, преобразовались, а на первый и крупный план вышли закономерности историко-эволюционного процесса развития ребенка. Законы биологической эволюции давно перестали быть движущим фактором прогрессивного развития человечества. «Но такие явления, как спонтанные аборты (15% от всех беременностей), мертворождения (1% от всех родов), определенное количество бесплодных браков, повышенная смертность мальчиков в первый год жизни, — все они... должны рассматриваться как элементы естественного отбора против определенных генотипов»[76].

Образ жизни человечества, как это и вытекает из теории А.Н. Северцова, приводит к конкретной перестройке закономерностей историко-эволюционного процесса, но именно

[76] *Бочков Н.П.* Методологические и социальные вопросы современной генетики человека // Диалектика в науках о природе и человек. М., 1983. С. 183.

к перестройке этого процесса, а не к его полной отмене. Закономерности эволюции не просто отмирают, а радикальным образом преобразуются, в корне меняется логика причин и движущих сил эволюционного процесса. Индивидные свойства человека выражают прежде всего тенденцию человека как «элемента» в развивающейся системе общества к сохранению, обеспечивая широкую адаптивность человеческих популяций, особенно когда речь идет о филогенетически наиболее древних уровнях организации индивида. Однако биология онтогенеза — индивидного развития человека, несмотря на горы фактов, по мнению классика современной биологии Б.Л. Астаурова, в сущности еще отсутствует. И главные ее трудности как раз в том и заключаются, что индивидное развитие человека осуществляется в контексте социального образа жизни, который не просто накладывается на природный «субстрат» человека, а и в антропогенезе, и в социогенезе, и в жизненном пути личности приводит к преобразованию этого природного «субстрата». В связи с этим на индивидное развитие человека в онтогенезе не могут быть перенесены закономерности биологической эволюции, разработанные на материале филогенеза в биологии. Вопрос о природе и характере этих закономерностей, в том числе и о влиянии жизненного пути личности на онтогенетическое развитие индивида, ждет своего разрешения в человекознании.

В методологическом плане, с какого бы уровня методологии вопрос о соотношении биологического и социального в человеке ни рассматривался, особенно в том его варианте, который влечет бесплодные рассуждения о «степени животности» и «степени человечности» человека, его решение расходится не только с фактами социологии и психологии, но и биологии. Индивид по способу жизни в среде коренным образом отличается от любых других биологических видов. «Никто не возражал бы иметь глаз орла, желудок кашалота, сердце ворона и т.д., то есть обладать звериным здоровьем и “зверской” физической работоспособностью. Но человеческое общество не могло бы сложиться, если бы у людей сохранились животные отношения к вещам и друг другу; звериные отно-

шения к миру разрушили бы и общество, и человеческое в нас самих. У человека нет "биологического" в простом и основном значении этого термина — животно-биологического. Биологические особенности человека состоят именно в том, что у него нет унаследованных от животных инстинктивных форм деятельности и поведения»[71].

Таким образом, *при разведении понятий «индивид», «личность» и «индивидуальность» в контексте историко-эволюционного подхода к изучению развития человека не происходит подмены этими понятиями терминов «биологическое» и «социальное». Сама постановка вопроса о животно-биологическом в человеке, навязанная антропоцентристской парадигмой мышления, теряет смысл. Главными вопросами становятся вопросы о преобразовании закономерностей биологической эволюции в историческом процессе развития общества и о системной детерминации жизни личности, способом существования и развития которой является совместная деятельность в социальном конкретно-историческом образе жизни данной эпохи.*

Второй ориентир — системная схема детерминации развития личности.

Основанием этой схемы является *совместная деятельность*, посредством которой осуществляется развитие личности в *социально-исторической* системе координат данной эпохи. «Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его "Я". Дело, однако, обстоит вовсе не так... *Многообразные деятельности* субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный "центр личности", который мы называем "Я"; иначе говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а *в его бытии*.

---

[71] *Гальперин П.Я.* К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. 1976. № 1. С. 36.

...Анализ деятельности и сознания неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, “птолемеевского” понимания человека в пользу понимания “коперниканского”, рассматривающего систему взаимосвязей людей в обществе. Нужно только при этом подчеркнуть, что в к л ю ч е н н о е в систему вовсе не значит растворяющееся в ней, а, напротив, обретающее и проявляющее в ней силы своего действия»[78].

Во избежание односторонней интерпретации представлений о совместной деятельности как основания развития личности необходимо подчеркнуть, что «центром» личности являются не столько сами по себе «узлы» или «иерархии деятельностей» личности в социальном мире, а то, *что* порождается в многообразных деятельностях, то, *ради чего* и как человек использует приобретшие для него *личностный смысл* социальные нормы, ценности, идеалы, в том числе и индивидные свойства, в своей жизни.

На определенном этапе развития личности взаимоотношение между личностью и порождающим ее деятельностным «основанием» изменяется. ***Совместная деятельность в конкретной социальной системе по-прежнему детерминирует развитие личности, но личность, все более индивидуализируясь, сама выбирает ту деятельность, а порой и тот образ жизни, которые определяют ее развитие.*** Иначе говоря, в ходе жизни обозначается переход от режима *употребления*, *усвоения* культуры к режиму *конструирования различных социальных миров.*

Вне анализа многообразных совместных деятельностей как оснований развития личности возникают серьезные трудности при реализации в психологии принципов развития и историзма. Вопросы о том, как индивид вовлекается в общественные отношения, каким образом приобретается системное «сверхчувственное» качество, позволяющее характеризовать индивида как «личность», как зовут ту силу, которая может не только породить лич-

[78] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 228—229.

ность, но и определить закономерности ее функционирования и развития, через что личность выражает свои отношения к миру и преобразует мир, остаются без ответа. Путь к решению этих вопросов открывается в том случае, если в *качестве системообразующего основания в схеме детерминации развития личности берется совместная деятельность.* Индивидные свойства человека и социальная среда не являются чем-то внешним по отношению к целенаправленной деятельности, не понимаются как два «фактора», варьируя которыми по принципу «больше—меньше» таинственный кукольник определяет судьбу личности, ее поступки. Они как бы погружены в многообразные деятельности, и их преобразования, влияющие на развитие личности, неотделимы в жизни личности от преобразований «потока деятельностей».

Индивидные свойства человека — предпосылки развития личности. Человек рождается как существо социально-генетическое, а его индивидные особенности подготовлены к социально-историческому образу жизни общества. Эти «индивидные свойства» (термин *Б.Г. Ананьева*) на ранних этапах онтогенеза не представляют собой биологическую базу или фактор, который предопределяет развитие личности в «потоке деятельностей», а выступают как *«безличная предпосылка»* развития личности, претерпевающая порой в процессе жизненного пути личности некоторые изменения. Безусловно, *индивидные предпосылки человека, преобразуясь в ходе жизни человека, являются условием развития личности.* Иногда приписываемый ряду психологов взгляд, будто бы деятельностный подход сбрасывает вообще индивидные свойства со счетов при анализе развития личности, или утверждение о полном прекращении действия биологических закономерностей развития человека основаны на недоразумении. «...Начиная от кроманьонского человека, то есть человека в собственном смысле слова, люди уже обладают всеми морфологическими свойствами, которые необходимы для процесса дальнейшего безграничного общественно-исторического развития человека — процесса, теперь уже не требующего каких-либо изменений его наследственной природы. Таким действи-

тельно и является фактический ход развития человека на протяжении тех десятков тысячелетий, которые отделяют нас от первых представлений вида Homo sapiens: с одной стороны, необыкновенные, не имеющие себе равных по значительности и по все более возрастающим темпам изменения условий и образа жизни человека; с другой стороны, устойчивость его видовых морфологических особенностей, изменчивость которых не выходит за пределы *вариантов, не имеющих социально существенного приспособительного значения.*

Значит ли это, однако, что на уровне человека происходит остановка всякого филогенетического развития? Что природа человека как выразителя своего вида, раз сложившись, далее не меняется?

Если признать это, то тогда необходимо также признать и то, что способности и функции, свойственные современным людям, например тончайший фонематический слух... — все это является продуктом онтогенетических функциональных изменений (*А.Н. Северцов*), *не зависящих* от достижений развития предшествующих поколений.

Несостоятельность такого допущения очевидна»[79].

В системно-деятельностном подходе к изучению личности тем самым речь идет не об остановке биологической эволюции человека, а о том, что у человека устойчивы видовые *морфологические* особенности, не выходящие за пределы *вариантов*, не имеющих социально приспособительного значения. Вопросы же изучения *«индивидных предпосылок» развития личности в онтогенезе заключаются в том, при каких обстоятельствах, каким путем и в чем находят свое выражение закономерности созревания индивида в жизненном пути индивидуальности, а также в том, как преобразуются индивидные свойства человека в зависимости от социального образа жизни, порой превращаясь из предпосылок развития личности в продукт этого развития.*

Индивидные предпосылки, будь то от природы унаследованные задатки или темперамент, сами по себе не

[79] *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. I. М., 1983. С. 110—111.

предрешают развитие способностей и характера, точно так же как социальные условия жизни — хижины или дворцы, усвоенные в процессе социализации роли, — сами по себе не предопределяют, вырастет ли в этих условиях пекущийся о своем благополучии приспособленец или же герой, готовый отдать жизнь ради рождения культуры достоинства. Если индивид не будет вовлечен в соответствующую его природным задаткам деятельность, то они останутся нереализованными. *Темперамент и задатки, впрочем, как и любые индивидные предпосылки, не представляют собой свойств личности. Эти предпосылки не являются основой или базой личности.* В действительности *свойства индивида* (строение тела, пол, биологический возраст, типы высшей нервной деятельности и т.д.) *определяют формально-динамические аспекты поведения личности* и, включаясь в деятельность, выражающую *отношения человека к миру, к другим лицам и самому себе, оказывают влияние на становление личности.* В связи с этим, например, конституция или какой-либо органический дефект вроде хромоты может оказать влияние на формирование личности. Основатели конституционных типологий личности (*Э. Кречмер, У. Шелдон, Г. Айзенк*) подвергаются критике вовсе не за то, что они пытались выявить связь индивидных свойств человека с развитием, а за то, как они устанавливали эту связь.

При изучении индивидных свойств человека не следует забывать, что они развиваются и преобразуются в контексте социально-исторического образа жизни общества.

Социально-исторический образ жизни — источник развития личности в социогенезе. В философской методологии, а также в ряде конкретных социальных наук, прежде всего в социологии, образ жизни характеризуется как совокупность *типичных* для данного общества, социальной группы или индивида форм жизнедеятельности, присущих конкретной системе социальных отношений и определяемых конкретной исторической эпохой.

В психологии в сходном смысле употребляется понятие «*социальная ситуация развития*», которое было предложено в дискуссии с исследователями, придерживающимися

двухфакторных схем развития личности, в частности в ходе критики представлений о «среде» как о внешнем «факторе» развития личности.

Понятие «социальная ситуация развития», введенное Л.С. Выготским, получило затем право гражданства в детской и социальной психологии благодаря исследованиям Л.И. Божович и Б.Г. Ананьева. *Говоря о «социальной ситуации развития», Л.С. Выготский подчеркивал, что среда не есть «обстановка развития», то есть некий «фактор», непосредственно детерминирующий поведение личности. Она представляет собой именно условие осуществления деятельности человека и источник развития личности.* Но это то условие, без которого, как и без индивидных свойств человека, невозможен сложный процесс строительства личности. Материалом для этого процесса служат те конкретные социальные отношения, которые застает «индивид», появляясь на свет. Все эти обстоятельства, выпадающие на долю «индивида», сами по себе выступают как «безличные» предпосылки развития личности.

Введение представлений о социально-историческом образе жизни как источнике развития личности позволяет исследовать развитие личности на пересечении двух осей в одной системе координат — оси исторического времени жизни личности и оси социального пространства ее жизни.

О природе *времени* и его роли в детерминации развития личности в психологии известно немного. Классические исследования В.И. Вернадского о качественно различных структурах времени в физической, геологической, биосферной и социальной системах затронули психологию по касательной. Точно так же как психология изучала личность в «искусственных мирах», «средах», она долго довольствовалась представлением о времени, заимствованном из классической механики. Любые трансформации времени в истории культуры или сознании человека, его уплотнения или ускорения, интерпретировались как иллюзии, как «кажущиеся» отклонения от физического времени. В отечественной психологии тезис о зависимости времени от тех систем, в которые оно включено — в неорганическую природу, в эволюцию органической

природы, в социогенез общества, в истории жизненного пути человека, — был сформулирован С.Л. Рубинштейном. «...Кажущимся оно (время. — *А.А.*) является только по отношению к общепринятому официальному, за которое принимается время природы, время механического движения материи. Субъективно переживаемое время — это не столько кажущееся, субъективно данное в переживании, якобы неадекватно преломленное время движущейся материи, а относительное время жизни (поведения) данной системы — человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека. В концепции времени отражается теория детерминации процесса»[80]. Эта идея С.Л. Рубинштейна лишь недавно стала интенсивно разрабатываться в психологии личности. В исследовании Е.И. Головахи и А.А. Кроника дается характеристика различных форм детерминации времени жизни человека: «*физического* или *хронологического* времени, к которому до сих пор сводится представление о времени в позитивистски ориентированной психологии познания; *биологического* времени, зависящего от жизнедеятельности биологических систем и изучаемого прежде всего в цикле работ о биологических ритмах жизни, о биологических часах; *исторического времени*, обусловленного особенностями социогенеза конкретно-исторических общностей (кто, например, сейчас назовет поездку из Петербурга в Москву путешествием, как это сделал А.Н. Радищев); *психологического* времени личности, представляющего собой одновременно условие и продукт реализации деятельности в ходе жизненного пути личности.

Ось исторического времени образа жизни личности в данном обществе дает возможность выделить тот объективный социальный режим, который задан личности, — исторически обусловленную протяженность детства в этой культуре; объективный режим смены игры учебой, учебы трудом; распределение временно́го бюджета на «работу» и на «досуг», характерное для этого типичного образа жизни. Без учета исторического времени те или

[80] *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 305.

иные особенности деятельности человека, вовлечение ребенка в игру или учебу будут казаться исходящими либо из самого ребенка, либо из его непосредственного социального окружения. Они могут лишь чуть замедлить или ускорить исторический ритм образа жизни, но не изменить его в рамках данной эпохи.

Другая ось образа жизни — это *социальное пространство*, в котором существуют на данном интервале исторического времени различные «*институты социализации*» (*семья, школа, трудовые коллективы*), большие и малые социальные группы, участвующие в процессе приобщения личности через совместную деятельность к миру культуры.

В волшебной сказке М. Метерлинка «Синяя птица» добрая фея дарит детям чудодейственный алмаз. Стоит лишь повернуть этот алмаз, и люди начинают видеть «скрытые души» вещей. Как и в любой настоящей сказке, в этой сказке есть большая правда. Окружающие людей предметы человеческой культуры действительно имеют «душу». И «душа» эта не что иное, как «*поле значений*», существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности в орудиях труда схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, церемоний, различных социальных символов и норм. Только в том случае *человек становится личностью, если он с помощью социальных групп включается в «поток деятельностей» (а не «поток сознания») и через их систему усваивает экстериоризованные в человеческом мире «значения». Совместная деятельность и есть тот «алмаз», который, как правило, совершенно этого не осознавая, поворачивает человек, чтобы увидеть «души» предметов и приобрести свою собственную «душу».*

Иными словами, в *окружающем человека мире объективно существует особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, — поле значений.* Это поле значений отдельный индивид находит как *вне-его-существующее* — им воспринимаемое, усваиваемое поэтому так же, как то, что входит в его *образ мира* (*А.Н. Леонтьев*). Организуя деятельность в соответствии с полем значений, люди тем самым непре-

рывно подтверждают реальность его существования. Социальное пространство кажется столь естественным, изначально приросшим к натуральным свойствам объектов природы, что его замечают чаще всего тогда, когда оказываются в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни. Тогда-то и открываются различия в образе мира человека разных культур, например различия в этническом самосознании, ценностных ориентациях и т.д.

Социально-исторический образ жизни личности — источник развития личности, который в ходе жизни личности превращается в ее результат. В реальности личность никогда не скована рамками заданных социальных ролей. Она не пассивный слепок культуры, не «ролевой робот», как это порой явно или неявно утверждается в ролевых концепциях личности.

Преобразуя деятельность, развертывающуюся по тому или иному социальному «сценарию», выбирая различные социальные позиции в ходе жизненного пути, личность все резче заявляет о себе как об индивидуальности, которая своими «личностными действиями» (Д.Б. Эльконин), поступками и деяниями вмешивается в культуру, порой отстаивая себя в культуре, а порой теряя себя в ней.

Проявления активности личности возникают не в результате какого-либо первотолчка, вызываемого теми или иными потребностями. Поиск «двигателя», дающего начало активности личности, необходимо искать в тех рождающихся в процессе потока деятельностей противоречиях, которые и являются движущей силой развития личности. Кульминационным пунктом в ходе анализа личности является рассмотрение *продуктивных* (творчество, воображение, целеобразование и т.п.) и *инструментально-стилевых* (способности, интеллект, характер) проявлений *индивидуальности личности.*

При переходе *деятельности личности от режима потребления, усвоения культуры в режим созидания* и творчества биологическое и историческое время все более превращается в *психологическое время* жизни личности, строящей свои планы и воплощающей свою жизненную программу в социальном образе жизни данного общества. По словам Л. Сэва, «время жизни» человека превращается в его «время жить».

* * *

Итак, *в схеме системной детерминации развития личности выделяют три следующих момента: индивидные свойства человека как предпосылки развития личности, социально-исторический образ жизни как источник развития личности и совместная деятельность как основание осуществления жизни личности в социальном мире. За каждым из этих моментов стоят различные и пока недостаточно соотнесенные между собой области изучения личности.*

Представления об *индивидных предпосылках развития личности* и их преобразовании в ходе ее развития остаются на уровне рассуждений, если не обратиться к богатым теоретическим конструкциям и эмпирическим данным, накопленным в *дифференциальной психофизиологии, психогенетике, психосоматике и нейропсихологии.* Вместе с тем *исследования по дифференциальной психофизиологии, психогенетике и другим областям будут напоминать «кошку, которая гуляет сама по себе», если не рассмотреть их предмет как органические предпосылки развития личности и тем самым включить его в контекст психологии личности.*

При изучении *общества как источника развития личности* неизменно встают вопросы о ее социотипических проявлениях, ее социальной позиции в обществе, механизмах социализации и регуляции ее социального поведения, развития в социогенезе. Решение данных вопросов немыслимо без обращения к *социальной, исторической, возрастной, педагогической психологии, этнопсихологии и культурной антропологии.* В свою очередь каждая из этих дисциплин рискует «не увидеть за деревьями леса» и свести, например, «личность» к «роли» или смешать «социальный характер» с «индивидуальным характером», принять периодизацию развития психики за периодизацию развития личности в том случае, если другие детерминанты не будут находиться хотя бы на периферии исследования этих областей психологической науки. Разработка представлений о социально-историческом образе жизни как источнике развития личности помогает решить вопросы, *что* присваивается, приобщается личностью в процессе ее движения в системе *социальных* отношений,

каковы возможности выбора, перехода от одного вида деятельности к другому, каково содержание приобретенных в этой системе черт и установок личности.

И при анализе индивидных предпосылок, и при исследовании социально-исторического образа жизни как источника развития личности постоянно следует учитывать, что речь идет о биогенетических, социогенетических и персоногенетических ориентациях в психологии личности, которые в контексте историко-эволюционного подхода и системной схемы детерминации развития личности перестают быть параллельными линиями изучения личности. С самого момента движения человека в обществе эти «предпосылки» начинают активно участвовать в жизни той или иной эволюционирующей системы, влиять на ее развитие, *трансформироваться из предпосылок в результате ее развития*, использоваться личностью как средства достижения ее целей.

Особенно остро эта проблема встает при изучении *индивидуальности личности* в персоногенезе как продолжении в жизни человека биогенеза и социогенеза. *Индивидуальность личности, ее творчество, характер, способности, поступки и деяния наиболее выраженно проявляются в проблемно-конфликтных ситуациях, увеличивая потенциальные возможности развития культуры.*

При изучении индивидуальности личности в центре оказываются вопросы о том, ради чего живет человек, какова мотивация его развития, каким закономерностям подчиняется его жизненный путь. Над решением этих вопросов работают помимо общих психологов представители возрастной, педагогической, социальной, этнической и организационной психологии, клинической психологии, психиатрии, то есть тех отраслей психологии, перед которыми стоит задача психологической помощи личности в ее частной и профессиональной жизни. При исследовании индивидуальности личности представители общей и дифференциальной возрастной, социальной, исторической, клинической и инженерной психологии поднимают проблемы *личностного выбора, самоопределения, саморегуляции личности, механизмов, обеспечивающих продуктивность деятельности личности, общих и*

специальных способностей как характеристик успешности выполнения деятельности. Они также ставят вопросы об изучении индивидуального стиля деятельности и характера как форм выражения личности в процессе ее жизненного пути.

Решение названных проблем требует от различных психологов, разрабатывающих практическую психологию личности, создания различных служб консультирования и психологической помощи, диагностики различных рисков развития личности, разработки программ тренингов личностного роста и толерантности как искусства жизни с непохожими людьми, создания культурных психотехнических практик саморегуляции поведения личности и т.п.

Выделенные ориентиры рассмотрения психологии личности выступают как основа для изучения сложной сети взаимоотношений между природой, обществом и личностью. Они также позволяют обозначить точки приложения усилий разных отраслей психологии, занимающихся изучением многообразных проявлений личности. Главное же значение этих ориентиров заключается в том, что они дают возможность представить разрозненные факты, методы и закономерности *в контексте психологии личности как самостоятельного направления психологической науки и сферы профессиональной практики.*

Методология философии, общенаучные принципы историко-эволюционного системного анализа, системно-деятельностный подход к пониманию человека позволяют выделить междисциплинарные связи в человекознании и наметить пути к пониманию механизмов развития личности в природе, обществе и индивидуальном жизненном пути человека.

Раздел II

ЧЕЛОВЕК КАК ИНДИВИД: БИОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Человек — хоть будь он трижды гением —
Остается мыслящим растением.
С ним в родстве деревья и трава.
Не стыдитесь этого родства.
Вам даны до вашего рожденья
Сила, стойкость, жизненность растения.

С. Маршак

Глава 6
Роль индивидных свойств человека в развитии личности

Эволюционный аспект изучения индивидуальных различий между людьми

«Идея о человеке как о венце творения, воспринимавшаяся на первых порах как выражение человеческой гордыни, как дерзкое посягательство на не принадлежащее ему место, давно стала тривиальной. Люди так привыкли к своим действительно незаурядным деяниям, что перестали удивляться многому, что заслуживает удивления, и забыли о своем недавнем прошлом: рудиментарной психике, волосатом теле, неловких руках, сжимавших сучковатую палку, страхе перед хищниками и грозными явлениями природы. Сейчас это недавнее прошлое кажется нереальным сном, который не может служить безграничной верой в человеческое величие. Но сон напоминает о себе многим: ...став людьми... люди несут в своей телесной организации наследие далекого прошлого, а с ним и пережитки управляющих им биологических законов»[1]. В этих строках одного из основателей исторической антропологии — В.П. Алексеева поднимается ряд сложных вопросов, касающихся *роли индивидных свойств в развитии личности человека современной исторической эпохи.*

Первый из этих вопросов затрагивает *проблему изучения историко-эволюционных закономерностей, которым подчиняется развитие индивидных свойств человека в антропогенезе и онтогенезе.* Время непосредственного развития индивидуальных свойств во власти биологической эволюции прошло; оно пережито человечеством. Однако эти закономерности, став «пережитками» и включившись в процесс развития человека в условиях социально-ис-

---

[1] *Алексеев В.П.* Человек: эволюция и таксономия. М., 1985. С. 91.

торического образа жизни, преобразовались, изменили свой характер в естественно-историческом процессе развития человечества. В связи с этим *без предварительных представлений о преобразованной форме действия биологических закономерностей в условиях социального образа жизни характеристика развития индивидных свойств человека в процессе становления личности в обществе будет неполной.*

Второй вопрос связан с тем, *что представляют собой индивидные свойства человека*, на какие классы и подклассы они подразделяются в современной психологии.

Третий вопрос — это *вопрос о месте индивидных свойств человека в организации личности и ее развитии.* В зависимости от того, как он решается, складываются разные представления о роли индивидных свойств в развитии личности и о методах их исследования.

Вопрос об историко-эволюционных закономерностях, определяющих возникновение и генезис индивидуальных различий между людьми, практически не ставится в психологии личности и психологии индивидуальных различий. Данное обстоятельство кажется особенно парадоксальным, если учесть, что пионером психологии индивидуальных различий, или, как ее чаще называют, дифференциальной психологии, был английский исследователь Ф. Гальтон, в конце прошлого века начавший изучение роли фактора «наследственности» в индивидуальных различиях между людьми. Образно говоря, работы самого Ф. Гальтона также появились под влиянием его «наследственности» и «среды», так как он был двоюродным братом Ч. Дарвина. Именно теория эволюции Ч. Дарвина обусловила интерес Ф. Гальтона к изучению наследственных факторов в развитии различных человеческих способностей, и прежде всего в выраженности интеллекта. Ф. Гальтон является автором работы «Наследственность таланта, ее законы и последствия» (1869), которая была первой работой по евгенике — учению об «улучшении» человеческого рода путем вмешательства в биологические механизмы наследственности. В этой книге Ф. Гальтон доказывал, что законы развития человека подчиняются законам генетики и

естественного отбора, а тем самым с помощью селекции и увеличения полезных и устранения вредных качеств можно не только облагородить, но и вывести новую человеческую породу.

В дискуссиях о роли биологических закономерностей в истории человечества В.П. Алексеев выделяет две полярные точки зрения.

Первая точка зрения, которая по содержанию близка к социал-дарвинизму, состоит в убеждении, что *естественный отбор продолжает оставаться основной движущей силой эволюции.* Помимо непредсказуемых последствий эта позиция приводит к таким биологическим выводам, как, например, к выводу о подчинении морфофизиологического развития человека законам естественного отбора в его биологическом варианте, а тем самым к появлению со временем «нового вида человека».

Вторая точка зрения сформировалась в борьбе с социал-дарвинизмом и привела к выводу о том, что *любое влияние биологической эволюции с началом развития человеческого общества практически исчезло.* Такого рода крайняя позиция, в том числе смешение морфофизиологической эволюции с эволюцией образа жизни, логически должна привести к отрицанию законов развития природы в естественно-историческом процессе человечества. На смену «биологизаторству» приходит «социологизаторство». А крайности, как известно, сходятся.

Позиция, признающая непосредственное влияние индивидных свойств человека на развитие его личности, и позиция ее независимости от индивидных свойств человека в равной мере антиисторичны. *Следуя концепции А.Н. Северцова, следует признать, что продолжающаяся в истории человечества эволюция образа жизни приводит к преобразованию закономерностей биологической эволюции, поскольку сам образ жизни становится социально-историческим образом жизни. Быстрая эволюция социального образа жизни ведет к тому, что в своем развитии индивидные свойства человека начинают развиваться за счет возникновения «функциональных органов» (А.Н. Леонтьев), обладающих безграничной возможностью адаптации к изменяющемуся миру.*

Представитель традиционной биологии назовет подобный подход социологизацией, отрицанием биологических закономерностей в развитии человечества. Сторонники традиционного историко-культурного подхода к развитию человека, отрицающие влияние биологической эволюции на историю человечества, могут назвать такой подход вариантом «биологизации». В действительности *историко-эволюционный деятельностный подход к пониманию личности в принципе по-иному ставит сам вопрос о соотношении биологического и социального в развитии личности человека. В соответствии с этим подходом социально-исторический образ жизни приводит к преобразованию закономерностей биологической эволюции человеческого вида и к выработке в культуре «средств» (Л.С. Выготский), с помощью которых человек в определенных пределах начинает подчинять себе свои «функциональные органы»* и порой поднимается в овладении ими до поражающих воображение вершин искусства саморегуляции.

Решение вопроса о преобразованных формах эволюции при переходе к социально-историческому образу жизни человечества, о его влиянии на индивидные свойства человека пока находится в области гипотез. Но без этих гипотез психология индивидуальных различий в целом, психофизиология индивидуальных различий и психогенетика окажутся в прокрустовом ложе антропоцентристской парадигмы мышления о человеке, будут выводить отличия одного человека от другого из конституции самой по себе или выискивать отличия людей от животных по «ушной мочке».

В 1909 г. учеником Гальтона Пирсоном был начат цикл исследований, в которых предпринималась попытка установить корреляцию между антропоцентрическими характеристиками черепа, тела и... интеллекта. Р. Мейли отмечает, что эти работы дали полностью отрицательные результаты, то есть корреляции между величиной черепа и выраженностью интеллекта не было обнаружено. Вначале причины развития интеллекта (*Пирсон*), а затем личности искали под поверхностью черепа, то есть *логика анализа двигалась по пути поиска корреляций между внешними физическими характеристиками*

индивида и психическими аспектами личности. За такой логикой выступает антропоцентристская парадигма мышления о человеке, изучающая его вне общества и вне развития. В связи с этим для прогресса дифференциальной психофизиологии имеют первостепенное значение как изменение направленности логики изучения человека, так и осмысление полученных данных в ходе истории дифференциальной психологии в контексте общих историко-эволюционных закономерностей.

Гипотеза «рассеивающего отбора». Помимо общих системных аспектов развития человека в эволюционирующих системах для дифференциальной психологии представляют большой интерес положения В.П. Алексеева о так называемом *«рассеивающем отборе», бережно поддерживающем вариации, акцентуации, которые возникают в условиях социально-исторического образа жизни.* Рассеивающий отбор в человеческих популяциях качественно отличается от тех форм отбора, которые действуют в биологической эволюции других видов. «...Как бы широко ни был расселен вид любого животного, его адаптивные возможности ограничены, да и виды с широкими ареалами, приспособленные к разнообразным биотипам, составляют меньшинство. Человек освоил практически всю планету и представляет собой едва ли не самый панойкуменный вид Земли. Но это автоматически вызывает широкий диапазон изменчивости у современного человека.

Большой размах изменчивости, необходимый для процветания и жизнестойкости человеческого вида, представляет собой результат многонаправленности действия отбора, причем многонаправленность эта осуществляется не последовательно, а в отличие от животных одномоментно, в каждую единицу времени. *Отбор не стабилизирует изменчивости вида в целом, а, наоборот, подхватывает и закрепляет каждую отклоняющуюся вариацию, потому что всегда или почти всегда для нее находится подходящее место в разнообразной и вечно меняющейся природной и общественной среде*; в каких-то условиях любая вариация может получить преимущество перед другой. *Поэтому отбор у человека, несомненно в прошлом будучи формообразующей*

силой, в современном обществе ослаблен и выступает не в стабилизирующей, а в рассеивающей форме, и чем дальше, тем эта рассеивающая форма отбора выражена сильнее.

При такой форме отбора нет оснований говорить о направленных изменениях человеческого вида в целом»[2] (курсив мой. — *А.А.*).

Гипотеза В.П. Алексеева о рассеивающем действии отбора в условиях жизни человека в обществе, о поддержании вариативности объясняет столь широкий разброс различных индивидных свойств современного человека, возможность вариативности и эволюционный смысл различных задатков, темперамента, особенностей телосложения. *Рассеивающий отбор индивидных свойств человека в условиях социального образа жизни — порождение историко-эволюционного прогресса, действующего в направлении увеличения вариативности личностей как потенциальных возможностей творческого процесса развития культуры.*

Иная логика изучения индивидуальных отличий — логика перебора «случайных» отличий единичного существа лежит в основе дифференциальной психофизиологии. Причем *конституциональная психология* (*Э. Кречмер, У. Шелдон, К. Конрад*), *дифференциальная психология* (*Р. Кэттелл, Г. Айзенк, Дж. Гилфорд, Л. Терстоун*), *характерология* (*Ф. Лерш, Э. Шпрангер*), *персонология* (*Г. Мюррей*), *гуманистическая психология* (*А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Рождерс*), *психоанализ* сходятся в своей *формальной* характеристике индивидуальных различий как *неповторимых, уникальных, самобытных черт «единичного»* человека, а не концентрированного выражения интегральных качеств личности, самим своим происхождением обязанных образу жизни в данной культуре и предшествующей истории.

Постановка в контексте историко-эволюционного подхода вопроса об эволюционном смысле различий индивидных свойств человека в развивающихся социокультурных системах приводит к разведению двух различных направ-

---

[2] *Алексеев В.П.* Человек: Эволюция и таксономия. М., 1985. С. 110—111.

лений исследования психологии личности — *феноменографического и историко-эволюционного.*

Феноменографическая тенденция в изучении личности ограничивается перечислением различных черт, конституций, типов темперамента и высшей нервной деятельности, склонностей, переживаний, способностей и мотивов, отличающих одного человека от другого. Такие представители разных направлений дифференциальной психологии, как Р. Кэттелл, Г. Айзенк и Дж. Гилфорд, словно включились в игру «А кто меньше?», создавая списки «описательных переменных», «факторов», «параметров» личности, в которые на равных правах входят циклотомия, богемность, практичность, конформность, эмоциональность, общительность, серьезность... и т.д. до 171 «описательной переменной» (*Р. Кэттелл*). За такого рода исследованиями индивидуальных различий личности без труда просматривается заимствованная из естественных наук *объектная парадигма анализа человека*, описывающая его в психологических характеристиках точно так же, как и в физиологических характеристиках. Эта объектная парадигма, превращающая человека в изолированный «объект с различными свойствами», существенно преобразуется, когда психологи переходят к *субъектной парадигме анализа* индивидуальных различий и используют методические процедуры, учитывающие активность личности, деятельностную природу человека (*А.Г. Шмелев*). Однако как для «объектной», так и для «субъектной» парадигм анализа индивидуальных различий общим знаменателем остается то, что в их рамках даже не ставится вопрос о том, чем вызвана к жизни удивительная вариативность личности, разнообразие ее черт. Иными словами, в контексте феноменографического направления изучения индивидуальных различий исследователи ограничиваются постановкой вопроса: «Как происходит явление?»; реже ставится вопрос: «Почему оно происходит?». При решении первого вопроса главным занятием дифференциальной психологии становится кропотливое описание и «коллекционирование» индивидуальных различий личности. Решая второй воп-

рос, исследователи сосредоточивают внимание на механизмах функционирования личности. Вопрос же об эволюционном смысле индивидуальных отличий людей друг от друга, о том, «для чего» (*Н.А. Бернштейн*) они возникают в эволюционирующей системе, лишь в самое последнее время начинает в тех или иных вариантах изучаться при анализе индивидных свойств человека (*Б.Г. Ананьев, А.И. Белкин, Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова, В.А. Геодакян, В.П. Казначеев, Т.В. Карсаевская, И.С. Кон, П.В. Симонов, В.В. Фролькис*). В этих исследованиях выступает тенденция анализа индивидных свойств человека в перспективе историко-эволюционного процесса, а не их замыкание в границах тела одного человека или превращение в автономные блоки в структуре личности.

Организация личности и индивидные свойства человека

Понимание природы индивидных свойств человека, их роли в регуляции поведения личности, методов изучения зависит от того, какое место отводится индивидным свойствам в организации личности.

Существуют две предпосылки, затрудняющие постановку проблемы изучения структуры или организации личности в современной психологии. *Первая из них заключается в неявном отождествлении структуры личности со структурой того или иного физического объекта, например с анатомической структурой организма.* Этот способ мышления толкает исследователей на путь атомарного анализа личности, анализа «по элементам», в ходе которого предмет изучения разлагается на элементы, утрачивающие свойства, присущие этому предмету как целому. Так, как бы детально ни исследовались свойства атомов O_2 и H, из анализа их свойств не удастся получить представления о свойствах молекулы воды H_2O (*Л.С. Выготский*). Яркими примерами подобного атомарного подхода к изучению структуры личности являются концепции, в которых структура механически собирается из наборов различных факторов, параметров, черт личности или блоков темперамента, мотивации, прошлого опыта, характера и т.п.

В исследовании, посвященном критическому анализу различных направлений изучения структуры личности, Р. Мейли отмечает, что за понятием «личность» стоит совокупность психических качеств, характеризующая каждого конкретного человека, где бы он ни находился — на улице, на работе или во время отдыха. Эти *психические* качества отдельного человека *большинство представителей традиционной психологии личности, как правило, разбивают на три класса: характер, темперамент, способности; познавательная сфера; мотивационно-потребностная и волевая сферы.*

Характер, способности и темперамент проявляются в действии, анализируя которое можно выявить функциональное значение любого из этих проявлений личности. Р. Мейли указывает, что исследователь может задать три вопроса, посредством которых вычленяются функции темперамента, способностей и мотивации. Вопрос о том, *как* осуществляется *динамика* действия, ставится при изучении *темперамента — энергетических характеристик действия*: темпа, скорости и интенсивности реагирования, регулярности действия. Вопрос о том, *какими средствами* достигается цель действия, какие исполнительные механизмы участвуют при развертывании действия, связан с изучением *способностей и интеллекта.* При ответе на вопросы, *в чем смысл* и *какова цель* действия, исследуется *мотивация поведения.* Р. Мейли при выделении трех аспектов организации личности как бы незаметно отождествляет «характер» либо с мотивацией, либо с темпераментом. Другой исследователь — А. Томас более четко ставит вопросы, поднимаемые в психологии личности при изучении темперамента, мотивации и способностей. *Когда исследуют темперамент, то отвечают на вопрос, как, каким способом реагирует индивид, и не касаются вопроса о содержании его поведения. При анализе способностей изучают то, насколько эффективно выполняется поведение. Когда же речь заходит о мотивации, то решают проблемы, зачем и почему животные или люди начали действовать.* Вопрос, связанный с исследованием «характера», А. Томасом также обходится.

При анализе каждого из трех аспектов личности, а также организации личности в целом существует несколько *стратегий исследования в рамках антропоцентристской парадигмы изучения человека. Каждая из этих стратегий выделяется по основному объекту исследования, методическим процедурам, понятийному аппарату и, главное, по решению вопроса о соотношении биологического и социального* в развитии личности.

1. *Конституционально-антропометрическая стратегия изучения строения личности.* В качестве *объекта* в этом подходе к изучению личности выступают преимущественно те или иные *врожденные предрасположенности к реагированию*, чаще всего отождествляемые с темпераментом как базой или ядром личности. Среди *методических процедур* преобладают так называемые *«прямые методы»* диагностики, связанные с исследованием темперамента личности, — списки вопросов («опросники»), с помощью которых пытаются выявить наиболее типичные способы реагирования человека в разных ситуациях.

Другой ряд переменных получают посредством разнообразных антропометрических измерений характеристик телосложения или каких-либо других проявлений индивида, например нейродинамических особенностей протекания нервных процессов. *Между этими двумя рядами переменных с помощью разных статистических процедур (корреляционный, факторный анализ) выявляются зависимости, на основе которых судят как о существовании связей между субъективными и объективными рядами переменных, так и выдвигаются предположения о причинной детерминации, например об обусловленности характера личности строением тела человека.* Вопрос о соотношении биологического и социального, среды и наследственности в развитии личности решается с позиции концепций «наследственности». Организация личности сводится к выявлению *типов* характера, причем характер и темперамент нередко отождествляются между собой. В настоящее время вместо типов характера чаще говорят о параметрах, свойствах, так как статистически значимых корреляций между реально исследуемой личностью и одним из *прототипов*, с которым в

идеале она должна быть идентифицирована, в большинстве случаев установить не удалось. Исходным материалом для конституционально-антропометрической стратегии изучения организации личности служат клинические наблюдения, анализ выходящих за пределы нормы психических свойств личности. *Конституционная стратегия изучения организации личности в психологии представлена прежде всего исследованиями Э. Кречмера, У. Шелдона, К. Конрада.*

2. *«Факторная» стратегия изучения черт личности.* Эта стратегия получила свое название по той статистической процедуре, посредством которой строится типичная структура личности, — факторному анализу. *Объектом* анализа являются *черты личности, зафиксированные в языке*, по выбору которых судят о структуре личности. С помощью *прямых методов* выявляются вначале поверхностные черты личности, корреляционные «плеяды» (*Р. Кэттелл*), отражающие особенности реагирования людей, которые впоследствии объединяются в обобщенные исходные черты — факторы, являющиеся причинами выступающих на поверхности реакций человека. Факторная стратегия изучения личности занимает промежуточное положение между «конституционной» и «мотивационной» стратегиями исследования структуры личности.

В качестве «элемента» анализа в русле факторного подхода к личности чаще всего фигурирует понятие «черта личности». *В концепциях Р. Кэттелла, Г. Айзенка и Дж. Гилфорда структура личности — это «набор черт».* Диагностируя структуру личности с помощью процедур, предлагаемых в этих концепциях, исследователь получит представление о так называемых модальных формах личности, то есть о «созвездии черт», характерном для той или иной популяции людей в определенной культуре. Бесспорно, эти безличные проявления личности, отражающие систему только знаемых мотивов, должны быть учтены при анализе структуры личности, а сами процедуры факторных концепций использованы как вспомогательные приемы. Важно ясно отдавать себе отчет в разрешающей силе различных опросников. Если ограничиться этими процедурами при анализе личности, то их продуктом

будет застывшая статичная структура личности, в которой факторы циклотимии—шизотимии и богемности—практичности уживаются в одной плоскости, а вопрос о соотношении между биологическим и социальным в личности решается в пользу преобладания то биологических, то социальных компонентов. Так, например, Г. Айзенк полагает, что личность развивается за счет взаимодействия четырех сфер или секторов: познавательный сектор (умственные способности), волевой сектор (характер), эмоциональный сектор (темперамент), соматический сектор (конституция). *Представители факторной стратегии изучения организации личности чаще пытаются выявить доминирующие параметры, тенденции организации личности, типичные склонности к определенным поступкам, чем «типы», жестко связываемые с конституцией человека.* Для Кэттелла, Айзенка, Гилфорда характерна позиция двойной детерминации развития личности, признания «доделки» базовых врожденных предрасположенностей под влиянием научения, то есть под влиянием среды.

3. *«Блочная» стратегия изучения структуры личности.* При использовании этой стратегии исследователь собирает структуру личности из выделенных на основе наблюдений в обыденной жизни «блоков», иногда неточно называемых уровнями или подструктурами. Блочная стратегия построения структуры личности в явном виде располагает разные блоки по вертикали выраженности биологического или социального в качестве критерия выделения подструктур личности.

На нижнем этаже «блочного здания» личности располагаются индивидные свойства — темперамент, половозрастные особенности организма, патология органических особенностей индивида, которые определяются биологическими факторами и в которых «социального» почти нет.

Над блоком *темперамента* надстраивается блок *психических процессов*, охватывающих индивидуальные особенности восприятия, мышления и т.п., в котором чаще больше социального, чем биологического.

В свою очередь над блоком «психических процессов» размещен блок *прошлого опыта*, включающий память,

навыки, знания, которые приобретены в ходе обучения. В блоке *прошлого опыта* больше социального, чем в двух нижерасположенных подструктурах.

На самом верхнем этаже находится блок *направленности*, в который входят отношения личности к миру, ее моральные черты, сформированные в процессе воспитания. В этой первой подструктуре «биологического» почти нет. «Блочная» стратегия исследования структуры личности рассматривает личность как вместилище «блоков». Исторически она имела свое значение, так как в прямой форме поставила проблему исследования личности в контексте анализа вопроса о взаимоотношении биологического и социального в развитии личности (*К.К. Платонов*).

При «блочном» изображении организации личности структурные и генетические взаимосвязи, а также проявления личности в поведении (связи функционирования) остаются невыявленными, а разные подструктуры, даже если их в виде «этажей» надстраивают друг над другом, сливаются между собой. «Факторные» и «блочные» стратегии изучения организации личности, превращающие личность во вместилище черт, способностей, темперамента и пытающиеся осмыслить ее путем перечисления всех этих свойств, были охарактеризованы А.В. Петровским как «*коллекционерские подходы к исследованию структуры личности*».

4. *Мотивационно-динамическая стратегия изучения организации личности.* В современной психологии мотивационно-динамическая стратегия исследования особенностей организации личности оттеснила другие подходы к изучению личности.

Под *мотивацией в широком смысле слова понимаются побуждения, вызывающие активность организма и определяющие ее направленность. Представления о мотивации используются во всех областях психологии, исследующих причины и механизмы целенаправленного поведения человека и животных. По своим проявлениям и функциям в регуляции поведения мотивирующие факторы могут быть разделены на три относительно самостоятельных класса.*

При анализе вопроса о том, почему организм вообще приходит в состояние активности, анализируются проявления потребностей, влечений и инстинктов как источников активности.

В том случае, если изучается вопрос, на что направлена активность организма, ради чего произведен выбор именно этих актов поведения, а не других, исследуются прежде всего проявления мотивов как причин, определяющих выбор направленности поведения.

При решении вопроса, как, каким образом осуществляется регуляция динамики поведения, исследуются проявления эмоций, субъективных переживаний (стремлений, желаний и т.п.) и установок в поведении личности.

Мотивационно-динамическая стратегия исследования организации личности, исторически возникшая в русле психоанализа, характеризует такие различные подходы, как *гуманистическая психология* (*А. Маслоу, К. Роджерс*), *персонологическая теория индивидуальных черт* (диспозиций) *личности* Г. Олпорта, *когнитивные подходы к личности, опирающиеся на «теорию поля»* К. Левина, *персонология* Г. Мюррея и др.

Так, например, Г. Олпорт, понимающий *личность как динамическую организацию таких психофизических систем индивида, которые определяют его уникальные реакции на окружающие условия*, более прямо, чем другие представители мотивационно-динамической стратегии, указывает источник поведения личности. Этот источник — мотив, установка, инстинкт, влечение или потребность — находится за действиями, то есть локализуется в пространстве индивида, внутри индивида. Мотивационно-динамическая стратегия исследования организации личности противостоит «конституционной» стратегии анализа личности.

В качестве *методов изучения мотивов и потребностей используются не только прямые методы*, *то есть опросники*, *но и проективные методы диагностики мотивации*, которые позволяют проникнуть за внешний фасад поведения и исследовать глубинные мотивы человеческих поступков.

Различные проективные методы объединяют три общих признака: а) неопределенность, неоднозначность стимуляции; б) отсутствие ограничений в выборе ответов; в) отсутствие оценки ответов как «правильных» или «неправильных» (*Л.Ф. Бурлачук, Е.Т. Соколова*).

Мотивационно-динамическая стратегия в любых проявлениях личности «видит» иерархически организованные

уровни потребностей или мотивов, причем в самых разных теориях выделяются в качестве исходных, базовых динамических тенденций базальные потребности жажды, безопасности, сексуальные влечения. Так, например, темперамент характеризуется Г. Олпортом как эмоциональная склонность, предопределяющая восприимчивость человека, скорость его реагирования и т.д. Иными словами, в мотивационно-динамической стратегии индивидные свойства рассматриваются как преимущественно наследственные диспозиции и т.п., которые в иерархии уровней организации личности занимают положение самого низкого базового уровня, над которым под влиянием среды надстраиваются потребности и влечения, имеющие социальное происхождение.

Для мотивационно-динамической стратегии изучения личности характерна методологическая предпосылка, основанная на убеждении, что в каком-либо одном динамическом образовании личности, будь то влечение, диспозиция, установка, отношение, потребность или мотив, словно в фокусе, сконцентрированы свойства личности как целого. Тем самым неявно признается, что, характеризуя эти образования, дают характеристику самой личности. *Такой подход* гораздо эвристичнее трех предшествующих стратегий исследования организации личности, так как он *охватывает такую реальную характеристику структуры личности, как ее динамичность, и способствует разработке отражающего реальные особенности структуры личности взгляда на личность как на динамическую развивающуюся систему*. Перспективность одного из самых глубоких вариантов этого подхода состоит в том, что во главу угла изучения структуры личности ставится такая центральная характеристика личности, как направленность. Направленность представляет собой емкую описательную характеристику структуры личности. Вместе с тем при выделении этой характеристики остается открытым вопрос: как участвуют в направленном поведении человека те или иные индивидные свойства?

5. *Поведенческо-интеракционистская стратегия изучения организации личности.* В соответствии с этой стратегией

«элементами» организации личности являются те или иные компоненты *взаимодействия* между организмом и средой, личностью и обществом. Для основных характеристик организации личности в *бихевиоризме предлагаются реакции, навыки; в интеракционистских социально-психологических подходах — роли, социальные установки, поступки.* Для поведенческо-интеракционистской стратегии исследования (interaction — взаимодействие), особенно для различных ролевых концепций, проблемы индивидных свойств человека находятся на самой периферии их интересов. Однако и в этих подходах явно или неявно присутствует идея иерархии строения личности, в которой низовым уровнем становятся элементарные поведенческие акты, обусловленные прежде всего индивидными диспозициями человека — его органическими потребностями, влечениями и т.п.

В пяти очерченных стратегиях изучения психологической организации личности, при всем отличии стоящих за ними теоретических позиций, выбора «элементов» построения организации личности, методов диагностики черт, мотивов, темперамента, то есть разных подструктур личности, *проявляется общая тенденция размещать «индивидные» свойства человека в основе организации личности, характеризовать их как базовый или базальный уровень организации человека.* Подобное представление о месте индивидных свойств в организации личности выступит более наглядно при сопоставлении трех различных конкретных описаний организации личности, принадлежащих стоящим на диаметрально противоположных позициях исследователям — основателю гуманистической психологии А. Маслоу, видному представителю факторной стратегии изучения личности Дж. Гилфорду и известному польскому психологу К. Обуховскому.

А. Маслоу в качестве центральной характеристики личности выделяет разные иерархические уровни потребностей. Соотношение этих уровней он передает с помощью следующей схемы (см. рис. 3).

В контексте факторной стратегии исследования организации личности Гилфорда выделяют следующие уровни «мотивационных факторов» в поведении личности.

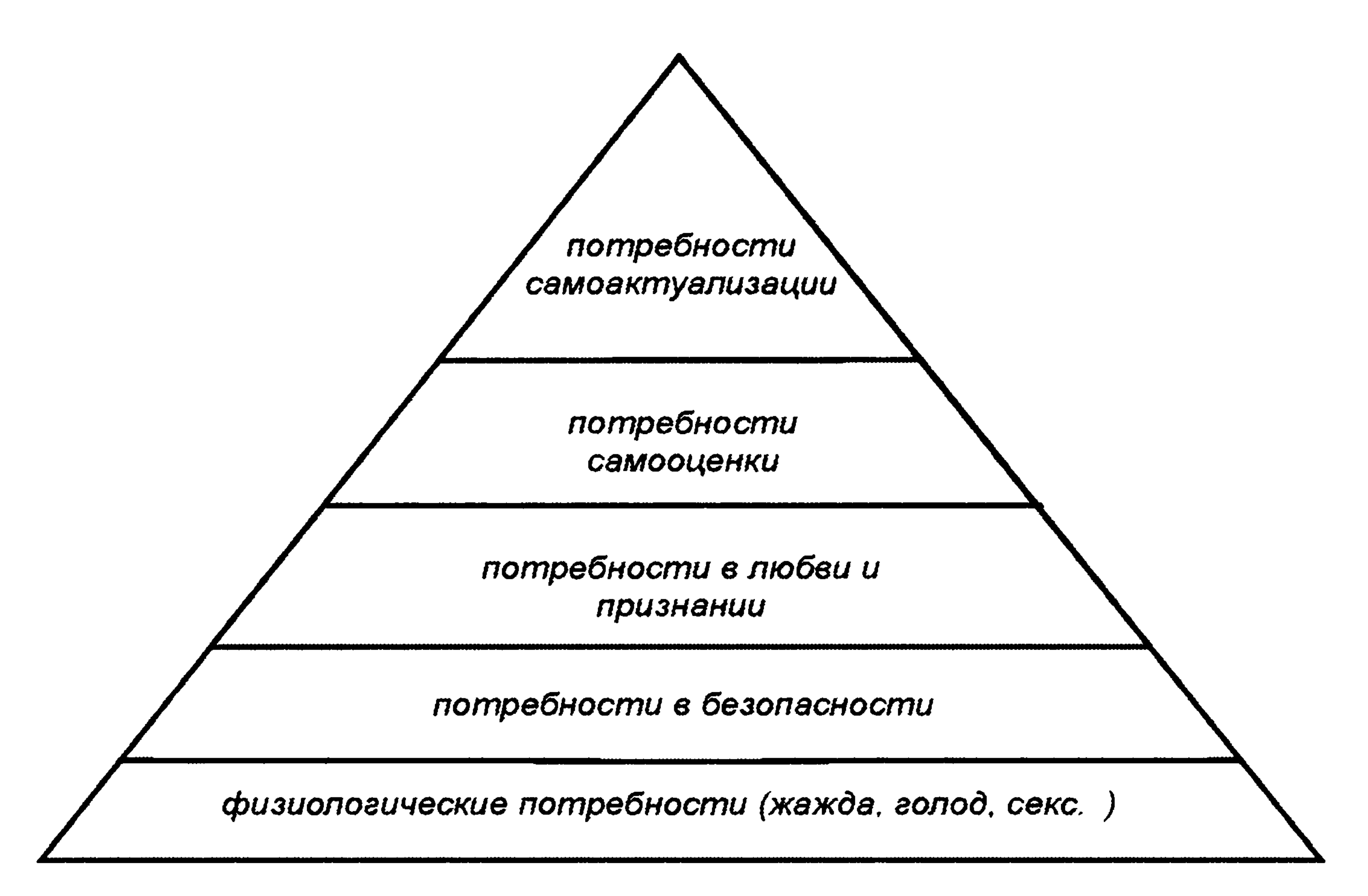

Рис. 3. Схема иерархии потребностей (по *А. Маслоу, 1963*)

А. Факторы, соответствующие органическим потребностям: голод (не обнаружен в факторных исследованиях); сексуальное побуждение; общая активность.

Б. Потребности, относящиеся к условиям среды: потребность в комфорте, приятном окружении.

В. Потребности, связанные с работой: общее честолюбие; упорство.

Г. Потребности, связанные с положением индивида: потребность в свободе (нонконформизм).

Д. Социальные потребности: потребность находиться среди людей; агрессивность.

Е. Общие интересы: потребность в риске или, напротив, в безопасности.

Отличительная особенность подхода К. Обуховского состоит в том, что он рассматривает организацию личности в ее динамике, в режиме ее работы. В его схеме выделяются две достаточно автономные подсистемы: подсистема *программирующих свойств* личности и подсистема *базальных свойств* личности. В состав программирующей системы, ответственной за переработку информации, входят три компонента: *знания* о мире, определяющие направленность поведения человека, *задачи*, *эмоциональные установки личности*. К *базальным свойствам* относятся *формальные* параметры личности: *общий интеллект*, *тем-*

перамент, характеристики экстраверсии (направленности на внешний мир) и интроверсии (направленности на внутренний мир), способности и т.п.

Базальным уровнем организации личности во всех этих трех конкретных ее изображениях выступают *индивидные свойства человека.* И как бы их ни называли при антропоцентрическом видении человека, они оказываются нижним базальным уровнем, над которым воздвигается архитектурная постройка личности. Одни исследователи (поведенческо-интеракционистская стратегия) знают о существовании этих корней личности, но, занимаясь верхним социальным уровнем, проявляют к исследованию «корней» безразличие, как к тому, что, разумеется, важно, но чем должно заниматься, как говорят, другое ведомство. Для представителей конституционно-антропометрической стратегии изучения организации личности индивидные свойства представляют основной интерес, а верхние социальные уровни организации личности связываются с индивидными уровнями с помощью разных корреляций, причем главной детерминантой социального развития оказываются именно базальные индивидные свойства человека.

Анализируя структурные построения личности в советской психологии, В.А. Ядов отмечает, что согласно одной структурной модели (*К.К. Платонов* и др.) по мере движения от низшего уровня к высшему уровню организации личности повышается влияние социальных факторов и снижается регулятивная роль биологических факторов. «Согласно же принципу развития иерархически организованных систем структуры высшего уровня становятся ведущим регулятором всей системы, под воздействием которых перестраиваются нижележащие образования, они «обслуживают» регулятивные функции высших образований»[3]. Подобная позиция отражает функциональный план взаимоотношения разных иерархических связанных уровней организации личности как отдельной системы. Однако и в этой схеме уровней организации личности ниже-

[3] *Ядов В.А., Палей И.И., Магун В.С.* Социальная психология личности. Л., 1978. С. 86.

лежащими уровнями выступают *преобразованные*, филогенетически более древние уровни индивидных свойств человека, располагающиеся по вертикальной оси «низ» — биологическое, «верх» — социальное.

Фактически *подобные иерархические модели организации личности*, несмотря на то что в них нижнему уровню — индивидным свойствам человека — отводится место базы, основы, фундамента, на котором стоит личность, невольно *стали в современной психологии одной из методологических предпосылок резкого разрыва между общей психологией личности, дифференциальной психологией и психофизиологией индивидуальных различий* (*Б.И. Кочубей*). Размещение индивидных свойств человека на «нижнем этаже» структурной организации личности, а также их изучение вне контекста эволюционно-исторического процесса развития системы, в которой протекает жизнь личности, влечет за собой либо абсолютизацию «первичных» базальных свойств в организации и динамике развития личности, либо их игнорирование при исследовании «верхних» социальных уровней организации личности.

Именно превращение «индивидных свойств» человека в базу на деле привело к тому, что они стали периферией в психологии личности, а также обусловили возникновение разрыва, проявившегося между психологией личности и дифференциальной психофизиологией в виде оппозиций «формальные индивидные характеристики — содержательные социальные характеристики личности», «энергетические индивидные характеристики — информационные социальные характеристики», узаконив под прикрытием многоэтажного здания организации личности дуализм «биологического» и «социального».

При рассмотрении индивидных свойств человека как выражающих историю человеческого вида функционально-структурных качеств, выступающих в форме предпосылок развития личности в социально-историческом образе жизни, они утрачивают иллюзорную привилегированность быть «первичной базой» личности. Вместо этого индивидуальные свойства становятся теми реальными предпосылками, которые, буду-

чи преобразованы в потоке деятельности, вносят свой вклад в развитие личности, в эволюционно-исторический процесс в целом. Они расположены не *под* социальными качествами личности, не *над* ними, а в конкретной целенаправленной деятельности между людьми могут выступить и *как необходимые предпосылки* этой деятельности, совершенствуясь в ней, и *как психофизиологические реализаторы деятельности*, обеспечивающие достижение тех или иных целей, и как *энергетические ресурсы человека*, считаясь с которыми и овладевая которыми личность оценивает свои возможности, выбирает разные по сложности классы задач. Введение потока многообразных деятельностей в качестве основания движения личности в природе и обществе открывает путь к изучению содержательных закономерностей развития и регуляции различных свойств индивида в эволюционирующей системе социально-исторического образа жизни.

Схема индивидных свойств человека и особенности регуляции поведения личности

Общая схема индивидных свойств человека наиболее полно описана Б.Г. Ананьевым. Понятие «индивидные свойства» человека, введенное Б.Г. Ананьевым, в отличие от более распространенного термина «индивидуальные свойства» более однозначно и жестко ориентирует на изучение *органических предпосылок развития личности.* Под термин же «индивидуальные свойства» по традиции подводится все что угодно, начиная от биохимических свойств организма и кончая социальным статусом человека в коллективе. Именно *индивидные свойства человека являются объектом исследований дифференциальной психофизиологии, психогенетики, нейропсихологии, а также некоторых пограничных с психологией личности дисциплин, например геронтологии — науки о старении организма.*

Индивидные свойства подразделяются на два широких класса: *класс возрастно-половых свойств и класс индивидуально-типических свойств.* В свою очередь индивидуально-типические свойства расчленяются на три группы: *конституциональные особенности* (телосложение и биохимические свойства индивида); *нейродинамические свойства*

человека; особенности индивида, связанные с *функциональной геометрией* больших полушарий. В школе Б.Г. Ананьева указанные два класса индивидных свойств называют *первичными* и полагают, что они определяют динамику таких *вторичных* индивидных образований, как *психофизиологические функции и органические потребности*. Наивысшей формой интеграции индивидных свойств человека являются *темперамент и задатки*.

Первичные индивидуально-типические свойства характеризуют иногда в широком смысле слова как *нейродинамические* индивидные свойства. Вторичные свойства, а также темперамент и задатки относятся к *психодинамическим свойствам человека*. С психодинамическими свойствами в более узком значении связывают характеристики только темперамента.

Из общей схемы индивидных свойств человека, предложенной Б.Г. Ананьевым, видно, какого рода классы или подклассы свойств выступают в качестве *критериев классификации тех или иных типологий человека. Так, если в качестве критерия типологии используется телосложение, внешняя морфологическая конституция, то на основании этого*

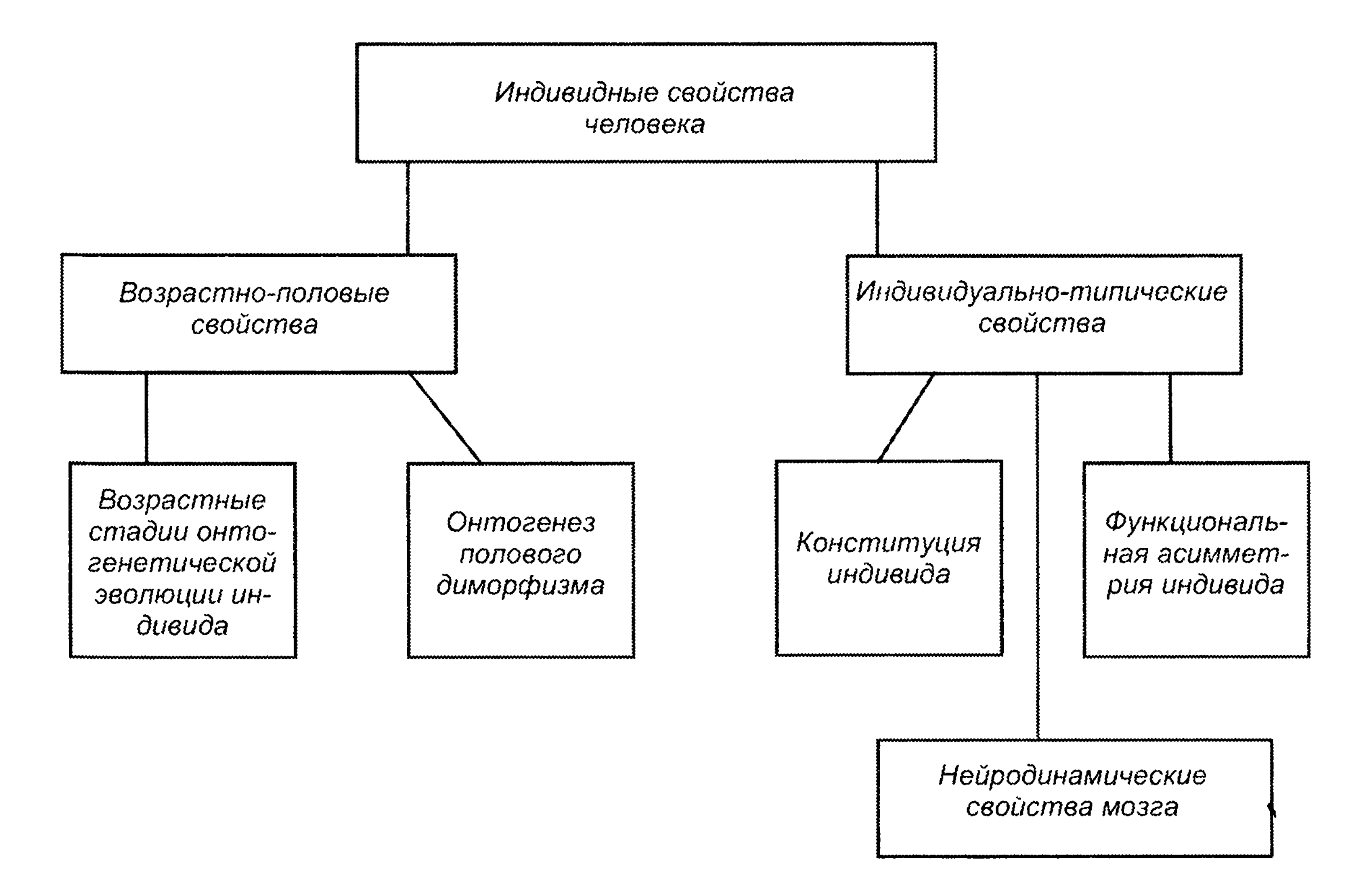

Рис. 4. Общая схема индивидных свойств человека

критерия разрабатываются корреляционные взаимосвязи между строением тела и характером личности (типология Э. Кречмера).

Нейродинамические свойства нервной системы человека служат основой типов высшей нервной деятельности (ВНД), анализируя которые И.П. Павлов разрабатывал представления о физиологических механизмах темперамента. В обыденном сознании устойчиво бытует представление о существовании «мужской» и «женской» психологии. Сравнительно недавно в психофизиологию и нейрофизиологию вошли понятия «левополушарный» человек и «правополушарный» человек, основанные на разной функциональной специализации правого и левого полушарий головного мозга. В истории психологии и современной психологии встречается немало направлений изучения типологии человека, основывающихся на тех или иных его индивидных свойствах. Подобная антропоцентрическая логика создания типологий неисчерпаема, и можно предполагать, что новые открытия в нейрофизиологии и биохимии человека приведут к возникновению различных новых морфофизиологических или биохимических типологий человека.

Большое количество исследований нейродинамических *свойств* проведено в школе Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына. Работами этой школы заложены основы отечественной *психофизиологии индивидуальных различий*, восходящих своими истоками к учению о типах высшей нервной деятельности И.П. Павлова. Благодаря накопленному в этой школе богатейшему материалу о закономерностях и методиках изучения общих и частных свойств нервной системы (*Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, Э.А. Голубева, К.М. Гуревич, Н.С. Лейтес, И.В. Равич-Щербо, В.М. Русалов, Н.И. Чуприкова* и др.) все более явственно проступает *тенденция к пониманию этих свойств как природных предпосылок индивидуальных различий личности*, прежде всего ее общих и специальных способностей.

В исследованиях В.С. Мерлина и его учеников разрабатываются представления об *интегральной индивидуальности*, нацеленные на изучение роли общих свойств нервной системы в динамике индивидуального стиля деятельности и реализации мотивов личности. В этих исследованиях

проводится мысль о невозможности однозначного выведения свойств личности из психодинамических индивидных свойств, например таких индивидуальных свойств, как интроверсия—экстраверсия в концепции *Г. Айзенка.*

Особо стоит в психофизиологии индивидных различий и возрастной психологии вопрос о возрастных изменениях индивида как необходимых органических предпосылках развития личности. Анализу влияния *биологического возраста* и меняющихся в связи с этим психофизиологических особенностей индивида, связи процесса *созревания* индивида с формированием личности уделяется явно недостаточное внимание. В последнее время идеи Л.С. Выготского о необходимости изучения *возрастной чувствительности, то есть особой отзывчивости на те или иные условия среды*, присущей различным возрастным периодам, о значении сензитивных периодов для понимания развития психики нашли отклик в исследованиях Б.Г. Ананьева, а затем в работах последователя Б.М. Теплова Н.С. Лейтеса. Вопрос о *сензитивных периодах* развития индивида не только чисто теоретический, но и практический. И его дальнейшее изучение может идти в направлении соотнесения возрастных периодизаций развития *индивида* с периодизациями развития *личности.*

В психологии личности могут быть выделены следующие общие особенности, характеризующие *роль индивидных свойств человека в регуляции поведения личности.*

1. При всем различии и своеобразии *индивидных свойств*, их вариативности (будь то возрастная чувствительность, эмоциональная возбудимость, интроверсия, нейротизм) *любые индивидные свойства характеризуют преимущественно формально-динамические особенности поведения личности, энергетический аспект протекания психических процессов.* Так, например, как отмечает В.С. Мерлин, *темперамент не определяет содержание отношения личности к действительности, а оказывает влияние лишь на форму выражения этого отношения в поведении человека.*

Если эта особенность индивидных свойств не учитывается, то возникает опасность встать на путь создания содержательных типологий личности на основе формальных свойств индивида. Подобные типологии исходят из

методологической предпосылки, предписывающей свойство «быть личностью» самой натуре индивида. Внешне эту подмену трудно заметить, так как в обыденном понимании «индивид» отождествляется с «личностью». Вследствие этого совпадения происходит подмена личности индивидом, то есть возникновение *индивидно-природного фетишизма*. Затем на основе индивидных свойств начинают воздвигаться типологии личности. И тут даже не очень важно, что будет положено в основание классификации — телосложение (*Э. Кречмер*), соматотип (*У. Шелдон*), интроверсия—экстраверсия (*Г. Айзенк*) или рост, вес, быстрота запоминания.

Методологическая посылка, приписывающая свойство «быть личностью» самой натуре индивида и тем самым превращающая личность в объект природы, принципиально неотличимый от других физических объектов, позволяет прямо переносить методические процедуры естественных наук как в область психофизиологии индивидуальных различий, так и в дифференциальную психологию личности. Так, А. Шмелев показывает, что традиционной психометрике присуща объектная парадигма анализа эмпирических данных, которая может быть схематизирована в виде плоской прямоугольной матрицы «индивид—характеристика»: «Эта модель данных описывает человека в психологических характеристиках точно так же, как и в физических характеристиках. То есть это, по существу, антропометрическая модель, или антропометрическая парадигма. Психометрика оказывается частным случаем антропометрии: просто часть столбцов-признаков в таблицах оказываются не физическими (рост, вес, объем грудной клетки и т.п.), а психологическими характеристиками (острота зрения, объем внимания и т.п.)... Эта эмпирическая парадигма не меняется принципиальным образом, если на месте соматических характеристик... оказываются основные свойства нервной системы»[4]. Объектная парадигма анализа данных переносится и в дифференциальную психологию

[4] *Шмелев А.Г.* Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 15.

личности, приводя к подмене индивидуальности личности набором универсальных черт или общих факторов, как это происходит, например, в концепции «черт личности» Р. Кэттелла. В связи с этим все острее ставится вопрос о создании иной парадигмы анализа данных, учитывающей качественное своеобразие личности.

Игнорирование того, что *индивидные свойства определяют «внешнюю картину поведения»* (*И.П. Павлов*), его формально-динамические особенности, рождает у некоторых представителей естественных наук иллюзорные надежды, касающиеся возможности управлять поведением личности с помощью тех или иных воздействий биологического характера. Так, например, И.С. Кон пишет о разочаровании эндокринологов, пытавшихся с помощью таких гормонов, как андрогены, оказывать влияние на направленность полового поведения. В результате этих попыток выяснилось, что *гормоны воздействуют на силу полового влечения, а не на его содержание.*

По сути, с тем же фактом столкнулись психиатры и психофармакологи, которые все больше убеждаются в том, что индивидные свойства, лежащие в основе разных психических заболеваний, оказывают влияние прежде всего на формально-динамические симптомы поведения этих больных. *Содержание же симптомов, например бреда, меняется в зависимости от культуры*, то есть того, что Л.С. Выготский назвал «социальной ситуацией развития личности». В связи с этим путь поиска причин этих заболеваний, исходящий из биологии индивида, является односторонним.

Если дифференциально-психологическое или психофизиологическое исследование оказывается в прокрустовом ложе «двух факторов», то ему ничего другого не остается при анализе проблемы соотношения индивидных и личностных свойств, как устанавливать корреляции между этими двумя рядами, чтобы заполнить зияющую пустоту между ними, или сводить один ряд свойств к другому. Между тем, как отмечал Б.М. Теплов, не существует простого параллелизма между свойствами нервной системы и характером поведения. «Свойства нервной системы, — писал он, — накладывают глубокий отпечаток на все по-

ведение человека. Но в чем именно выражается этот отпечаток — этого нельзя вывести из простого переноса слов “сила” — “слабость”, “возбудимость” — “тормозность”, “подвижность” — “инертность” с характеристик физиологических процессов на характеристики поведения. Это надо изучать»[5].

Для того чтобы это изучать, необходимо рассматривать индивидные свойства не сами по себе, ибо индивидные свойства развития личности сами по себе безличны, а исследовать их преобразования, претерпеваемые ими трансформации в процессе деятельности человека в обществе.

При таком подходе *перед дифференциальной психофизиологией и психогенетикой встает задача выявления преобразований индивидных свойств в процессе деятельности и раскрытия места и функции индивидных свойств личности в эволюции образа жизни.* Данная задача по своему характеру представляет задачу исследования взаимоотношений между разными уровнями анализа личности в системе общественных отношений.

2. *Индивидные свойства* (*тип нервной системы, конституция, задатки, экстраверсия или интроверсия и т.п.*) определяют *диапазон возможностей выбора той или иной деятельности в границах, не имеющих социально существенного приспособительного значения.*

Так, экстраверсия лишь увеличивает вероятность совершаемого прежде всего не самим индивидом, а участниками его совместной деятельности выбора той или иной социальной роли, связанной с процессом общения (оратора, актера, учителя и т.п.), в то время как речевой дефект может уменьшить вероятность выбора такого рода социальной роли. *Будет выбрана соответствующая социальная роль или нет, зависит не от речевого дефекта или экстраверсии самих по себе, а от отношения к этим данным от природы или возникшим в результате органического нарушения свойствам как «участников» совместной деятель-*

[5] *Теплов Б.М.* Типологические свойства нервной системы и их значение для психологии // Философские проблемы высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963. С. 497.

ности, так и личности, обладающей этими индивидными свойствами. Данное положение может быть проиллюстрировано всей автобиографической повестью австралийского писателя А. Маршалла «Я умею прыгать через лужи», который, в частности, пишет: «Ребенок-калека не понимает, какой помехой могут стать для него бездействующие ноги. Конечно, они часто причиняют неудобства, вызывают раздражение, но он убежден, что они никогда не помешают ему сделать то, что он захочет, или стать тем, кем он пожелает. *Он начинает видеть в них помеху, лишь если ему говорят об этом*»[6] (курсив наш. — *А.А.*).

3. *В процессе коммуникации происходят «означение» индивидных свойств человека, их сигнификация и символизация. Превращение индивидных свойств в знаки коренным образом меняет их функцию в регуляции динамики поведения и развития личности.* При превращении индивидных свойств в «знаки» происходит переход от объектной детерминации поведения к предметной детерминации поведения личности. Вследствие этого перехода у человека возникает образ его индивидных свойств и появляется возможность произвольного управления своим собственным телом так же, как он управляет теми или иными предметами действительности.

В частности, *«внутренняя картина болезни»* (*Р.А. Лурия*), образ собственной болезни, нередко складывающиеся в ходе общения с врачом, — типичный пример «означения» тех или иных патологических нарушений функционирования индивидный свойств, которые, только став «знаками», начинают участвовать в управлении поведением личности. В истории восточной культуры заметный след оставило учение йогов, которое по сей день пользуется немалой популярностью. *Йоги* по праву могут быть названы мастерами использований «стимулов-средств», знаков, «психологических орудий», через которые они *означивают психофизиологические процессы организма и тем самым получают возможность управлять этими процессами.*

Напрашивается вполне оправданная аналогия между приемами йогов и той распространившейся в последние годы методикой, которая была названа методом *биологи-*

[6] *Маршалл А. Я* умею прыгать через лужи. М., 1977. С. 87.

ческой обратной связи, или «биоуправлением с помощью обратной связи».

«Биологическая» обратная связь представляет собой технику, с помощью которой человек обучается управлять своими внутренними соматическими процессами. Так, например, перед человеком на экране появляется изображение, содержащее информацию о его текущих физиологических состояниях: температуре тела, скорости кровотока, кожно-гальванической реакции, ритме сердца, амплитуде биотоков мозга и т.п. Вследствие подобного «означивания» этих внутренних телесных процессов люди овладевают «средствами», сходными по функции с приемами йогов, и начинают сознательно контролировать протекание своих физиологических процессов. Они управляют частотой пульса, скоростью кровотока и т.п.

Данный технический прием назван методом биологической обратной связи по недоразумению, так как человеку предлагается специальный искусственный инструмент, «средство», через которое он как бы подымает на уровень произвольной сознательной регуляции те процессы, которые ранее находились под автоматическим контролем. Этот прием по характеру ничем не отличается от приемов видеотренинга, используемых, например, при обучении общению представителей разных профессий. В видеотренинге человек как бы с позиции стороннего наблюдателя оценивает собственное ошибочное или правильное поведение на видеоэкране, а затем пытается исправить, скорректировать это поведение. Различие между методом видеотренинга, широко применяемым в социальной психологии, и «биологической» обратной связью состоит лишь в объектах, означиваемых на экране и подлежащих коррекции: поведение в ситуации общения или частота пульса. Подобный пример свидетельствует о том, как невольно могут получить статус «биологических» закономерностей социальные приемы регуляции поведения. *Основное же значение приведенных фактов состоит в том, что принцип опосредствования и сигнификации (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия) относится не только к высшим формам поведения. В том случае, если индивидные свойства человека становятся «знаками», они подчи-*

няются сознательной саморегуляции и тем самым потенциально могут быть не только предпосылками, но и результатом развития личности. Личность через преобразование внешнего мира может получить власть не только над окружающей действительностью, но и над проявлениями собственных индивидных свойств. *Индивидная природа человека в этом смысле столь же делаема, как и преобразуемый им мир.*

В реальных жизненных ситуациях многие *индивидные свойства человека выступают как автономно регулирующиеся подсистемы индивида, подчиненные децентрализованному управлению.* Например, терморегуляция организма, протекание нейродинамических процессов в ходе эволюции пошли по пути специализации, сегрегациогенеза, что позволило высвободить централизованные уровни управления для решения задач, встречающихся в непредвиденных ситуациях. Известный математик и кибернетик М.М. Бонгард назвал одно из своих выступлений «*Почему йога — не наш путь*?». Развиваемые в этом выступлении идеи демонстрируют ограниченность уровневого иерархического *централизованного* типа управления в любой саморегулирующейся системе, в том числе и в тех системах организации личности, которые представляют индивидные свойства человека как базу, регулирующую расположенные выше социальные уровни (например, уровень Сверх-Я, по *З. Фрейду*) или регулируемую ими. При вхождении в разные социальные системы личность вовсе не обязательно наделяется социальными или индивидными системными качествами, которые управляются из «одного командного пункта "Я"», из одного «центра», зорко наблюдающего за субординацией этих качеств, их обязательным рапортованием вышестоящему начальству о проделанной работе.

Поведение личности в разных системах допускает наличие полифонического, объединенного, централизованного и децентрализованного управления поведением (*М.М. Бонгард, Д.А. Поспелов*), сочетающего автономность и специализацию задействованных в развитии личности разных подсистем. М.М. Бонгард отмечает, что если бы люди, как йоги,

двигались по пути перехода к централизированному управлению любыми индивидными психофизиологическими состояниями, то им бы все свое время приходилось расходовать на регуляцию ритма сердца, пульса и т.п., а жизнь бы проносилась мимо. В эволюционном аспекте выигрыш дает сочетание *централизированного и децентрализированного управления индивидными и социальными системными качествами личности.*

«...Децентрализация, при которой системы работают автономно, обладает одним весьма существенным недостатком... Этот недостаток связан с тем, что за децентрализацию управления приходится платить увеличением времени адаптации. То, что по единому приказу из центра можно сделать в системе за весьма короткое время, если центральное звено заблаговременно получит информацию об изменениях свойств среды, в децентрализованной системе будет осуществляться весьма медленно... Поэтому... имеются *как бы два уровня: децентрализированный и централизированный по управлению.* Однако эти уровни не дублируют друг друга.

Пока окружающая среда почти неизменна и вполне устраивает человека, децентрализированное управление осуществляется в полном объеме. Отдельные его подсистемы функционируют почти автономно и почти не взаимодействуют между собой. Но вот произошло резкое изменение Среды, грозящее человеку неприятными последствиями. Требуется как можно быстрее привести все системы в состояние боевой готовности. И тогда срабатывает централизированное управление, переводящее организм в состояние стресса. Основная особенность этой реакции — ее *неспецифичность.* Она осуществляется в любых опасных ситуациях и направлена на взаимодействие со всеми подсистемами организма.

Таким образом, между децентрализированной и централизированной частями системы весьма интересное распределение функций. В медленно меняющихся или неизменных средах децентрализированная часть управления успешно справляется с адаптацией к достижению глобальных целей организма, а при резких изменениях

среды организм включает некоторую систему всеобщего назначения»[7] (курсив мой. — *А.А.*).

Идеи о сочетании централизированного и децентрализированного управления имеют непосредственное отношение к проблемам взаимоотношения между различными социальными качествами личности в разных социальных общностях, а также к взаимоотношению между индивидными и социальными качествами в этих общностях. Дело в том, что *индивидные свойства потому выступают чаще всего как предпосылки развития личности, что они адаптированы в относительно неизменной экологической системе, а тем самым в условиях социально-исторического образа жизни в известном смысле находятся в неизменной экологической ситуации.* В результате они приобрели в ходе эволюции большую специализацию и заслужили право на автономное функционирование в системе личности человека. Несколько менее автономны «центры», заведующие социотипическим поведением личности. Но и здесь преобладающим способом управления поведением является не централизация или децентрализация, а сочетание децентрализированного и централизированного управления поведением личности. В случае резкой смены экологической ситуации жизни личности режим автономного управления индивидными свойствами человека может смениться режимом централизированного управления. В отличие от всех других биологических видов любой человек, в том числе и йоги, потенциально обладает возможностью найти, изобрести такие «знаки-средства» либо прибегнуть к существующим в обществе видам символизации пола или возраста, которыми он воспользуется, чтобы взять относительно автономные подсистемы индивидных свойств под преднамеренный сознательный контроль.

Еще в большей степени это положение относится к стереотипизированному социотипическому поведению, обслуживающему индивидуальность личности в типовых ситуациях и из-за своей сверхспециализации дающему сбой

---

[7] *Варшавский В.И., Поспелов Д.А.* Оркестр играет без дирижера. Размышления об эволюции некоторых технических систем. М., 1984. С. 174—175.

в тех непредвиденных ситуациях, когда приходится принимать решение, производить личностный выбор.

Положение о сочетании централизированного и децентрализированного управления индивидными подсистемами личности, а тем самым о существовании неспециализированных *общих* подсистем и специализированных *автономных* подсистем индивида имеет принципиальное значение для поиска тех индивидных свойств человека, например общих психофизиологических механизмов реализации темперамента, которые принимают участие в обеспечении содержательных аспектов поведения личности. *Чем более автономна подсистема индивидных свойств, тем вероятнее она подчинена децентрализированному режиму управления и соответственно тем менее выражено ее участие в обеспечении регуляции поведения личности.* Отсюда следует, например, что направление поиска различных *общих индивидных свойств*, обеспечивающих реализацию поведения в непредвиденных, неспецифичных ситуациях, которое начато в исследованиях Б.М. Теплова и В.Д. Небылицына, перспективнее, чем направление поиска связей поведения личности с более автономными филогенетически древними подсистемами децентрализированной регуляции человеческого организма (*Э. Кречмер, У. Шелдон*).

4. *Использование индивидных свойств как «знаков», «средств», с помощью которых человек овладевает своими индивидными особенностями и корректирует их, лежит в основе происхождения индивидных стилей поведения личности и открывает большие возможности компенсации, коррекции природных форм реагирования индивида при обучении различным профессиям, в психотерапии и психокоррекции.* Изучение индивидуальных стилей деятельности (*Е.А. Климов*) помогает увидеть, как индивидные свойства из органических предпосылок поведения личности в условиях определенного социально-исторического образа жизни преобразуются в результаты, и тем самым проследить закономерности преобразования природных индивидных свойств в процессе развития личности в персоногенезе и социогенезе.

Глава 7
Органические побуждения индивида и их влияние на способы осуществления поведения личности

«Потребности нужды» и «потребности роста»

К органическим побуждениям индивида, имеющим видотипичный характер, относятся побуждения голода, жажды, половое побуждение, выступающие как органические предпосылки осуществления деятельности. «В психологии потребностей нужно с самого начала исходить из следующего капитального различия: различения потребности как внутреннего условия, как одной из обязательных предпосылок деятельности и потребности как того, что направляет и регулирует деятельность субъекта в предметной среде»[8]. Потребность как органическая предпосылка деятельности субъекта относится к индивидным свойствам, проявляющимся в активации и возбуждении, в обладающей слабой селективностью поисковой активности, то есть в формально-динамических характеристиках деятельности человека. После встречи органического побуждения с тем или иным объектом потребность преобразуется в *мотив* деятельности личности и начинает определять направленность поведения.

Формально-динамическая характеристика побуждения при этом не исчезает, а начинает выступать в иной форме — в форме побудительной силы мотива личности. В психологии личности основное внимание уделяется изучению мотивов поведения, в то время как побуждения индивида, то есть те органические предпосылки, которые определяют диффузную поисковую активность, изучены недостаточно. Эти побуждения характеризуют как потребности нужды (*А. Маслоу*) или потребности сохранения (*П.В. Симонов*), которые подчинены принципу «редукции напряжения», стремлению к достижению равновесия, гомеостаза. За

[8] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 87.

расчленением потребностей на «потребности нужды», присущие индивиду, и «потребности роста», присущие личности, стоит представление об иерархической уровневой организации личности, в основе которой размещены базальные биологические потребности, а на вершине — социальные потребности.

П.В. Симонов предпринимает попытку рассмотреть проблему побуждения в контексте эволюционного подхода, напоминая, что *элементарной единицей эволюции является популяция, а не отдельная особь.* Он также отмечает, вслед за А.А. Ухтомским, что с возникновением социального образа жизни «основной тенденцией развития мотивов (потребностей. — *А.А.*) является экспансия в смысле овладения средой во всех расширяющихся пространственно-временных масштабах (хронотипе), а не редукция как стремление к защите от среды, уравновешенности с ней, разрядке внутреннего напряжения... Эта тенденция развития (“потребности роста”), по терминологии западных авторов, может реализоваться только благодаря ее диалектическому единству со способностью к сохранению живых систем и результатов их деятельности, благодаря удовлетворению потребностей нужды»[9]. Таким образом, *П.В. Симонов разделяет побудительную сферу человека как бы на две подсистемы: одна подсистема обеспечивает гомеостаз и в эволюционном аспекте выражает общую тенденцию к сохранению вида; другая подсистема, в состав которой входят, например, потребности познания, выражает тенденцию развития вида на уровне отдельного индивида.* Рассмотрение проблемы побуждений индивида с позиции эволюционного подхода представляет важный шаг в преодолении преобладающего в психологии изучения потребностей, изолирующего потребности из процесса развития в биогенезе, социогенезе и персоногенезе.

Вместе с тем подобный анализ человека в известном смысле остается в рамках механического расчленения потребностей сферы индивида на *биологические потребно-*

[9] *Симонов П.В., Ершов П.М.* Темперамент. Личность. Характер. М., 1984. С. 84.

сти, подчиняющиеся закономерностям естественного отбора, и присущие человеку социальные потребности.

Несколько иной вариант анализа биологических потребностей предлагает известный этнограф С.А. Арутюнов. Он отмечает, что уже на уровне чисто биологических явлений, например родов, полового акта и т.п., проявляются этнические различия, обусловленные образом жизни. Эти *этнические различия затрагивают те способы, те приемы, посредством которых удовлетворяются естественные потребности, то есть внешнюю сторону поведения, в то время как сам характер действий остается неизменным, универсальным и инвариантным.* Человек может спать и на полу в шалаше, и удерживаться от сна, но альтернативного действия в сфере естественного поведения (не спать вообще) не существует. *По мнению С.А. Арутюнова, «естественные» модели поведения тем и отличаются от социокультурного поведения, что они не имеют альтернативы* (есть или не есть, спать или не спать и т.п.). Реализация «естественного» поведения, побуждаемого общечеловеческими индивидными потребностями, не предполагает выбора конечной цели поведения, а социальный образ жизни затрагивает способы достижения этой цели.

Иная точка зрения заключается в том, что органические *побуждения индивида не представляют характеристику особи как таковой, а выражают отношения, системные качества индивида* (*В.А. Иванников*). Последовательное проведение этой точки зрения приводит к тому, что *социально-исторический образ жизни личности в обществе преобразует как побуждения индивида, так и способы их удовлетворения. Сфера человеческих потребностей не может быть разведена на «потребности нужды» и «потребности роста», а тенденции к сохранению и изменению развивающейся системы относятся к любым проявлениям мотивации человека.* Граница проходит не между биологическими и социальными потребностями человека, а между потребностями человека и потребностями животных, так как исторические преобразования охватывают всю сферу потребностей человека (*А.Н. Леонтьев*). Действует ли механизм «редукции напряжения» или нет, зависит не от

естественного или социального генеза потребностей самих по себе, а от того, какое место в структуре человеческой деятельности занимают те или иные побуждения. *Зависимость механизмов регуляции органических побуждений от того, какое место занимают они в структуре деятельности человека — место мотива, цели, условия осуществления деятельности, — выступает при рассмотрении такого «естественного» побуждения, как голод.*

Положение о зависимости влияния потребности на поведение от ее места в структуре деятельности личности было конкретизировано в гипотезе, согласно которой *влияние пищевой потребности на поведение личности зависит от того, в установках какого уровня деятельности проявляется эта потребность* (*А.Г. Асмолов*). Из этой гипотезы вытекают следующие предположения. Если потребность к пище приводит к актуализации импульсивных установок (установок на уровне операций), то она должна подавляться целевой установкой, вызванной инструкцией (установкой на уровне действия). Изменение воздействия на поведение импульсивной установки на пищу может произойти лишь в том случае, если в ситуации депривации пищевой объект займет место мотива деятельности. При этом импульсивная установка на пищевой объект возвысится до уровня смысловой установки (установки на уровне деятельности) и станет подавлять целевую установку, не связанную с пищей. Если же взять испытуемых, у которых мотивы, связанные с пищей, занимают ведущее место в мотивационной сфере личности, то у них смысловая установка на пищевые объекты будет проявляться в действиях, прямо не связанных с пищей.

Изложенная гипотеза обусловила построение методики эксперимента и выбор определенного контингента испытуемых (*С.А. Курячий*). В основу специально созданной для проверки данной гипотезы методики был положен методический принцип «прерывания» деятельности, в данном случае за счет введения неопределенной стимуляции. Кроме того, методика была построена так, чтобы «столкнуть» между собой установки различных уровней деятельности и тем самым выявить доминирующую установку.

Эксперимент проводился в два этапа. Вначале испытуемым предлагали чистый листок бумаги и бланк с заданием, в котором содержались «скелеты» слов, например: ко-ка, -олод-, тор-, б-лка (всего 24 слова). Затем испытуемым давалась инструкция, в которой их просили как можно скорее вставить пропущенные буквы в слова так, чтобы образовалось слово, отвечающее теме «Природа». Если слово с ходу не удавалось заполнить, то испытуемого просили переходить к следующему слову. После выполнения первого этапа эксперимента испытуемых просили вернуться к тем словам, которые им сразу не удалось заполнить, и вставить в них пропущенные буквы, уже не придерживаясь какой-либо определенной темы. Таким образом, из предложенных «скелетов» слов можно образовывать как слова, относящиеся к теме «Природа» (например, белка, торф, ветка), то есть в соответствии с заданной инструкцией, так и слова, имеющие прямое (булка, торт) или косвенное (вилка, блюдо) отношение к пище. В эксперименте участвовали три группы испытуемых. Первая группа — контрольная. В нее вошли студенты факультета психологии МГУ (25 человек). Вторая группа испытуемых состояла из больных, проходящих в клинике курс лечения голодом (10 человек). В третью группу испытуемых вошли больные *нервной анорексией*, проходящие курс лечения в клинике (7 человек). Остановимся вкратце на характеристике этой группы больных. Заболевание нервной анорексией, невротическое по своему характеру, наблюдается преимущественно у молодых склонных к полноте девушек. Оно начинается с того, что ради улучшения внешности или по какой-либо аналогичной причине девушки начинают резко ограничивать себя в питании, что обычно приводит к сильному истощению и дистрофии. *В ходе развития заболевания мотив произвольного голодания становится доминирующим в жизни этих больных, нередко подчиняя себе все остальные мотивы.*

Выбор пал на больных нервной анорексией именно потому, что для них все события и предметы, связанные с едой, имеют *личностный смысл*, который и проявляется

в соответствующей *фиксированной смысловой установке* (*М.А. Карева*).

В экспериментальном исследовании было установлено, что испытуемые контрольной группы образовывают слова преимущественно в соответствии с инструкцией, связанной с темой «Природа». У них пищевая потребность реализуется на уровне операций, обусловливая существование импульсивных установок, которые подавляются целевой установкой, вызванной инструкцией. Сходная картина наблюдается у больных, находящихся на лечении голодом сроком до одного месяца. У них количество «пищевых» слов, данных в первой части эксперимента, лишь незначительно превосходит количество «пищевых» слов в контрольной группе. Этот факт нивелирования воздействия пищевой депривации на мотивационную сферу подтверждает предположения об относительной независимости поведения от воздействия пищевой депривации. У этих больных целевая установка, как и в контрольной группе, подавляет импульсивные установки на пищевые объекты.

Однако во второй части эксперимента у этих больных возрастает количество слов на тему «Пища», поскольку ситуация голодания, естественно, повышает у данного контингента испытуемых значимость связанных с пищей объектов и ситуаций.

Среднее количество «пищевых» слов в одной из подгрупп больных нервной анорексией в первой части эксперимента значительно превышает среднее количество «пищевых» слов в остальных двух группах. Этот факт свидетельствует о существовании у больных нервной анорексией фиксированных смысловых установок, подавляющих в экспериментальной ситуации целевую установку, вызванную инструкцией. Таким образом, предложенная методика позволяет выявить факт повышения импульсивных установок на пищевые объекты до уровня смысловых установок личности и тем самым факт изменения места пищевой потребности в структуре деятельности личности.

Факты, полученные в ходе данного экспериментального исследования, позволяют опровергнуть положение

о том, что поведение человека в ситуации пищевой депривации определяется в основном характером самой депривации. В действительности *поведение человека в ситуации пищевой депривации определяется в первую очередь тем уровнем деятельности*, на котором реализуется у данного человека потребность в пище. Сама же пищевая депривация в определенном временном диапазоне (примерно до месяца) может не вызывать изменений в поведении личности.

Описанные факты относятся к органическим побуждениям, связанным с удовлетворением голода. Однако выделенные в психологии личности закономерности, проиллюстрированные на материале пищевых побуждений, носят более общий характер и относятся к органическим побуждениям индивида в целом. Сами по себе органические побуждения человека не могут быть отнесены ни к «потребностям нужды», ни к «потребностям роста». *Будет ли подчиняться динамика органических побуждений гомеостатическому принципу «редукции напряжения» или же за проявлением органических побуждений будет стоять тенденция к изменению, развитию, стремление к нарушению равновесия, зависит от того, какое место занимают эти побуждения как в структуре целенаправленной деятельности личности, так и в иерархии мотивов личности в целом.* В том случае, если органические побуждения проявляются на уровне условий осуществления действия, то есть в стереотипизированных формах активности, они выражают общую тенденцию к сохранению и подчиняются механизмам гомеостаза, редукции напряжения. Однако при определенных обстоятельствах те же органические побуждения могут занять место *смыслообразующих мотивов деятельности личности*, за которыми стоит тенденция к изменению системы в тех или иных критических ситуациях, например в ситуации осознанно объявленной человеком голодовки. В этом случае органические побуждения будут включены в контекст неадаптивного поведения индивидуальности, отстаивающей те или иные жизненные цели и идеалы. При этом *индивидуальность может сама поставить перед собой (сконструировать) альтернативу «есть или не*

есть», «быть или не быть», затрагивающую витальные конечные цели поведения.

Социально-исторический образ жизни личности может в определенном диапазоне преобразовать закономерности функционирования органических побуждений индивида, динамика которых зависит от их места в структуре деятельности личности и которые, преобразовавшись в целенаправленной деятельности, становятся не только предпосылками поведения личности, но и ее результатом.

Глава 8
Проблемы исследования индивидно-типических свойств человека

Среди индивидно-типических свойств человека, к которым относятся морфологическая и биохимическая конституция, нейродинамические особенности нервной системы и функциональная асимметрия полушарий головного мозга, особый интерес в течение столетий вызывает такое связанное с этими свойствами интегральное образование индивида, как темперамент (от лат. temperamentum — надлежащее соотношение частей). Темперамент, характеризующий преимущественно формально-динамические аспекты поведения личности, ее энергетику, «внешнюю картину поведения» человека, то «исчезает» из философии и психологии, то, напротив, поглощает и подменяет собой в ряде психологических направлений «личность» и «характер».

Гуморальная концепция темперамента. В свое время А.Р. Лурия высказал афоризм, что величие ученого определяется тем, насколько выдвинутые им представления задержали развитие научной мысли. В этом смысле вряд ли кто из ученых может состязаться с Гиппократом, который предложил *гуморальную концепцию темперамента.*

Гиппократ учил, что темперамент зависит от соотношения четырех жидкостей организма — крови, желчи, лимфы и флегмы. Смесь этих жидкостей и лежит в основе *четырех основных типов темперамента: сангвиники, холерики, меланхолики и флегматики.* Каждый из этих четырех основных типов по феноменологии был столь метко охарактеризован Гиппократом, что его типология темпераментов вышла за рамки науки и стала достоянием обыденного сознания.

Одни люди по темпераменту чрезвычайно медлительны и невозмутимы. Во всей манере их поведения чувствуется степенность, размеренность. В данной Гиппократом типологии темперамента таких людей называют *флегматиками.* Другие люди подвижны, порывисты, легко воспламеняются, мгновенно ухватываются за новые идеи. Эти люди во время беседы столь отчаянно жестикулируют, что даже можно не расслышать их речи. Они просто не могут не общаться. Таких общительных людей, за переменными настроениями которых невозможно уследить, которые пылко любят сегодня и забывают о своей любви завтра, относят к типу *сангвиников.*

В отличие от сангвиников *холерики* чрезвычайно восприимчивы и глубоко переживают все свои радости, свои боли и печали. Они импульсивны. Под влиянием аффекта могут совершить необдуманный поступок, а после будут раскаиваться.

Совершенно иной тип — *меланхолики.* Они глубоко переживают любое событие жизни, но в отличие от холерика свое горе носят в себе, внешне не проявляя свои переживания. В отличие от холериков меланхолики чрезвычайно постоянны в своих привязанностях. Если меланхолик кого-то полюбит, то для него разрыв оборачивается трагедией. Он будет тихо страдать, мучиться, но не решится на тот или иной поступок.

Выделенные Гиппократом четыре основных типа темперамента привели к возникновению самой идеи существования наследственно обусловленных типов людей, а также к вопросу о взаимосвязи тех или иных особенностей организма с характеристиками поведения человека и животных. По-

ставленная Гиппократом проблема по сей день решается представителями различных направлений антропологии, психиатрии, нейрофизиологии, дифференциальной психофизиологии и психологии: на смену смеси четырех жидкостей приходят соотношения внешнего телосложения, соматотипов, свойств нервной системы, биоэнергетических характеристик функционирования мозга и т.п. Было бы ошибкой считать историю исследований темперамента историей заблуждений, а вопрос о существовании типологий — изначально мнимой проблемой. Однако именно при разработке проблемы темперамента антропоцентристская парадигма исследования человека, изолирующего его из естественно-исторического процесса, оказалась особенно выраженной и привела к поиску «одномерных» типологий через перебор отдельных признаков обособленных индивидов там, где речь могла бы идти об общих типичных тенденциях развития индивидов в популяциях, имеющих приспособительный эволюционный смысл. До сих пор исследования типологий темперамента в основном идут в русле конституционно-антропометрической стратегии и по пути поиска нейродинамических коррелятов психодинамических особенностей темперамента.

Конституционные типологии темперамента и характер личности

Развитие конституционных типологий темперамента шло в направлении от выделения «прототипов», обобщенных эталонов, с которыми сопоставлялись характеристики индивидов, к выделению набора «параметров», через соотношение которых выделялся тот или иной тип (*Р. Мейли*).

Одна из самых известных типологий, направленных на выявление связи между строением тела человека и его психическими свойствами, его характером, принадлежит немецкому психиатру Э. Кречмеру. *В книге «Строение тела и характер» (1921) Э. Кречмер в диагностических целях предпринял попытку выделить зависимость между определенными психическими заболеваниями и типом телосложения.* На основе клинических наблюдений он пришел к предположению, что люди, обладающие четырьмя типами тело-

сложения, имеют наследственную предрасположенность к большей или меньшей выраженности психического склада личности, в резкой и явной форме наблюдающегося у больных шизофренией, эпилепсией и циклотимией (маниакально-депрессивным психозом).

Разрабатывая конституционную типологию темперамента, Э. Кречмер искал в особенностях телосложения человека тот *объективный* ряд признаков, опираясь на которые в клинике можно будет более четко проводить диагностику психических заболеваний. Он выделил с помощью антропометрических измерений четыре конституционных типа телосложения.

1. *Лептосоматик* (греч. leptos — хрупкий, soma — тело). У лептосоматиков узкие плечи, вытянутое лицо, длинные худые ноги. Большее хождение получил термин *астеники*, выражающий крайнюю степень лептосомного телосложения.

2. *Пикник* (греч. pyknos — толстый, плотный). К пикникам относятся люди, обладающие большой полнотой, животом, круглой головой и маленькой плотной шеей.

3. *Атлетик* (греч. athlon — борьба, схватка). Атлетиков отличают сильная мускулатура, широкие плечи. Они будто сошли с классического описания — фигуры человека Леонарда да Винчи.

4. *Диспластик* (греч. dys — плохо, plastos — сформированный). Диспластиков как бы обидела природа. У них бесформенное, неправильное строение тела.

Э. Кречмер на основе статистической выборки пришел к выводу, что *люди с пикническим строением тела склонны к заболеванию циклотимией; с лептосомным, или астеническим, строением — к шизофрении. У атлетиков наблюдается тенденция к заболеванию эпилепсией.* В норме пикники, атлетики и астеники проявляют в менее выраженной форме те формы реагирования и черты характера, которые в явной форме присутствуют при психических заболеваниях. Взяв за основание классификации описанные четыре типа телосложения, Э. Кречмер выделил соответствующие им типы темперамента.

Шизотимики имеют астеническое телосложение. У них, как видно из самого названия, предрасположенность к

заболеванию шизофренией. Шизотимики аутистичны, то есть погружены в себя, замкнуты, плохо приспосабливаются к окружению. Установки их характера ригидны. Проявляют склонность к чрезмерной абстракции.

Циклотимики обладают преимущественно крупным телосложением. Они по темпераменту являют собой контраст с шизотимиками. Общительны, реалистично смотрят на мир, имеют резкие перепады в настроении.

Иксотимики (греч. ixos — тягучий) — им присуще атлетическое телосложение, предрасположены к эпилепсии. Они мало впечатлительны, зацикливаются на мелочах; имеют сдержанную жестикуляцию. *Наибольшее распространение получили два первых типа темперамента — шизотимики и циклотимики.* На основе типов темперамента Э. Кречмер описал характер и специальные способности личностей. Таким образом, за построением конституционной типологии темперамента у Э. Кречмера на первый взгляд стоит следующая логика: клиническое наблюдение трех типов психиатрических заболеваний → выделение связи этих заболеваний с внешней морфологической конституцией → статистическая проверка гипотетической связи между типом телосложения и заболеванием → предположение о существовании присущих данным группам заболеваний типов темперамента здоровых людей в более завуалированной форме → описание на основе телосложения черт характера личности. Руководствуясь этой логикой, Э. Кречмер с помощью антропометрических замеров устанавливал тип телосложения, а затем описывал темперамент и характер личности человека.

В дальнейшем концепция Э. Кречмера неоднократно проверялась с помощью психометрических методик, которые поставили под сомнение полученные им корреляции между типами телосложения и чертами характера личности. Результаты психометрических наблюдений явно противоречат качественным описаниям и повседневному опыту, который свидетельствует о существовании указанных типов. Признание существования типов или их отрицание определяется тем, *какому методу* — качественному или количественному — отдается предпочтение. Р. Мейли полагает,

что в будущем точные методические процедуры или же предпочтение качественного анализа решат, есть право на существование типологии Э. Кречмера или нет. За типологией Э. Кречмера стоит предположение о наследственной обусловленности не только типов темперамента, но и характера личности. При этом встает вопрос, *действительно ли отправной точкой в конституционной типологии Э. Кречмера были наблюдения за связью между психиатрическими заболеваниями и строением тела*?

Ни один ученый не может полностью оказаться вне времени и пространства. В культуре эпохи действительно выкристаллизованы объективные документы психологии народов, которые в значительной степени выступили реальными *социальными прототипами* конституционной типологии Э. Кречмера. *Социальные эталоны, стереотипы, отображающие в обыденном сознании представления о связи строения тела с особенностями характера, стали той отправной надсознательной установкой Э. Кречмера, через фильтр которой были пропущены клинические наблюдения за эндогенными типами циркулярного и шизофренического психозов.*

Последнее положение полностью относится и к *«параметрической» типологии американского исследователя У. Шелдона, предложившего понятие «соматотип»*, которое определяется через изучение сочетания трех параметров — *эндоморфизма* (преобладающее развития внутренних органов, слабое мешковатое телосложение с избытком жировой ткани), *мезоморфизма* (развитость мышечной ткани, сильное крепкое тело), *эктоморфизма* (хрупкое телосложение, слабая мускулатура, длинные руки и ноги). Если Э. Кречмер исходит из понимания типа как совокупности черт, то У. Шелдон оценивает с помощью антропоцентрических измерений по семибалльной шкале степень выраженности каждого из трех этих основных параметров. Впоследствии У. Шелдон установил соответствие между типами телосложения и типами психодинамических свойств человека, типами темперамента: эндоморфный тип телосложения коррелирует с *висцеротоническим* типом темперамента (лат. viscera — внутренности); мезоморфный — с *сомато-*

тоническим типом; эктоморфный тип телосложения — с *церебротоническим* типом темперамента (лат. cerebrum — мозг). Из приведенной ниже таблицы психодинамических характеристик людей с разными типами темперамента видно, что в представление о темпераменте У. Шелдон включает не только формально-динамические, но и содержательные характеристики поведения личности, тем самым проводя идею об их наследственной обусловленности (см. табл. 1 на с. 254—255).

По мнению такой известной специалистки в области дифференциальной психологии, как А. Анастази, относящейся с большим скепсисом к различным конституционным типологиям темперамента, У. Шелдон при разработке данной типологии оказался под влиянием социальных стереотипов американской культуры. У американцев атлетическое мезоморфное строение в обыденном сознании ассоциируется с лидерством и является стереотипом, способствующим продвижению в обществе. Дело, однако, не только в «оценочном» подходе к характеристикам темперамента. *Как и Э. Кречмер, У. Шелдон оказался во власти социальных стереотипов, которые стали неявной отправной посылкой его исследования.* Реально у У. Шелдона идет не соотношение объективного ряда биологически обусловленных особенностей телосложения с темпераментом, а ряд «социальных стереотипов» приводит к подбору ряда «объективных параметров телосложения», которые в свою очередь коррелируют с особенностями темперамента.

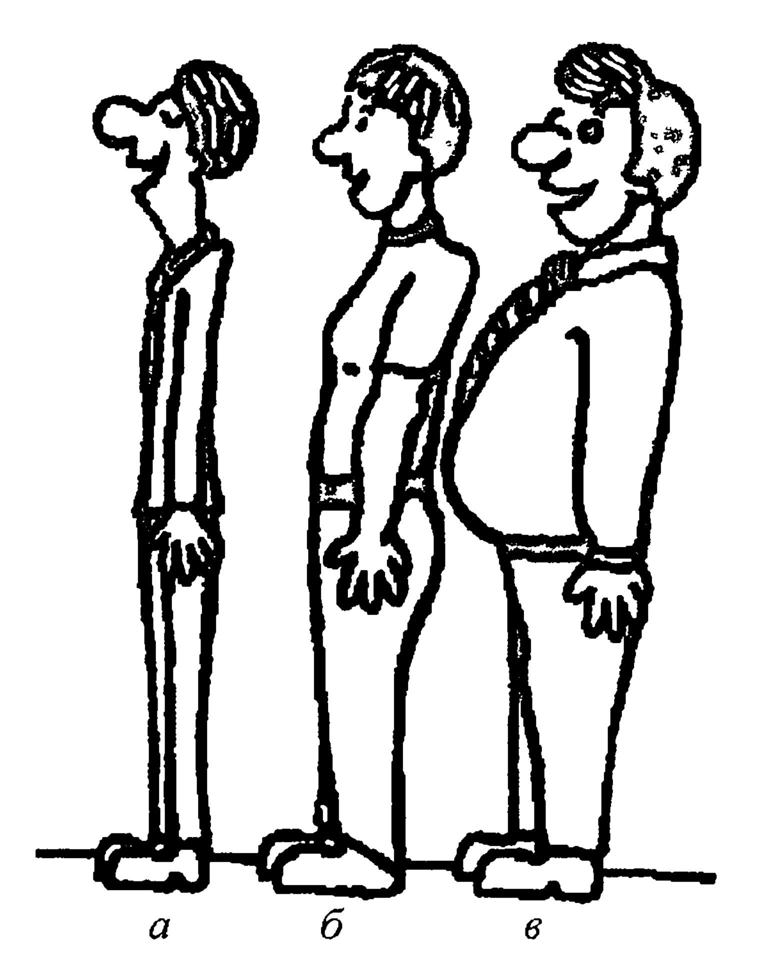

Рис. 5. Конституционные соматотипы (по *У. Шелдону*, 1984): *а* — эктоморф; *б* — мезоморф; *в* — эндоморф.

В *исторической антропологии*, как и в психологии, концепции Э. Кречмера и У. Шелдона подвергнуты критическому анализу. Так, например, А.А. Малиновским показано, что жироотложение и мускулатура, которые порой принимаются за основу телесной конституции, варьируют относительно независимо друг от друга. Также отмечается, что Э. Кречмер группирует разнообразие темпераментов вдоль одной оси: на одном ее конце — шизоидность (неконтактность, склонность к абстракции и т.д.); на другом ее конце — циклоидность (контактность, реалистичность мышления и т.д.). *Ограниченность взглядов Э. Кречмера заключается не только в прямой корреляции типов телосложения с характером, но и в том, что он считал это направление вариаций (контактность — неконтактность) преобладающим, не учитывая возможности вариаций людей в ходе эволюции по каким-либо другим направлениям.* В.П. Алексеев замечает, что вряд ли возможно вместить многообразие систем интеграции человеческого организма в жесткую схему нескольких вариантов. Проблема *конституционных* популяций в психологии не только не решена, но даже не поставлена.

Конституционные типологии Э. Кречмера и У. Шелдона продолжают оказывать влияние на психологию дифференциальных различий. Причем многие идущие по их следам исследователи уверены, что либо неточность измерительных процедур, либо опора на внешнюю и внутреннюю конституцию оказались причинами постепенного превращения исследований Э. Кречмера и У. Шелдона во вчерашний день психологии.

Между тем причина разочарования в типологии Э. Кречмера и У. Шелдона лежит не в том, что Э. Кречмер и У. Шелдон выбрали не те методы, не те уровни организации индивида и т.п. Хотя и уровни организации индивида, выбранные ими для корреляции с чертами характера личности, относятся к таким автономным органическим подсистемам индивида, которые подчиняются преимущественно децентрализированному управлению и практически не находятся в сфере действия закономерностей рассеивающего отбора, направленного на поддержание вариа-

Таблица 1

Типы темперамента
(по У. Шелдону)[10]

Висцеротония	Соматотония	Церебротония
Расслабленность в осанке и движениях	Уверенность в осанке и движениях	Заторможенностъ в движениях, скованность в осанке
Любовь к комфорту	Склонность к физической деятельности	Чрезмерная физиологическая реактивность
Медленная реакция	Энергичность	Повышенная скорость реакций
Пристрастие к еде	Потребность в движениях и удовольствие от них	Склонность к уединению
Социализация пищевой потребности	Потребность в доминировании	Склонность к рассуждениям, исключительное внимание
Наслаждение от процесса пищеварения	Склонность к риску и игре случая	Скрытность чувств, эмоциональная заторможенность
Любовь к компаниям, дружеским излияниям	Решительные манеры	Самоконтроль мимики
Социофилософия (склонность к общественной жизни)	Храбрость	Социофобия (страх перед общественными контактами)
Приветливость со всеми	Сильная агрессивность	Заторможенность в общении

Ориентация на других	Клаустрофобия (боязнь замкнутого пространства)	Агорофобия (боязнь открытого пространства)
Эмоциональная ровность	Отсутствие сострадания	Непредсказуемость установок (поведения)
Терпимость	С трудом приглушаемый голос	Тихий голос, избегание шума
Безмятежная удовлетворенность	Спартанская выносливость боли	Чрезмерная чувствительность боли
Хороший сон	Шумное поведение	Плохой сон, хроническая усталость
Отсутствие взрывных эмоций и поступков	Внешний вид соответствует более пожилому возрасту	Юношеская живость и субъективное мышление
Мягкость, легкость в обращении и внешнем выражении чувств	Объективное и широкое мышление, направленное вовне	Концентрированное, скрытое и субъективное мышление
Общительность и расслабленность под воздействием алкоголя	Самоуверенность, агрессивность под воздействием алкоголя	Устойчивость к действию алкоголя и других репрессантов
Потребность в людях в тяжелую минуту	Потребность в действиях в тяжелую минуту	Потребность в уединении в тяжелую минуту
Ориентация на детей и семью	Ориентация на занятия юношеского возраста	Ориентация на пожилой возраст

[10] См.: *Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. М., 1982.

ций различных индивидных свойств. Главная же причина неудач поисков Э. Кречмера и У. Шелдона состоит в том, что они руководствовались схемой двухфакторной детерминации развития личности, непосредственно связывая особенности характера личности с генотипом индивида. Реально же в самих построениях Э. Кречмера и У. Шелдона эта связь опосредствовалась социальными стереотипами конкретной исторической эпохи, увязывающими строение тела и характер.

Особенности телосложения сами по себе не определяют развитие личности. Однако они могут стать «знаками», которые, будучи вовлечены в жизнь личности, порой становятся чуть ли не решающими обстоятельствами для формирования характера индивидуальности. Включившись в динамичный процесс взаимоотношений человека в мире, эти «знаки» превращаются иногда в те «средства», которыми индивидуальность порой склонна воспользоваться для оправдания определенной жизненной позиции и своих поступков, своего права на «исключительность». Например, З. Фрейд приводит в качестве примера претензии на «исключительность» и самооправдания монолог будущего короля из пьесы У. Шекспира «Ричард III».

Но я не создан для забав любовных,
Для нежного гляденья в зеркала;
Я груб; величья не хватает мне,
Чтоб важничать пред нимфою распутной.
Меня природа лживая согнула
И обделила красотой и ростом.
Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой; я недоделан,
Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают.
Чем в этот мирный и тщедушный век
Мне наслаждаться? Разве что глядеть
На тень мою, что солнце удлиняет,
Да толковать мне о своем уродстве?
Раз не дано любовными речами
Мне занимать болтливый пышный век,
Решился стать я подлецом и проклял
Ленивые забавы мирных дней.

Ричард Глостер использует свой телесный недостаток как «средство», с помощью которого оправдывает свои дела, сколь бы эти дела ни были черны.

Не конституция, телосложение само по себе определило характер индивидуальности Ричарда, а «означение» тех или иных особенностей телосложения Ричарда вначале его социальным окружением, его двором, его свитой, а затем и им самим обусловило выбор тех черт и социальных стереотипов поведения, которые *он сделал чертами собственного характера.*

В пограничной психиатрии описаны проявления болезненной убежденности в наличии мнимого физического недостатка, наиболее часто проявляющейся в подростковом и юношеском возрасте. Это заболевание носит название *«дисморфофобия»*. При заболевании дисморфофобией юноши или девушки, считающие, что у них, например, слишком длинный нос или деформирована какая-либо часть тела, начинают избегать общества, перестают посещать занятия и т.д. У них резко обедняется круг общения, происходит все большее их выпадение из взаимоотношений с другими людьми. Вместо общения с людьми они могут часами простаивать перед зеркалом («симптом зеркала»), подыскивая позы, в которых их мнимый дефект меньше заметен окружающим. Эти больные либо избегают фотографирования, либо, напротив, приносят врачу свою фотографию («симптом фотографии»), убеждая его, что нуждаются в хирургической косметической операции. *«Означение» больными своих мнимых недостатков может вначале привести к оскудению межличностных отношений, а затем влечет за собой деперсонализацию — резкие расстройства самосознания, распад образа «Я», а также потерю ориентации в окружающей действительности*[11]. В случае дисморфофобии страдает не только характер, но и самосознание личности. Однако детерминация личностных расстройств при дисморфофобии — это не детерминация двумя факторами, «средой» и «наследственностью». Дис-

[11] См.: *Коркина М.В.* Дисморфомания в подростковом и юношеском возрасте. М., 1984.

морфофобия чаще всего возникает в юношеском возрасте, возрасте поиска своего «Я». Неудачная шутка окружающих в этот период может вызвать фиксацию на «мнимом недостатке», превратить его в «знак», который начнет определять выбор поведения девушки или юноши, привести к оскудению отношений, а вслед за этим к расстройствам самосознания, вплоть до утраты «Я». *Синдром дисморфофобии показателен в том плане, что он демонстрирует влияние ставших «знаками» мнимых физических нарушений на формирование характера личности, а не на прямую детерминацию физическими особенностями телосложения черт личности человека.*

В одних случаях дефекты телосложения становятся «средством» оправдания исключительного положения личности в обществе, в других они через оценку окружающих, даже при отсутствии реальных дефектов, приводят к выпадению личности из системы межличностных отношений и расстройствам самосознания (дисморфофобия), в третьих случаях даже грубые телесные нарушения (приковавшая человека к постели болезнь) преодолеваются такими личностями, как, например, Николай Островский, автор романтической повести «Как закалялась сталь», который, даже будучи обездвиженным, сумел *утвердить власть индивидуальности над свойствами индивида.*

Особенности телосложения сами по себе не предопределяют характер личности. Они являются безличными предпосылками развития личности, которые в процессе жизненного пути могут стать «знаками», «средствами» и привести к формированию тех или иных проявлений индивидуальности человека.

Основные направления исследования темперамента в психофизиологии индивидуальных различий

В отечественной психофизиологии индивидуальных различий, а также в ряде зарубежных исследований темперамента существует, как и в психологии личности в целом, больше поднятых спорных вопросов, чем полученных однозначных ответов. Вместе с тем благодаря исследованиям школ Б.М. Теплова и В.Д. Небылицына, Б.Г. Ананьева,

И.М. Палея и их учеников, В.С. Мерлина, Е.А. Климова и их последователей в современной психофизиологии, занимающейся изучением темперамента, выделился ряд различных проблем и направлений их решения.

От типов ВНД — к интегральным свойствам нервной системы. Первая проблема, по крайней мере по времени ее возникновения в истории изучения темперамента в отечественной психофизиологии, касается анализа его нейрофизиологических механизмов и разноуровневых биологических механизмов, обеспечивающих реализацию таких *основных психодинамических параметров темперамента, как общая активность, эмоциональность и темп поведенческих проявлений индивида* (*В.Д. Небылицын*). Уже сама постановка проблемы изучения биологических механизмов темперамента означает, что необходимо развести поведенческие проявления энергетики индивида — такие *психодинамические* особенности темперамента, как темп, общая активность и эмоциональность, и реализующие их на самых разных уровнях индивида биологические механизмы. Пафос, связанный с постановкой этой проблемы, заключается в том, что в психофизиологии индивидуальных различий темперамент часто сводился к лежащим в его основе биологическим механизмам. Классические исследования И.П. Павлова заложили основы для изучения типов высшей нервной деятельности, обеспечивающих проявления темперамента, то есть энергетику поведения.

«Следует полностью отдать должное научной мудрости И.П. Павлова, сумевшего уловить в хаосе индивидуальных вариаций поведения и рефлекторного реагирования животных немногие определяющие факторы, а затем и выделить эти факторы как основные детерминанты поведения индивидуальности и как объекты экспериментального изучения. Вместе с тем необходимо все же сказать, что многие решения, найденные в павловской школе для проблем, возникших в ходе изучения нервной системы, кажутся сейчас неадекватными, не полностью обоснованными либо просто преждевременными. Так, явно неподготовленным был переход от изучения свойств нервной

физиологической организации к изучению типов высшей нервной деятельности, число которых к тому же оказалось ограниченным четырьмя»[12]. В.Д. Небылицын замечает, что целый ряд исследователей как бы задались целью разложить по некоторому симптомокомплексу физиологических качеств людей или животных непременно на «четыре» гиппократовских типа, а самому числу «четырех» был придан несколько мистический оттенок. Но дело не только и не столько в мистическом оттенке числа «четыре», ставшего мысленным стереотипом многих работ по типологии ВНД, а в том, что исследования по физиологии высшей нервной деятельности привели к исчезновению психодинамических характеристик темперамента, растворили эти характеристики в типах ВНД. Лишь впоследствии благодаря прежде всего исследованиям В.С. Мерлина психологический статус темперамента был восстановлен.

Что же касается анализа нейрофизиологических коррелятов темперамента, то после выдающихся работ Б.М. Теплова миф о четырех типах ВНД отошел в прошлое. В школе Б.М. Теплова вместо изучения типов ВНД началась интенсивная разработка представлений о свойствах нервной системы, являющихся реализаторами психодинамики человеческого поведения. От определения типов ВНД — к изучению свойств нервной системы шли исследования школы Б.М. Теплова. В этих работах уточнялись представления о силе, подвижности, уравновешенности (баланс, торможение и возбуждение) нервных процессов и их объективных индикаторов, а также были выделены такие новые свойства, как *динамичность* (легкость генерации возбуждения и торможения) и *лабильность*. Выделение этих новых свойств нервной системы стало важным шагом на пути изучения психофизиологии индивидуальных различий.

Основным вектором анализа нейрофизиологических реализаторов темперамента стало направление исследо-

[12] *Небылицын В.Д.* Актуальные проблемы дифференциальной психофизиологии // Вопросы психологии. 1971. № 6. С. 14.

ваний, идущее от изучения частных свойств нервной системы к общим свойствам нервной системы, к ее «сверханализаторным» особенностям, обеспечивающим реализацию интегральных психодинамических проявлений темперамента и общих способностей (*В.Д. Небылицын*). Введя для выделения этих общих свойств нейроморфологический принцип, В.Д. Небылицын высказал предположение, что из *трех основных функциональных блоков мозга — блока регуляции тонуса и бодрствования; блока приема, переработки и хранения информации; блока программирования, регуляции и контроля деятельности (А.Р. Лурия) — общие свойства преимущественно связаны с блоком программирования, регуляции и контроля.* Данный блок связан со структурами лобной коры головного мозга, взаимодействующими с ретикулярной формацией, таламусом, гипоталамусом и рядом других подкорковых структур. В дальнейшем наряду с изучением общих свойств нервной системы, реализуемых блоком программирования и контроля, был поднят вопрос об исследовании интегральных проявлений функциональных характеристик нервных процессов, обслуживающих психодинамические феномены темперамента (*В.М. Русалов, А.И. Крупнов, В.Д. Мозговой*). Объектом этих исследований стали прежде всего интегральные функции биоэлектрических процессов мозга — различные аспекты биоэлектрических процессов мозга (сверхмедленная активность и т.п.), анализируемые с помощью таких методик, как регистрация электроэнцефалограммы и т.п.[13] Разработка физиологических механизмов, реализующих психодинамические особенности темперамента, продолжается. Вместе с тем при проведении этих исследований всегда следует помнить о печальном уроке истории, приведшем к подмене изучения темперамента анализом типов ВНД.

Критика «оценочного подхода» к темпераменту. Адаптивные возможности темперамента в процессе эволюции. Вторая проблема изучения темперамента — это изучение роли темперамента в процессе эволюции вида Homo sapiens, или, как иногда говорят, вопроса о месте тем-

[13] См.: *Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979.

перамента в адаптации индивида. Этот вопрос ни в коем случае не следует смешивать с оценочно-этическим подходом к анализу темперамента, который был подвергнут обостренной критике Б.М. Тепловым.

В исследованиях И.П. Павлова, а особенно ряда его учеников (*А.Г. Иванов-Смоленский* и др.) нередко «сильному типу» нервной системы давалась оценка как «совершеннейшему из типов», «слабому типу» — как инвалидному и т.п., что влекло за собой глубоко ошибочное мнение о существовании «хороших» и «плохих» темпераментов, доставшихся человеку по наследству. За этим оценочным подходом стоял гомеостатический критерий эффективности приспособления организма к среде. Исследователи, занимающиеся анализом темперамента в контексте исследований профессионального отбора, с особой остротой ощутили не только мировоззренческую зыбкость «оценочного» подхода, но и его неправомерность в конкретно-научных исследованиях. В одних ситуациях деятельности слабый тип с присущей ему высокой чувствительностью может оказаться при овладении профессией куда более надежным, чем сильный тип ВНД. В.С. Мерлин специально говорил о «равноценности свойств общего типа нервной системы» и широчайших возможностях компенсации человека с разными типами ВНД к различным видам профессиональной деятельности.

Оценочный подход к темпераменту противоречит и представлениям о «рассеивающем отборе», действующем в историко-эволюционном процессе и поддерживающем, сохраняющем самые различные вариации, которые в тех или иных конкретных ситуациях могут иметь эволюционный смысл. Одни проявления темперамента связаны с общей тенденцией к сохранению эволюционирующей системы, ее стабилизацией, другие — с тенденцией к изменчивости этой системы, обеспечивающей большую адаптивную изменчивость в экстремальных, критических ситуациях. Я. Стреляу подчеркивает необходимость изучения адаптивных возможностей темперамента в условиях конкретного социального образа жизни. В частности, *адаптивные возможности слабого типа нервной системы, коррелирующие с вы-*

сокой реактивностью индивида и повышенной чувствительностью в ситуации опасности, имеют вполне определенный эволюционный смысл, так как обеспечивают более быструю оценку слабых стимулов, а тем самым и мобилизацию индивида в экстремальной ситуации. Именно в таких ситуациях общая активность индивида как психодинамическая характеристика его поведения может способствовать эффективному освоению внешней действительности (*В.Д. Небылицын*), снабжать поиск индивида необходимыми энергетическими ресурсами. Эволюционный смысл поисковой общей активности выделяется также В.С. Ротенбергом: «У животных поисковая активность обеспечивает оптимальное приспособление к меняющейся среде... Уникальность потребности в поисковой активности заключается в ее принципиальной ненасыщенности, ибо это потребность в самом процессе постоянного изменения. Отсюда вытекает ее биологическая роль для человека и животных. Поисковая активность — биологически обусловленная движущая сила саморазвития каждого индивида, и прогресс популяции зависит от ее выраженности»[14].

За понятием «общая активность», как отмечал В.Д. Небылицын, стоит прежде всего психодинамика импульса индивида к поиску, которая может выступать в любой сфере деятельности человека.

Проблема адаптивных возможностей в онтогенезе таких психодинамических характеристик темперамента, как сензитивность, реактивность и активность, гибкость и ригидность, экстраверсия и интроверсия, эмоциональность (эмоциональная возбудимость), темп реагирования (*В.С. Мерлин*), тревожность и т.п., за которыми стоят существующие в историко-эволюционном процессе тенденции к сохранению и изменчивости систем, их дифференциации (сегрегациогенез) и интеграции (синтезогенез), ждет своего решения.

При решении этой проблемы вновь ощущается необходимость в междисциплинарном исследовании развития

---

[14] *Ротенберг В.С.* Адаптивная функция сна, причины и проявления ее нарушения. М., 1982. С. 41.

человека, в данном случае — в сотрудничестве психологии, медицины и экологии. Новый подход к изучению конституции и темперамента разрабатывается в цикле исследований В.П. Казначеева.

Этот подход характеризуют следующие черты. Во-первых, в концепции В.П. Казначеева, развивающего идеи В.И. Вернадского и Н.И. Вавилова, с самого начала речь идет о *функционально-адаптивной конституции индивида как представителя популяции, а не о морфофизиологических характеристиках отдельного человека.* В этом принципиальное отличие подхода В.П. Казначеева от попыток построения морфофизиологических конституций Э. Кречмера и У. Шелдона. Такого рода логика изучения конституции человека по духу близка к идеям А.Н. Северцова, проведшего различие между эволюцией образа жизни и морфофизиологической эволюцией. Во-вторых, в представлениях о конституции В.П. Казначеева содержится мысль о том, что именно конкретный экологический и социально-исторический образ жизни является предпосылкой возникновения особых типов темперамента как «функциональных органов» (*А.А. Ухтомский*) человека. Тем самым вместо дуалистической постановки вопроса о соотношении биологического и социального при изучении конституции у В.П. Казначеева намечается решение этой проблемы: *конкретный социально-исторический образ жизни становится предпосылкой возникновения определенных адаптивных функциональных типов конституционного реагирования.* В основу типологии конституции, по В.П. Казначееву, положен такой параметр конституции, как вид *реагирования представителя той или иной популяции в экстремальных условиях.* На материале изучения функциональных типов конституционного реагирования среди популяций людей в различных районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера В.П. Казначеев выделил три типа реагирования: «спринтер», «стайер» и «смешанный тип» (рис. 6). Согласно концепции В.П. Казначеева, «у людей с преобладанием стратегии 1 (тип “спринтер”, регуляторные системы и системы обеспечения обладают большими резервами, большими возможностями их мобилизации, но относительно слабой регенераторно-синтети-

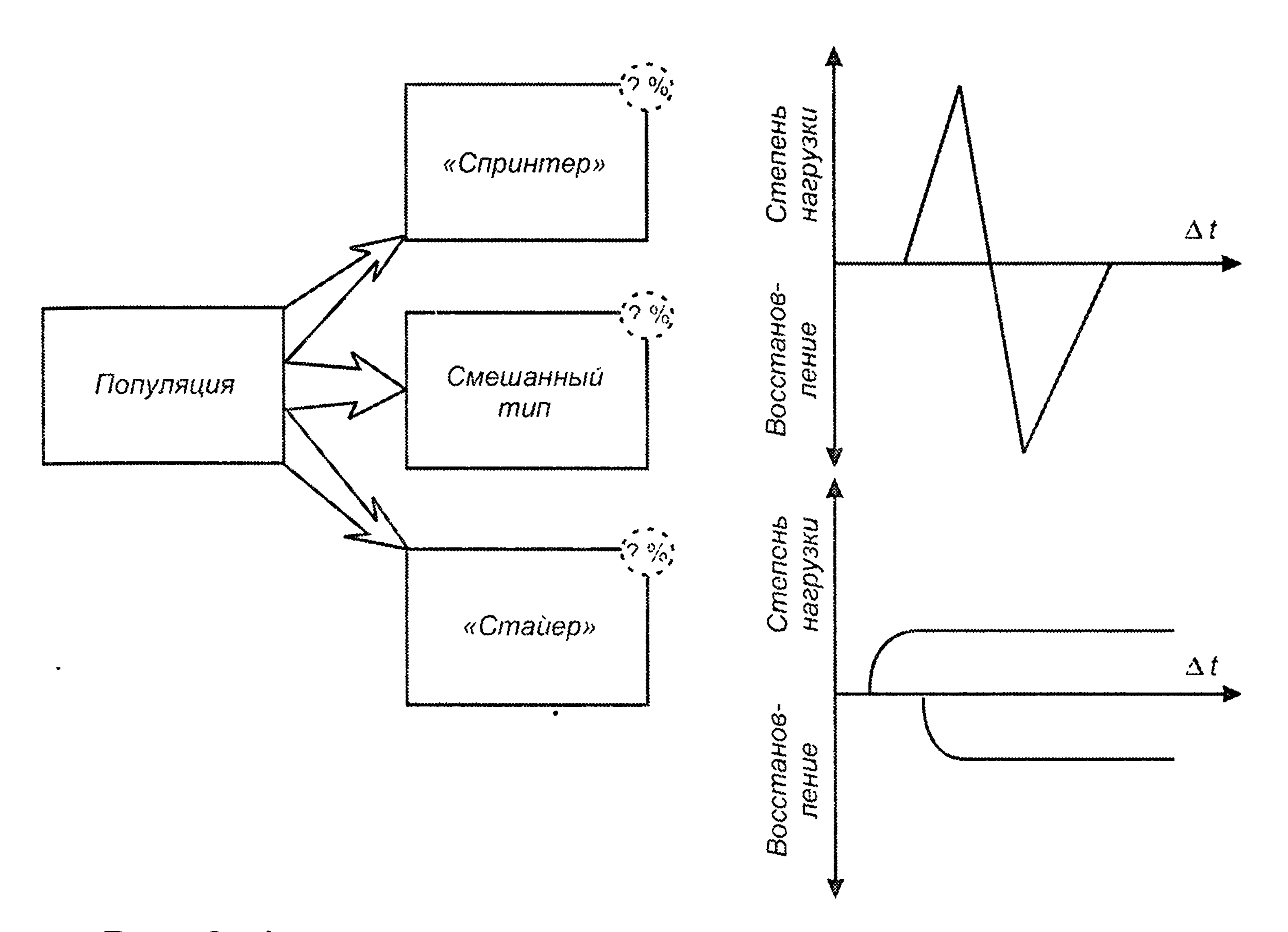

Рис. 6. Феногенетическая структура популяции по адаптивным конституциональным типам: «спринтер», смешанный тип и «стайер» (по *В.П. Казначееву*, 1980)

ческой функцией. У таких людей одновременное сочетание работы и восстановительных процессов выражено слабее... У людей же с преобладанием стратегии 2, напротив, резервные возможности и степень быстрой мобилизации невысоки, рабочие процессы более легко сочетаются с процессами восстановления, что обеспечивает возможность длительной нагрузки»[15]. Своим возникновением *функциональные типы конституции*, отражающие разные стратегии адаптивной перестройки индивида, обязаны именно социальному образу жизни, который приводит к появлению новых специфичных для человеческого вида механизмов эволюции. Цикл исследований В.П. Казначеева позволяет существенно продвинуться в понимании эволюционного смысла темперамента и представляет собой одно из перспективных направлений изучения природы конституции человека.

[15] *Казначеев В.П.* Современные аспекты адаптации. М., 1980. С. 47—48; *Казначеев В.П., Казначеев С.В.* Адаптация и конституция человека. М., 1986.

Овладение психодинамическими характеристиками темперамента и проблема индивидуального стиля деятельности. Третья большая проблема изучения темперамента — это проблема учета и овладения психодинамическими характеристиками поведения личности в различных видах деятельности. Данная проблема ставится самой жизнью, так как при профессиональном отборе и обучении различным видам профессий, при воспитании и коррекции поведения ребенка, а также в различных видах спорта требуется знание закономерностей преобразования психодинамических характеристик индивида, так как от них во многом зависит успешность, результативность деятельности субъекта. Над решением этой проблемы работают различные исследователи. В контексте изучения темперамента проблема учета и овладения психодинамическими особенностями индивида в исследованиях В.С. Мерлина и Е.А. Климова была связана с разработкой представлений о природе индивидуального стиля деятельности на материале овладения различными профессиями. В близком направлении шли работы К.М. Гуревича, Ф.Д. Горбова и их сотрудников. В связи с развитием спортивной психологии вопрос об учете и управлении человеком его психологическими свойствами в экстремальных ситуациях разрабатывается Б.А. Вяткиным, О.В. Дашкевичем, В.М. Мельниковым, Ч.Д. Спилсбергером, Ю.Л. Ханиным и рядом других исследователей. Специальное внимание изучению психической напряженности человека в зависимости от ее места в структуре деятельности было уделено Н.И. Наенко и О.В. Овчинниковой, выделивших два вида напряженности — *операциональную напряженность и эмоциональную напряженность.* Польский исследователь Я. Стреляу посвятил немало своих работ изучению оценки темперамента в процессе воспитания личности.

При всем разнообразии этих циклов работ они имеют в общепсихологическом плане несколько объединяющих их черт. Во-первых, в этих исследованиях психодинамические характеристики темперамента анализировались не сами по себе, а, как правило, в контексте реальной деятельности человека в экстремальных ситуациях. Во-вто-

рых, в этих работах темперамент преимущественно рассматривался не как генотипическое образование, которое неизменно, а как «средство», которым необходимо обучиться управлять для достижения тех или иных результатов деятельности человека. В-третьих, из этих исследований следует, что *психодинамические особенности темперамента в определенных пределах могут быть компенсированы и, следовательно, претерпевают изменения в ходе онтогенеза личности, а их выраженность во многом зависит от места в структуре деятельности личности.* Отсюда не вытекает, конечно, что в ходе деятельности меланхолики «превращаются» в сангвиников, а экстраверты — в интровертов. Речь идет именно о *компенсации индивидных предпосылок в процессе онтогенеза.* Благодаря компенсации эти предпосылки не оказывают большого влияния на осуществление и успешность деятельности человека.

Психологическая природа закономерностей овладения человеком свойствами темперамента, а также влияния индивидуальных свойств на способы деятельности, ее операциональные механизмы изучены в исследованиях В.С. Мерлина и Е.А. Климова.

Для понимания закономерностей использования свойств темперамента как «средства» деятельности и компенсаторных возможностей личности имеет принципиальное значение введенное В.С. Мерлиным представление о «*зоне неопределенности*». При выборе средств и способов достижения цели действия у человека чаще всего имеется поле вариантов выбора средств, а не жесткая пригнанность какого-то одного способа достижения к стоящей перед человеком цели. *Зона неопределенности* в продуктивной деятельности предполагает, что человек может осознанно или неосознанно принять решение о выборе способа достижения цели с учетом следующих моментов: 1) оценки своих индивидуальных свойств, а тем самым собственных, связанных с этими свойствами возможностей предпочтения того или иного способа достижения цели; 2) рассогласования имеющихся способов деятельности с объективными требованиями задачи (например, легче выдернуть гвоздь клещами, чем руками); 3) зависимости от побуждающего характера цели действия (чем больше интенсивность побуждений, тем мень-

ше возможность перебора разнообразных средств их достижения). Иными словами, при сильном голоде или жажде уже не до выбора, есть ли с фарфоровой тарелки или взять пищу руками[16].

Представления В.С. Мерлина о компенсации были развиты в цикле исследований Е.А. Климова. Е.А. Климовым была проанализирована зависимость между подвижностью нервных процессов и стилем работы у ткачих. Было показано, что успешность работы, производительность труда не зависят от психодинамических характеристик поведения, связанных с подвижностью нервных процессов, а проявляются в стиле выполнения деятельности. Благодаря зоне неопределенности инертный человек может выбрать, предпочесть те или иные стереотипы, благоприятствующие успеху (случай использования положительных приспособительных возможностей, имеющихся благодаря инертности нервных процессов); или же стараться все предусмотреть заранее, если объективные условия задачи требуют быстрой смены движений (случай компенсации индивидных свойств темперамента). Иными словами, *личность владеет своими индивидными свойствами, подбирая в зависимости от их оценки, «означения» те или иные способы достижения цели.* Подобные стратегии выбора и приводят в конечном итоге не только к стилю конкретной профессиональной деятельности, но и к формированию индивидуального стиля личности в целом. Под индивидуальным стилем понимается «*индивидуально своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравновешивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными... условиями деятельности*»[17].

---

[16] *Мерлин В.С.* Деятельность как опосредующее звено в связи разноуровневых свойств индивидуальности // Проблемы интегрального исследования индивидуальности. Пермь, 1978.

[17] *Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань, 1969. С. 48.

* * *

Таким образом, в психофизиологии индивидуальных различий можно выделить три следующие проблемы. Первая из этих проблем касается анализа биологических механизмов (нейрофизиологических, биохимических), реализующих психодинамические особенности темперамента в поведении личности. Основное направление в разработке этой проблемы идет по пути от изучения типов ВНД к анализу интегральных проявлений активации мозга, к исследованию общих свойств нервной системы (*Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын* и др.).

Вторая проблема касается изучения адаптивных возможностей темперамента в процессе эволюции. Она только поставлена, и экспериментальные пути ее анализа начинают намечаться (*В.П. Алексеев*, *В.П. Казначеев, П.В. Симонов*). В решении этой проблемы существенную роль может сыграть новая область изучения индивидных свойств человека — генетическая психофизиология, или психогенетика, в репертуаре методик которой преобладает метод близнецов (*И.В. Равич-Щербо*)[18].

Третья проблема связана с изучением вопроса об овладении личностью особенностями темперамента как особыми «средствами» регуляции деятельности. Она приводит к исследованиям механизмов компенсации и индивидуального стиля деятельности в зависимости от характеристик темперамента. При ее разработке темперамент начинает исследоваться не сам по себе, а в режиме его использования личностью как субъектом различных видов деятельности (*В.С. Мерлин, Е.А. Климов*) и учитывается при воспитании личности. Перспективными в контексте этого направления также являются исследования, раскрывающие зависимость психической напряженности от ее места в структуре деятельности (*Н.И. Наенко*).

---

[18] См.: Проблемы генетической психофизиологии человека / Под ред. Б.Ф. Ломова, И.В. Равич-Щербо. М., 1978; Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под ред. И.В. Равич-Щербо. М., 1988.

Разработка теоретических представлений о зависимости от темперамента индивидуального стиля деятельности влечет за собой переориентацию в спортивной психологии, занимающейся изучением тревожности, стресса, психической саморегуляции в экстремальных ситуациях. В этой сфере прикладных исследований происходит переход к таким активным психотехническим приемам овладения индивидными свойствами, как «биологическая» обратная связь, аутотренинг и т.п., с помощью которых человек мог бы «означить» свои объективные физиологические состояния и тем самым обучиться использовать их как психологические средства саморегуляции своей деятельности.

Глава 9
Развитие возрастно-половых свойств индивида в процессе социализации личности

Индивидуальное развитие человека, его онтогенез происходят одновременно в трех системах отсчета, осями которых являются социальное, биологическое и психологическое время жизни личности. В связи с этим любые попытки построения периодизации развития личности сталкиваются с серьезными трудностями, так как вне системы отсчета о временных единицах возраста говорить не имеет смысла (*И.С. Кон*), *а общие закономерности развития человека, интегрирующие представление о социальном, психологическом и биологическом возрасте, до сих пор не описаны.*

Между тем в психологии *проблема критериев периодизации развития человека* поднималась неоднократно, причем различные социальные, биологические и психологические критерии периодизации, с помощью которых человеческая жизнь разбивалась на хронологические отрезки (периоды), нередко смешивались между собой: периодизация

развития индивида принималась за периодизацию развития личности; например, критерии полового созревания человека принимались за тот «аршин», которым отсчитывались сроки взросления и старения человека.

Неоднократно случалось и так, что социальный ритм жизни эпохи принимался за естественный ритм жизни личности, а сфера жизнедеятельности социального образа жизни (игра, учеба, труд, досуг) конкретного общества превращалась в естественно проживаемые данным индивидом периоды его онтогенеза. Чаще всего оценка развития личности проводилась по ее календарному или паспортному возрасту, измеряемому временем, прошедшим с момента рождения человека.

«*Четыре времени года*». Первая календарная периодизация жизни по «четырем временам года» сегодня звучит чисто метафорически: «весна» — период становления — до 20 лет; «лето» — молодость — 20—40 лет; «осень» — расцвет сил — 40—60 лет; «зима» — старость и угасание — 60—80 лет (*Пифагор*). Однако и она лишь кажется «календарной» периодизацией, а в действительности представляет собой нерасчлененное объединение «календарного», «биологического», «социального» и «психологического» возраста. Эта периодизация имеет не только чисто исторический интерес. При ее рассмотрении выступают следующие моменты. Первый состоит в том, что прежде всего объективно «календарный» и «биологический» возраст зависит от социально-исторического образа жизни, в частности от его экономического цикла, имеющего свои диапазоны: «время не работать», «время работать», «время работать с наибольшей отдачей», «время спада работоспособности». Второй момент, проступающий из античной периодизации возраста, состоит в том, что нередко присутствующие в демографии, биологии и геронтологии схемы возрастных периодизаций в стиле линейного эволюционизма «от простого — к сложному», «от примитивного — к развитому» и т.п. должны восприниматься с известной долей осторожности, так как культуры не развивались по линейной шкале «от низких — к высоким». Соответственно и «биологический возраст», его дли-

тельность не возрастали неуклонно от первобытного строя до данной исторической эпохи, а варьировали в зависимости от взлетов и падений различных цивилизаций с присущим им социально-историческим образом жизни. Третий момент связан с тем, что вычленение самого понятия «времени», «возраста» из процессов жизни является довольно поздним историческим образованием. На этот момент указывает и И.С. Кон, проследивший этимологию терминов «возраст» и «век». Термин «возраст» по семантике связан с понятиями «расти», «вскармливать», «воспитывать», а термин «старый» означает «поживший»; слово «век» восходит по этимологии к индоевропейским глаголам и означает «жизненную силу», «прилагать силу», «мочь» (*И.С. Кон*). В древнегреческой периодизации «время», «возраст», «рост» еще не вычленены из жизни и связаны с хозяйственным циклом данной цивилизации.

В связи с тем что любой возраст, в том числе и «биологический», связан с социально-историческим образом жизни, закономерности этого возраста индивида будут более объемно представлены в системе отсчета социально-исторического образа жизни. *Поэтому и «биологический возраст», и «пол» выступают не как факторы, определяющие развитие личности, а как индивидные «безличные» предпосылки, каждая из которых имеет свои закономерности, свою историю в индивидуальном развитии личности.*

«Биологический» возраст и периодизация развития индивида

Временная шкала и закономерности созревания биологического возраста представляют для психологии личности интерес в связи со следующими проблемами анализа развития личности: 1) проблема возрастной периодизации жизненного пути личности; 2) проблема сензитивных и критических периодов развития индивида; 3) проблема гетерохронности (неравномерности) развития индивида в онтогенезе; 4) проблема акселерации развития индивида; 5) проблема оценки профессиональных возможностей личности с учетом особенностей ее биологического возраста.

При попытках построения возрастной периодизации развития человека нередко критерии календарного, или биологического, созревания индивида брались в качестве тех показателей, посредством которых жизненный путь личности разбивался на различные фазы, этапы, периоды и эпохи. В частности, П.П. Блонский предложил в качестве критерия периодизации развития психики ребенка такой показатель, как «появление и смена молочных зубов», разбив все детство на «беззубое детство», «детство молочных зубов» и «детство постоянных зубов». В качестве критерия периодизации нередко брался *критерий полового созревания*. Одна из наиболее распространенных периодизаций детского развития принадлежит А. Гезеллу, который наряду с признаком полового созревания взял за основу периодизации «ритм и темп внутреннего развития организма».

В периодизации А. Гезелла доминирует физическая хронология, расставление любых закономерностей развития личности на физической и биологической временной оси. В качестве примера можно привести характеристики, который дает Гезелл юношескому возрасту. В 10 лет ребенок («золотой возраст») доверчив, легко воспринимает жизнь, ровен в общении, мало заботится о внешности. В 11 лет идет активное созревание вторичных половых признаков, происходит перестройка организма. Отсюда проистекает в данном возрасте негативизм, появляется бунт против родителей. В 12 лет негативизм и конфликты ослабевают; ребенок пытается «уйти» от семьи, появляется его автономия. В 13 лет возникает чувство юмора и проявляется интерес к противоположному полу.

Таким образом, в основе классификации А. Гезелла, хоть он и пытается приурочить этапы развития психики ребенка к биологическим критериям, реально лежит календарный возраст.

Еще до попыток А. Гезелла, механически надставляющего возрастные периоды как автономные блоки один на другой, общая парадигма биогенетических периодизаций развития личности ребенка была задана американским психологом С. Холлом. *В основе биогенетической периоди-*

зации развития человека лежит *принцип рекапитуляции.* Точно так же как человек в своем эмбриональном развитии воспроизводит те стадии развития, которые прошла эволюция в филогенезе (биогенетический закон Э. Геккеля), ребенок в своем развитии проходит все стадии, которые были в социогенезе. В этом смысле онтогенез воспроизводит филогенез. Таким образом, С. Холл переносит биогенетический закон Э. Геккеля на онтогенетическое развитие психики ребенка. Вслед за этим он отождествляет социогенез человечества с филогенезом и разбивает детство на следующие стадии: животную фазу развития (младенчество); эпоху охоты и рыболовства (детство); конец дикости и начало цивилизации (предподростковый период — 8—12 лет); период «бури и натиска», соответствующий времени романтизма (от 12—13 до 22—25 лет — юность). Как правило, С. Холла, А. Гезелла и ряд других исследователей (*Э. Кречмер, Э. Иенш, В. Целлер*) справедливо относят к представителям *биогенетической периодизации развития личности ребенка* (*И.С. Кон*). Вместе с тем следует подчеркнуть, что в отличие от других представителей биогенетических, а еще чаще «календарных» концепций возрастных периодизаций именно *С. Холл поставил важный вопрос о взаимопереходах в развитии человечества между филогенезом, социогенезом и онтогенезом.* Подвергнув обоснованной критике грубый перенос биогенетического закона Э. Геккеля об онтогенезе как сжатом воспроизведении филогенеза на почву психологической науки, психологи не предложили содержательной альтернативы этой закономерности.

Критика биогенетической ориентации при построении возрастных периодизаций развития личности привела, как это нередко бывает в истории науки, к другой крайности. В середине XX в. в отечественной психологии проблема биологического возраста почти выпала из поля зрения представителей возрастной психологии. Так, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. П.П. Блонский и Л.С. Выготский, обсуждая проблему периодизации развития ребенка в самом широком плане, ставили вопросы о *сензитивности — возрастной чувствительности ребенка, неравномер-*

ности (гетерохронности) его развития. Затем наступил, вплоть до конца 1950-х гг., перерыв в разработке этой проблемы. И лишь в 1960-х гг. вопросы *онтопсихологии* были вновь подняты Б.Г. Ананьевым.

В онтопсихологии Б.Г. Ананьевым были разработаны проблемы возрастной изменчивости организма, динамики возрастной чувствительности.

Под *онтогенезом понимается весь цикл индивидуального развития человека — от оплодотворения до смерти.* Существенной частью онтогенеза являются поздние этапы развития человека (*В.В. Фролькис*). В возрастной психологии до появления онтопсихологии как особого направления, как правило, под онтогенезом неявно понималось лишь развитие ребенка до поры его взросления.

Запросы практики, например выявление критериев готовности ребенка определенного возраста к школе, оценка работоспособности человека, анализ социальной адаптации при переходе на пенсию и т.п., побудили психологов обратиться к исследованиям сензитивных и критических периодов индивидуального развития, изучению неравномерности (гетерохронности) развития человека в онтогенезе[19].

Сензитивные и критические периоды индивидуального развития человека. Под *сензитивными периодами развития понимаются периоды повышенной восприимчивости, отзывчивости, чувствительности индивида в данном возрасте к определенного рода воздействиям*, например к обучению, игре и т.п. В физиологии сензитивные периоды изучены на животных, в частности на материале импринтинга (запечатления). В довольно ограниченный отрезок онтогенеза животное сензитивно к определенным воздействиям; например, новорожденное животное в определенный период времени начинает следовать (реакция следования) за движущимся объектом определенного размера. В естественной обстановке таким объектом является мать; в искусственных ситуациях животное, например утенок или

[19] См.: *Лейтес Н.С.* К проблеме сензитивных периодов психического развития человека // Принцип развития в психологии. М., 1978.

жеребенок, в сензитивный период начинает следовать за первым двигающимся мимо объектом определенных размеров (опыты К. Лоренца). В психологии представления о сензитивных периодах, периодах повышенной возрастной чувствительности, изучены недостаточно. С сензитивными периодами не следует смешивать критические периоды возрастной чувствительности индивида.

Критические периоды представляют собой такие «узловые точки» онтогенеза индивида (И.А. Аршавский), в возрастном интервале которых повышается чувствительность индивида к неадекватным раздражителям. Критические периоды можно было бы назвать возрастными зонами наибольшей повреждаемости индивида, в которых с наибольшей вероятностью нарушается нормальный ход физиологического развития. Вряд ли возможно говорить об однозначном соответствии критических периодов развития индивида и так называемых кризисов развития личности ребенка — кризисах 3-летнего, 7-летнего и 12—13-летнего возрастов. Вместе с тем нельзя недооценивать и того факта, что *критические периоды биологического возраста индивида могут оказаться «безличными» предпосылками, провоцирующими возникновение кризисов развития личности.*

Гетерохронность развития индивида в онтогенезе. В онтопсихологии необходимо учитывать неравномерность и гетерохронность развития индивида, без анализа которых предпосылки периодизации целостного развития личности, ее жизненного пути останутся вне поля зрения психологов. В онтогенетической эволюции гуморальные, кортико-ретикулярные и другие индивидные структуры человека развиваются неравномерно. «Естествознание, фонд знаний о *неравномерности* и *гетерохронности* роста и дифференцировки тканей, костной и мышечной систем, различных желез внутренней секреции, основных отделов центральной нервной системы, анализаторных систем детей и подростков. В деталях известны явления гетерохронности общесоматического, полового, нервнопсихического созревания. Сроки каждой из этих форм созревания расходятся весьма значительно, и вариативность их возрастает к зрелости.

Первоначально полагали, что неравномерность изменений и гетерохронность фаз развития — явление, специфическое только для процессов роста и созревания. Однако опыт исследования старения показал, что гетерохронность инволюционных процессов и неравномерность старения отдельных систем — капитальные явления позднего онтогенеза человека, имеющие не меньшее значение для онтогенеза, чем гетерохронность созревания»[20].

Анализ сензитивных и критических периодов возрастной чувствительности, гетерохронности развития индивида как предпосылок формирования психологического возраста личности и построения периодизации ее жизненного пути предполагает выделение тех закономерностей развития биологического возраста, которые раскрыты в возрастной физиологии, геронтологии и демографии (*И.А. Аршавский, В.В. Фролькис, Б.Ц. Урланис, В.П. Войтенко*). Системный анализ феноменов возрастного развития человека дан в исследованиях Т.В. Карсаевской и И.С. Кона.

При характеристике *биологического возраста* индивида отмечается, что одинаковые по календарному возрасту люди могут существенно различаться по выраженности признаков созревания и старения.

Помимо различных антропометрических, физиологических и биохимических тестов *специалисты по биологическому возрасту ищут косвенные критерии жизнеспособности организма, под которой понимается диапазон адаптивных возможностей индивида, его «жизненные ресурсы» для выполнения широкого круга реальных жизненных задач* (*В.П. Войтенко*). При этом идут поиски не только морфологических структурных, но и функциональных критериев биологического возраста, например мышечной работоспособности. По этим функциональным критериям биологического возраста, а также по ряду других параметров (оценка обмена веществ) развития индивида предложена возрастная периодизация постнатального развития человека, в которой выделены *прогрессивный рост индивида, стабильный рост и регрессивный рост.*

[20] *Ананьев Б.Г.* Онтогенез и жизненный путь человека // Избранные психологические труды. М., 1980. С. 66.

По функциональным и другим показателям биологического возраста эта периодизация разработана на материале изучения биологического возраста мужчины. Особые трудности возникают при разработке возрастной периодизации второй половины жизни индивида. В биологии старения и возрастной психологии относительно вычленения разных возрастных этапов второй половины жизни существует немало разногласий. В качестве эталона возрастной периодизации жизни индивида остается периодизация, которая была принята решением симпозиума по возрастной физиологии (1965; см. табл. 2, 3).

Данные о биологическом возрасте, приведенные в помещенных ниже таблицах, должны учитываться при анализе роли сензитивных и критических периодов возрастного развития, гетерохронности онтогенетической эволюции. Однако периодизацию биологического возраста, возрастную *периодизацию индивида в онтопсихологии ни в коем случае не следует смешивать с периодизацией развития личности в социальных группах, а также с периодизацией жизненного пути развития личности.*

Вопрос о взаимоотношении этих строящихся в разных системах отсчета периодизаций возникает как специальная проблема в связи с тем, что жизнь человека протекает одновременно и в мире биосферы, и в социальном мире, и в его собственном жизненном пространстве и везде приобретает различные системные качества, выявление взаимосвязей между которыми нередко служит предпосылкой конфликтов и драм в индивидуальном жизненном пути личности. *Соотношение периодизации развития индивида и периодизации развития личности является одной из задач, определяющих будущие направления исследований психологии личности.* Помимо этого, необходимо выяснить, как соотносятся закономерности непосредственно-эмоционального общения, определяющего развитие ребенка на первом году жизни (*М.И. Лисина*), с сензитивными периодами в созревании таких психодинамических особенностей темперамента, как эмоциональность и общая активность (*В.Д. Небылицын*).

Таблица 2

Периодизация постнатального развития человека (мужчин)

(по *Махинько, Никитину*, 1975)

Периоды	Возраст
Прогрессивный рост	
Беспомощности	1—3 мес.
Младенческий (первый), первое удвоение массы тела	4—6 мес.
Младенческий (второй)	7—9 мес.
Младенческий (третий)	10—12 мес.
Первое детство (начальный)	1—3 года
Второе удвоение массы тела	4—7 лет
Второе детство (начальный), третье удвоение массы тела	8—9 лет
Конечный	10—12 лет
Подростковый, четвертое удвоение массы тела	13—17 лет
Юношеский	18—19 лет
Взрослый (первый, начальный)	20—27 лет
Стабильный рост	
Взрослый (первый, окончание)	24—28 лет
Взрослый (второй)	29—35 лет
Зрелый (первый)	36—45 лет
Зрелый (второй)	46—53 года
Регрессивный рост	
Предстарческий (первый)	54—63 года
Предстарческий (второй)	64—70 лет
Старческий (первый)	71—77 лет
Старческий (второй)	78—83 года
Позднестарческий	Старше 84 лет

Анализ динамики биологического возраста в геронтологии важен для психологии личности, но обнаруженные закономерности развития биологического возраста также не должны восприниматься как аксиома, не требующая доказательств. В биологии старения не в достаточной степени учитываются те преобразования онтогенетической эволюции индивида, которые она претерпевает в контексте социально-исторического образа жизни. В частности, в исследованиях, посвященных анализу долголетия, приводятся

Таблица 3

Возрастная периодизация жизни человека
(Симпозиум по возрастной физиологии, 1965)

Новорожденный	1—10 дней
Грудной возраст	10 дней — 1 год
Раннее детство	1—3 года
Первое детство	4—7 лет
Второе детство	8—12 лет (мальчики) 8—11 лет (девочки)
Подростковый возраст	13—16 лет (мальчики) 12—15 лет (девушки)
Юношеский возраст	17—21 год (юноши) 16—20 лет (девушки)
Зрелый возраст (первый период)	22—35 лет (мужчины) 21—35 лет (женщины)
Зрелый возраст (второй период)	36—60 лет (мужчины) 36—55 лет (женщины)
Пожилой возраст	61—74 года (мужчины) 56—74 года (женщины)
Старческий возраст	75—90 лет (мужчины и женщины)
Долгожители	90 лет и старше

Таблица 4

Изменение средней длительности жизни за 15 000 лет

Период	Средняя длительность жизни в годах	Период	Средняя длительность жизни в годах
Каменный век	19,0	1801—1880	35,58
Бронзовый век	21,5	1891—1900	40,56
Европейская Античность	20—30	1901—1910	44,82
XVI столетие	27,5	1924—1926	55,97
XVII столетие	29,0	1932—1936	59,85
XVIII столетие	28,5	1946—1947	57,72

следующие данные, отражающие динамику средней длительности жизни за 15 000 лет (*В.Н. Никитин*).

Из приведенной таблицы (табл. 4) видно, что *средняя длительность жизни в условиях различного социально-исторического образа жизни возрастает. Эти данные свидетельствуют о косвенном влиянии социально-исторического образа жизни на биологический возраст.* При этом, тем не менее, возникает сомнение, так ли линейно шло развитие историко-эволюционного процесса человеческого общества. Даже в ранней возрастной периодизации Пифагора, с каким бы скепсисом к ней ни относились, «зимой» человеческой жизни называется период от 60 до 80 лет. Неслучайно эта периодизация создана в эпоху расцвета античной цивилизации. Поэтому линейная ось увеличения возраста от каменного века до двадцатого столетия нашей эры должна восприниматься с известной долей осторожности.

Выдвигаются и оригинальные гипотезы о роли социально-исторического образа жизни в феномене долгожительства (*Г.В. Старовойтова*).

Не столько благоприятная экологическая ниша, например жизнь в высокогорных условиях, сколько ценностный статус старости в культуре как источник развития личности имеет теснейшую связь с феноменом долгожительства. Известный психолог В. Франкл писал, что в одних культурах во взаимоотношениях между людьми доминируют отношения полезности, а в других — отношения достоинства. Специального анализа требует вопрос, не встречается ли чаще феномен долгожительства в культурах, где доминируют отношения достоинства, где старость не воспринимается как балласт на пути историко-эволюционного прогресса.

Биологический возраст жизни человека выступает как предпосылка разработки возрастных периодизаций личности. Однако тот же биологический возраст в определенном диапазоне оказывается результатом жизненного пути личности в условиях конкретного социально-исторического образа жизни общества.

Психология половых различий

В психологии личности острые подводные камни встречаются чаще всего там, где речь заходит о самых очевидных и естественных вопросах. К одному из таких вопросов относится фундаментальная характеристика филогенетического, социогенетического и онтогенетического развития — *половой диморфизм*, разделение женского и мужского полов, благодаря которому происходит процесс естественного воспроизводства человеческого вида. Проблеме изучения роли половых различий в социогенезе и онтогенезе посвящены многочисленные исследования, анализирующие проявления половых различий в поведении людей, темпераменте, выборе профессии, развитии культуры, дифференциации социальных ролей, формировании самосознания личности и т.д.

В адрес отечественной психологии личности высказывался упрек, что она является «бесполой психологией». Долгий период молчания в области исследований психологии половых различий обусловлен целым рядом исторических обстоятельств. Одно из них заключается в неправомерном отождествлении психоаналитических построений о сексуальности с самой сексуальностью как объектом психологического исследования. В результате со времени появления очерка П.П. Блонского «Очерк детской сексуальности» (1935) исследования неосознаваемых мотивов поведения личности и роли сексуальности в онтогенезе вплоть до 1970-х гг. были прекращены. К тому же в психологии недостаточно четко разграничивались две различные области исследований — *психология половых различий и психология сексуальности*. Изучение полового диморфизма и его проявления в различных сферах поведения личности представляют основной интерес для психологии половых различий, которая пересекается с психологией сексуальности, но не совпадает с ней.

В психологии половых различий сложилось несколько ориентаций. *Первая* из них, тесно смыкающаяся с биологией развития, медициной и сексологией, связана с изучением роли такого *индивидного первичного свойства, как*

пол, в онтогенезе человека. Представители этой *биогенетической ориентации анализируют закономерности развертывания генетической программы в онтогенезе индивида под влиянием социальных факторов* (*Д. Мани, Дж. Хатчинсон*).

Вторую ориентацию изучения психологии половых различий выражает социогенетическое направление, раскрывающее роль культуры в процессе социальной дифференциации, связанной с половым диморфизмом. Одним из первых исследований в этой направлении является монография такой известной представительницы культурантропологии, как М. Мид «Пол и темперамент в разных обществах» (1935). После появления этой монографии открылся поток исследований по половой социализации, механизмам усвоения в соответствии с принятыми в культуре стереотипами поведения разных обусловленных половым диморфизмом половых социальных ролей (*У. Мишель* и др.).

Третья ориентация в исследовании психологии половых различий — *персоногенетическая*, в русле которой анализируются вопросы онтогенеза половой идентичности, «Я-образа», познавательного развития детей, индивидуального стиля, связанные с половым диморфизмом. В этих работах преобладают исследования, которые опираются либо на психоаналитические концепции, либо на когнитивно-генетические концепции развития личности (*Р. Сирс, Л. Колберг*). В западной психологии анализ этих ориентаций обстоятельно представлен в монографии Е. Маккоби и К. Джеклин «Психология половых различий» (1975).

Иная логика анализа психологии половых различий намечается в исследованиях социологов, психологов, этнографов, сексологов, медиков и биологов, для работ которых характерно внимание к изучению в историко-эволюционном процессе. *В контексте этой логики поднимаются следующие проблемы: 1) социальная дифференциация ролей, связанных с эволюцией общества, прежде всего с социокультурной эволюцией института семьи; 2) влияние совместной деятельности и образа жизни на генезис половых различий в развитии личности ребенка, формирование его психологического пола и выработка стратегий воспита-*

ния с учетом психологии половых различий[21]*; 3) изучение причин возникновения полового диморфизма и его адаптивной функции в историко-эволюционном процессе; 4) историко-эволюционный подход к анализу нарушений формирования психологического пола личности и разработка методов активной социально-психологической реабилитации отклонений поведения личности, связанных с половым диморфизмом. Об этих подходах в психологии половых различий можно говорить только как о тенденциях, а не как о жестко выделившихся направлениях исследования. Интеграция различных тенденций изучения психологии половых различий осуществляется в первую очередь в междисциплинарных исследованиях*[22].

Пол индивида — предпосылка развития психологического пола личности. При игнорировании анализа развития такого первичного свойства индивида, как пол, возникает представление, будто «мужская психология» и «женская психология» даны индивиду от природы. В результате исследователи оказываются стоящими на позиции, давно выраженной в «Домострое». И.С. Кон напоминает, в чем заключалась подобная позиция: «Природу обоих полов с самого рождения бог приспособил: природу женщин для домашних трудов и забот, а природу мужчины — для внешних. Тело и душу мужчины он устроил так, чтоб он более способен был переносить холод и жар, путешествия и военные походы, поэтому он назначил ему труды вне дома. А тело женщины бог создал менее способным к этому и поэтому... назначил ей домашние заботы... Женщине приличней сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине

[21] См.: *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1988.

[22] См.: *Голод С.И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984; *Коломинский Я.Л., Мелтасс М.Х.* Полоролевое развитие ребенка в дошкольном возрасте // Генетические проблемы социальной психологии / Под ред. Я.Л. Коломинского, М.И. Лисиной. Минск, 1985; Социальная психология / Под ред. А.В. Петровского. М., 1987. С. 91—108, 114—131, 160—166; *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988; *Массе П., Конджер Дж., Каган Дж., Хьюстон А.* Развитие личности ребенка. М., 1987. С. 168—176.

более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах»[23].

Эта житейская типология исходит из того, что индивидные свойства однозначно детерминируют формирование психологического пола личности.

В действительности же половой диморфизм не только не определяет однозначно формирование психологического пола личности, но и не является с самого начала возникшим универсальным свойством любого биологического вида. *Половой диморфизм имеет свою филогенетическую историю и свой эволюционный смысл.* Представление об эволюционном смысле полового диморфизма может пролить свет на некоторые проблемы психологии половых различий.

Гипотеза об эволюционном смысле полового диморфизма. В контексте синтетической теории эволюции И.И. Шмальгаузена В.А. Геодакяном разрабатывается гипотеза о том, что в любой эволюционирующей системе сосуществуют оперативная и консервативная подсистемы, обеспечивающие устойчивость и эволюцию любых развивающихся систем. Оперативная подсистема обеспечивает изменчивость системы в ее взаимоотношениях со средой. Она более гибко приспосабливается к переменам, но и более ломкая, более подвержена разрушению. Консервативная подсистема призвана сохранить и передать потомству родительские признаки неизменными. Она более устойчива и лучше пригнана к решению типовых задач. *Женские особи в системе разных биологических видов обеспечивают в ходе отбора неизменность, устойчивость «инерционного» генетического ядра популяции; мужские особи, являясь «оперативной подсистемой», воплощают тенденцию к изменчивости.* На мужских особях опробуются разные варианты развития. Если эти варианты оказываются удачными, то они закрепляются в процессе отбора вначале мужскими особями, а затем передаются женским особям, как бы попадают в долговременную «генетическую память» вида. Представ-

[23] Цит. по: *Кон И.С.* Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975. С. 763—764.

ления В.А. Геодакяна объясняют, например, факты повышенной смертности мужских особей в процессе эволюции по сравнению с женскими особями и т.п. Эти идеи прежде всего важны тем, что в них ставится вопрос о том, *для чего* в процессе эволюции возникает половой диморфизм, и указывается на филогенетическое происхождение полового диморфизма.

Психосексуальная дифференциация и социальное поведение. В онтогенезе пол как индивидное свойство дан человеку. Индивид родится с определенным хромосомным полом (XX-хромосома — женский пол; XY-хромосома — мужской пол). На основе хромосомного пола развивается гонадный пол. Функционирование гормонального пола приводит к созреванию внешнего и внутреннего морфологического пола. В подростковом возрасте гормональный пол приводит к появлению вторичных женских и мужских половых признаков. Однако ни генетический, ни гормональный, ни внутренний и внешний морфологический пол не предопределяют однозначно психологический пол личности. То, *каким будет психологический пол личности, зависит и от социальной половой роли — набора предписаний и ожиданий, которые предъявляет данное общество индивиду, оценивая его половую принадлежность, например от манер общения, эталонов «женственности» и «мужественности» и т.п.; от отношения самой личности как к своим индивидным свойствам, связанным с полом, так и к социальным половым ролям.* В свою очередь то, какой в совместной деятельности приобретут личностный смысл индивидно-половые особенности личности и социальные стереотипы, предписываемые в культуре, во многом определяет *формирование психологического пола и половой идентичности — осознания и принятия личностью своей половой принадлежности.*

Именно *психологический* пол проявляется в разных особенностях социального поведения, связанных с половым диморфизмом. Сложный комплекс биологических и психосоциальных детерминант, участвующих в процессе психосексуальной дифференциации, представлен в схеме пси-

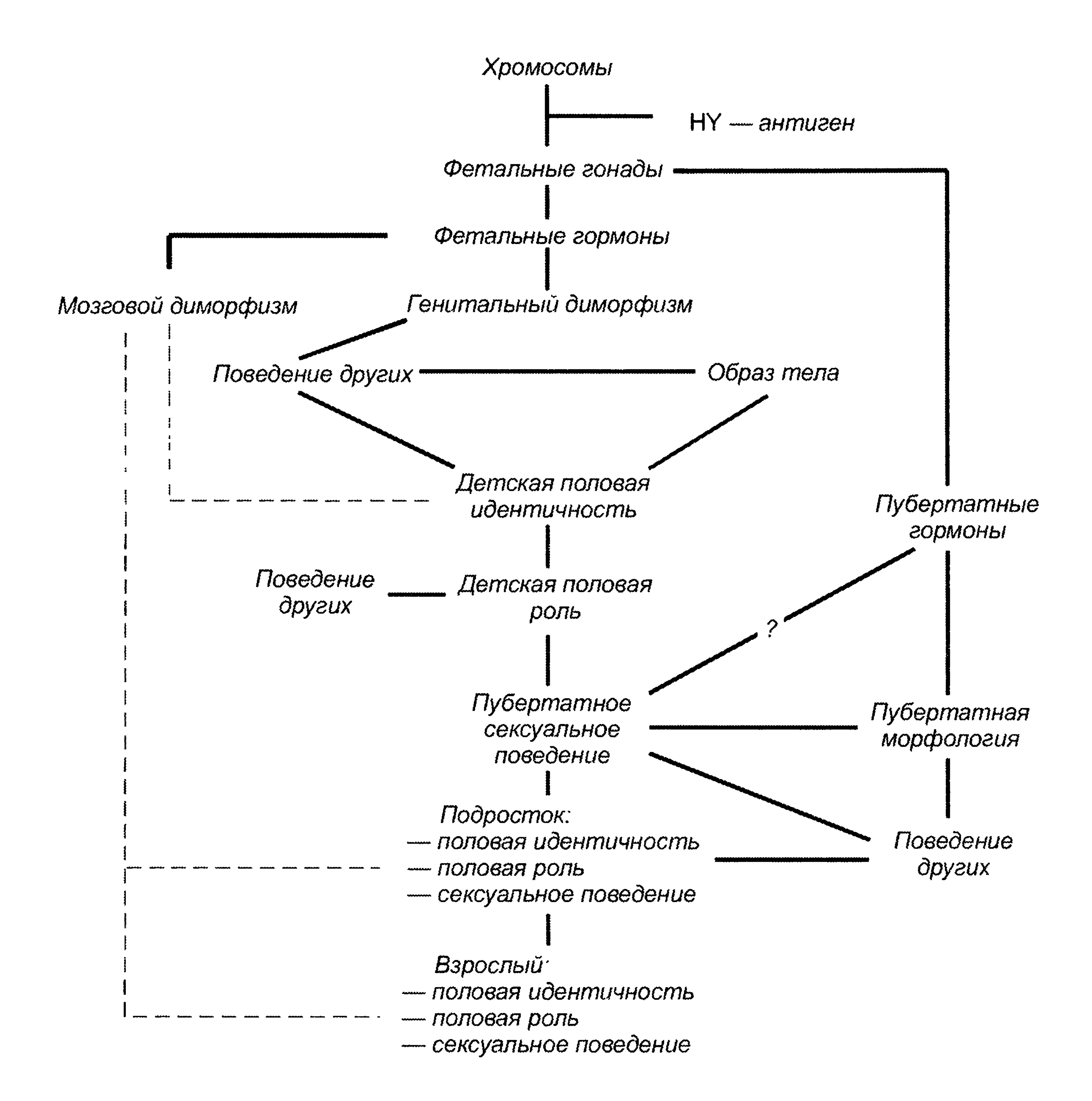

Рис. 7. Схема психосексуальной дифференциации (по *Дж. Мани и А. Эрхардту*, 1972)

хосексуальной дифференциации А. Эрхардта и Дж. Мани[24] (рис. 7). В этой схеме наглядно выступает такой ключевой опосредствующий момент процесса психосексуальной дифференциации, как *поведение других людей.* Различия, обусловленные психологическим полом, порой смешивают с социальными нормами и поведенческими стереотипами,

[24] Цит. по: *Исаев Д.Н., Каган В.Е.* Психогигиена пола у детей. М., 1986. С. 27.

предписываемыми мальчикам и девочкам. У них по разным показателям ищут разную агрессивность, различия в интеллектуальных способностях, темпераменте и находят то, что хотят найти, ориентируясь на нормы и эталоны данной культуры. Мальчики оказываются более агрессивными, самостоятельными. Даже новорожденные мальчики более поленезависимы, чем девочки, которые больше ориентируются на взрослого, на мать. Однако, по данным М. Мид и многих других исследователей, эти показатели существенно варьируют в разных культурах. Большинство исследований психологии половых различий выполнены под влиянием антропоцентрической логики, которая либо в индивиде, либо в обществе ищет причины этих различий. Вопросы о половой дифференциации вряд ли будут разрешены до тех пор, пока не создана концепция развития личности, раскрывающая природу процессов взаимопереходов между биогенетической программой индивида, социогенетической программой личности и программой развития самосознания в персоногенезе.

Периодизация психосексуального развития в психоанализе. Первая попытка разработки периодизации психосексуального развития индивида была осуществлена З. Фрейдом.

Стадии психосексуального развития индивида. В русле психоанализа устойчиво сохраняется идея о том, что основные особенности личности закладываются в первые 5—7 лет жизни ребенка. При этом в ходе онтогенеза выделяются различные фазы психосексуального развития ребенка.

Первая фаза — *оральная фаза* развития. Основной источник удовольствия для младенца на этой фазе — его рот (сосание, кусание и т.п.).

Вторая фаза развития ребенка (от 1 года до 3 лет) — *анальная фаза.* Эта фаза характеризуется повышенным интересом ребенка к актам дефекации. Через контроль этого процесса у ребенка впервые появляется самоконтроль, саморегуляция.

Третья фаза (от 3 до 5 лет) — *фаллическая фаза* развития ребенка. Главная психологическая задача этого воз-

раста — это адекватная половая идентификация. Мальчик в этом возрасте должен преодолеть свое бессознательное влечение к матери («эдипов комплекс»), а девочка — к отцу («комплекс Электры»). То есть главное, что должен сделать мальчик, — это идентифицироваться с отцом, а девочка — с матерью.

Четвертая фаза — *латентная фаза*. Эта фаза продолжается вплоть до начала полового созревания. Она характеризуется снижением сексуальных реакций. По мнению З. Фрейда, на этой фазе сексуальность как бы дремлет, уступая время формированию сознательного «Я» и предметных интересов ребенка.

Последняя, пятая фаза, которая связана с половым созреванием, — это *генитальная фаза* развития, на которой *либидо* начинает искать себе удовлетворение адекватным способом.

В качестве *критерия для выделения этих фаз развития ребенка берутся перемещения либидозной энергии и различные локусы индивида, его тела*. Выделенные З. Фрейдом стадии психосексуального развития неоднократно подвергались критическому анализу как в самом психоанализе, так и в других направлениях психологии.

Фазы психосексуального развития не следует смешивать с этапами осознания ребенком половой идентичности, то есть осознанием своей половой принадлежности. Выделяются несколько этапов формирования у ребенка половой идентичности.

Первый этап — знание «первичной половой идентичности» — формируется у ребенка к 1,5 годам в ходе общения со взрослыми. Это знание формируется прежде всего на двух основаниях: 1) соматические признаки ребенка. У каждого ребенка начинает формироваться образ тела; 2) поведенческие и характерологические нормы поведения — типичные стереотипы мужественности или женственности в поведении ребенка. Например, 2-летний ребенок уже отчетливо знает свой пол. Он не будет путаться в отличие от ребенка 1,5 лет, но отнесение к полу он обосновать сам не может.

Второй этап — 3—4 года. Дети начинают ясно различать пол окружающих их людей. Наконец, *третий этап*, который практически является *завершением в формировании половой идентичности, — 6—7 лет.* На этом этапе происходит дифференциация половых ролей, выбираются определенные формы игр, определенные формы компаний. Именно в возрасте 5—7 лет появляются однополовые компании сверстников.

Так в норме скрыто идет процесс половой идентификации. Возникают вопросы: что стоит за этим процессом, как пол определяет развитие личности? *Существуют драматические ситуации, когда пол индивида и психологический пол вступают в конфликт друг с другом.* Подобные факты, во-первых, свидетельствуют о том, что пол индивида является лишь предпосылкой формирования половой идентичности. Во-вторых, при анализе этих драматических случаев приоткрываются реальные механизмы формирования психологического пола личности.

От биологического пола — к психологическому полу личности. Процесс формирования психологического пола личности, его механизмы удается увидеть на материале ряда клинических случаев, в частности такого заболевания, как *транссексуализм. Транссексуализм можно определить как нарушение половой самоидентификации личности, проявляющееся в инверсии полового самосознания: стойком осознании своей принадлежности к противоположному полу, несмотря на правильное развитие первичных и вторичных половых признаков, и выраженное желание изменить свой анатомический пол в целях закрепления противоположной половой роли.*

На основании осуществленного А.И. Белкиным наблюдения за формированием полового самосознания у лиц, перенесших психологическую смену пола, могут быть выделены механизмы формирования психологического пола: а) *идентификация* (подстановка себя на место другого, уподобление своего «Я» другому); б) *эмпатия* (эмоциональное сопереживание с лицами того или иного пола);

в) *рефлексия* (осознание субъектом того, как он воспринимается окружающими) и г) *сигнификация* — знаковое опосредствование совместной деятельности.

В подростковом возрасте у транссексуалов особенно резко выражаются конфликты, вызванные инверсией самосознания. Встает с особой остротой проблема личностного выбора между «женской» или «мужской» социальной половой ролью.

Поиски выхода из конфликта между социальными ожиданиями разных групп (родители, компании сверстников) и поведением, отвечающим определенной роли, приводят к попыткам с помощью врача сменить свою социальную роль. Этот выход чрезвычайно тяжел для личности, и порой следствием конфликта оказывается потеря «Я», деперсонализация. Человек не может адекватно отнести себя к тому или иному полу. В цикле клинических исследований А.И. Белкина выделены три этапа формирования половой идентичности у лиц, перенесших операцию смены пола.

1. *Выбор идеальной модели «мужественности» или «женственности», отвечающей представлениям личности о желаемых стереотипах избираемого пола.*

Личность находит для себя эталон среди лиц другого пола, с которыми она хочет идентифицироваться. При этом встает сложная личностная проблема — всю предшествующую жизнь человек провел в другой социальной роли. У него сложилась определенная система отношений, привязанностей, стремлений. Вследствие операции он оказывается как бы вырванным из этой системы отношений и должен начать свою жизнь в новой социальной позиции.

2. *Имитация.* Человек, пытаясь усвоить новую роль, имитирует те или иные формы поведения «образца». Оказалось, что *смена одежды выступает в качестве эффективного «знака», с помощью которого удается овладеть после операции новой социальной ролью.* Вторым «средством» было уничтожение всех вещей, особенно фотографий, напоминающих о прежней жизни. Эти действия помогали лю-

дям буквально «ожить» в новом психологическом поле и сбросить груз своей биографии, активно избавиться от своего прошлого опыта. Третий важный момент в процессе овладения психологическим полом — *включение перенесших операцию лиц в значимую деятельность*. Там, где бесконечные потоки слов были бессильны, включение в значимую деятельность выступило как эффективное средство освоения новой роли.

3. *Присвоение новой роли и формирование психологического пола личности*. Образ социальных моделей «мужского» или «женского» поведения, который раньше был абстрактным, стереотипным, преобразуется в системное качество индивидуальности личности, становится неотъемлемым компонентом Я-образа.

В процессе перестройки и формирования психологического пола в онтогенезе проступают две общие тенденции историко-эволюционного процесса — тенденция к сохранению и тенденция к изменению развивающейся личности. А.И. Белкин в связи с этим пишет: «Сталкиваясь с индивидами, выросшими в иных условиях, с иными шаблонами и стереотипами полового поведения, с иным самосознанием, субъект легко впадает в ошибку, ибо строит предположения о других людях, действиях, половой культуре, опираясь на свои стандарты и стереотипы. Но вряд ли был бы возможен какой-либо исторический прогресс, если бы поведение человека (в том числе и половое поведение) носило исключительно рутинный характер и представляло бы собой стереотипное подчинение одним и тем же канонам В человеке заключена еще одна потребность — стремление утвердить однократность и неповторимость своего “Я”»[24].

Из описанных исследований вытекает, что *биологический пол выступает как «безличная» предпосылка формиро-*

---

[24] *Белкин А.И.* Индивидуальность и социализация (по данным изучения лиц, сменивших пол) // Гормоны и мозг. М., 1979. С. 23—24.

вания психологического пола личности. Индивид рождается с определенным биологическим полом. Однако это индивидное свойство человека в контексте определенного образа жизни, как и любое другое индивидное свойство, не только является предпосылкой становления личности, но и, преобразовавшись в ходе жизненного пути, приводит к формированию психологического пола индивидуальности. Таким образом, различные качества личности, изучаемые в психологии половых различий, непосредственно не даны от природы, а представляют собой проявления индивидуальности, присваиваемые в ходе совместной деятельности людей в условиях конкретной исторической эпохи.

* * *

Общие особенности преобразования индивидных свойств человека в социогенезе и персоногенезе человека свидетельствуют об ограниченности биогенетической ориентации, сводящей процесс развития индивида к реализации биологически заданной программы.

В условиях социально-исторического образа жизни индивидные свойства как функциональные органы человека выступают не только как «безличные» предпосылки, определяющие формально-динамические особенности протекания поведения и диапазон возможностей выбора той или иной деятельности в границах, не выходящих за пределы социального существенного приспособительного значения. Они трансформируются в ходе жизненного пути личности через означения, в том числе через «символизацию», и, становясь «знаками», могут быть использованы в качестве «средств» овладения поведением личности, прибегая к которым личность получает возможность компенсации тех или иных природных ограничений и вырабатывает индивидуальные стили деятельности.

Вклад индивидных свойств в обеспечение регуляции поведения личности зависит от того, какому типу управления — централизованному или децентрализованному —

подчиняются индивидные подсистемы, реализующие различные способы деятельности человека.

Вместе с тем *индивидные свойства в любом случае не сами по себе оказывают влияние на развитие личности, а опосредствуются через способы осуществления действий человека, то есть через операциональный состав его деятельности.*

Анализ биогенетической историко-эволюционной ориентации в психологии личности позволяет раскрыть сложные и порой драматические преобразования индивидных свойств человека в процессах социализации личности в установки личности и тем самым преодолеть пропасть между психофизиологией индивидуальных различий и психологией личности.

Раздел III

ЧЕЛОВЕК КАК ЛИЧНОСТЬ: СОЦИОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Человек ходил на четырех,
Но его понятливые внуки
Отказались от передних ног,
Постепенно превратив их в руки.

Ни один из нас бы не взлетел,
Покидая землю, в поднебесье,
Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья.

С. Маршак

Глава 10
Социально-исторический образ жизни — источник развития личности

В психологии личности давно утвердилась мысль о том, что развитие личности идет от социального мира общества к индивидуальному миру личности. Эта мысль столь органично вписывается в современную психологию, что она начинает восприниматься как постулат, не требующий доказательств. Между тем без детального анализа закономерностей развития личности в различные исторические эпохи и в различных культурах данной эпохи само представление о социальном мире как бы застывает, превращается в нечто вечное, неизменное и абстрактное. Ключом к пониманию развития личности в социогенезе является категория «социально-исторический образ жизни». Категория «социально-исторический образ жизни», как и связанные с этой категорией представления о «социальной ситуации развития», дает возможность во-первых, снять оппозицию «личность—общество» и рассмотреть закономерности развития личности в социогенезе; во-вторых, провести анализ развития личности как бы на пересечении трех координат — координат *исторического времени, социального пространства и индивидуального жизненного пути личности.*

При характеристике социально-исторического образа жизни как типичного вида жизнедеятельности социальной группы и общества на определенном этапе их развития выделяются характерные черты категории «образ жизни», а также спектр проблем изучения личности в социогенезе.

1. *Категория «социально-исторический образ жизни» отражает конкретно-исторический характер детерминации развития личности, неотъемлемость развития личности от эволюционирующей системы общества.*

2. Социально-исторический образ жизни представляет собой пространство выбора, объективно заданное появив-

шемуся на свет в том или ином обществе индивиду. Именно в этом смысле уже при появлении индивида в мире человека он становится членом общества, членом конкретной социальной группы в данном обществе, в котором ему «заданы» и принадлежность к данной группе, и экономические условия. *Все эти социально-предметные особенности образа жизни выступают как источник развития личности, потенциальные возможности развития личности по тому или иному жизненному пути, выбора ею различных видов деятельности.*

Пространство выбора в социально-историческом образе жизни регламентируется прежде всего через возможность выбора той или иной деятельности.

Представления о зависимости пространства выбора в социально-историческом образе жизни от свободы выбора вида деятельности продуктивно разрабатываются в исследованиях эстонского социолога Ю. Круусвалла. Он на примере анализа различных памятников культуры показывает, как в разных государствах через обеспечение *занятости* в ряде случаев искусственно ограничивалась свобода выбора деятельности и тем самым тоталитарным централизованным государством обеспечивалась социальная организация деятельности больших социальных групп людей.

Гигантские пирамиды в Древнем Египте, вовсе не необходимые для строящих их голыми руками сотен тысяч людей; странным образом периодически бросаемые вскоре после завершения строительства крупных пирамид и храмов города́ древнеамериканских индейцев майя; Великая Китайская стена общей длиной 4800 км — *Все это используемые тоталитарными государствами приемы и средства обеспечения управляемого поведения людей, орудия деиндивидуализации личности за счет ограничения свободы выбора деятельности через занятость.* «Хотя пирамиды и были созданы руками народных масс, невозможно считать этих людей истинными творцами “памятников культуры”, субъектами деятельности. Это были сооружения не личностной, а “социальной культуры”. Проявление некоторых видов *занятости* людей характеризуется в “социокультурном пространстве” как общепризнанная (через социальный контроль), стандартная (неуникальная) и

нечеловечная (человек выступает не как субъект, а, скорее, как объект управления) деятельность»[1].

Вместе с тем, как бы жестоко ни регламентировалась государством свобода выбора вида деятельности, особенности *социально-исторического образа жизни не автоматически, сами по себе определяют развитие личности, а опосредствуются следующими моментами*:

а) отношением к типам жизнедеятельности, социальным ценностям, нормам участников совместной деятельности;

б) оценкой как участниками совместной деятельности, так и самой личностью ее индивидных свойств (задатков, темперамента и т.п.);

в) мотивами и целями, ради которых живет данный конкретный человек.

3. *Социально-исторической образ жизни имеет ценностный мотивообразующий характер, выраженный в социальной программе развития общества.*

Если бы не было опасности удвоения терминов, то можно было бы сказать, что каждый социально-исторический образ жизни имеет свой «образ ценностного будущего». Французские писатели Веркор и Коронель в своей сатирической повести психологически точно передают представление об образе жизни как мотивообразующем условии развития мотивации индивидуальности: «Наши аппетиты, как и наши насущные потребности, ограничены. Но в отношении чего? Только в отношении к тем предметам, которые существуют. Ведь не могут же люди пресытиться чем-то заранее. Значит, *мы будем изобретать потребности*, вот и все! Разве наши предки в прошлые века могли испытать потребность в телевизоре или телефоне? Они великолепно обходились без них. *Но стоило их изобрести, и мы оказались в их власти*»[2] (курсив наш. — *А.А.*).

Идея о мотивообразующей функции социально-исторического образа жизни, будь то образ жизни всего обще-

---

[1] *Круусвалл Ю.* Занятость и организация // Человек в социальной и физической среде. Таллинн, 1983. С. 75.

[2] *Веркор, Коронель.* Квота, или Сторонники изобилия // Французские повести. М., 1984. С. 166.

ства или малой социальной группы, позволяет наметить путь к решению проблемы мотивации развития личности.

Введение категории «социально-исторический образ жизни» приводит к постановке ряда проблем, разработка которых позволяет объемно увидеть закономерности развития личности в социогенезе.

Первая из этих проблем касается изучения *социогенетических предпосылок возникновения и развития личности в истории общества, на оси «исторического времени»*. Уже сама постановка этой проблемы приводит исследователей к изучению возникновения феномена личности и его значения в истории развития общества; разработке представлений об историческом характере кажущихся порой вечными возрастных периодизаций — детства, юности и т.п.; исторической обусловленности ритма смены разных сфер жизнедеятельности (игры, труда, досуга) и т.п.

Вторая проблема связана с изучением *развития личности в разных культурах «социального пространства» данной эпохи, а также в разных больших и малых социальных группах данной культуры*. Анализ этой проблемы дает возможность выявить конкретное содержание функционально-ролевых качеств личности, избежать смешения стереотипов культуры со свойствами индивидуальности и, главное, обнаружить закономерности развития личности в процессе развития тех или иных социальных групп. В решение этой проблемы наибольший вклад вносит социальная психология. Новые ракурсы видения проявлений жизни личности в разных культурах открываются в *исследованиях по этнопсихологии и культурной антропологии*.

Третья проблема связана с *построением периодизации развития личности в социальных группах*. В ходе этого направления исследований личности наибольшее внимание привлекают проблемы *перехода от содействия в онтогенезе к самоконтролю поведения личности, о превращении «только знаемых» идеалов и ценностей образа жизни в смыслообразующие мотивы поведения личности*. Эти вопросы удается решить на основе исследований механизмов *социализации как интериоризации социальных норм в процессе совместной деятельности* ребенка и со взрослыми, и со сверстниками.

При исследовании личности как «элемента» развития социальной системы она получает свою содержательную характеристику через «*общественные функции — роли*», которые усваиваются ею в процессе *социализации. Описывая ролевое стереотипическое поведение личности, социологи и социальные психологи характеризуют личность именно как представителя той или иной группы, профессии, нации, класса, того или иного социального целого.* В зависимости от того, как выступает для личности группа, насколько личность вовлечена в те или иные отношения с группой, что значат для нее цели и задачи совместной деятельности группы, проявляются различные качества личности. В связи с этим, для того чтобы выявить специфику проявлений личности в группе, ее вкладов в жизнь группы, необходимо раскрыть природу того пласта и взаимоотношений личности и группы, найти те системные основания, которые определяют динамику и содержание поведения личности.

Вторгаясь в эту область исследований, психологи сталкиваются с вопросами *о соотношении социальных и межличностных отношений, о механизмах усвоения личностью общественно-исторического опыта.* Адекватная постановка первого из этих вопросов предполагает отказ от навеянного двухфакторными теориями механистического рассмотрения межличностных отношений как расположенных «над», «под» или где-то «вне» общественных отношений (*Г.М. Андреева*).

В этих концепциях человек, как правило, занимает положение центра мира, вокруг которого на разных орбитах располагаются различные пласты культуры и общества (см. рис. 8).

Для того чтобы проанализировать, как индивид вовлекается в социальные отношения, необходимо четко выделить различные планы исследования системных качеств личности. *Так, например, исследование существующих у определенной социальной группы представлений о взаимоотношениях между «руководителями вообще» и «подчиненными вообще» — это одна плоскость изучения личности; исследование «нормативно-ролевых» отношений между участ-*

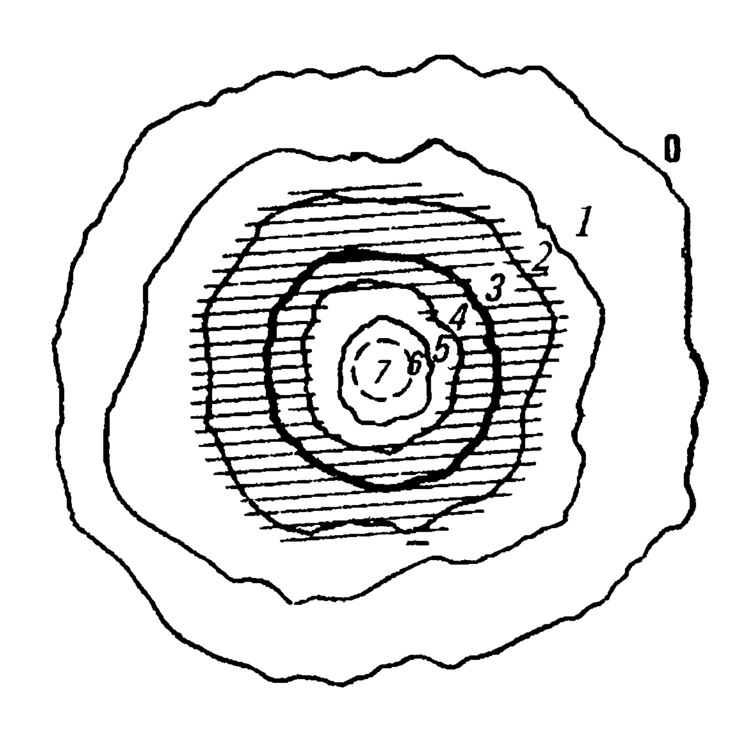

Рис. 8. Пример используемой в кросскультурных исследованиях дуалистической схемы взаимодействия между человеком, культурой и обществом. Слой *0* — внешний мир; слой *1* — расширенное общество и культура; слой *2* — непосредственно воздействующее общество и культура; слой *3* — интимное общество и культура; слой *4* — экспрессивные состояния сознания человека; слой *5* — неэкспрессивные состояния сознания человека; слой *6* — предсознательное; слой 7 — бессознательное

никами совместной деятельности — вторая плоскость; изучение отношений между людьми, при которых мотивы одного человека приобретают субъективную ценность, личностный смысл для другого человека, — еще одна плоскость анализа системных качеств личности в развитии общества. Для решения вопроса о соотношении общественных и межличностных отношений представляется целесообразным выделить *три уровня анализа системных качеств личности в общественных отношениях, условно обозначаемые как уровни анализа личности в системах «роль-для-всех» («квазипсихологический» уровень анализа), «роль-для-группы» («интерпсихологический» уровень анализа), «роль-для-себя» («интрапсихологический» уровень анализа).*

Глава 11
Социотипическое поведение личности в истории культуры

При анализе социотипического поведения личности в системе «роль-для-всех» выделяются следующие направления исследований: а) *разработка представлений о социогенетических истоках возникновения личности и социогенезе личности в истории развития общества*; б) *изучение социотипических проявлений в развитии и функционировании личности в разных этических общностях (национальный характер, национальное самосознание, природа и функции этнических стереотипов)*; в) *закономерности социотипического поведения в больших группах в разных сферах социально-исторического образа жизни (семья, работа, досуг и т.п.)*.

В психологии, и прежде всего в психологии личности, исследования, проводимые социологами, историками культуры, филологами, этнографами, специалистами по семиотике, часто не попадают в поле зрения психологов. Вместе с тем без координации с представителями всех этих наук проблема изучения социокультурных систем, в которых порождается и развивается личность, остается нерешенной.

Существовал ли в истории общества особый «безличностный период»? Какие отношения складывались между личностью и социальной ролью на разных этапах истории общества? Можно ли с уверенностью утверждать, что индивидуальный психологический портрет разных народов, проявляющийся в социальном и национальном характере народов, их духовном единстве, — реальность, а не вымысел? Ответы на эти вопросы, затрагивающие разные аспекты изучения социально-исторического образа жизни как источника развития личности, пытаются дать представители палеопсихологии, исторической психологии и этнопсихологии. При всех различиях этих пограничных областей человекознания их объединяет настойчивый интерес к социогенетическим закономерностям развития личности.

Социогенез. *Под социогенезом в психологии понимается происхождение и развитие высших психических функций, личности, межличностных отношений, обусловленное особенностями социализации в разных культурах и формациях.*

Закономерности социогенеза являются предметом *исторической психологии*, изучающей особенности становления познания, мировоззрения личности, зарождения индивидуальности. Также уникальный материал для изучения социогенеза личности на карте разных культур одной эпохи дает *этнопсихология*. Попытки изучения социогенеза предпринимались В. Гумбольдтом, который по характеру языка строил представления о характере народа. Впоследствии закономерности социогенеза с помощью анализа продуктов культуры исследовались В. Вундтом. Изучение социогенеза в психоанализе и во французской социологической школе привело к выделению большого фактического материала, но не позволило раскрыть механизмы социогенеза. Эти механизмы, как правило, либо описывались по типу механизмов развития психики отдельного индивида (психоанализ), либо сводились к непосредственному общению сознаний (французская социологическая школа).

Исследованию социогенетических закономерностей развития личности препятствует такая типичная установка позитивистского мышления, как *эгоцентризм* в познании сложных социокультурных и психических явлений. Именно эгоцентризм, и в первую очередь такая его форма, как *«европоцентризм»*, заставляет принимать логику европейского мышления за образец и превращать ее в натуральную, естественную характеристику сознания. При этом благополучно забывается, что *сама эта формальная логика есть культурное изобретение*. А если *логика не дана сознанию от природы, а задана культурой*, то правомерно и применительно к сознанию личности допустить несколько сосуществующих *иных* логик. Несмотря на фундаментальные исследования Л.С. Выготского, А.Р. Лурия (1930) и Л. Леви-Брюля (1930)[3], посвященные анализу разных

[3] См.: *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М., 1930; *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М.; Л., 1930.

высших психических функций *в разных* культурах, шоры европоцентризма вынуждают односторонне трактовать социогенетические закономерности развития личности.

В исследованиях развития личности *односторонний эволюционизм* приводит к тому, что культуру и психологию предшественников, других поколений считают проще, примитивнее, грубее, ниже. При этом забывается, что они — не ниже и не проще. Они — другие, *иные*, чем культура тех, кто их изучает. Преодолению одностороннего эволюционизма при изучении социогенеза процессов развития человека способствует положение об *исторической гетерогенности мышления* (*Л. Леви-Брюль*). *Это положение заключается в отстаивании идеи о существовании разных познавательных структур у представителей того или иного общества, о социогенетической многоплановости личности.* Наиболее детально представления об исторической гетерогенности мышления, возможности сосуществования в сознании человека определенной культуры одновременно пралогического и логического мышления, обусловленности зависимости различий мышления представителей разных культур характером совместной деятельности разработаны в исследованиях П. Тульвисте.

По аналогии с исторической гетерогенностью мышления человека представляется целесообразным рассматривать *историческую гетерогенность личности* в качестве одной из важных особенностей ее природы. В личности сосуществуют пласты разной геологической древности (*Л.С. Выготский*), социотипическое и индивидуальное поведение, причудливо переплетающиеся в действиях и поступках человека.

Социотипическое поведение личности и его надсознательные проявления. Национальный и социальный характер

В социотипическом поведении субъект выражает усвоенные в культуре образцы поведения и познания, *надсознательные надындивидуальные явления. В основе надсознательных надындивидуальных явлений лежит существующая и являющаяся продуктом совместной деятельности человечества система значений* (*А.Н.

Леонтьев), опредмеченных в той или иной культуре в виде различных схем поведения, традиций социальных норм и т.п. Надсознательные явления представляют собой усвоенные человеком как членом той или иной группы образцы типичного для данной общности поведения и познания, влияние которых на его деятельность актуально не осознается и не контролируется им. Эти образцы, например этнические стереотипы, усваиваясь *через такие механизмы социализации, как подражание и идентификация* (подстановка себя на место другого), определяют особенности поведения субъекта именно как представителя данной социальной общности, то есть социотипические неосознаваемые особенности поведения.

В проявлении неосознаваемых социотипических особенностей поведения человек и группа выступают как одно неразрывное целое. При исследовании этих проявлений выявляют те существенные в культуре эталоны и стереотипы, через призму которых люди судят о представителях других этнических и социальных групп и ориентируясь на которые вступают с этими представителями в контакты. К таким этническим стереотипам относится, например, представление о педантичности всех немцев или вспыльчивости всех итальянцев и т.п.

Нередко оценка тех или иных поступков через призму эталонов своей культуры или через выработанные мерки о нормах поведения в другой культуре приводит к неадекватному восприятию других людей. Так, В. Овчинников в своей повести «Корни дуба» пишет: «Нередко слышишь: правомерно ли вообще говорить о каких-то общих чертах характера целого народа? Ведь у каждого человека свой нрав и ведет он себя по-своему. Это, разумеется, верно, но лишь отчасти, ибо разные личные качества людей проявляются — и оцениваются — на фоне общих представлений и критериев. И лишь зная образец подобающего поведения — общую точку отсчета, можно судить о мере отклонений от нее, можно понять, как тот или иной поступок предстает перед глазами данного народа. В Москве, к примеру, положено уступать место женщине в метро или в троллейбусе. Это не означает, что так поступают все. Но если мужчина продолжает сидеть, то обычно делает вид,

что дремлет или читает. А вот в Нью-Йорке или Токио притворяться нет нужды: подобного рода учтивость в общественном транспорте просто не принята»[4].

К исследователям *национального характера* вплотную примыкают работы, посвященные изучению *социального и профессионального характера.* На примере анализа природы социального характера, проведенного Э. Фроммом, рельефно видно, что *работы, ведущиеся в пределах исследования взаимоотношений личности в системе «роль-для-всех», дают представления прежде всего об адаптивных моделях поведения личности.* «Различные общества и классы внутри общества обладают своим особым социальным характером, и на его основании развиваются и приобретают силу определенные идеи... *Если взглянуть на социальный характер с точки зрения его функций в социальном процессе, то мы должны будем начать... с утверждения, что, приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты, которые заставляют его желать действовать так, как он должен действовать.* Если характер большинства людей данного общества, то есть социальный характер, приспособлен к объективным задачам, которые индивид должен решать в этом обществе, то человеческая энергия направляется по путям, на которых она становится продуктивной силой, необходимой для функционирования этого общества»[5].

Точными мазками эту характеристику социального характера высвечивает в романе «Новое назначение» писатель А. Бек, описывая проводы снятого Н.С. Хрущевым главы черной металлургии его сослуживцами, кадрами хозяйственного руководства: «Эпоха дала им свой чекан, привила первую доблесть солдата: исполнять! Их девизом, их “верую” стало правило кадровика-воина: приказ и никаких разговоров!» Следуя этому правилу, они знали, как должно и не должно действовать, чтобы добиваться успехов. Что же стоит за этой характеристикой социального характера сталинской эпохи, каковая ее психологическая основа и причина появления? *Основное прояв-*

[4] *Овчинников В.М.* Корни дуба. М., 1983. С. 212.
[5] *Фромм Э.* Характер и социальный процесс // Психология личности. М., 1982. С. 49—51.

ление социального характера этого времени — бегство от собственного принятия решения, от личностного выбора в ситуациях, жестко регламентируемых командами центра, и неприятие права на выбор у других. В системе сверхцентрализованного управления в тоталитарную эпоху устанавливается безличный распорядок жизни, шаг в сторону от которого расценивается как побег.

В такого рода строго контролируемом распорядке жизни рано или поздно вырабатывается *эффект «выученной беспомощности». Суть этого эффекта состоит в том, что человек, неоднократно убеждающийся в неподконтрольности ситуации, в невозможности изменить своими действиями размеренный ход событий, в конечном итоге вообще отказывается от поиска.* Неотъемлемыми чертами характера становятся послушность и исполнительность. В результате человек начинает нуждаться в регламентируемом образе жизни, где высшей добродетелью является исполнительность, беспрекословное выполнение приказов. Он уже сам стремится избежать жизненных перемен, так как эти перемены сулят неизвестное, вынуждают к поиску, а поиск атрофирован.

И этнический характер, и социальный характер выступают как выражение функциональных ролевых качеств личности, проявляющихся в ее социотипическом поведении, то есть в том поведении, в котором личность слита с социальной общностью.

Социальные и этнические стереотипы подобны двуликому Янусу:

а) *они могут выступить как индивидуальные нерефлексируемые способы решения проблемы данным социумом, данной социальной группой, которые отражают индивидуальность данной социальной общности, ее отличность, если на нее взглянуть из другой точки социального пространства, из другой культуры*;

б) *эти же стереотипы выступают для личности в данной группе как ее функционально-ролевые качества, как социотипическая характеристика личности, о которой она узнает, сталкиваясь с другой культурой*[6].

---

[6] Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина. М., 1985.

Подобная неуловимость этнических стереотипов личности в тех или иных стандартных ситуациях в значительной степени затрудняет выделение исходной эмпирической области этнопсихологии и является одной из причин дискуссии о *предмете этнопсихологии.*

Нередко звучит мнение, что изучение ментальности этнической общности, образов «мы» и «Я» в этносе вообще представляет собой погоню за призраками. При выделении предмета этнопсихологии необходимо исходить из тех реальных задач, которые ставит перед психологами и этнографами общественная практика. К таким задачам относятся оптимизация совместной деятельности и психологического климата многонациональных коллективов в армии, вузе, на предприятии; обучение с учетом специфически традиционного типа мышления и форм деятельности данной культуры в школе; сочетание поликультурных и национальных традиций при планировании в архитектуре; учет социотипических и этнотипических особенностей поведения личности при распределении трудовых ресурсов. Решение этих задач с необходимостью требует выделения этнопсихологии в особую научную дисциплину.

Этнопсихология становится объектом изучения в проблемно-конфликтных ситуациях, вызванных переменами образа жизни представителей разных этнических групп. Иными словами, *этнопсихологические характеристики личности (или группы) проявляются в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора тогда, когда выработанные в ином образе жизни этнические стереотипы и нормы решения встающих перед личностью (или группой) проблем не срабатывают, а новые нормы или стереотипы как средства регуляции социального поведения личности еще находятся в процессе своего формирования.* Из подобного понимания этнопсихологии вытекает, что *специфические этнопсихологические социотипические феномены обнаруживаются и в известном смысле возникают в ситуациях взаимодействия разных культур.* Например, некоторые социологические исследования свидетельствуют, что вследствие более жесткого социального контроля

в селе меньше число правонарушений, чем в городе. Вместе с тем на материале обследования миграции представителей татарской национальности из села в город было установлено, что в городе гораздо большее число правонарушений среди мигрантов из села. При переходе из села в город образуется ситуация конфликта, объективно вызванная прерывностью, «зазором» культур. В результате старые этнические нормы и стереотипы, сложившиеся в процессе образа жизни на селе, во многом утрачивают свою инструментальную функцию средств регуляции социотипического поведения в условиях городского образа жизни. При смене образа жизни личность мигранта может оказаться в ситуации конфликта.

Благодаря полученным в этнопсихологии и социальной психологии фактам более явно выступает функция социотипического поведения в социогенезе: *социотипическое поведение личности, выражающее типовые программы данной культуры, нейтрализует тенденцию к индивидуализации поведения, рост его вариативности; вместе с тем усвоенные личностью социальные образцы и стереотипы, характеризующие ее как члена той или иной общности, освобождают личность от принятия индивидуальных решений в типовых, стандартных для данной общности ситуациях.*

Социогенетические истоки развития личности

В традиционных культурах преобладает социотипическое адаптивное поведение, объяснение которого укладывается в устоявшуюся в человекознании *модель рационального разумного действия* (*М.К. Мамардашвили*), то есть действия, полезную цель которого можно предсказать с высокой вероятностью. Вместе с тем при изучении социогенетических истоков развития личности становится все более очевидной ограниченность взгляда на человека как на чисто рациональное приспосабливающееся существо даже на ранних этапах человеческой истории. Психологи и археологи убеждаются в том, что в модель «разумного действия» не вписываются, например, немотивированные поступки в жизни личности и неутилитарные проявления в истории человечества.

Гипотеза о преадаптивных феноменах культуры как критерии порождения личности в антропосоциогенезе. *Палеопсихология личности могла бы сделать своим девизом слова У. Шекспира о том, что вряд ли человек чем-то отличался бы от животного, если бы ему нужно было только необходимое и ничего лишнего.*

На обложке книги, которую вы держите в руках, изображена ископаемая фигурка, относимая археологами ко времени неолита и вызывающая устойчивые ассоциации со знаменитой скульптурой О. Родена «Мыслитель». Эта загадочная фигурка в какой-то мере сама может служить символом пробуждающейся личности в истории человечества. Все больше исследователей антропосоциогенеза склоняются к мысли о том, что начертательная деятельность, искусство, специфически человеческая деятельность по освоению пространства и времени сыграли не меньшую роль в формировании человека, чем, например, изготовление орудий труда. Среди преадаптивных неутилитарных форм активности человека в антропосоциогенезе особое внимание привлекают такие проявления, в которых могут быть усмотрены истоки культурного освоения мира, расширение образа мира личности. К их числу относятся такие, образно говоря, первобытные музеи неандертальцев, как «искусственные медвежьи пещеры» — особым способом уложенные конструкции из черепов и костей пещерных медведей.

«От "пещерных музеев" мустье до кабинета Э. Хемингуэя, украшенного его охотничьими трофеями, или в круглых цифрах на протяжении самое малое 50 000—60 000 лет... можно проследить историю, пожалуй, самого долговременного явления "духовной" культуры человечества...

Искусственные пещеры с медведем нельзя объяснять непосредственно полезным трудом неандертальцев, позволяющим им жить и продолжать себя в следующих поколениях»[7].

Не *являются ли «искусственные медвежьи пещеры» одним из проявлений некоего запаса способностей, как бы ненужных*

[7] *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. С. 178.

человеческому виду в данный момент, но полезных для него в дальнейшем (*Г.П. Григорьев*), которые в критической для вида ситуации смогут приобрести решающее значение для эволюции? *Не в таких ли проявлениях человека в антропосоциогенезе — истоки особого хода эволюции за счет умножения числа миров человека, в которых ему приходится не выживать, а жить?*

Высказывая с позиции историко-эволюционного подхода сходные идеи, археолог Ю.А. Смирнов отмечает: «Трудно сказать, почему именно гоминидная линия выбрала, а род Гомо закрепил и развил именно орудийный тип приспособления к окружающей среде. Но, опираясь на теорию эволюционирующих систем, можно предположить, что новый тип локомоции, сложный комплекс манипуляционной активности... значительно интенсифицировали неадаптивную деятельность ранних представителей рода Гомо, что в конечном счете привело к иному направлению развития... появлению уже археологически фиксированных форм неадаптивной активности: начертательная (изобразительная) деятельность... преднамеренные погребения»[8]. В начертательной деятельности, преднамеренных погребениях исследователи видят особый пласт феноменов культуры, позволяющих уже на ранних этапах антропосоциогенеза говорить о выделении человеком себя из окружающей действительности и тем самым о существовании автономного «Я» (*М.В. Тендрякова*)[9]. На разных этапах истории общества степень выраженности личностных вкладов в жизни социальной группы была различной, что иногда приводило исследователей к полному отрицанию существования индивидуального поведения члена первобытной общины.

Существует ли индивидуальное поведение на ранних этапах антропосоциогенеза? Внешне поведение людей в раннепервобытных общинах могло казаться исключительно социотипичным, полностью определяемым системой сло-

---

[8] Цит. по: *Смирнов Ю.А.* Возникновение орудийной деятельности как следствие неадаптивной активности ранних гоминидов // Записки современной археологии. Тезисы докладов. Суздаль, 1987. С. 235.

[9] *Тендрякова М.В.* Роль погребений в социогенезе сознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1987. № 1.

жившихся обычаев и социальных предписаний. Порой подтверждение представлениям о преобладании социотипического поведения в раннепервобытных общинах некоторые этнографы находят в рассказах самих аборигенов Австралии. «Расскажи мне о своей жизни», — попросила однажды А. Уэлс пожилого аборигена по имени Дьилмин. «Нет, — сказал он после долгого раздумья, — не моя история тебе нужна. Моя история — это одно и то же каждый день. Сухой сезон следует за влажным, за сухим — опять влажный; один день похож на другой, как черепашьи яйца из одной ямки в песке похожи друг на друга»[10].

Если бы в действительности дни жизни человека в первобытной общине были похожи друг на друга, как черепашьи яйца из одной ямки в песке, то развитие общества, скованного рамками традиций, сводилось бы к воспроизводству раз и навсегда унаследованных типичных моделей поведения. В действительности же отклонение от нормативного социотипического поведения на самых разных этапах социогенеза, выход за рамки общепринятых стандартов поведения присущи любым культурам.

Например, в исследовании О.Ю. Артемовой на основе анализа австралийских этнографических данных показывается, сколь велика роль проявлений индивидуальности личности в раннепервобытной общине. *В разных видах зарождающейся профессиональной деятельности индивидуальность личности проявляется в выборе средств, различных способов достижения* цели. Неслучайно среди аборигенов Австралии немало выдающихся охотников, артистов, мастеров и художников. Именно *специализация деятельности выступает как движущая сила, определяющая развитие индивидуальных способностей и склонностей.* Объективными предпосылками для отклонений от социотипического стереотипизированного поведения являются социальная неоднородность австралийской общины, включенность члена общины одновременно в разные социальные группы с разными требованиями. Обращаясь к многочисленным конкретным фактам, О.Ю. Артемова наглядно иллюстрирует

[10] Цит. по: *Артемова О.Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987. С. 166.

зависимость возможности выбора индивидуальных решений от места в социальной и возрастной группах. Так, «лидеры» и мужчины, входящие в состав возрастной группы «старших», обладают большими возможностями для проявления своей индивидуальности. Из этнографических исследований образа жизни австралийских аборигенов вытекает та мысль, что изображение этого образа жизни как вечного, неизменного, скованного традициями, ритуалами и обрядами вступает в противоречие с конкретными фактами. Было бы точнее сказать, что власть традиций, большая жесткость и консерватизм социальных норм более выраженно проявляются у аборигенов в сфере духовной жизни, чем в зарождающейся сфере индивидуальной социализации в разных видах профессиональной деятельности. Важно также подчеркнуть, что уже в раннепервобытной общине член этой общины не только попадает в конфликтные ситуации, вынуждающие его принимать свои индивидуальные решения, не только оказывается из-за стечения внешних обстоятельств случайно поставленным в ситуацию выбора. *В самой социокультурной системе содержатся активные механизмы по выработке неопределенности* (*Ю.М. Лотман*), *в буквальном смысле обрекающие члена общины на выбор.*

Механизмы выработки неопределенности в социогенезе. На исторической оси социогенеза личности такие механизмы проявляются, например, в разных *обрядах перехода*, связанных с *переменой социальной позиции личности* и обретением своего «Я». При этом особо показательным является тот момент, когда старая позиция члена общины уже оставлена, а новая еще не родилась. Это явление в этнографии получило название *лиминальности.* Оно детально описано в работах известного английского этнографа В. Тэрнера. *Лиминальность (limen — порог) личности может выступить в различных формах.*

Одна из этих форм проявляется в ситуациях жизненных переломов, связанных с *переходом индивида в другую возрастную категорию.* В различных культурах это нашло свое отражение в обрядах жизненного цикла: рождении, достижении зрелости, вступлении в брак. Ярким примером

лиминальности может служить *обряд инициации*, который по своей психологической функции выступает как *обряд «посвящения в личность»* и обретение посвящаемым самоидентичности. В этих обрядах социальная группа побуждает пройти через испытания, совершить деяния ради такого идеала, уподобление с которым позволяет найти свое «Я».

Другая форма проявления лиминальности обнажается в ситуациях жизненных переломов, связанных с изменением статуса личности в социальной общности. Например, вступление в должность нового вождя у африканского племени идембу (Замбия) сопровождается следующим обрядом: новоизбранный вождь и его старшая жена без пищи и одежды с грубыми побоями и издевательствами препровождаются в жалкую хижину, где смиренно должны сносить все, что ниспосылается на их голову. Каждый, кто почитал себя обиженным в былые времена, считает своим долгом излить свое негодование на вождя и его жену: их заставляют выполнять самую черную работу, их морят голодом и т.д.

Подобные обряды являлись своеобразным «экзаменом на личность». Только вождь, сдавший такой экзамен, оказывался способным выполнять свои функции и осуществлять «вклады» в жизнедеятельность социальной группы и ее членов.

Лиминальность также проявляется в ситуации жизненных переломов личности, связанных с переходом ее в другую социальную общность — группу, сословие, тайное общество и др.

С усложнением общественно-экономической структуры общества, его стратификацией и усилением межэтнических связей увеличивалась возможность перехода человека из одной замкнутой социальной группы в другую. Такие жизненные переломы в истории развития личности сопровождались не менее драматическими обрядами, чем те, которые были описаны выше. И если первые две формы отличаются тем, что в них член племени как бы испытывается на прочность среди родного племени, сдает экзамен на право быть индивидуальностью среди своих соплеменников, то в третьем случае в результате обряда перехода член племени должен суметь отстоять свое «Я» в новой социальной группе.

Описанные ситуации жизненных переломов личности и их выражение в обрядах, ритуалах обладают рядом общих особенностей.

Во-первых, *для этих ситуаций характерны смена ролей «высших» и «низших», перевертывание статусов*: находящиеся на самых низких ступенях социальной иерархии приобретают временную власть и право диктовать свою волю вождю; новопосвященные, новички низводятся в самый низкий ранг, фактически в этот момент оказываются лишенными какого-либо статуса. Как отмечает В. Тэрнер, переход от низшего статуса к высшему лежит через *«пустыню бесстатусности»*.

Во-вторых, *в этих обрядах демонстрируется власть общности над личностью.* Общность буквально осуществляет «вклад» в человека, строит его личность.

В-третьих, *в обрядах перехода происходит нивелировка и деиндивидуализация личности* — ее родовых и статусных отличий.

В-четвертых, *с помощью этих обрядов осуществляется воспитательная функция общности.*

Таким образом, *исторически субъектом индивидуализации выступала в социогенезе социальная группа, которая побуждала члена общины пройти через пороговые лиминальные ситуации. Процесс индивидуализации опирался на внешние средства — «знаки», через которые субъект овладевал своим «Я».*

Итак, на самых разных этапах человеческой истории в развитии культуры ведут между собой нескончаемый диалог социотипическое и индивидуальное поведение личности. Наличие этого диалога служит доказательством того, что в *истории не было безличного периода существования общества.* Менялась лишь степень выраженности влияния индивидуальных решений члена общества на судьбу исторического процесса.

Вряд ли было бы правомерным стремление разместить взлеты и падения степени выраженности индивидуальности, постулируя, как то вытекает из одностороннего эволюционизма, неуклонное возрастание проявлений индивидуальности от первобытности до современности. Так,

например, в своих исследованиях по типологии культуры Ю.М. Лотман показывает относительную автономность конкретного человека Средневековья от тех «общественных функций-ролей», которые этот человек выполняет.

«*Личностью,* — пишет Ю.М. Лотман, — *то есть субъектом прав, релевантной единицей других социальных систем (религиозной, моральной, государственной), были разного типа корпоративные организмы.* Юридические права или бесправие зависели от вхождения человека в какую-либо группу (в “Русской правде” штраф назначается за нанесение ущерба не человеку вне социального контекста, а княжескому воину (мужу), купцу, смерду... *Чем значительнее была группа, в которую входил человек, тем выше была его личная ценность*)» (курсив мой. — *А.А.*). В Средневековье личность как бы сливалась с группой, представляла группу как целое и тем самым прежде всего выражала социотипическое поведение, выражающее общую тенденцию социальной системы к сохранению.

Особый интерес для понимания сложных взаимоотношений между социальной ролью как фиксированной в культуре формой передачи общественно-исторического опыта и индивидуальным поведением личности представляют те эпохи в истории культуры, в которых социальные роли как системные функциональные качества материализуются через определенную символику, получают своих носителей. В социальных системах с сословным делением функцию такого носителя роли фактически иногда выполняет одежда. *При резком делении сословий, ограниченной мобильности личности человек, образно говоря, носит одежду, а одежда «носит» его социальную роль.* Так, например, в Древнем Китае чиновникам вменялось в обязанность носить головной убор с загнутыми вверх полями, а ученым — головной убор, сзади похожий на нечто вроде двух крыльев; в раннем Средневековье сословные различия фиксировались не столько формой костюма, сколько законодательно закрепленным качеством самой ткани и набором украшений. В этом смысле *высказывание «встречают по одежке» психологически означает, что личность встречают и воспринимают по той социальной роли, которая материализована*

в одежде, обозначающей позицию личности. Понимание жизни и функции социальных ролей в разных общественно-экономических формациях является одним из отправных моментов при изучении социогенеза личности. Без исследования появления социальных ролей в социогенезе личности может возникнуть *«ролевой фетишизм»: социальные роли начинают казаться доставшимися личности от рождения, как и индивидные свойства личности, смешиваемые с качествами ее индивидуальности.*

В условиях социально-исторического образа жизни двадцатого столетия обостряется конфликт между ценностью «быть личностью», превращающейся в мотивообразующий фактор социального образа жизни, и социотипическими ролевыми проявлениями личности в разных социальных группах. Неслучайно в современной цивилизации остро переживается не как трагедия отдельной личности, а как трагедия общества кризис идентичности, связанный с нивелировкой «Я». Один из известных биологов — В.А. Энгельгардт, обсуждая глобальные вопросы развития человечества на современном этапе, приводит модифицированную схему «кризисов идентичности» японского психолога Сакамото.

Направленность проявлений идентичности
(схема «кризисов идентичности»)

Направленность	Позитивная идентичность	Негативная идентичность
Внешняя	Соучастие	Агрессия
В направлении общества	Интеграция	Дискриминация Насилие
Неопределенная	Апатия Индифферентность Покорность	Автономия Независимость Непринуждение
Внутренняя	Самореализация	Самообесценивание
В индивидуальном направлении	Самовоспитание Самосовершенствование	Обезличенность Аддикция (Наркомания)

Ценность «быть личностью» становится в условиях социально-исторического образа жизни в развитых странах мотивом, который оборачивается порой духовными

«кризисами идентичности». Вместе с тем эти факты свидетельствуют о все большей выраженности тенденции к изменчивости в историко-эволюционном процессе развития личности в разные эпохи и в разных культурах.

Таким образом, обращение к социогенетическим истокам развития личности показывает, что наряду с тенденцией к сохранению эволюционирующей социальной системы, проявляющейся в социотипическом поведении, в типовых программах разных культур всегда существовала и тенденция к ее изменению, источником которой был социально-исторический образ жизни. В любом социально-историческом образе жизни существует зона неопределенности, в которой и проявляются индивидуальные качества личности при встрече с непредвиденными ситуациями.

Диспозиционная регуляция социотипического поведения личности

Изучение личности в историко-эволюционном процессе развития общества связано с анализом того, *что* присваивается личностью в культуре и обществе — социальные эталоны, нормы, фиксированные в языке черты личности, типичные для данной группы, нации, культуры. Будучи присвоен личностью, социокультурный материал, характерный для данного социально-исторического образа жизни, становится регулятором социотипического поведения личности.

Концептуальный мост между уровнями анализа личности в системах «роль-для-всех» и «роль-для-группы» представляется возможным перебросить благодаря разработанной В.А. Ядовым концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности[11]. Разрешающая сила этой концепции позволяет создать *социально-психологический портрет личности как представителя опреде-*

[10] См.: *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Социально-психологический портрет инженера / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979.

ленной группы. Через всю концепцию В.А. Ядова проходит идея о том, что, *только двигаясь от специфических особенностей деятельности человека, реализующей его отношение к миру, можно выделить социально-конкретные черты личности и предсказать системы ее поступков.*

Можно ли прогнозировать поступки личности, исходя из учета конкретных социальных обстоятельств, в которых она живет, и тех общественных функций, которые она выполняет? Достаточно ли для прогнозирования поведения личности даже самого четкого знания мотивационно-потребностной сферы личности и ее индивидуально-природных особенностей?

Факты часто наблюдавшихся противоречий между намерениями, высказываниями людей и их реальным поведением как бы доказывают всю тщетность попыток предсказания поведения исключительно на основе учета лишь одного из указанных видов детерминации поведения и толкают к поиску такой единицы анализа личности, в которой бы в единстве существовали оба вида детерминации. В качестве единицы анализа социального поведения личности В.А. Ядов избирает *диспозицию — предрасположенность субъекта к оценке и определенному способу поведения, являющуюся психологическим выражением взаимоотношения потребностей и конкретных условий деятельности.* Вводя такое понимание диспозиции, он опирается на классические работы по психологии установки Д.Н. Узнадзе и таких его последователей, как Ш.А. Надирашвили, разрабатывающих представление о существовании различных установок на разных уровнях психической активности, а также на развиваемое в школе А.Н. Леонтьева положение о том, что *только опредмеченная потребность может определить направленность деятельности человека.*

Целый ряд фактов, обнаруженных в социально-психологических исследованиях установочных образований и ценностных ориентаций, приводит В.А. Ядова к концепции об иерархической структуре диспозиций личности. Иерархические уровни диспозиций являются производными от двух взаимодействующих между собой рядов —

иерархического ряда условий деятельности, в которых могут быть опредмечены потребности личности, и ряда потребностей.

Феномен иерархии потребностей описан в различных психологических концепциях. Наибольшие разногласия и споры по поводу этого феномена разгорались всегда, когда речь заходила о выделении критерия классификации потребностей, о принципе построения их иерархии. Таким принципом для В.А. Ядова является принцип членения потребностей по направленности в различные сферы активности, а критерием классификации — последовательное расширение граней активности личности, источник которой со стороны субъекта — потребность в достижении двух противоположных целей: слияния с социумом и выделения своего «Я» в качестве автономной единицы (*Г.Г. Дилигенский*).

В качестве критерия для установления иерархии условий деятельности В.А. Ядовым принимается *длительность времени*, в течение которого ситуацию деятельности можно рассматривать как относительно устойчивую.

В соответствии с этим критерием выделяются *уровни предметных ситуаций, группового общения, разных сфер социальной деятельности (труд, досуг, семейная жизнь) и общих социальных условий образа жизни.* При взаимодействии потребностей и условий деятельности в личностной структуре образуются следующие уровни диспозиции: *элементарные фиксированные установки, социальные фиксированные установки, общая направленность интересов личности и системы ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения.* Диспозиции разных уровней предопределяют в свою очередь иерархию уровней поведения личности. *Фиксированные элементарные установки детерминируют простейшие поведенческие акты, социальные установки — поступки, общая направленность — поведение, ценностные ориентации — жизнедеятельность в целом. То, какая же диспозиция предопределит поведение в актуальной ситуации, зависит от стоящей перед субъектом цели.*

В концепции В.А. Ядова выделена закономерность, свидетельствующая об относительной автономности ситуа-

тивных социальных установок от вышележащих диспозиционных образований. Так, например, выяснилось, что ситуативные социальные установки не зависят от структуры ценностно-ориентационных образований. Эти факты, казалось бы, вступают в явное противоречие с таким требованием к иерархической диспозиционной системе, как согласованность по содержанию диспозиций разных уровней. Однако это «отклонение» от целостности диспозиционной системы как раз и является еще одним доказательством реальности и действенности в поведении такой системы. Оно наглядно иллюстрирует сформулированный Н.А. Бернштейном *принцип о предельной «неуступчивости» организма к изменению существенных черт его поведения, присущих высшим уровням иерархии управления, и «уступчивости» по отношению к несущественным особенностям поведения, которые поэтому всегда индивидуальны и неповторимо вариативны. Подобная их вариативность обеспечивает гибкое приспособление к сиюминутно изменяющимся условиям среды, носящее чисто реактивный характер.*

Трудной задачей при изучении динамики диспозиций высших уровней является варьирование условий деятельности, актуализирующих эти диспозиции, поскольку эти условия устойчивы во времени и стабильны. Однако *кризисы развития зрелой личности неизбежно сопровождаются перестройкой системы ценностей.* В связи с этим В.А. Ядов и В.С. Магун обращаются к стрессовой ситуации, ускоряющей изменение условий деятельности и тем самым позволяющей проследить взаимосвязь между этими условиями и сдвигом диспозиций. Так, данные, полученные при исследовании онкологических больных, подтверждают положение о координирующей роли высших диспозиций.

Концепция о диспозиционной регуляции социального поведения личности выступает одновременно в двух ипостасях: как объяснительный принцип, с помощью которого анализируется проблема соотношений между диспозициями и поведением, и как предмет исследования, поскольку при анализе данной проблемы уточняются пред-

ставления о характере функционирования диспозиционной системы. Изучение взаимоотношения между диспозициями и реальным поведением личности приводит к обсуждению вопроса о причинах рассогласования между диспозициями и поведением. В.А. Ядов вводит чрезвычайно важное и эвристическое различение диспозиций по основанию их связи с поведением: реально регулирующие поведение диспозиции и «называемые» при опросе диспозиции. В связи с этим расчленением видов диспозиций предлагается рассматривать всю проблему диспозиционно-поведенческих соотношений в рамках двух моделей — «парадигмы реализации» и «парадигмы осознания и коммуникации» (между испытуемым и исследователем). Необходимость подобного расчленения не вызывает сомнений. Оно опирается на фактический материал психологических исследований, в которых вскрыто различие между реально действующими и только «знаемыми» мотивами. В пользу такого разведения говорит факт расхождения между скрытыми от сознания мотивами действий и *мотивировками, которые представляют собой проявление защитных механизмов личности.*

Концепция В.А. Ядова выступает в качестве основы для изучения социального характера личности как уровневой системы диспозиций. Но этот подход имеет известные ограничения. При работе исследователей в пространстве между уровнями анализа личности в системах «роль-для-всех» и «роль-для-группы» деятельность и общение, в процессах которых реализуются отношения личности в обществе, выступают как относительно автономные социальные сферы функционирования — сфера труда вообще, сфера досуга вообще, сфера семейной жизни вообще и т.п.

Подобное понимание личности накладывает вполне определенный отпечаток на изучение процесса *коммуникации*, проводимое в системе «роль-для-всех». Большинство исследователей коммуникативного акта придерживаются известной «формулы Лассуэла»: «кто, что, кому, по какому каналу, с каким эффектом?» *В этой схеме опущен сам процесс общения.* В ней есть «кто» и «что», но недостает «как» — способа предъявления текста. В результате рас-

секается естественная связь между коммуникатором и реципиентом, коммуникатором и сообщением. Сообщение превращается в «мертвый» текст, а сообщающий — в абстрактную социальную роль.

«В этом методическом приеме, — пишет А.У. Хараш, — как раз и обнаруживается содержание трансформации, которую претерпевает представление о коммуникаторе в сознании эмпирика: вместо коммуникатора — конкретного человека или сообщества людей, группы, коллектива — подставляется "ролевое наименование", в котором коммуникатор отождествляется с абстрактной социальной ролью, институтом, организацией. Его-то эффект... а вовсе не влияние коммуникатора как такового, то есть человека, вступившего в контакт с реципиентом, и изучается на самом деле в означенных эмпирических исследованиях. Схема "коммуникатор — сообщение — реципиент" подменяется схемой "ролевое наименование — текст — реципиент"»[11]. Текст же всегда деиндивидуализирован, сам по себе безличен. Если текст предъявляется в ситуациях, где роли «воспринимающего» и «воспринимаемого» жестко фиксированы и абстрактны, он, по словам Ю.М. Лотмана, контролирует *абстрактного собеседника*, носителя общей памяти, лишенного личного и индивидуального опыта. Такой текст может быть обращен ко всем и каждому. Он отличается подробностью разъяснений, отсутствием подразумеваний, сокращений и намеков и приближенностью к «нормативной правильности» (*Ю.М. Лотман*). Этот текст ориентирован на представления о нормах, ценностях, идеалах, которые выступают для личности как «только знаемые», а не «реально действующие» мотивы ее поведения.

Для того чтобы приблизиться к изучению «реально действующих» мотивов поведения личности и соответствующему такому поведению типу межличностного общения, необходимо обратиться к *интерпсихологическому* уровню анализа отношений личности в системе «роль-для-группы».

[11] *Хараш А.У.* Восприятие человека как воздействие на его поведение // Психология межличностного познания. М., 1981.

Глава 12
Уровни межличностных отношений и проявления личности в совместной деятельности

Особенности отношений личности в системе «роль-для-группы»

На *интерпсихологическом уровне проводятся исследования отношений личности в системе «роль-для-группы», опосредствованных совместной деятельностью той или иной конкретной социальной группы.* Интерпсихологический, или, как его иногда называют, интерсубъективный, подход, вырастающий из представлений о личности Л.С. Выготского и идей о диалогической форме существования личности М.М. Бахтина, в последние годы обрел в психологии свое второе рождение.

В фокусе анализа интерпсихологического подхода находятся прежде всего ролевые взаимоотношения в группе. Поясним, что имеется в виду под ролевыми взаимоотношениями на следующем примере. «Анна Павловна Шерер... — пишет Л.Н. Толстой, — несмотря на свои сорок лет, была преисполнена ожиданий и порывов. Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой». Вряд ли можно дать более меткую характеристику ролевого приспособительного поведения личности. *Занятая социальная позиция проявляется в социальной роли, жестко предопределяющей набор ценностей и идеалов, схем общения, которым нужно следовать в своем поведении. Эти ценности и идеалы в конкретной совместной деятельности уже не относятся к классу «только знаемых» мотивов. Они выполняют в поведении личности побудительную функцию, функцию «мотивов—стимулов», вызывающих акты поведения, направленные на достижение задаваемого ролью набора ценностей.* Действуя в полном согласии с нормативно-санкционированными и вытекающими из социальной роли

правилами, практически ничем не рискуешь. Вполне достаточно реагировать на поставляемые ситуацией «мотивы—стимулы», демонстрируя предприимчивость лишь в переборе средств их достижения. Отказываясь же от принятой роли, личность нередко перестает отвечать ожиданиям других людей. Элементы ее поведения утрачивают приписываемое элементам ролевого поведения социально кодифицированное конвенциональное общедоступное значение.

«Объектное и субъектное» межличностное восприятие. Ролевые проявления личности, ее ролевые социальные качества особенно ярко проявляются в феномене так называемого «объектного» межличностного восприятия (*А.У. Хараш*). При *«объектном восприятии»* человек подводит воспринимаемые поступки другого человека под принятую в данной культуре систему значений, выраженную в форме различных эталонов и стереотипов.

В отличие от «объектного» восприятия «субъектное» восприятие другого человека представляет такой особый тип восприятия, при котором поступки этого другого воспринимаются через его отношение к предмету совместной деятельности, к мотиву и тем самым приобретают личностный смысл.

В *феноменах «объектного» межличностного ролевого восприятия* проявляются прежде всего функциональные социальные качества личности как «элемента», входящего в такие широкие институты социализации, как семья в данной социальной ситуации развития, школа, различные профессиональные объединения. В конкретной же обстановке в их основе лежит псевдосовместная деятельность, построенная по формуле «рядом, но не вместе»: больной беседует с «каким-то врачом», имени которого он не знает; пассажир едет вместе с «каким-то таксистом». Технология поведения каждого из них задается не столько отношениями в этой ситуации, сколько правилами, вытекающими из принятых социальных ролей. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что «объектное» отношение к человеку исключительно как носителю социальной роли не является, как это иногда кажется, чисто внешней, не оказывающей вли-

яния на личность этого человека формой отношений. Если в псевдосовместной деятельности человека воспринимают как «больного» и начинают с ним обращаться как с «больным», то навязываемая ему социальная позиция может начать проявляться в его поведении, привести к возникновению еще одного качества его личности.

Факты, иллюстрирующие «объектную» форму восприятия, то есть восприятие другого человека не столько как индивидуальности, сколько как типичного представителя той или иной социальной группы, были получены в широкоизвестных экспериментах А.А. Бодалева. В них испытуемые, как правило, оказывались во власти заданных им установок и послушно подгоняли предъявляемые им фотографии людей под соответствующие целевой установке наборы культурных эталонов. Об одном и том же изображении на фотографии человека говорилось, что у него злой взгляд, зверское лицо, при целевой установке «преступник»; и о нем же говорилось, что у него волевое лицо, ничего не боящиеся глаза, при целевой установке «герой». Обнаруженные в этих экспериментах феномены могут служить своего рода лакмусовой бумажкой для характеристики формы восприятия человека человеком и, что особенно важно, стоящего за этой формой восприятия уровня социальных отношений, в которые вовлекается личность. Выделяя каждый раз специфику феноменов социального восприятия, исследователь будет решать то, с каким уровнем анализа личности в системе социальных отношений и типом общения он имеет дело.

Концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений

Многомерность различных проявлений личности в совместной деятельности с достаточной полнотой отображена в теории деятельности опосредствования межличностных отношений А.В. Петровского и его последователей.

В качестве объяснительного принципа изучения межличностных отношений А.В. Петровский предлагает *принцип деятельностного опосредствования межличностных*

отношений, опирающийся на культурно-историческую теорию деятельности Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева.

Применительно к социальной психологии введение принципа деятельностного опосредствования позволяет преодолеть фактически существующий параллелизм в изучении межличностных отношений вне совместной деятельности, а совместной деятельности — вне межличностных отношений.

Совместная предметная деятельность, во-первых, порождает, творит межличностные отношения ее участников; во-вторых, является средством, орудием, через которое только и могут быть преобразованы межличностные отношения; и наконец, в-третьих, процесс реализации межличностных отношений в ходе совместной деятельности представляет собой движущуюся силу развития социальной группы.

Все эти черты совместной деятельности проявляются при анализе межличностных отношений в малых социальных группах. Прежде всего благодаря использованию категории совместной деятельности А.В. Петровский вводит в социальную психологию малых групп *идею развития социальной группы*. Эта идея концептуально фиксируется через понятие «*уровень развития группы*». Коллектив же выступает как группа высокого уровня развития. В нем более ярко, чем в других группах, проступает *многоуровневая структура межличностных отношений.*

Первая страта — совместная деятельность; вторая страта — отношение каждого члена группы к совместной деятельности: ее целям и мотивам, порожденным самой совместной деятельностью; третья страта — феномены межличностных отношений в группе, опосредствованные содержанием совместной деятельности; четвертая страта — поверхностные проявления межличностных отношений типа симпатий и антипатий, возникающие преимущественно в ходе непосредственного эмоционального контакта между участниками группы (рис. 9). Принцип деятельностного опосредствования приложим и к коллективу, и к диффузной группе. Таким образом, введение этого принципа изменяет подход к изучению социальных групп в целом.

Проводимая А.В. Петровским критика различных концепций межличностных отношений начинается с выделения тех противоречий в фактическом материале и логических построениях, на которые наталкиваются сами представители ряда направлений социальной психологии. К их числу относятся, например, такого рода дихотомии, как «конформизм» или «нонконформизм», «альтруизм» или «эгоизм», «авторитарность» или «демократичность». А.В. Петровский анализирует дихотомию «конформизм или нонконформизм», поскольку именно снятие этой мнимой дихотомии сыграло важную роль в зарождении и становлении теории деятельности опосредствования межличностных отношений.

Дело в том, что многочисленные концепции групповой динамики в традиционной социальной психологии берут в качестве одного из исходных феноменов межличностных отношений, выражающего тип взаимодействия между личностью и группой или, шире, между личностью и обществом, *феномен конформности.* Группа «давит» на личность, а она либо послушно подчиняется мнению группы, превращается в соглашателя, и тогда ее харак-

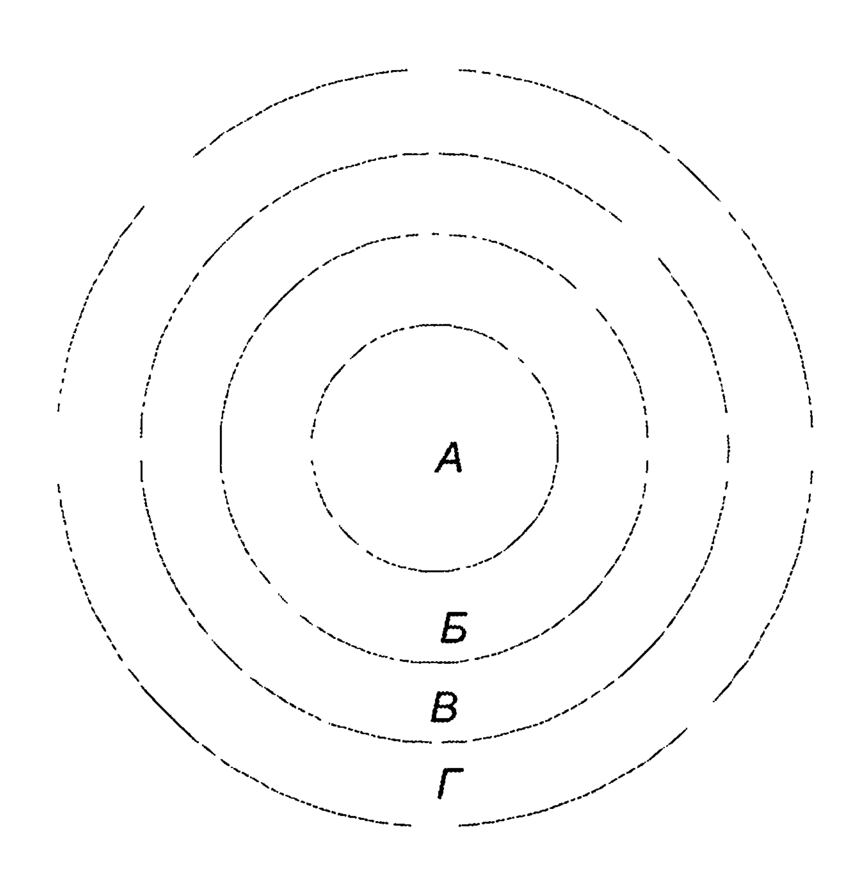

Рис. 9. Уровневая структура межличностных отношений в малой социальной группе (по *А.В. Петровскому*, 1983): А — совместная деятельность как системное основание межличностных отношений в группе; Б — отношение каждого члена группы к целям, задачам и мотивам совместной деятельности; В — феномены межличностных отношений в группе, опосредствованные совместной деятельностью; Г — поверхностные проявления межличностных отношений, возникающие в ходе непосредственного эмоционального контакта между участниками социальной группы

теризуют как конформиста; либо личность идет вопреки мнению группы, противостоит социальному окружению, и тогда ее характеризуют как нонконформиста. Иного выбора для личности не оставляет ни формальная логика, ни традиционная социальная психология. А.В. Петровский организует как бы традиционное экспериментальное исследование конформизма, которое, с точки зрения его оппонентов — сторонников концепций «группового давления», приводит к явно парадоксальным результатам. Он сопоставляет данные, полученные при воздействии на личность неорганизованной группы, случайно собравшихся людей и сложившегося коллектива. Для представителей традиционной социальной психологии полученный им факт парадоксален: личность, подчинившаяся мнению неорганизованной группы, то есть проявившая явную конформность, вдруг сохраняет свою автономию в группе «*значимых других*», то есть демонстрирует не менее явную нонконформность. В чем же дело? А.В. Петровский, вступая с представителями концепции «группового давления» в сражение на их собственной территории, показывает, какие барьеры вырастают на пути изучения межличностных отношений, если их исследование помещается в прокрустово ложе дихотомии «конформизм или нонконформизм».

Встает вопрос: почему задача конкретных эмпирических исследований ставится в традиционной психологии именно таким образом: «эгоизм или альтруизм» (за группу или за себя), «демократия или авторитаризм» (считаться с группой или подавлять ее). Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к тем скрытым или явным постулатам, которые определяют мышление представителей традиционной социальной психологии. Источники мифов вполне можно отыскать, если вспомнить, что различные социально-психологические концепции, признают это их представители или нет, всегда опираются на ту или иную общепсихологическую теорию. И именно эта методология властно навязывает свое видение предмета исследования, в данном случае видение предмета изучения межличностных отношений. Мифы тради-

ционной социальной психологии строятся по сюжетам либо бихевиоризма, изучающего «поведение вне психики», либо интроспективной психологии сознания, анализирующей «психику вне поведения».

Вернемся к описанному ранее парадоксальному факту возрастания эффекта нонконформности в коллективе и взглянем на него через призму теории деятельностного опосредствования межличностных отношений. Парадоксальность этого факта кажущаяся. За этим фактом выступает новый социально-психологический феномен межличностных отношений — *феномен коллективистского самоопределения.*

За феноменом коллективистского самоопределения проступает общая закономерность историко-эволюционного подхода к личности: *проявления индивидуальности личности своим происхождением обязаны жизни личности в социальной группе.* Этот феномен заключается в том, что отношение личности к воздействиям со стороны группы опосредствовано ценностями и идеалами, выработанными в ходе совместной деятельности коллектива. Именно коллективистское самоопределение, в котором проявляется сознательная солидарность с ценностями и задачами коллектива, снимает мнимую дихотомию «конформизм или нонконформизм».

На смену альтернативе «эгоизм или альтруизм» приходит феномен *коллективистской идентификации*, проявляющийся в опосредствованном ценностями и целями совместной деятельности отношении к участнику этой деятельности как к самому себе при отношении к себе как к другим членам коллектива. *Для личности лидера оказывается куда более важной его способность оценить зону ближайшего развития сотрудника руководимого им коллектива, его интеллектуальный потенциал, чем метания между авторитарным или демократическим стилем руководства.* Хорошо знакомые социальным психологам проявления межличностных отношений в форме симпатии и антипатии тоже находят свое место в модели межличностных отношений, предложенной А.В. Петровским.

В русле теории А.В. Петровского был получен целый ряд специфических пограничных по своей природе феноменов, таких как коллективистское самоопределение, действенная групповая эмоциональная идентификация и т.п., которые одновременно являлись *и выражением группы, и качеством личности*. Описывая возникающее в этой теории видение личности, А.В. Петровский отмечает: «С точки зрения стратометрической концепции личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи и их носитель — конкретный индивид — практически нерасторжимы. Они даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но они вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления»[12].

При каких условиях происходит превращение феноменов класса «группа—личность» в еще один особый класс феноменов личности? Для того чтобы приблизиться к решению этого вопроса, нужно преодолеть некоторые ограничения, накладываемые «объектной ориентацией» (*А.У. Хараш*) на интерпсихологическое изучение личности, а также найти ту область феноменологии, на материале исследования которой удалось бы уловить *переход из феноменов «группа—личность» в смысловые проявления личности и тем самым превращение нормативно заданных ролевых связей, выражающих системы надындивидуальных надсознательных явлений, в личностно-смысловые отношения, изучение которых позволяет ответить на вопрос: ради каких мотивов действует человек в социальной группе*?

Основные ограничения, накладываемые «объектной ориентацией» на изучение личности в интерпсихологическом подходе, были сформулированы В.А. Петровским. *Первое ограничение* состоит в том, что связь между участниками социальной группы выступает в контексте этого подхода главным образом как *объектная ролевая связь*.

[12] *Петровский А.В.* Личность в психологии с позиции системного подхода // Вопросы психологии. 1981. № 1. С. 61.

Второе же ограничение заключается в отождествлении нормативно заданного социального поведения участников группы и тех эффектов воздействия одного человека на другого, в результате которых происходят преобразования в его смысловой сфере. Эти ограничения преодолеваются в исследованиях, проводимых на интрапсихологическом уровне анализа личности, уровне анализа «роль-для-себя».

Уровень анализа отношений личности в системе «роль-для-себя»

На интрапсихологическом уровне анализа проводятся исследования личностно-смысловых отношений, то есть отношений к тем объектам, поступкам и явлениям, ради которых развертываются деятельность и общение человека. Изучение *личностно-смысловых отношений члена социальной группы в совместной деятельности — это всегда поиск тех мотивов индивидуальности, во имя которых, ради которых она действует в социальной группе.* Встает вопрос, касающийся тех условий, при которых личностно-смысловые отношения непосредственно проявляются в поведении личности и замечаются другими людьми. Этот вопрос неотторжим от проблемы преобразования социотипического нормосообразного поведения личности в ее личностно-смысловое поведение. Уникальные возможности для исследования преобразования ролевых взаимоотношений между людьми в личностно-смысловые возникают при анализе феноменов социальной перцепции. Где кончается «объектное» восприятие, выражающее системы значений, и начинается «субъектное» восприятие и общение, проникающее в личностные смыслы поступков другого человека?

А.У. Хараш, отвечая на этот вопрос, подчеркивает: «Наиболее мощным толчком к изучению личности другого человека как личности, иными словами, к преодолению “значенческого фасада” его деятельности, является отход от тех образцов, которые в глазах общающихся с ним являются выражением “нормы”...» В этом пункте обозначенные условия перехода «объектного» восприятия в

смысловое восприятие, а именно отклонение от нормативно заданной деятельности, полностью созвучны *общему методическому принципу изучения смысловых проявлений личности, ее личностных смыслов и смысловых установок, который формулируется как принцип прерывания нормативно заданной деятельности.*

Социальная роль и индивидуальность личности. При условии таких «отклонений» в поведении проявляют себя личностно-смысловые отношения. Эти «отклонения» свидетельствуют о том, что *движение значений преобразуется в движение смыслов*, происходит трансформация феноменов «группа—личность» в смысловые проявления личности.

При изучении преобразований ролевых отношений в личностно-смысловые отношения недопустима порой возникающая ассоциация между терминами «социальная роль» и «маска», привносящая в термин «социальная роль» негативный нормативно-оценочный оттенок и приводящая к оппозиции между ролью и личностью, обществом и личностью. *Социальная роль есть единица передачи социально-типического опыта, обеспечивающая адаптивное поведение личности и выражающая общую тенденцию системы «личность-в-группе» к сохранению. Включаясь в жизнь личности, социальная роль индивидуализируется, воплощается в поведении личности как общее в единичном. Она начинает функционировать либо в форме социальных операциональных установок, далеких от основных ценностей и мотивов личности, и определять социально-типическое приспособительное поведение личности, либо же социальная роль приобретает личностный смысл, и тогда она, выступая в форме смысловых установок, начинает детерминировать направленность поведения личности в целом.*

Поиск конкретных экспериментальных приемов, отвечающих общему методическому принципу моделирования ситуаций «отклонения» от нормативно заданной деятельности и выявления закономерностей перехода от «объектных» ролевых отношений к личностно-смысловым, составляет одну из перспектив исследования в этой области психологии личности.

* * *

Таким образом, при исследовании проблемы соотношения общественных и межличностных отношений проступают разные сечения межличностных отношений в системе общественных отношений — от нормативно заданных отношений, изучаемых на уровне «роль-для-всех», до личностно-смысловых взаимоотношений, изучаемых на уровне «роль-для-себя».

Межличностные отношения располагаются не «над», «под» или «вне» общественных отношений, а опосредствуются совместной деятельностью в ходе движения личности в системе общественных отношений. В этом пункте принципиальное отличие традиционных схем, иллюстрирующих взаимоотношения между личностью и культурой, от предложенной в русле культурно-исторического деятельностного подхода схемы, отображающей разные уровни межличностных отношений в социальной группе (см. рис. 8). Если ядром первых является, как то и вытекает из антропоцентристской установки, «*индивид*», то в центре второй схемы — «*совместная деятельность*». Так проявляются на уровне конкретной методологии птолемеевский и коперниканский взгляды на природу человека. В основывающейся на деятельностном подходе психологии личности в качестве исходной клеточки анализа личности в обществе выступает «содействие».

Глава 13
Содействие — основа социализации личности

В психологии существует немало разноречивых трактовок процесса *социализации*. При всей противоречивости трактовок социализации среди них чаще всего преобладает интерпретация «социального» как «внешнего» фактора, «социального контроля» или «принуждения». Рассмотрение социальной среды, общества как внешней силы, воздей-

ствующей на ребенка, исходит из антропоцентристской парадигмы мышления, превращающей ребенка в точку приложения внешних воздействий со стороны общества. В реальности же такое противоборство между ребенком и обществом конструируется в искусственных ситуациях, вырывающих ребенка из его естественной ситуации развития. Ребенок либо забрасывается в новую «социальную группу», либо сталкивается с «чужим» взрослым, например экспериментатором, который щедро снабжает его «ответами», в то время как ребенок и не собирался задавать ему никаких «вопросов».

Известный английский методолог и социальный психолог Р. Харре видит истоки понимания социализации как внешнего принуждения, а также неестественные схемы экспериментирования с ребенком в идущей от Р. Декарта оппозиции «внешнее—внутреннее». *По мнению Р. Харре, опирающегося на идеи Л.С. Выготского о социализации как преобразовании интерпсихического в интрапсихическое в ходе совместной деятельности и общения, для построения теории индивидуальной психологии личности необходимо отказаться от декартовой оппозиции «внешнее—внутреннее».* Взамен декартовой системы координат Р. Харре предлагает пространство психологии личности со следующими осями: ось «индивидуальное—коллективное»; ось «личностное—социальное», ось «публичное—частное» (рис. 10). Ось абсцисс «индивидуальное—коллективное» одновременно, по Р. Харре, представляет собой ось «осуществления» в концептуальном пространстве психологии личности.

Схема Р. Харре, в которой индивидуум не противостоит социальной группе, а неразрывно связан с ней процессом «осуществления», действования, близка к идее Л.С. Выготского, согласно которой *развитие ребенка в обществе, преобразование социального в индивидуальное происходят в процессе сотрудничества со взрослыми и сверстниками. Именно сотрудничество ребенка со взрослым, содействие ребенка со взрослым и сверстниками и выступают как основа социализации личности.* Весьма наглядно содействие как исходная клеточка развития личности проявляется в феномене «психологического симбиоза».

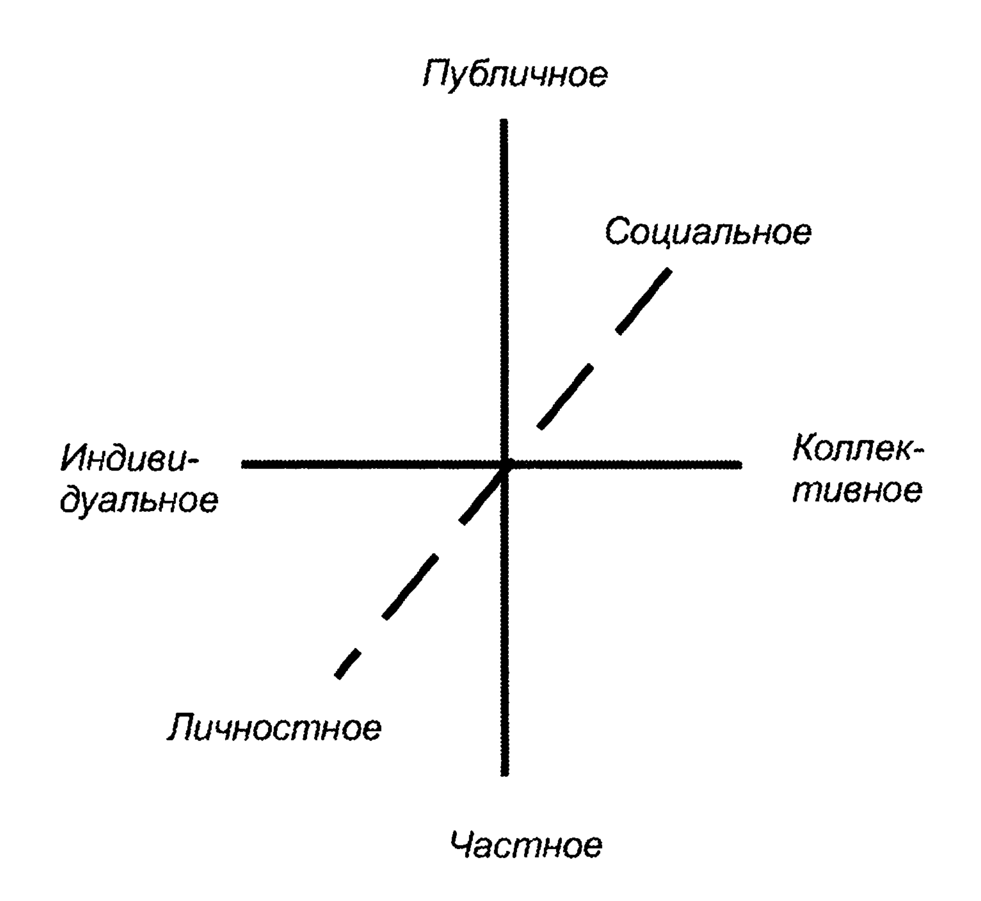

Рис. 10. «Истинное» пространство психологии (по *Р. Харре*, 1983)

Феномен «психологического симбиоза»

Английские психологи Дж. Шоттер и Дж. Ньюсон на основе анализа общения матери с младенцем обнаружили, что мать общается с ребенком не как с отдельным автономным существом, а как с диадой, которую она сама образует вместе с младенцем. Для обозначения диады «мать—ребенок» Дж. Шоттер и Дж. Ньюсон воспользовались понятием «психологический симбиоз». С момента рождения, как это следует из анализа магнитофонных записей общения ребенка с матерью, большинство матерей разговаривают с ребенком так, словно он обладает разными намерениями, желаниями, мыслями. По существу *матери наделяют младенца мыслями и чувствами и общаются с ним как с подлинным обладателем этих чувств и мыслей.* По мере развития симбиотической диады «мать—младенец» внутренняя структура диады меняется, так как ребенок берет на себя все большее число психологических функций (рис. 11).

Открытие феномена «психологического симбиоза», в основе которого лежит акт содействия между ребенком и матерью, дает основания для поиска симбиотических диад в других видах межличностного взаимодействия. Такими диадами могут оказаться «муж и жена», «врач и больной»

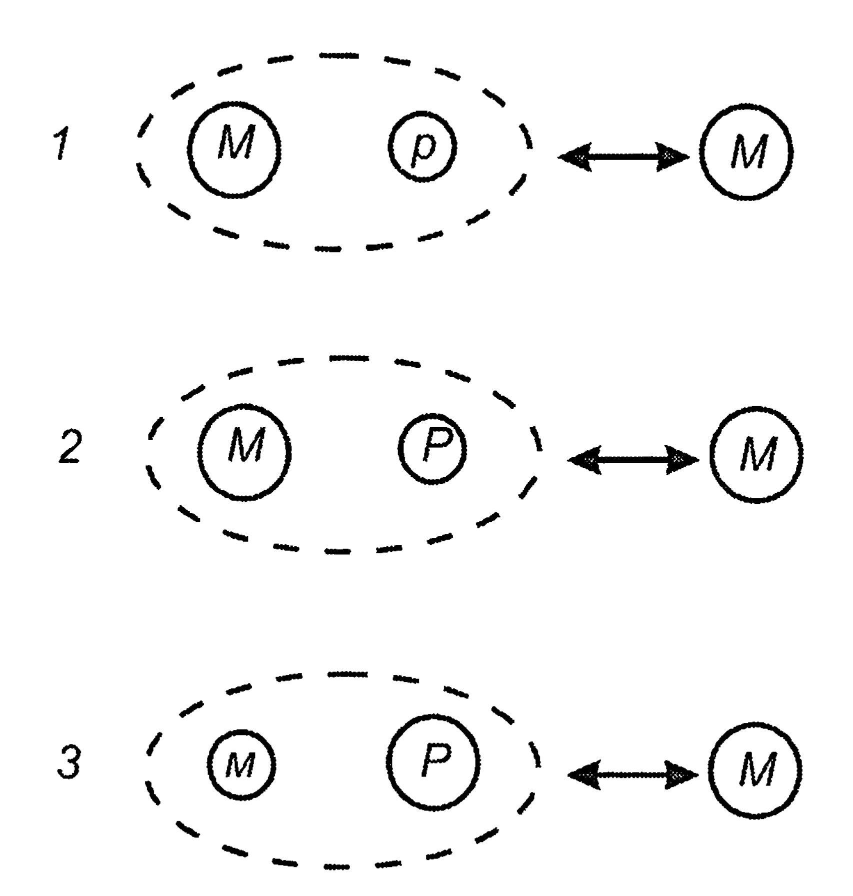

Рис. 11. Стадии психологического симбиоза в диаде «мать—ребенок»: стадия *1* — младенчество; стадия *2* — детство; стадия *3* — взрослость (по *Р. Харре и др.*, 1985)

и т.п. Р. Харре полагает, что *психологический симбиоз — это не исключительный феномен, а обычное проявление социальной жизни, в которой люди психологически образуют взаимодействующую диаду.* В частности, когда к врачу приходит мать с больным ребенком, врач взаимодействует в реальности не с ребенком, а именно с симбиотической диадой, в которой мать участвует в создании психологической основы действий ребенка.

В симбиотической диаде мать творит своего ребенка как личность, а ребенок оказывает существенное влияние на поведение матери. Американский психолог М. Коул в своей статье «Зона ближайшего развития, где познание и культура творят друг друга» (1981) показывает, что *содействие ребенка с матерью, обеспечивающее развитие ребенка, обладает рядом черт.*

Во-первых, мать инициирует поведение ребенка, то есть побуждает его к акту содействия; во-вторых, в процессе содействия мать решает совместно с ребенком задачи разного уровня сложности, подбирая те задачи, которые как бы по плечу ребенку; в-третьих, в акте содействия с матерью, определяющем зону ближайшего развития ребенка, не только происходит решение той или иной задачи, а отбирается именно

культурно предпочитаемая стратегия такого решения. Иными словами, *приобщение к культуре вырастает из процесса содействия ребенка со взрослыми, в котором и происходит преобразование культурно предпочитаемых стратегий решения задач в индивидуальные стратегии решения.*

Существование феномена «психологического симбиоза» наглядно подтверждает, что в *центре процесса социализации личности стоят различные акты содействия, являющиеся основой симбиотических диад.*

От содействия — к самоконтролю поведения личности

В психологии процесс социализации личности ребенка от реального содействия по социокультурному образцу со взрослыми и сверстниками — к самоконтролю за своими поступками был детально изучен в исследованиях А.В. Запорожца и его сотрудников. В этих исследованиях показано: *в ходе содействия со взрослым ребенок преобразует функционально-ролевые отношения в группе, поставляющие только знаемые нейтральные мотивы действий, которые корригируются запаздывающими эмоциями, в личностно-смысловые отношения, побуждаемые смыслообразующими мотивами действий ребенка, которые корригируются предвосхищающими эмоциями.*

В исследованиях А.В. Запорожца, во-первых, мотивы, эмоции, поступки изучаются в реальном режиме их функционирования и развития, а не препарируются и превращаются в фантомы («мотивы сами по себе», «эмоции сами по себе» и т.п.); во-вторых, явно даются реальные факты, стоящие за введенными А.В. Запорожцем понятиями «*мотивационно-смысловая ориентировка*», «*мотивационно-смысловая регуляция поведения*»; в-третьих, раскрываются единый контур регуляции поведения индивидуальности в ситуациях *личностного выбора* (взаимосвязи социальной позиции, ценностных установок, эмоций, личностных смыслов и поступков), роль воображения в развитии индивидуальности, две функции эмоций — *смыслоразличение* и *смыслообразование.*

Продолжая разработку представлений о необходимости различения между *объективным значением* и *личностным*

смыслом, начатую П.Я. Гальпериным и А.Н. Леонтьевым, А.В. Запорожец писал о возникновении особых смысловых задач в побуждающих проблемно-конфликтных ситуациях: «Простейшие виды такого рода ориентировки, называемой нами мотивационно-смысловой, осуществляются при помощи системы пробуждающих действий, направленных, например... на выяснение того, не представляет ли какой-либо угрозы встретившийся незнакомый объект или лицо и не опасно ли иметь с ним дело. Во всех этих случаях ребенок как бы предварительно испытывает воспринимаемый объект на оселке своих потребностей, вкусов и возможностей...

...Ребенок, достигший относительно высокого уровня развития эмоционального воображения, пытается, прежде чем приступить к решению задачи, предварительно проиграть в воображаемом плане различные варианты действия и прочувствовать тот смысл, который их последствия могут иметь для окружающих людей, а следовательно, и для него самого как члена группы, как социального существа. Этим путем он стремится определить направление своего последующего поведения, избежав тех ложных, не соответствующих его основным потребностям и ценностным установкам поступков, которые легко могли бы быть совершены под влиянием случайных обстоятельств и мимолетных желаний...»[13]

Перестройка мотивационно-смысловой ориентировки ребенка производится лишь тогда, когда в ходе содействия он открывает для себя в социальном образе жизни группы те или иные новые ценности.

Так, в исследованиях А.В. Запорожца и Я.З. Неверович обнаружено, что *за процессом интериоризации социальных норм и появлением самоконтроля выступает изменение отношения ребенка к ценностям социальной группы.* Вначале ребенок выполняет групповое требование быть дежурным, принимая его как чужое, и всячески пытается ускользнуть от этой безразличной для него работы. *На*

[13] Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Под ред. А.В. Запорожца, Я.З. Неверович. М., 1986. С. 21—29.

втором этапе ребенок «дежурит», если есть внешняя опора, «стимул-средство» вроде похвалы или внешнего контроля за его поведением. Эмоциональная коррекция ребенка на этом этапе носит запаздывающий характер, то есть ребенок через эмоции различает смысл события после того, как оно уже завершено. *На третьем этапе* функционально-ролевые отношения социальной группы, ее нормы и требования приобретали для ребенка личностный смысл, а эмоциональная коррекция поведения — опережающий характер. Иными словами, *эмоции обеспечивали смыслоразличение* в проблемно-конфликтной ситуации до того, как начиналось совершение поступка. «...Ребенок начинал выполнять свои маленькие трудовые обязанности не ради похвалы взрослого.., а ради достижения общественно значимого результата, стремясь удовлетворить определенные нужды окружающих его людей. Теперь он действовал уже по собственной инициативе, не дожидаясь каких-либо указаний или поощрений со стороны окружающих, что свидетельствовало о превращении усваиваемых социальных норм и требований во внутренние мотивы детской деятельности»[14]. При этом *функционально-ролевые отношения как предпосылка содействия ребенка со взрослым и сверстниками превращались в личностно-смысловые отношения ребенка к миру, к другим людям, к самому себе.*

Таким образом, в социальном образе жизни процесс социализации идет в направлении от совместных актов, содействия как исходных «клеточек» развития личности к самоконтролю поведения, побуждаемому смыслообразующими мотивами индивидуальности.

Три грани социализации личности

В основе преобразования социальных отношений между людьми в индивидуальные отношения личности лежит механизм интериоризации—экстериоризации, функционирующий в процессе совместной деятельности. «Развитие внутренних индивидуальных

[14] *Запорожец А.В., Неверович Я.З.* О генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Вопросы психологии. 1974. № 6. С. 63.

свойств личности ребенка имеет ближайшим источником его сотрудничество с другими людьми...»[15]

В понятии «интериоризация» необходимо выделить *три* различные грани.

Социализация как индивидуализация. *Первую* грань можно было бы назвать гранью *«индивидуализации»*. Раскрытие этой грани позволило Л.С. Выготскому отразить *основной генетический закон культурного развития: от интерпсихического, социальной коллективной деятельности ребенка к индивидуальному, интрапсихическому, к собственно психологическим формам его деятельности.*

Суть этой линии анализа развития конкретных видов деятельности выступает в работах Л.С. Выготского, посвященных превращению внешней социальной речи, «речи-для-других», во внутреннюю речь — «речь-для-себя». Если же исследователь поставит своей целью раскрыть эту грань интериоризации на материале изучения личности, что особенно важно для избежания сведения интериоризации только к переходу из материального в идеальное в конкретной деятельности, то заданное Л.С. Выготским направление исследований приведет его к анализу интериоризации социальных отношений (и норм) в процессе совместной деятельности. Так, в исследовании В.В. Абраменковой показывается, как возникают и проявляются гуманные отношения к сверстнику у дошкольников в совместной деятельности. Вначале совместная деятельность, предполагающая кооперацию у детей, порождает и полностью определяет гуманные отношения. Затем гуманные отношения, интериоризуясь в ходе совместной деятельности, фиксируются в гуманных смысловых установках личности ребенка, проявляющихся в таких переживаниях, как *сорадование* и *сострадание к удачам и неудачам других.* В онтогенезе взаимосвязи между гуманными, или, шире, межличностными, отношениями, преобразованными в установки личности, и совместной деятельностью как бы «переворачиваются»: если у детей совместная деятельность непосредственно порождает и опосредствует гуманные от-

[15] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1984. С. 265.

ношения, то у взрослых гуманные отношения, фиксируясь в установках личности, опосредствуют и даже определяют выбор тех или иных мотивов конкретной деятельности. Подобные взаимосвязи между «отношениями» и «деятельностью» доказывает недопустимость противопоставления категории «отношение» категории «деятельность».

Социализация как интимизация. *Вторая* грань понятия «интериоризация», отражающая переход от «Мы» к «Я», лучше всего передается посредством термина «*интимизация*» (*И.С. Кон*). При изучении этой грани разрабатываются проблемы самосознания личности. Для иллюстрации этого аспекта интериоризации можно сослаться на глубокие наблюдения С.Л. Рубинштейна, который в простом факте называния двухлетними детьми себя в третьем лице (Петя, Ваня, то есть так, как их зовут другие люди), затем лишь в первом лице («Я») видит начало осознания детьми своего «Я». Изучение этого аспекта интериоризации еще ждет своих исследователей.

Социализация как «производство внутреннего плана сознания». И наконец, *третья,* наиболее изученная, грань понятия «интериоризация» — это «интериоризация» как производство внутреннего плана сознания (*П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Н.Ф. Талызина*). Казалось бы, детальное изучение этого аспекта интериоризации должно было бы послужить своеобразной гарантией от односторонних его интерпретаций. Тем не менее интериоризация порой трактуется как прямой механический перенос внешнего, материального во внутреннее, идеальное. Отчасти такая односторонняя интерпретация может возникнуть из-за выделения в контексте общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева положения о единстве строения внешней и внутренней деятельности. Но единство, например, единство мысли и слова, как неоднократно подчеркивал Л.С. Выготский, никак не означает их тождественности, одинаковости.

Для того чтобы избежать возникновения впечатления об интериоризации как механическом переносе внешнего во внутреннее, а также для выявления специфических

черт *внутреннего диалога, «диалога с самим собой»*, укажем те преобразования, которые претерпевает внешняя речь при переходе во внутреннюю речь. Превращение социальной речи, «речи-для-других», в «речь-для-себя» радикально изменяет грамматическую и семантическую структуру внутренней речи. Для того чтобы объяснить эти изменения, следует во главу угла поставить идею Л.С. Выготского о *роли мотивации в понимании высказывания.* Отметим, *что общение между людьми становится диалогическим в смысле М.М. Бахтина, когда общающиеся фокусируются на мотивах друг друга.* Аналогичное изменение происходит во внутренней речи. Итак, главный критерий — фокусировка на мотивах общающихся людей.

Л.С. Выготский писал: «...Понимание мысли собеседника без понимания его мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание. Точно так же в психологическом анализе любого высказывания мы доходим до конца только тогда, когда раскрываем этот последний и самый утаенный план речевого мышления, его мотивацию»[16]. Во внутренней речи человек на осознаваемом или неосознаваемом уровне знает мотивы собеседника, так как в качестве собеседника выступает он сам, его «Я». Отсюда и предельная индивидуализированность внутренней речи, проявляющаяся в *редуцированности ее фонетических моментов, фрагментарности, предикативности и интонационной окраске.*

Во внутренней речи нет необходимости договаривать слова до конца, так как известно по самому намерению, что должно быть произнесено. В ней нет нужды начинать с подлежащего, так как всегда говорящему известна ситуация, в которой развертываются те или иные события. Достаточно, как на трамвайной остановке, сказать «идет» или многозначительно «вы понимаете...» между «посвященными» людьми, чтобы понять, о чем говорится. Отсюда *предикативность* внутренней речи.

Еще более глубокие изменения происходят в семантическом строении внутренней речи, этой особой форме диалога с самим собой. Для семантики внутренней речи

[16] *Выготский Л.С.* Избранные произведения. М., 1956. С. 380.

характерны такие особенности, как *преобладание смысла над значением, слияние смыслов, идиоматичность, агглютинация семантических единиц.*

Идиоматизмы, непереводимые на язык внешней речи предельно индивидуализированные значения, — это индикаторы растущей интимизации самосознания личности. Во внешней диалогической речи их аналогами являются внутренние диалекты разных социальных групп, по которым представители этих групп безошибочно узнают «своего». Агглютинация семантических единиц — это слипание слов, изменяющее их смысл. Каждому известны примеры таких агглютинаций, как «Мойдодыр» и «Айболит».

Еще одна особенность — это *преобладание смысла над значением*, предельным случаем которого является изменение в зависимости от мотива значения слова вроде известного «попляши» в басне «Стрекоза и Муравей», приобретшего смысл «погибни».

И наконец, *вливание смыслов друг в друга*, примером которого является превращение в ходе чтения «Мертвых душ» Гоголя мертвых душ — умерших и числящихся живыми крепостных — в духовно мертвых героев поэмы. Все эти черты могут проявляться не только во внутреннем, но и во внешнем «открытом» диалогическом общении людей, за которым стоят личностно-смысловые отношения.

Итак, в *зависимости от задачи, стоящей перед исследователем, в представлениях об интериоризации как механизме социализации проступают три различные грани — индивидуализация, интимизация и производство внутреннего плана сознания.* Без учета этих аспектов социализации вряд ли возможно проникнуть в психологическую природу механизма общения, обучения и воспитания личности, раскрыть закономерности процесса усвоения человеком мира культуры.

Однако при более глубоком проникновении в сущность этих механизмов абстракция, позволяющая увидеть личность преимущественно в качестве участника общественного развития, практически исчерпывает сферу своего влияния. Будучи вполне уместной и даже необходимой на квазипсихологическом и интерпсихологическом уровнях изучения личности в

системах «роль-для-всех» и «роль-для-группы», она вступает в очевидное противоречие с фактами, как только исследователь обращается к персоногенезу — изучению движущих сил развития личности и ее жизненного пути.

От социогенеза — к персоногенезу. Основной задачей историко-эволюционного подхода к изучению личности является задача выявления закономерностей развития *изменяющегося человека в изменяющемся мире.* В известном смысле кредо историко-эволюционного подхода к личности может стать изречение, написанное на подводной лодке героя повести Жюля Верна капитана Немо: «Mobile in Mobiles» («Подвижный в подвижном»).

Выступая как источник развития личности, социально-исторический образ жизни как бы задает появившемуся на свет человеку сценарий, втягивает его в определенный распорядок действий. Жесткость этого распорядка действий зависит прежде всего от того, насколько варьирует в конкретном социально-историческом образе жизни свобода выбора тех или иных видов деятельности. Весьма условно пеструю мозаику культур в ходе человеческой истории можно расположить у двух полюсов — полюса *полезности* и полюса *достоинства.* В тех культурах, где чаша весов склоняется в сторону полюса полезности, безличное социотипическое поведение начинает преобладать над индивидуальным поведением в жизни личности. Культура, ориентированная на полезность, прежде всего стремится к равновесию, к самосохранению. В такого рода культурах сокращается время, отводимое на детство, а старость не обладает ценностью.

Иная природа культур, ориентированных на достоинство. Ведущей ценностью в социально-историческом образе жизни этих культур становится ценность личности независимо от того, можно получить выгоду от этой личности для выполнения того или иного дела или нет. В таких культурах дети, старики и инвалиды священны. Они находятся под охраной общественного милосердия. И именно эти культуры в историко-эволюционном процессе оказываются более подготовленными к нахождению нетривиальных решений в критических, кризисных ситуациях.

При всех отличиях культур, ориентированных на *полезность* и *достоинство*, в каждой из таких культур существуют *механизмы по выработке неопределенности* (*Ю.М. Лотман*), предполагающие осуществление индивидуального поведения личности. Обращение к археологическим и этнографическим данным позволяет предполагать, что уже на самых ранних этапах антропосоциогенеза поведение не сводилось к безличному поведению и не вмещалось в рамки чисто адаптивных рациональных действий.

За нередко встречающимися в человекознании представлениями о существовании безличных периодов человеческой истории, за идеями о социализации как о навязывании ребенку внешних социальных схем мышления и поведения выступают концепции двойной детерминации развития личности. Приблизиться же к пониманию закономерностей развития личности в персоногенезе удается тогда, когда в центре анализа вместо неизменной личности в изменяющемся обществе или же вместо изменяющейся личности в неизменном обществе[17] оказываются реальные процессы содействия, целенаправленной деятельности и коммуникации людей в истории общества и жизненном пути индивидуальности.

---

[17] *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988.

Раздел IV

ЧЕЛОВЕК КАК ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ: ПЕРСОНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Всё умирает на земле и в море,
Но человек суровей осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.

Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

С. Маршак

Глава 14
Индивидуальность личности и ее жизненный путь

Жизненный путь личности — это путь становления ее индивидуальности (*С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев*). Чтобы понять закономерности развития индивидуальности личности, полный противоречий процесс *персоногенеза*, необходимо проделать движение в направлении от личности к деятельности и увидеть личность еще в одной проекции — «*личность как субъект выбора*».

Говоря о превращении личности на определенном этапе ее развития из «элемента», усваивающего в ходе его первоначального формирования нормы и ценности социальной культуры, то есть функционально-ролевые системные качества той или иной общности, в субъект социальной группы, А.Н. Леонтьев подчеркивает, что на этом рубеже коренным образом изменяется «механизм» формирования личности. Чем более зрелой становится личность, чем более разветвленной становится система ее связей, реализуемых потоком деятельности в обществе, чем чаще сталкивается она с проблемой выбора между различными и порой весьма противоречивыми мотивами, тем менее действенной становится привычная для психолога формула о личности как продукте прошлого опыта, тем утопичнее выглядят попытки вывести все поступки и действия человека, апеллируя исключительно к его биографии.

Дело заключается в том, что вследствие изменения механизма формирования личности прошлые события и собственные действия субъекта фактически перестают выступать для него «...как покоящиеся пласты его опыта. Они становятся предметом его отношений, его действий и потому меняют свой вклад в личность. Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие и способы его деятельности — сложившиеся способности, умения, стереотипы поведения; другое от-

крывается ему совсем в новом свете и приобретает прежде не увиденное им значение; наконец, что-то из прошлого активно отвергается субъектом, психологически перестает существовать для него, хотя и остается на складах его памяти. Эти изменения происходят постоянно, но они могут и концентрироваться, создавая нравственные переломы. Возникающая переоценка прежнего, установившегося в жизни приводит к тому, что *человек сбрасывает с себя груз своей биографии* (курсив наш. — *А.А.*)»[1].

Изучая человека как субъект выбора, исследуют то, как личность преобразует, творит действительность, в том числе и самое себя, вступая в активное отношение к своему опыту, к своим потенциальным мотивам, к своему характеру, способностям и к продуктам своей деятельности. ***При анализе человека как индивидуальности исследователи сталкиваются с такими проблемами психологии, как проблемы воли, характера, способностей и одаренности, или, иными словами, проблемами анализа индивидуальности личности, которые, несмотря на обилие попыток их изучения в истории психологии, до сих пор остаются terra incognita и одновременно «синей птицей» для психологов самых разных школ и направлений.***

Эпизодические всплески интереса ко всем этим проблемам сменяются долгими периодами разочарования, проявляющимися в признании отсутствия общих теоретических подходов и методических схем к их исследованию, а порой и в форме прямого отказа от их изучения методами традиционной «объяснительной» психологии, решительно высказанного представителями описательной «понимающей» психологии В. Дильтеем и Э. Шпрангером. Одним из главных препятствий, затрудняющих продвижение в области исследования указанного круга проблем, является то, что большинство из них ставились изолированно, выхватывались из контекста не только той или иной теории личности, но и, прежде всего, из общепсихологической теории в целом. Вследствие этого часть принималась за целое, характер растворялся в личности, спо-

[1] *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 291.

собности отрывались от воли, воля коррелировалась с типом телосложения, а затем из всего этого, без заранее выбранного фасона, как бы «скраивалась» индивидуальность личности. При рассмотрении же проявления индивидуальности личности в особой проекции — проекции *личности как субъекта выбора* — открывается возможность корректно поставить некоторые вопросы изучения индивидуальности и наметить в ряде случаев методические пути их решения.

Продуктивные и инструментальные проявления индивидуальности как субъекта выбора

При изучении проявлений индивидуальности могут быть выделены два плана анализа этих проявлений: продуктивный и инструментальный.

Под *продуктивными проявлениями* индивидуальности прежде всего имеются в виду те процессы активности, в которых человеку приходится осуществлять выбор между различными мотивами, позициями и ролями, отыскивать, а иногда и создавать приемы и средства для овладения своим поведением, использовать различные защитные механизмы и средства для разрешения и перестройки приводящих к отклонению от нормативно заданной линии поведения ситуаций.

К *продуктивным проявлениям* личности как субъекта выбора также относятся те преобразования, те «личностные вклады» (*В.А. Петровский*), которые личность своими действиями вводит в смысловую сферу других людей и культуру. Если продуктом первого обозначенного круга проявлений индивидуальности является прежде всего преобразование себя, то продуктом второго круга проявлений — преобразование других. Нет нужды специально оговаривать условность последнего разграничения, критерием которого является исключительно позиция исследователя, в зависимости от которой объектом анализа становятся либо те, либо другие продуктивные проявления индивидуальности. В реальности же оба этих аспекта нерасторжимы, и личность, как правило, изменяет себя через преобразования социальной реальности.

К инструментальным проявлениям индивидуальности относятся *характер* и *способности.* При этом *характер понимается как фиксированная форма смыслового опыта, смысловых установок личности, актуализирующихся в присущем данной личности индивидуальном стиле действования, посредством которого достигаются те или иные мотивы индивидуальности. Если мотивационные линии задают стратегию жизни человека, то характер определяет тактику поведения человека, действующего ради достижения своих мотивов.*

Что же касается *способностей,* то они, как отмечают придерживающиеся самого разного понимания генезиса отечественные психологи (*А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов*), определяют *меру успешности и эффективности деятельности*, а тем самым в конечном итоге и *степень продуктивности проявлений личности как субъекта деятельности.*

В целом индивидуальность понимается как совокупность смысловых отношений и установок человека в мире, которые присваиваются в ходе жизни в обществе, обеспечивают ориентировку в иерархии ценностей и овладение поведением в ситуации борьбы мотивов; воплощаются через деятельность и общение в продуктах культуры, других людях, себе самом ради продолжения существования образа жизни, являющегося ценностью для данного человека.

При анализе развития индивидуальности различают *функциональную динамику ее развития*, наиболее явно проявляющуюся в проблемно-конфликтных ситуациях (например, стресс, фрустрация, конфликт, кризис), и изменения ее «*большой динамики*» в ходе жизненного пути.

Глава 15
Мотивационно-смысловые отношения индивидуальности и их динамика

В одном из вузов столицы однажды произошла история, доказывающая, сколь важно различать *знания* человека о мире и его мотивационно-смысловые отношения к миру. Об одном выпускнике вуза вдруг стало известно, что он — глубоко верующий человек. В результате его обвинили в неискренности. «Почему вы обвиняете меня в неискренности?» — спросил студент. «Но как же, — ответил преподаватель, — Вы сдавали экзамены по марксистско-ленинской философии, научному атеизму только на отличные оценки, скрывая от нас свою веру в Бога». — «Простите, — ответил студент, — я действительно сдавал экзамены по всем этим предметам. Но никто ни разу не спросил меня, *верю ли я* в то, что сдаю на экзамене». Можно сколь угодно много знать о мире, но до тех пор, пока знание не воплотится в подлинную веру, оно не обусловит поведение индивидуальности, не превратится в путеводный ориентир в ситуации выбора. В личностных смыслах чужая боль переживается как своя, а соломинка приобретает для утопающего смысл спасения жизни.

Вера, совесть, честь и т.п. — все это мотивационные смысловые установки индивидуальности, которые формируются в деятельности, в делах и поступках человека и изменяются вместе с переменами в его судьбе.

В отечественной психологии представления о мотивационно-смысловых отношениях индивидуальности начинают формироваться в исследованиях школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия. Еще в работе Л.С. Выготского «Мышление и речь» предпринимается попытка найти единицу, выражающую *единство аффективных и интеллектуальных процессов*. «Анализ, расчленяющий сложное целое на единицы... — пишет он, — показывает, что существует *динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов*. Он показывает, что во всякой идее содержится в

переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в той идее. Он позволяет раскрыть прямое движение от потребности и побуждений к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности»[2].

Позднее А.Н. Леонтьевым и П.Я. Гальпериным выделяется понятие *личностного смысла — отражения в сознании личности отношения мотива деятельности к цели действия. Будучи порождением жизни, жизнедеятельности субъекта, система личностных смыслов является характеристикой индивидуальности человека.* В них действительность открывается со стороны жизненного значения знаний, предметных и социальных норм для самого действующего ради достижения тех или иных мотивов человека, а не только со стороны объективного значения этих знаний.

Личностный смысл представляет собой индивидуализированное отражение действительности, выражающее отношение человека к тем объектам, ради которых развертывается ее деятельность и общение. Самые различные проявления культуры и, шире, общественных отношений, усваиваемые субъектом в процессе интериоризации социальные нормы, роли, понятия языка, ценности и идеалы, воспринимаемые им действия и поступки других людей могут приобрести для него *личностный смысл*, стать «*значением-для-меня*». Взаимоотношения между опредмеченными в действительности значениями и личностными смыслами — это взаимоотношения между социальным и индивидуальным в жизни личности. Введение представлений о личностных смыслах позволяет понять двойственную качественную структуру такого общественного явления, как индивидуальность человека. Личностно-смысловые качества не противостоят социально-типическим системным качествам личности, а представляют собой специфическую, преобразованную в процессе деятельности форму их существования в индивидуальной жизни личности.

Личностный смысл представляет собой важный, но не единственный момент функционального развития моти-

---

[2] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 22.

вационно-смысловых отношений личности. При анализе этих отношений необходимо учитывать движение как от деятельности к индивидуальному сознанию, так и от индивидуального сознания к поведению индивидуальности.

В этом функциональном развитии выделяются следующие составляющие мотивационно-смысловых отношений субъекта к миру, другим людям и самому себе: *социальная позиция субъекта как члена той или иной социальной общности; побуждающие субъекта к деятельности мотивы, задаваемые этой позицией; реализуемые деятельностью объективные отношения субъекта к событиям и явлениям; приобретенный в свете тех или иных мотивов личностный смысл; личностный смысл как отражение в индивидуальном сознании отношения субъекта к этим событиям и явлениям; выражающие личностный смысл в поведении смысловые установки; поступки и деяния личности, регулируемые смысловыми установками; эмоции, выполняющие функции смыслоразличения и смыслообразования, обеспечивающие смысловую коррекцию действий и поступков*[3].

Особенности мотивационно-смысловых отношений индивидуальности

Мотивационно-смысловые отношения индивидуальности личности обладают рядом особенностей. Центральная из этих особенностей — *производность мотивационно-смысловых отношений от места человека, его социальной позиции в обществе и набора возможных мотивов деятельности, задаваемых этой социальной позицией.* Детерминированность мотивационно-смысловых отношений социальной позицией и обусловленность этой позицией отношений деятельности субъекта определяют другие особенности их психологической природы:

опосредованность изменения мотивационно-смысловых отношений изменением лежащей в ее основе деятельности (принцип деятельностного опосредствования мотивационно-смысловых отношений индивидуальности);

---

[3] По аналогии с «рефлекторным кольцом» регуляции движений (*Н.А. Бернштейн*) представляется целесообразным рассматривать «смысловое кольцо» регуляции поступков личности.

недостаточность осознания личностью смысла для его изменения;

невозможность непосредственного воплощения личностного смысла в значениях.

Из принципа деятельностного опосредствования мотивационно-смысловых отношений вытекает, что *перемена социальной позиции человека в мире влечет за собой переосмысление его отношений к действительности.* В ряде случаев резкая перемена социальной позиции человека может привести к глубоким перестройкам всей совокупности личностных смыслов, порой драматически проявляющихся в таких феноменах, как *феномены «потери себя» и утраты смысла существования* (*А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник, Е.В. Субботский, Л.С. Цветкова, А.У. Хараш, В.А. Петровский*).

Принцип деятельностного опосредствования личностных смыслов позволяет отграничить *личностные смыслы от существующих на поверхности сознания субъективных переживаний вроде симпатий, антипатий, желаний, хотений и т.п., изменяющихся непосредственно под влиянием речевых воздействий.* Подобные субъективные переживания, как и эмоции, выполняют функцию оценки личностных смыслов и тем самым способствуют осознанию субъектом его отношения к действительности. При несовпадении субъективных переживаний и личностных смыслов, например несовпадении антипатии к близкому человеку, возникшей в какой-либо прямо не затрагивающей мотивы субъекта ситуации, и личностного смысла этого человека, изменятся скорее направленность и знак субъективных переживаний, чем личностный смысл этого человека.

В психологии представление о *переживании* используется в трех значениях:

— Переживание как любое эмоционально окрашенное явление действительности, непосредственно представленное в сознании субъекта и выступающее для него как событие его собственной индивидуальной жизни.

— Переживание как стремления, желания и хотения, непосредственно представляющие в индивидуальном сознании процесс осуществляемого субъектом выбора мотивов и целей его деятельности и тем самым способствую-

щие осознанию отношения личности к происходящим в ее жизни событиям.

— Переживания как деятельность, возникающая в ситуации невозможности достижения субъектом ведущих мотивов его жизни, крушения идеалов и ценностей и проявляющаяся в процессе преобразования психологического мира человека, направленном на переосмысление его существования (лингвистически производно от термина «пережить»)[4].

В *первом, широком значении* термина «переживание», восходящем корнями к интроспективной психологии сознания, акцентируются такие *особенности переживания, как непосредственная данность и принадлежность содержаний сознания субъекту.* В отечественной психологии были преодолены присущие субъективистской трактовке сознания ограничения, заключающиеся в сведении переживания преимущественно к аффективным состояниям субъекта, резком отрыве представленного переживания знания о действительности от отношения субъекта к этой действительности, а также в изучении переживания вне контекста реального процесса жизнедеятельности субъекта. Характеристика того или иного психического факта как переживания указывает на укорененность данного факта в индивидуальной жизни личности (*С.Л. Рубинштейн*).

Во *втором значении* раскрывается функция таких особых форм переживания, как *стремления, желания и хотения*, в регуляции деятельности личности. Эти формы переживания отражают в сознании динамику борьбы мотивов, выбора или отвержения целей, к которым стремится человек. Субъективно выражающийся в переживании тот или иной мотив прямо в них не содержится. Это и создает впечатление, будто сами переживания побуждают поведение личности. В действительности же *переживания выступают как внутренние сигналы, посредством которых осознаются личностные смыслы происходящих событий*, в сознании осуществляется выбор возможных мотивов и регуляции динамики поведения личности (*А.Н. Леонтьев*).

---

[4] См.: *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984.

Третье значение термина «переживание» фиксирует его как ту *особую деятельность, возникающую в критической жизненной ситуации, с помощью которой человеку удается перенести, как правило, тяжелые события, вернуть утраченную осмысленность существования.* Подобного рода деятельность развертывается тогда, когда никакие внешние преобразования ситуации, никакое новое знание о ней не могут вернуть человеку смысл жизни (например, утрата близкого человека). *Продуктом такой деятельности является происходящее вследствие переоценки ценностей, своего места в мире обретение смысла своего существования* (*Ф.Е. Василюк*). Разработка этой грани проблемы переживания позволяет воплотить мысль о том, что сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его.

Итак, кардинальное отличие мотивационно-смысловых отношений от таких существующих на поверхности сознания образований, как субъективные переживания (желания, хотения и т.п.), изменяющихся непосредственно под влиянием вербальных воздействий, состоит в том, что изменение личностных смыслов и смысловых установок всегда опосредствовано изменением деятельности, реализующей объективное отношение субъекта к миру. *Производность смысловых образований личности от порождающей их совокупности деятельностей, ее места в системе общественных отношений представляет собой центральную характеристику их природы, выражающую социальную детерминацию этих образований.* Яркие факты, полученные в самых разных исследованиях по психологии личности, доказывают то, что, *только изменив социальную позицию субъекта, его место в системе общественных отношений, можно трансформировать смыслообразующие мотивы личности и ее установки.* В зарубежной психологии проявления утраты психосоциальной идентичности личности, «потери себя» у возвратившихся с войны американских солдат при резких изменениях места в системе социальных отношений описаны Э. Эриксоном.

Динамика смысловых отношений личности не сводится, тем не менее, к их изменению через смену социальной позиции личности. Эти отношения обладают и своим

собственным движением, своей внутренней динамикой. Разгадку механизма *внутриличностной динамики* следует искать в той иерархической связи между смысловыми системами, возникновение которой и знаменует, собственно говоря, момент рождения личности. А.Н. Леонтьевым описана психологическая сущность *феномена «горькой конфеты»*, за которым стоит полимотивированность, соподчиненность действий маленького ребенка. Конфликт между мотивом, побуждающим и направляющим деятельность ребенка, выражающую его отношение к взрослому, и мотивом получить награду приводит к тому, что достигнутая цель действительно приобретает для ребенка резко негативный личностный смысл. «Несмотря на всю наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения жизненных отношений, именно они свидетельствуют о начавшемся процессе того особого образования, которое мы называем личностью»[5]. Именно противоречие, а иногда и конфликт между находящимися в определенной иерархической связи мотивами личности выступает как механизм особого внутреннего движения в индивидуальном сознании: «Оно заключается в соотнесении мотивов друг с другом: некоторые занимают место подчиняющих себе другие и как бы возвышаются над ними, некоторые, наоборот, опускаются до положения подчиненных или даже вовсе утрачивают свою смыслообразующую функцию. Становление этого движения и выражает собой становление связной системы личностных смыслов — становление личности»[6].

Несмотря на важность выявления конкретных закономерностей внутриличностной динамики, разработка этой проблемы до сих пор находится в зачаточном состоянии. В настоящее время фактически единственной работой, посвященной экспериментальному изучению внутриличностной динамики смыслов, является исследование В.В. Столина, в котором разрабатываются представления о конфликтных смыслах как единицах самосознания личности.

[5] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 188.

[6] *Там же.* С. 212.

При изучении *внутриличностной динамики* важно учитывать тот факт, что смыслы часто не осознаются.

Неосознанные мотивы и смысловые установки личности представляют собой нереализованные предрасположенности к действиям, детерминируемым тем желаемым будущим, ради которого осуществляется деятельность и в свете которого различные поступки и события приобретают личностный смысл. О существовании этого класса неосознаваемых явлений индивидуальности стало известно благодаря исследованиям отсроченного постгипнотического внушения, приводящего к выявлению действия, импульс которого неизвестен самому совершившему это действие после выхода из гипнотического состояния человеку. Подобные явления в психопатологии, которые описывались как раздвоение сознания, симптомы *отчуждения* частей собственного тела, выполняемые в сомнамбулическом состоянии действия при истерии, и были обозначены термином «подсознательное» (*П. Жане*).

Впоследствии для объяснения природы этих явлений, а затем и для понимания разноуровневых мотивационных структур личности З. Фрейдом было введено понятие «*динамическое вытесненное бессознательное*». Под бессознательным понимались нереализованные влечения, которые из-за конфликта с социальными запросами общества не допускались в сознание или изгонялись, отчуждались из него с помощью такого защитного механизма психики, как вытеснение. Будучи *вытесненными* из сознания личности, эти влияния образуют сферу неосознаваемых динамических диспозиций — скрытые аффективные комплексы, предрасположенности к действиям, активно воздействующие на жизнь личности и проявляющиеся порой в непрямых символических формах (юморе, сновидениях, забывании имен и намерений, обмолвках и т.п.).

Существенная черта этих динамических проявлений личности состоит в том, что *осознание личностью причинной связи нереализованных влечений с приведшими к их возникновению в прошлом травматическими событиями не приводит к исчезновению обусловленных этими влечениями переживаний (например, страхов), так как узнанное субъектом воспринимается им как нечто безличное, чуждое, про-*

исходящее не с ним. Эффекты бессознательного в поведении устраняются только в том случае, если вызвавшие их события проживаются личностью совместно с другим человеком (например, в психоаналитическом сеансе) или с другими людьми (групповая психотерапия), а не только узнаются ею.

Особо важное значение для понимания этого класса проявлений бессознательного и приемов его перестройки имеют *феномены и механизмы бессознательного в межличностных отношениях, связанных с установлением эмоциональной интеграции, психологическим слиянием взаимодействующих людей в одно нераздельное целое.* К этим феноменам относятся *эмпатия, первичная идентификация* (неосознанное эмоциональное отождествление с притягательным объектом, например младенца с матерью), *трансфер* (возникающий в психоаналитическом сеансе перенос нереализованных стремлений пациента на психоаналитика, обеспечивающий их эмоциональное единение, некритичное принятие ими друг друга), *проекция* (неосознанное наделение другого человека присущими данной личности желаемыми и нежелаемыми свойствами). *Во всех этих проявлениях бессознательного побуждающий человека мир и сам человек представляют одно неразрывное целое.*

Каждый человек может задать себе извечный вопрос «ради чего я живу?» и попытаться прорваться *через завесу мотивировок к истинным мотивам своего поведения.* Отвечая на подобные вопросы, человек каждый раз решает особую задачу, «*задачу на смысл*», результатом которой является осознание личностного смысла, подлинного «значения-для-меня», тех или иных целей и обстоятельств жизненного пути.

В ходе решения «*задачи на смысл*» происходит внутренняя работа личности по соотнесению проявлений мотива в нескольких пересекающихся друг с другом плоскостях: в отношении мотива к преодолеваемым личностью ради его достижения внешним и внутренним преградам (*побудительная сила мотива*); по сопоставлению мотива с другими выступающими в сознании субъекта возможными мотивами той же деятельности; по оцениванию мотива в его отношении к принятым личностью нормам и идеалам;

по соотнесению мотива с реальными с точки зрения личности ее возможностями, то есть с воспринимаемым образом «Я» (*реалистичность мотива*); по сравнению собственного мотива с предполагаемыми мотивами других субъектов (*социальная идентичность мотива*) (*В.В. Столин*).

Все эти проявления различных аспектов мотивации как в едином фокусе концентрируются в личностном смысле, отражающем отношение мотива к конкретным обстоятельствам и целям действий личности. Однако выявлением всех этих граней представленности мотива в деятельности и сознании «*внутренняя работа*» по осознанию смысла не заканчивается. Еще одним препятствием на пути осознания смысла является невозможность непосредственного воплощения личностного смысла в системе значений, в которых этот смысл в конечном итоге должен быть вербализован, а тем самым и коммуницирован для других. Муки творчества отражают всю трудоемкость движения от смысла к значению в индивидуальном сознании личности.

«Когда же “задача на смысл” все же решена и речь идет об осознавании наиболее общих смысловых образований, то уместно говорить о ценностях личности. *Ценность, таким образом, это осознанный и принятый человеком общий смысл его жизни*»[7]. Осознанные личностные смыслы, даже если они оказываются неприглядными и противоречащими разделяемым личностью нормам и идеалам общества, не изменяются от самого факта их осознания, что составляет важную характеристику природы этих мотивационно-смысловых отношений индивидуальности.

При раскрытии содержания понятия «мотивационно-смысловые отношения» следует учитывать движение как от деятельности к индивидуальному сознанию личности, так и от индивидуального сознания личности к деятельности.

Оба этих движения отображают два взаимодополняющих плана проявления единиц анализа личности: *план содержания и план выражения*. Если рассмотреть исключительно функциональное развитие динамических смысло-

[7] *Зейгарник Б.В., Братусь Б.С.* Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980. С. 119.

вых систем, отвлекаясь от такого важного момента их становления, как выбор личностью тех или иных мотивов, обусловленных прежде всего ее социальной позицией в обществе, то основные моменты этого развития могут быть переданы следующим образом.

Исходный пункт движения — это *порождение «динамической смысловой системы» в процессе побуждаемой и направляемой тем или иным смыслообразующим мотивом деятельности.* Осуществляемые посредством этой деятельности объективные отношения человека к миру интериоризируются и воплощаются в индивидуальном сознании в виде личностного смысла. *Личностный смысл какого-либо действия или события и есть то, что мы находим в единицах структуры личности, рассматривая их в плане содержания.* Иными словами, личностный смысл — это составляющая динамической смысловой системы, отражающая в индивидуальном сознании личности *содержание* ее отношения к действительности. На возникновении личностного смысла как бы заканчивается движение от деятельности к индивидуальному сознанию личности. С этого момента начинается жизнь личностного смысла в самом индивидуальном сознании и его обратное движение к деятельности[8].

В каких формах сохраняется личностный смысл в сознании, когда приведший к его возникновению конкретный мотив еще не достигнут или же, напротив, уже достигнут? Ведь всем очевиден тот факт, что возникшее по ходу осуществления деятельности отношение к другому человеку, к себе или к случившемуся событию может остаться на долгие годы и даже превратиться в качество личности. Возникает вопрос о том, как отраженная в личностном смысле направленность по отношению к действительности или событию фиксируется во времени и принимает участие в регуляции деятельности субъекта.

---

[8] Продуктивное развитие этого направления исследований содержится в цикле работ Д.А. Леонтьева, прежде всего в его монографии «Психология смысла» (1999).

При анализе движения от индивидуального сознания к деятельности выделяется такая составляющая «динамических смысловых систем», как смысловая установка личности. *Смысловая установка личности представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности. Личностный смысл есть содержание установки.* «Однако содержание установки не есть еще сама установка. О наличии последней можно говорить лишь в том случае, когда смысловой опыт, опыт отношения субъекта к определенному роду предметов, приобретенный в предшествующих действиях, в чем-то фиксируется, приобретает своего специального материального носителя и вследствие этого получает возможность актуализироваться до нового действия, предвосхищая его характер и направленность»[9].

Смысловая установка, включая эскиз будущей деятельности, может фиксироваться, существовать в латентной потенциальной форме во времени и актуализироваться, обусловливая наиболее устойчивые способы поведения в соответствующей ей ситуации. Именно смысловая установка определяет в конечном итоге устойчивость и направленность деятельности индивидуальности, ее поступки и деяния.

В поступках и деяниях экстериоризируется отношение индивидуальности к миру, осуществляются «личностные вклады» в других людей, в социальное конструирование различных «*жизненных миров*» (*Э. Гуссерль*).

Превращение личностного смысла в систему опредмеченных в мире культуры значений — последняя инстанция на пути движения от индивидуального сознания личности к продуктам ее деятельности. Ею и завершается процесс функционального развития таких единиц анализа структуры индивидуальности, как динамические смысловые системы.

---

[9] *Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М., 1960. С. 387; *Асмолов А.Г.* Деятельность и установка. М., 1979.

Глава 16
Мотивация развития индивидуальности

Проблеме формирования и индивидуального развития личности посвящено много работ. Поэтому, естественно, вряд ли стоит стремиться к тому, чтобы дать хотя бы поверхностное изложение исследований в этой обширной области психологии личности. Задача состоит в том, чтобы выделить в этой области те узловые вопросы, которые диктуются принятой выше логикой построения психологии личности, и наметить некоторые возможные подходы к их решению.

Первый из принятых ориентиров при построении психологии личности — *разведение понятий «индивид» и «личность»* — предполагает при анализе проблемы развития человека выделение двух перекрещивающихся линий развития: *линии созревания индивида и линии развития индивидуальности.* В свою очередь выделение этих линий обусловливает постановку задачи о соотношении культурного и натурального рядов развития личности в персоногенезе, заставляет разграничить появление на свет индивида и рождение личности, хронологический и психологический возраст, а также побуждает к поиску критериев рождения личности и ее зрелости.

Второй ориентир — принятая выше схема детерминации развития личности — фиксирует внимание на таком центральном звене этой схемы, *как движущие силы развития личности.* При решении вопроса о движущих силах развития личности происходит переход от рассмотрения человека как объекта социального развития к изучению мотивации развития и различных проявлений активности индивидуальности как субъекта деятельности.

Своего рода проверкой представлений о движущих силах развития ребенка являются разработанные на их основе концепции периодизации развития. При создании периодизации развития человека не только подвергаются изучению феномены, возникающие в определенные периоды развития, и механизмы, обусловливающие плавные переходы и скачки в процессе развития, но и проводится

анализ специфических условий, порождающих новообразования индивидуальности на каждом возрастном этапе. Таким образом, вслед за вопросом о движущих силах развития персоногенеза «вытягиваются» и другие звенья длинной цепи проблем формирования индивидуальности человека в ходе жизненного пути.

Три подхода к изучению мотивации индивидуальности

Превращение человека из объекта общественного развития в субъекта этого процесса выдвигается в центр исследования индивидуальности при изучении проблемы движущих сил ее развития. Веер подходов к решению этой проблемы чрезвычайно широк. Однако при всем многообразии этих подходов большинство из них в психологии, как это показано Л.И. Анцыферовой, основывается на *двух методологических предпосылках, а именно на принципе стремления к равновесию и принципе стремления к напряжению.*

Принцип стремления к равновесию как методологическая предпосылка изучения движущих сил развития личности роднит между собой различные и даже противостоящие друг другу направления, к которым относятся *ортодоксальный и современный психоанализ, необихевиоризм и когнитивная психология.* Для всех этих направлений — будь то представление о стремлении к компенсации дефекта как движущей силе развития личности в индивидуальной психологии А. Адлера, идея о редукции напряжения как источнике мотивации в теории К. Левина или представление о когнитивном диссонансе Л. Фестингера — характерен скрытый или явный гомеостатический адаптивный подход к изучению движущих сил развития индивидуальности.

Лишь другим лицом принципа стремления к равновесию, а не его антиподом является *принцип стремления к напряжению как методологическая предпосылка изучения движущих сил развития личности в теориях, так или иначе связанных с гуманистической психологией.* К числу этих теорий относятся *концепция самоактуализирующейся личности А. Маслоу*, постулирующая положение о тенденции к *самоактуализации* как внутреннем источнике развития

личности; *теория личности Г. Олпорта, в которой в качестве основной движущей силы выступает тенденция к самореализации* личности.

Общими чертами в понимании движущих сил развития личности являются следующие: *постулирование существования некоего единого «первоисточника» развития личности, неизменного и запрятанного в глубинах индивида, неважно, либидо ли это в теории З. Фрейда или же самоактуализация в концепции А. Маслоу* (1); *преобладание формального, чисто динамического описания движущих сил развития личности над содержательным их анализом и отсутствие адекватного подхода к изучению их общественно-исторической обусловленности* (2); *постулирование положения о подчиненности активности субъекта некоторой конечной, заранее предустановленной цели, а тем самым и понимание человека как преимущественно адаптивного существа* (3).

Методологические представления о «самостоятельной силе развития» привели к выделению принципа саморазвития личности как исходного при изучении мотивации развития личности и определили общую стратегию поиска конкретных психологических феноменов и механизмов движущих сил развития личности. Для этой стратегии характерны, во-первых, выделение положения о роли борьбы противоположностей, противоречия и гармония этих противоположностей как движущей силы развития личности (*Л.И. Анцыферова, Б.В. Зейгарник*); во-вторых, положение о существовании источника саморазвития деятельности в самом процессе движения деятельности (*А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн*).

Как конкретизировались оба этих положения в отечественной психологии? Первая продуктивная недооцененная попытка найти источник развития деятельности в ней самой принадлежит классику отечественной психологии Д.Н. Узнадзе. Критикуя гедонистические представления о мотивации К. Бюлера, Д.Н. Узнадзе вводит представления о *функциональной тенденции как источнике развития поведения.* Он пишет: «Понятие функциональной тенденции... делает понятным, что функция, внутренняя сила может активизироваться не только под давлением потребности,

но и самостоятельно, автономно...»[10]. И далее продолжает: «...если же оно (удовольствие) возникает только в результате активации функции, принципиально невозможно рассматривать его как мотор-активность: ведь должен же быть когда-то в жизни организма случай такой активации моторной функции, когда ему еще было незнакомо удовольствие функции. Но что же тогда определяло факт активации этой функции? Несомненно, что функция движения сама по себе содержит импульс активации: функция, так сказать, сама по себе стремится к деятельности, сама имеет тенденцию функционирования»[11]. Именно *функциональная* тенденция, по мысли Д.Н. Узнадзе, является источником таких форм поведения личности, как игровая, творческая и спортивная деятельность.

Введение Д.Н. Узнадзе представления о функциональной тенденции как источнике саморазвития может служить теоретической основой для конкретных разработок проблемы движущих сил развития личности ребенка, проведенных Л.И. Божович и М.И. Лисиной. В работах Л.И. Божович были развиты идеи о потребности во впечатлениях как движущей силе развития личности. М.И. Лисина и ее сотрудники успешно разрабатывают представления *о потребности в общении как специфически человеческой движущей силе развития личности.* Эти работы, реально реализующие *принцип саморазвития при изучении мотивации развития*, — тот случай в развитии науки, когда новые представления облекаются в старые терминологические одежды. То, что потребности в общении, впечатлениях не возникают в виде импульса изнутри или извне, не являются адаптивными и гомеостатическими по своей природе, а имеют в качестве своего мотивирующего источника сам факт взаимодействия субъекта с миром, позволяет с уверенностью предположить, что *мы имеем дело не с потребностями в ортодоксальном смысле слова, а как раз с функциональными тенденциями.*

---

[10] *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966. С. 350.

[11] *Там же.*

Дальнейшее углубление представлений о механизмах саморазвития деятельности осуществляется в работах В.Г. Асеева (1978) и В.А. Петровского. Так, В.Г. Асеев предполагает, что *условием инициации развития является наличие некоторой неиспользованной резервной зоны функциональных возможностей, которые потенциально содержат в себе источник развития личности.* В.А. Петровским на материале экспериментального анализа «бескорыстного риска» вводятся представления *о «надситуативной активности» как источнике зарождения любой новой деятельности личности.* В этих исследованиях показывается, что человеку присуща явно неадаптивная по своей природе тенденция, проявляющаяся в постановке различного рода сверхзадач, которая и названа «надситуативной активностью». С исследованиями надситуативной активности непосредственно соприкасаются работы, в которых вводятся представления об *установках как механизмах, определяющих устойчивость динамики деятельности, ее развития.* Если установки как бы пытаются удержать деятельность в наперед заданных границах, обеспечивая ее устойчивый характер, то надситуативная активность, взламывая эти установки, выводит личность на новые уровни решения жизненных задач. *Противоречие между «надситуативной активностью» и установкой выступает в качестве одного из возможных механизмов развития деятельности личности.*

Таким образом, разрабатываемые в русле различных направлений психологии положения о тенденциях к общению, восприятию, поисковой активности как источниках мотивации, возникающих в самом процессе взаимодействия субъекта с миром, предварительные гипотезы о механизмах процесса развития деятельности личности закладывают основания анализа мотивации развития человека в персоногенезе.

Глава 17
Психологический возраст и периодизация психического развития индивидуальности

Психологический возраст личности

Несмотря на свою кажущуюся очевидность, мысль о необходимости изучения специфических закономерностей созревания индивида и развития индивидуальности личности, о поиске соотношений между этими рядами с трудом пробивает себе дорогу в сознании исследователей. В реальности же без пристального анализа соотношения органического и культурного рядов в развитии человека вряд ли можно адекватно отразить закономерности периодизации развития личности, а также решить вопросы о психологическом и физическом возрасте и о критериях зрелости личности.

Прежде всего кратко остановимся на вопросе о психологическом возрасте личности. Если зрелость индивида — соматическая или половая — определяется биологическими критериями, а паспортный возраст — количеством лет, которые существует индивид, то с психологическим возрастом и зрелостью личности дело обстоит далеко не так просто. Нет необходимости доказывать, что органическое созревание индивида, например половое созревание, является одной из важных предпосылок формирования идентичности личности. Например, сорокалетний мужчина по своему психологическому складу может быть инфантильной личностью, в то время как шестилетний ребенок при определенных обстоятельствах воспринимает себя как взрослого человека. В качестве примера, иллюстрирующего историческую обусловленность «детства» и «возраста», В.В. Давыдов приводит строчки известного некрасовского стихотворения: «“Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то: отец мой да я”. Мальчонка в шесть лет чувствует себя “мужиком чинным”, и не только чувствует — реально живет как трудовой человек. А ведь это “дошкольник” по нашему календарному

сроку!»[12] Представления о специфике «психологического возраста», идущие от Л.С. Выготского, во многом пересекаются со взглядами Б.Г. Ананьева, который неоднократно подчеркивал, что *«психологический возраст» и зрелость выступают как параметры особого исторического времени, в котором и ведется летоисчисление жизненного пути личности.*

Подходы к пониманию природы психологического возраста только намечаются. В частности, в исследовании А.А. Кроника и Е.И. Головахи выделяются такие особенности психологического возраста, *как его обратимость и многомерность.* Личность в ходе своего развития не только стареет, но некоторые жизненные события могут вернуть ей молодость, и не в образном, а в подлинном психологическом смысле этого слова. Многомерность же психологического возраста проявляется в том, что *в разных сферах деятельности личность взрослеет неравномерно.* В одной сфере деятельности она воспринимает себя как зрелого мужа, а в другой — страдает от сознания собственного инфантилизма.

Следует подчеркнуть, что природу психологического возраста нельзя раскрыть, минуя представление о «временной перспективе» (*К. Левин*) и ее значении в жизни личности. Б.В. Зейгарник и Б.Н. Ничипоров на жизненном и клиническом материале показали, что *психологический возраст личности зависит от направленности мотивации на прошлое* (*«ретроспективная направленность мотивации»*) *или на будущее* (*«проспективная направленность мотивации»*). Так, ребенок в двенадцать лет может быть маленьким стариком. Именно к таким детям относится грустное высказывание Л.С. Выготского о том, что *будущее вундеркинда в его прошлом.* И в то же время человек семидесяти или восьмидесяти лет овладевает своим возрастом, если он полон помыслов о завтрашнем дне, если его мотивация устремлена в будущее. К таким людям по праву может быть причислена классик мировой психологии Б.В. Зейгарник.

Что же касается вопроса о *психологической зрелости личности,* то он не может решаться в отрыве от изучения конкретно-исторической фазы развития общества и той культуры, в

[12] *Давыдов В.В.* Личностью надо «выделаться» // С чего начинается личность. М., 1979. С. 113.

которых происходит становление человека. Это та область исследований, где исторической психологии и этнопсихологии еще предстоит сказать свое слово. Наряду с поиском конкретно-исторических характеристик зрелости появляются исследования, в которых ставится вопрос о собственно психологических критериях зрелости личности. П.Я. Гальперин отмечает, что *личностью может считаться лишь общественно ответственный субъект, то есть в качестве критерия зрелости выделяется ответственность личности за свои поступки.* В связи с этим особенно важно, что в *процессе жизненного пути развитие ответственности формируется в направлении от «объективной ответственности» к «субъективной ответственности».* Подобное развитие ответственности индивидуальности личности описано в цикле исследований Ж. Пиаже, посвященных изучению морального развития личности ребенка.

Признаки двух стадий морального развития[13]

Признаки морального реализма	Признаки автономной морали
1. Абсолютность моральной перспективы	1. Осознание других точек зрения
2. Понимание правил как неизменных	2. Понимание правил как изменяемых
3. Убеждение в неминуемости наказания, в «имманентной справедливости»	3. Естественное восприятие наказания и справедливость
4. «Объективная ответственность» при оценке вины	4. Субъективная ответственность, учет намерений
5. Определение морального поступка, исходя из того, что является запрещенным или наказуемым	5. Определение морального поступка как нарушение духа кооперации
6. Убеждение в произвольности или искупительности наказания	6. Взгляд на наказание как на возмещение или реципрокность
7. Одобрение наказания, наложенного авторитетом	7. Одобрение возмездия по принципу «око за око»
8. Одобрение произвольного, неравного распределения благ или вознаграждений, произведенного авторитетом	8. Требование равного распределения благ
9. Определение долга как послушание авторитету	9. Верность принципу равенства или интересам других людей

[13] Цит. по: *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983.

Б.С. Братусь пытается подойти к критерию вычленения зрелости через изучение *тактики целеполагания и видит критерий зрелости личности в искусстве разводить идеальные и реальные цели, к которым стремится человек.* Еще одним возможным *критерием зрелости является осуществление личностью свободного личностного выбора.* Какие бы критерии зрелости личности ни брались, во всех проступает мысль о действующей личности, ставящей новые задачи, о личности, стремящейся к различным целям и мотивам личности, — словом, о личности как субъекте противоречивого процесса ее жизненного пути.

Периодизация психического развития

Любые представления о движущих силах развития личности должны быть проверены на оселке проблемы периодизаций психического развития.

В настоящее время одна из самых разработанных периодизаций психического развития в детском возрасте принадлежит Д.Б. Эльконину. Опираясь на идеи Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева о зависимости развития психики от ведущего типа деятельности, ведущего отношения ребенка к действительности, Д.Б. Эльконин предлагает схему периодизации, отличную от индивидных периодизаций А. Гезелла, эпигенетической концепции периодизации Э. Эриксона, периодизации духовного развития личности Э. Шпрангера и периодизации интеллектуального развития ребенка Ж. Пиаже.

Двигателем развития личности в контексте этой концепции периодизации является возникновение несоответствия, противоречия между операционально-техническими возможностями ребенка и развитием его мотивационно-потребностной сферы. Эти несоответствия лежат в основе переходов от деятельности непосредственно эмоционального общения к предметно-манипулятивной деятельности, от ролевой игры к учебной деятельности, от интимно-личностного общения к учебно-профессиональной деятельности. Предложенная схема, как и любое другое схематическое изображение процесса психического развития, нуждается в дальнейшей конкретизации, в частности в уточне-

нии специфики новообразований личности и условий их порождения на разных фазах развития. Схема периодизации Д.Б. Эльконина в отличие от схемы периодизации развития личности в социальных группах А.В. Петровского описывает психическое развитие, а не развитие личности.

Среди направлений разработки этой схемы в первую очередь хочется указать исследования, направленные на *изучение особой роли общения в развитии и формировании личности человека* (*Л.И. Божович, А.В. Запорожец, М.И. Лисина*). Так, М.И. Лисина, подчеркивая необходимость изучения форм общения, специфичных для ведущей деятельности в каждом возрастном периоде, развивает мысль *об общении как своего рода «сквозном» механизме смены ведущей деятельности у детей.* Она пишет: «Анализ общения ребенка с окружающими людьми не только обогащает психологическую характеристику каждого возрастного периода. Принимая во внимание общение, можно также приблизиться к пониманию механизмов смены ведущих деятельностей. Дело в том, что, общаясь по ходу деятельности со старшими детьми и особенно со взрослыми, ребенок действует на уровне, превышающем его обычную норму. Точнее говоря, он оказывается в пределах “зоны ближайшего развития”, где сотрудничество с превосходящими его по опыту и знаниям партнерами помогает ему реализовать свои потенциальные возможности. Следовательно, именно в ходе общения ребенок совершает первые вылазки в новые области, благодаря общению подготавливается смена предыдущей деятельности последующей, более высокой по своему развитию»[14].

Изучение роли общения в онтогенезе является важной, но не единственной линией разработки представлений о периодизации развития личности ребенка.

Еще одно направление исследований личности в онтогенезе можно было бы условно обозначить как анализ изменений тех или иных новообразований личности «по вертикали», к которому относятся, например, *исследования*

[14] Общение и речь: развитие речи у детей в общении со взрослыми / Под ред. М.И. Лисиной. М., 1985. С. 75.

развития формирования у ребенка независимости, морального поведения, механизмов этической регуляции поведения, самосознания и т.п. (*А.В. Запорожец, Я.З. Неверович, С.Н. Карпова, Е.В. Субботский, С.Г. Якобсон* и др.). Так, для того чтобы проследить развитие самосознания личности, недостаточно ограничиться указанием, что оно наиболее интенсивно порождается в интимно-личностном общении как ведущем типе деятельности юношеского возраста, а необходимо выявить общие «сквозные» закономерности его генезиса.

Логика исследования тех или иных новообразований личности «по вертикали» требует изучения динамики развития личности в течение всего ее жизненного пути. Однако в большинстве случаев изучение развития личности ограничивается анализом онтогенеза личности ребенка. В связи с этим периодизация развития личности в зрелом возрасте остается «белым пятном» в отечественной психологии (*Б.Г. Ананьев*). Лишь в последнее время в отечественной психологии начали появляться попытки создания периодизации зрелой личности. В частности, Б.С. Братусем высказывается предположение, что описанный Д.Б. Элькониным механизм расхождения между операционально-технической и мотивационной сторонами деятельности не является прерогативой детского развития, а приложим и к процессу развития взрослой личности. *Гипотеза о кризисах зрелой личности* носит пока предварительный характер, и ее значение прежде всего состоит в том, что она направляет внимание психологов на выявление механизмов развития личности в зрелом возрасте.

И наконец, еще одно до сих пор остающееся в тени ***направление разработки представлений о периодизации развития личности связано с изучением зависимости выбора той или иной деятельности от социальной позиции личности, ее места в системе общественных отношений.*** Только заняв социальную позицию, человек становится членом общества. Поэтому без преувеличения можно сказать, что социальная позиция, представляющая собой зону перекреста между нормосообразной деятельностью личности как члена данной группы, и есть та дверь, через которую

человек входит в систему общественных отношений и начинает свое движение в социальной конкретно-исторической действительности. Первоначально в деятельностном подходе к изучению психики ребенка отмечалось, что начало начал в развитии личности ребенка — его место в системе общественных отношений, которое и детерминирует ту или иную ведущую деятельность, а тем самым и порождаемые в процессе этой деятельности новообразования личности.

Неслучайно А.Н. Леонтьев, указывая на влияние социальной позиции на изменение отношений ребенка к миру, еще в сороковые годы писал: «Если пристально всмотреться во все эти особенности ребенка-дошкольника, то нетрудно открыть связывающую их общую основу. Это та реальная позиция ребенка, с которой перед ним вскрывается мир человеческих отношений, позиция, которая обусловлена объективным местом, занимаемым им в этих отношениях.

Ребенок шести лет может отлично уметь читать, и при известных обстоятельствах его знания могут быть относительно велики. Это, однако, само по себе не стирает и не может стереть в нем детского, истинно дошкольного; наоборот, нечто детское окрашивает все его знания. Но если случится так, что основные жизненные отношения ребенка перестроятся, если, например, на его руках окажется маленькая сестренка, а мать обратится к нему как к своему помощнику, участнику взрослой жизни, тогда весь мир откроется перед ним совсем иначе. Это ничего, что еще мало знает, мало понимает, тем скорее он переосмыслит известное ему, тем скорее изменится его общий психический облик»[15].

Отсюда видно, сколь большое значение имеет социальная позиция в жизни ребенка. Однако социальная позиция не сама по себе определяет психический облик ребенка, а через развитие его ведущей деятельности. Как же связаны между собой социальная позиция и ее динамическое вы-

---

[15] *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. I. М., 1983. С. 282—283.

ражение — социальная роль — с деятельностью личности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить старую и верную формулу Л.С.Выготского: *«игра — роль в развитии»*. Л.С. Выготский писал об игре, но связь социальной позиции с игрой как своеобразной школой социально-типического поведения личности — это лишь частный случай связи между социальной позицией и любой другой ведущей деятельностью. На нем наиболее характерно видно то, что ***ведущая деятельность — это социальная позиция, или, шире, социальное отношение человека в его развитии, в его индивидуализации.***

Однако положение о связи социальной позиции личности и ее деятельности как бы заслонилось в возрастной психологии конкретными исследованиями операционально-технического аспекта деятельности и познавательных процессов. Вследствие этого периодизация развития ребенка начинает иногда восприниматься как вырванная из социальной ситуации его развития. Исключение в этом плане представляют собой лишь исследования игры, в которых убедительно показана зависимость возникновения самой игры от того, в какую историческую эпоху происходит развитие ребенка. При анализе же других видов ведущей деятельности взаимосвязь между ведущей деятельностью и социальной позицией выпадает из поля зрения исследователей, а тем самым социальная ситуация развития оказывается вынесенной за скобки при изучении развития личности в социогенезе и персоногенезе.

Между тем ***исследование взаимосвязи между социальной позицией и ведущей деятельностью могло бы привести к углублению самих принципов построения периодизации развития личности***[16]. В частности, если в раннем возрасте место ребенка и его социальная позиция в системе общественных отношений задаются настолько однозначно, что в каком-то смысле действительно могут превратиться лишь в постоянный фон при изучении формирования личности в той или иной ведущей деятельности, то с расширением

[16] Интересные исследования в этом направлении плодотворно ведутся О.А. Карабановой, Г.В. Бурменской.

круга отношений личности в мире взаимосвязи между личностью и деятельностью все более усложняются. *Чем больше перед личностью возможность выбора, тем очевиднее становится то, что сама личность выбирает, отстаивает ту или иную социальную позицию, которая затем определяет деятельность этой личности.* Произошедшее измерение может быть отражено следующей формулой: *деятельность определяет личность, но личность выбирает ту деятельность, которая определяет ее развитие.*

В связи с этим становятся понятными те трудности, которые возникают при попытках построить по схеме «ведущая деятельность — личность» периодизацию развития личности за пределами подросткового возраста. Да и *подросток может либо предпочесть сам, либо выбрать под влиянием значимых для него сверстников и взрослых в качестве ведущей деятельности или деятельность интимно-личностного общения, или же общественно полезную деятельность. Эти ведущие деятельности не «даны» ему, а заданы конкретной социальной ситуацией развития, в которой совершается его жизнь.*

Изучение очерченных выше путей исследования периодизации развития личности, а также движущих сил развития личности, ее психологического возраста и зрелости — все это вопросы, связанные с выявлением условий порождения и изменения различных смысловых новообразований индивидуальности в процессе ее жизненного пути.

Глава 18
Личность и характер

К инструментальным проявлениям индивидуальности личности относятся характер и способности.

При исследовании характера *в психологии индивидуальности* выявляются следующие проблемы: 1) проблема выделения и описания феноменологии характера; 2) проблема типологии характера индивидуальности, обусловленности любой типологии стоящими перед исследователями задачами; 3) проблема единиц анализа характера индивидуальности; 4) проблема формирования характера; 5) проблема соотношения индивидуальности личности и ее характера.

О клиническом подходе к изучению характера

Феноменология характера наиболее ярко представлена в клинической психологии и психиатрии. Именно обращаясь к феноменологии характера, накопленной прежде всего в психиатрии, психологи пытаются разрабатывать общие теоретические и методические подходы к проблеме характера. Подобного рода клинический источник феноменологии естественно накладывает весьма своеобразный отпечаток на самые различные учения о характере. Сильной стороной восходящей к психиатрии и клинической психологии линии изучения характера является в первую очередь реальность, осязаемость полученных в этих областях фактов в отличие от лабораторных описаний характера, которые представляют собой не более чем тени жизненных проявлений характера личности. Одно из самых красочных описаний феноменологии характера дано в исследованиях известного отечественного психиатра П.Б. Ганнушкина, в его учении о конституционных психопатических личностях. По сути, в своем генезисе из этого учения вырастают современные представления и об акцентуированных личностях К. Леонгардта, и о типах акцентуаций характера в подростковой возрасте А.Е. Личко[17].

[17] См.: *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера подростков. Л., 1983.

Исследования А.Е. Личко представляются наиболее психологичными. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, автор этой концепции предпринимает попытку рассмотреть акцентуации характера через призму общепсихологической теории отношений В.Н. Мясищева. Во-вторых, *изучение акцентуаций характера, то есть отдельных чрезмерно усиленных черт характера,— это изучение крайних вариантов нормы.* И в-третьих, сам объект исследований А.Е. Личко — характер подростка — так или иначе побуждает его обращаться к вопросам о формировании характера.

Однако из этого же источника, откуда черпаются сильные стороны клинических описаний и типологий характера, проистекают и уязвимые моменты этого подхода. Самые различные представители клинических типологий характера, как правило, ограничиваются описанием феноменологии, которая может послужить основой для постановки диагноза. Если же речь заходит о разработке представлений о формировании характера, то они ведутся исключительно в рамках теорий конвергенции двух факторов — биологического и социального, причем на первый план постоянно выступают биологические наследственные факторы вроде конституции или темперамента индивида. Иными словами, как уже говорилось, несмотря на все социальные вкрапления, строятся *индивидные типологии характеров личности.* Неудивительно поэтому, что в идущих от клиники классификациях характера личность и характер отождествляются между собой. Даже в тех случаях, когда исследователи проявляют при рассмотрении этого вопроса известную осторожность, как это делает А.Е. Личко, предпочитающий в отличие от К. Леонгардта говорить не об акцентуациях личности, а об акцентуациях характера, они затем выдвигают положение о характере как базисе личности. Движущие силы развития характера оказываются вне их поля зрения. Так, А.Е. Личко, тонко описывая особенности циклоидного типа характера у подростков, ограничивается констатацией, что местом наименьшего сопротивления у них является ломка жизненного стереотипа при переходе от школьной опе-

ки к свободной жизни в вузе. И наконец, как бы психологичны ни были основанные на клинических данных классификации характера, в них осознанно или неосознанно *представления о характере в норме строятся по образу и подобию модели характера в патологии.* Все сказанное в адрес клинических типологий характера ни в коей мере не имеет своей целью их критику. Указанные моменты заслуживают критики лишь тогда, когда клинические типологии характеров привносятся в психологию личности и принимаются за образец.

Все клинические классификации характеров, как и вообще большинство любых классификаций, представляют собой не что-то раз и навсегда данное, универсальное, а зависят от прикладных целей строящего типологию характеров исследователя. В связи с этим, изучая одного и того же человека в клинике, психологи обнаруживают у него истероидный тип характера, а исследуя его как потенциального руководителя коллектива — авторитарный стиль руководства. Безусловно, что подобные типологии, созданные по разным основаниям, в принципе могут пересекаться между собой, но, как бы они ни пересекались, они так и останутся разными описаниями феноменологии характера одной и той же личности, сведутся к разным вариациям статичных черт.

Динамический подход к изучению характера

При разработке представлений об индивидуальном характере общепсихологическая теория личности, клинические и художественные описания характеров должны двигаться навстречу друг другу, причем в силу исторически сложившихся обстоятельств большую часть этого пути предстоит вначале пройти общепсихологической теории личности. При рассмотрении характера как инструментального проявления личности *под характером понимается фиксированная форма выражения смыслового опыта, актуализирующаяся в присущем данной личности индивидуальном стиле действования, посредством которого достигаются те или иные ее мотивы.* Такое понимание характера основывается в первую очередь на представлениях о характере Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна

и Д.Н. Узнадзе. С точки зрения всех этих исследователей, разрабатывавших динамический подход к изучению характера, *единицами анализа характера являются динамические тенденции личности, фиксированные обобщенные установки личности.*

Установки, выступающие как единицы анализа характера, обладают рядом особенностей.

Во-первых, *фиксированные смысловые установки как бы сохраняют во времени, несут в себе ведущие отношения личности к действительности, тем самым определяя относительную устойчивость поведения личности.*

Во-вторых, *в фиксированных латентных смысловых установках личности, как и в любых установках, содержится эскиз, проект будущего действия, всегда предшествующий его реальному воплощению.* В силу этого смысловые установки могут актуализироваться при встрече с соответствующей этому эскизу ситуацией и проявляться в индивидуальном стиле деятельности личности.

В-третьих, *динамика установок, их судьба в процессе деятельности позволяют понять формирование характера личности, его генезис.*

Еще одна *отличительная особенность фиксированных смысловых установок заключается в том, что они, актуализируясь, могут проявляться в моторике человека.* Речь идет не о двигательно-моторной, фазической активности, посредством которой реализуются предметно-практические действия и операции, нацеленные на преобразование внешней действительности, а о фактически неизученной позно-тонической активности. Известны две попытки исследования позно-тонической активности как материального субстрата смысловых установок личности. Одна из них принадлежит А.Н. Леонтьеву и А.В. Запорожцу, которые для обозначения позно-тонической активности ввели термин «*внутренняя моторика*», другая — французскому психологу А. Валлону. А.Н. Леонтьев и А.В. Запорожец обратили внимание на то, что *в позе человека, в его походке выражаются личностная установка субъекта, его уникальный смысловой опыт.* «Если объективно-предметное содержание

действия находит свое воплощение главным образом в срочных фазических компонентах, то личностно-смысловое содержание этого действия выражается в его позно-тонических компонентах. Такие позно-тонические изменения, выражающие отношение субъекта к объекту, были выделены и обозначены термином «внутренняя моторика».

Сходные идеи были высказаны А. Валлоном. Л.И. Анцыферова, рассказывая о его взглядах, пишет: «В специфике поз, в динамике их смены отчетливо проявляются психодинамические характеристики и личностные свойства человека. Достаточно вспомнить позу человека, испытывающего напряжение в социальных ситуациях: охватывая себя руками, прижимая их к телу, он как бы отгораживается ими от других, а ноги прячет под стул. Совсем иные позы у человека, уверенного в себе и доверительно относящегося к социальному миру: свободное спокойное положение его тела, чуть откинутая в сторону рука с полуоткрытой ладонью создают впечатление не только открытости человека миру, но и приближенности его к своим собеседникам.

В постурально-тонических установках человека — в симультанном, до предела сжатом виде — содержится будущая кинематика его действий. В этих установках отчетливо выражается эмоционально-эффективное отношение личности к событиям»[18]. Обозначенные попытки изучения позно-тонической активности как материального субстрата, в котором проявляются смысловые установки, так и остались только попытками. Между тем именно *позно-тонические выражения характера личности служат тем зримым «языком», посредством которого происходит невербальная коммуникация*[19]. *Опора на эти позно-тонические проявления, овладение ими — один из методических путей преобразования характера*, его перестройки в процессе общения личности.

[18] *Анцыферова Л.И.* Проблема психотонической активности и научное наследие Анри Валлона // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 1. С. 155.

[19] См.: *Лабунская В.А.* Невербальное поведение. Ростов-н/Д., 1986.

Одной из перспективных гипотез, описывающих судьбу возникновения характера, является гипотеза С.Л. Рубинштейна о происхождении характера из ситуационно обусловленных мотивов. «Узловой вопрос, — писал С.Л. Рубинштейн, — это вопрос о том, как мотивы (побуждения), характеризующие не столько личность, сколько обстоятельства, в которых она оказалась по ходу жизни, превращаются в то устойчивое, что характеризует данную личность... Для того, чтобы мотив (побуждение) стал личностным свойством, "стереотипизированным" в ней, он должен генерализироваться по отношению к ситуации, в которой он первоначально появился, распространившись на все ситуации, однородные с первой, в существенных по отношению к личности чертах...

Каждое свойство характера всегда есть тенденция к совершению в определенных условиях определенных поступков»[20].

В характере фиксируются и как бы поднимаются над конкретной деятельностью только установки, побуждаемые смыслообразующими мотивами личности. Иначе говоря, лишь при условии, что мотив имеет особую ценность для личности, актуализируемая им смысловая установка *генерализируется* применительно к различным ситуациям, превращается в характерологическую черту личности, а затем и сама начинает учитываться при выборе личностью различных возможных мотивов ее деятельности. При этом нередко случается так, что при достижении различных мотивов складывается ситуация противоборства между личностью и характером.

В одной повести описывается фантастический сюжет, благодаря которому можно отчетливо представить несовпадение индивидуальности личности и ее характера. К герою повести, человеку середины XX в., со своими проблемами приходит откуда-то из будущего робот, занимающийся экспериментальными исследованиями отношений между че-

[20] *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 179; *Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г.* Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психол. журн. 1989. № 6.

ловеком и средой в разные эпохи, и по воле сюжета накладывает на мозг героя поочередно «матрицы характера» различных людей: аристократа и политического деятеля Дизраэли, царя Ивана Грозного, Мамонтобоя из каменного века. Поведение героя, занимающегося по ходу действия исключительно своими проблемами, но последовательно перенимающего характеры Дизраэли, Ивана Грозного, Мамонтобоя, представляет следующую картину. Побуждения, движущие героем, — его потребности, мотивы, ценности — не меняются со «сменой» характера. Не меняются и его отношения к другим людям, ситуациям, объектам и явлениям. Меняются лишь форма проявления этих отношений, способы поведения в тех или иных обстоятельствах, пути и средства достижения тех же целей. Но утонченность и красноречие Дизраэли, коварство, трусость и изворотливость Ивана, грубость, агрессивность и прямолинейность Мамонтобоя служат одним и тем же мотивам и целям, которые «задают» образ героя и «просвечивают» через характер.

Личность вступает в отношение к характеру как чему-то *внешнему* (*М.М. Бахтин*), с чем волей-неволей приходится считаться при выборе путей достижения главных жизненных целей. *Часто приходится встречаться с людьми, которые сетуют на свой характер, но вряд ли удастся найти хотя бы одного человека, который бы жаловался на свою личность.* И неслучайно некоторые люди, поставившие своей целью перестройку характера, тратят на это целые годы. *Подобные отношения между личностно-смысловой сферой, то есть планом содержания личности, и характером, планом выражения личности, инструментального проявления личности как индивидуальности, недвусмысленно свидетельствуют о существовании единства, но не тождества личности и характера.*

При анализе характера и способностей необходимо иметь в виду, что между продуктивными и инструментальными сферами индивидуальности не существует непроходимой границы. Взаимоотношения между продуктивными и инструментальными проявлениями индивидуальности подвижны. Так, например, интеллектуальные

способности, проявляющиеся при решении творческих задач, могут привести к ломке личностных стереотипов, к изменению самосознания личности. В свою очередь выработанные при преодолении проблемных ситуаций приемы психологической защиты могут стереотипизироваться и стать неотъемлемыми проявлениями индивидуального стиля личности.

Анализ взаимопереходов между продуктивными и инструментальными проявлениями личности как субъекта деятельности представляет одну из проблем дальнейшего изучения психологии индивидуальности.

Глава 19
Методические приемы практической психологии личности

Последние годы развития отечественной психологии стали периодом зарождения совершенно новой сферы психологической практики. Наряду с такими областями прикладной психологии, как медицинская психология, инженерная психология и психология труда, юридическая психология, психология пропаганды и т.д., буквально на наших глазах стали закладываться основы службы психологического обслуживания населения: психологическая служба семьи, служба практической психологии образования[21], психологическая служба помощи личности в критических жизненных ситуациях и т.п. Появление психологических служб — веление времени. В системе этих служб психолог уже не только начинает выступать как консультант и помощник педагогов, инженеров, врачей, юристов и т.д., а сам непосредственно становится работником сферы духовного производства личности. Подобное

[21] См. о практической психологии образования статью в третьем приложении настоящего издания.

изменение профессиональной роли психолога накладывает на него ответственность перед обществом, перед каждым человеком, который обращается к нему за помощью и тем самым связывает с ним свою судьбу. В подобной ситуации каждая практическая рекомендация должна опираться на тщательно разработанные представления о закономерностях развития и формирования личности, о психологической природе индивидуальности. И прежде всего это требование относится к той сфере духовного производства, в которой проверяется действенность любых психологических представлений о личности, — сфере воспитания человека.

Психологический предмет воспитания

Психологическим предметом воспитания является смысловая сфера личности — личностные смыслы и выражающие их в поведении личности смысловые установки. Указанное понимание психологического предмета воспитания позволяет не только более отчетливо осознать различие между обучением и воспитанием, но и охарактеризовать основные черты методических принципов, посредством которых можно наиболее эффективно оказывать психологическую поддержку личности.

Так, если в процессе обучения, в котором осуществляется преимущественно передача значений, вербальные методы могут быть использованы достаточно широко, то в воспитании вербальные методы, нередко выливающиеся в форме избитых нравоучений и апеллирующие к «только знаемым» мотивам личности, малоэффективны. Этот момент удачно иллюстрирует А.У. Хараш на примере изучения пропагандистского воздействия. Он описывает смену социальных установок, связанных с предрассудками, в которых сравнивались по эффективности два типа коммуникативных воздействий — «информационные», насыщенные множеством направленных на утверждение требуемого тезиса фактов, и «интерпретационные», содержащие собственное отношение коммуникаторов к проблеме, его трудности, то есть несущие саму личность коммуникатора. В первом случае передается закрытый деперсонифицированный текст, а во втором — вся информация пристрастна, окра-

шена индивидуальностью коммуникатора. Оказалось, что влиянию «информационного» воздействия подверглись 29% испытуемых, а «интерпретационного» — 82% (*А.У. Хараш*).

Здесь необходимо специально оговориться, уточнить представление о вербальных воздействиях. *Под вербальными воздействиями имеются в виду лишь воздействия посредством текста, через которые передается система значений, знания о действительности, а не процесс общения, выражающий личностные смыслы и мотивы вступившего в общение человека* (*А.У. Хараш*). Например, *специфика такой особой деятельности общения, как искусство, в том и состоит, чтобы, по выражению А.Н. Леонтьева, суметь побороть равнодушие значений, прорваться за «значенческий», выражающий стереотипы слой восприятия и поведения и передать личностные смыслы. Именно искусство является одним из самых могучих источников трансформации смысловой сферы личности.*

Из всего сказанного вытекает, что с помощью рациональных вербальных методов вряд ли удастся оказать психологическую поддержку личности, помочь человеку обрести мировоззрение. Ведь мировоззрение — это не просто сумма знаний о мире. *Мировоззрение представляет собой образ мира, приобретший личностный смысл и составляющий мотивационное ядро индивидуальности личности.*

Существенное продвижение в разработке проблем психологической помощи и поддержки личности происходит в том случае, если в качестве методических проемов диагностики и воспитания используются методический «*принцип прерывания*» деятельности и *принцип деятельностного опосредствования смысловых установок* личности как индивидуальности.

Методический принцип прерывания деятельности

Одним из самых трудных вопросов при изучении мотивов и смысловых установок личности является вопрос об их операционализации. Феноменологически мотивы и установки проявляются в виде кажущихся случайными, немотивированными «отклонений» поведе-

ния от оптимального для данной ситуации. Суть именно такой характеристики феноменологии смысловых единиц личности отчетливо выражена А.А. Бодалевым: «В повседневных, ставших привычными для нас жизненных ситуациях, когда нет надобности в глубоком проникновении в смысл поведения окружающих нас людей, в истинные мотивы их деятельности, процесс, раскрывающий действительное психологическое содержание их поведения, свернут. Но стоит другому человеку отойти от "само собой разумеющейся" манеры поведения или небезразличному для нас лицу "огорошить" необычным для него поступком, как процесс интерпретации поведения выдвигается на передний план»[22].

Ориентиром при поиске и выборе методов, специально сконструированных так, чтобы человек как бы отошел от нормативно заданных линий поведения, от само собой разумеющейся манеры поведения, служит *общий методический принцип искусственного прерывания деятельности*. Подобного рода прерывание деятельности может происходить не только из-за внешних, но и из-за внутренних преград на пути целенаправленной, осознаваемой или неосознаваемой деятельности личности. Такой внутренней преградой могут быть, например, характерологические особенности личности, мешающие достичь цели действия, и т.п. В целом же в качестве ситуаций, отвечающих сформулированному выше принципу, выступают такие ситуации, в которых цели и способы действия прямо не заданы личности. *Неструктурированность, неопределенность ситуации является основной характеристикой ситуации в такого рода методах, как проективные методики изучения личности, например тематический апперцептивный тест чернильных пятен Роршаха, методики незаконченных предложений и т.п.* (рис. 12).

Принцип прерывания деятельности фактически лежит в основе методов, в которых человек при решении творческих задач ставится в проблемно-конфликтную ситуацию.

---

[22] *Бодалев А.А.* Личность и общение. М., 1983. С. 114.

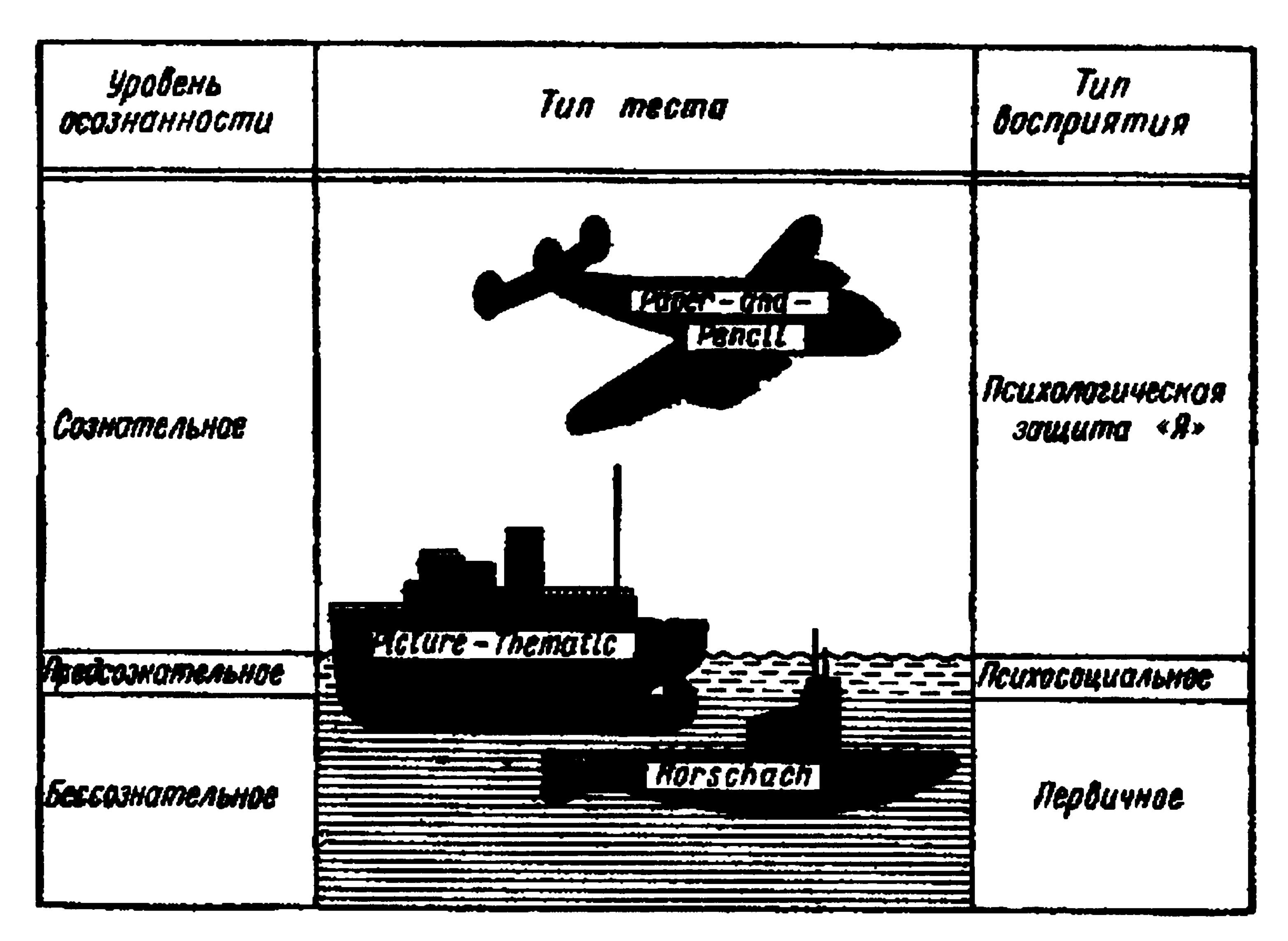

Рис. 12. Схематическая аналогия Шнейдмана, иллюстрирующая диагностические возможности различных классов проективных методов исследования личности (по *Э. Шнейдману*, 1949)

Так, например, в исследовании И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова описаны типы проблемно-конфликтных ситуаций, разрешить которые субъект может лишь при помощи *рефлексии*, переосмысления личностных стереотипов, а тем самым в конечном итоге — преобразования своей личности. Методические процедуры, разрабатываемые в этом направлении исследований, открывают перспективы для диагностики и изменения личности в процессе ее творчества.

Поиск методических приемов операционализации смысловых единиц анализа личности не ограничивается указанным выше приемом «прерывания» деятельности. Подступы к изучению индивидуального сознания личности намечаются в контексте *психосемантического подхода* (*В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев*). В этом цикле работ анализируются закономерности построения в обыденном сознании индивидуальных систем значений, через призму которых про-

исходит восприятие субъектом мира других людей и самого себя. Какие изменения происходят с опредмеченными в окружающем мире значениями, когда они посредством интериоризации превращаются в достояние индивидуального сознания личности? Как трансформируются, например, понятия чести, совести и долга, социальные эталоны «хорошего мужа или жены», когда они окрашиваются светом тех или иных мотивов, то есть что происходит со «значением», когда оно преобразуется в личностный смысл («значение-для-меня»)? Не окажутся ли выявляемые психосемантическим методом изменения когнитивной составляющей смысловых единиц структуры личности тем индикатором, по которому можно судить об изменениях в индивидуальном сознании личности? При ответе на подобного рода вопросы используются различные процедуры многомерного шкалирования, приводящие к построению субъективных пространств индивидуальных значений — *смысловых пространств*, например процедуры оценки себя, возможных мотивов поступка другого человека с помощью специально отобранных и предложенных испытуемому шкал. *Психосемантический подход* к личности еще нов, но открываемый им путь к изучению личности через анализ ее индивидуального сознания перспективен и обладает широкими возможностями операционализации смысловых единиц анализа структуры личности.

Традиционным, но далеко не исчерпанным методическим путем изучения смысловой сферы личности является путь *опосредованной диагностики личности* с помощью методов, направленных на анализ познавательных процессов (например, метод классификации предметов и т.п.). Б.В. Зейгарник характеризует это развиваемое ею и ее учениками направление как *опосредованное изучение личности*. В последнее время как достаточно продуктивный зарекомендовал себя метод психологического анализа жизненного материала, используемый Б.С. Братусем для исследования динамики смысловых систем в зрелом возрасте. Все эти методические средства изучения личности широко приме-

няются в отечественной патопсихологии, созданной прежде всего благодаря работам Б.В. Зейгарник и ее учеников.

Еще один путь операционализации смысловых образований личности предложен в исследованиях Е.В. Субботского, в которых используется методический *прием изменения позиции ребенка в социальной ситуации*. Этот методический прием осуществляется в три этапа. На первом этапе организуется ситуация, в которой возникает такое отклонение поведения от оптимальной линии достижения цели, которое не может быть объяснено за счет несформированности интеллектуальной сферы ребенка и свидетельствует о наличии у него новых мотивов, приводящих к изменению смысла ситуации. На втором этапе выделяются условия, при которых отклонения в поведении ребенка от оптимальной линии достижения цели исчезают и на этой основе проводится оценка приведших к ним мотивов. И наконец, на третьем, «формирующем» этапе эксперимента изменяется позиция ребенка в социальной ситуации, что и приводит к изменению смыслового образования, например к изменению глобальной подражательности по отношению к взрослым. В работах Е.В. Субботского найдено удачное совмещение двух общих методических принципов изучения мотивов установок личности: методического принципа «прерывания» деятельности и методического принципа «деятельностного опосредствования» смысловых образований личности. Если первый методический принцип — это принцип диагностики мотивов и смысловых установок личности, то второй принцип — принцип их изменения.

Методический принцип деятельностного опосредствования мотивов и смысловых установок личности

Для изменения мотивационно-смысловых отношений могут быть использованы различные методические приемы, основанные на *принципе деятельностного опосредствования*. Суть этого принципа состоит в следующем: *для того чтобы перестроить мотивы и смысловые установки личности, необходимо выйти за пределы этих смысловых образований и изменить порождающие их деятельности.*

Все сказанное означает, что насущной необходимостью *практической психологии личности* является *разработка активных методов воздействия на личность*, в которых так или иначе реконструируется деятельность, приводящая к перестройке мотивационно-смысловых отношений человека к природе, обществу, другим людям и самому себе. И движение в этом направлении уже началось.

В психологию личности все интенсивнее внедряются *игровые методы, методы социально-психологического тренинга, деловых игр, групповые методы психотерапии и т.п., которые используются как в практике психологической помощи личности, так и в реабилитационной работе. Ключ к формированию, перестройке и коррекции личности лежит в организации и изменении личностно-значимой деятельности субъекта.*

Эта идея, по сути, положена в основу практики таких педагогов, как А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский. Яркие примеры того, что изменение личностного смысла всегда опосредствовано изменением целенаправленной деятельности человека и не поддается прямому воздействию вербальной информации, приведены в «Педагогической поэме». Так, А.С. Макаренко повествует, что первые воспитанники выслушали его речь о том, что необходимо решительно переменить образ жизни, с ироническими улыбками. Позднее, вспоминая об этом печальном опыте, А.С. Макаренко писал о том, что не столько моральные убеждения и гнев, сколько вот эта интересная и настоящая деловая борьба дала первые ростки хорошего коллективного тона. Только в деловой борьбе произошло у воспитанников А.С. Макаренко изменение личностного смысла. *Деловая борьба, совместная деятельность сыграли решающую роль там, где оказались бессильны уговоры и убеждения.*

Подобного рода опыт выдающихся педагогов, а также уже упоминавшиеся выше экспериментальные исследования позволяют заключить, что в фундамент практической психологии личности должен быть заложен методический принцип деятельностного опосредствования мотивов и смысловых установок личности. Выбор этого методического принципа как в психологии личности, так и в психотерапии ориентирует психолога на поиск методов активного воздействия на личность.

Так, например, явно недооцененными остаются методы, связанные с изменением позиции ребенка и с использованием методического приема «*подстановки себя на место другого в ситуации морального выбора*». Этот методический прием выпукло выступил при изучении таких проявлений гуманных отношений ребенка к сверстнику в ситуациях его наказания и награды, как сострадание и сорадование. Оказалось, что, лишь подставив себя на место другого в ситуации его наказания и награды и идентифицировавшись с ним, ребенок начинает сопереживать другому человеку.

Значение психологического механизма «подстановки себя на место другого», познавательной и нравственной «децентрации» ребенка следующим образом раскрывает Д.Б. Эльконин: «Дело не только в том, что в игре развиваются или заново формируются отдельные интеллектуальные операции, а в том, что коренным образом изменяется позиция ребенка в отношении к окружающему миру и формируется самый механизм возможной смены позиции и координации своей точки зрения с другими возможными точками зрения»[23]. Методический прием «*подстановки себя на место другого*» до сих пор применялся в психологии исключительно в исследовательских целях, в частности для изучения познавательного эгоцентризма и эмоциональной идентификации. Между тем *использование в практической психологии личности системы методик, построенных на этом методическом приеме, может оказать существенную помощь в решении такой задачи, как преодоление нравственного эгоцентризма личности и формирование у человека способности сопереживать другим людям.*

Психодрама, социодрама, деловые игры, социально-психологический тренинг — вот далеко не полный перечень методических средств, которые могут быть организованы с опорой на принцип деятельностного опосредствования мотивов и смысловых установок в практической психологии личности.

---

[23] *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., 1978. С. 282.

Глава 20
Самоосуществление индивидуальности

Специфика личностного выбора

При анализе проблемы перехода от ролевых отношений к личностно-смысловым отношениям в контексте социально-исторического образа жизни изучается преобразование нормативно-ролевого отношения личности в мотивационно-смысловое отношение, которое происходит в тех случаях, когда перед личностью возникает проблемно-конфликтная ситуация, преодолеть которую с помощью ранее усвоенных шаблонов поведения представляется затруднительным, если не невозможным. Подобная ситуация может возникнуть как при наличии внешних или внутренних преград на пути деятельности, так и в процессе постановки личностью тех или иных сверхзадач. В такого рода ситуациях личность и проявляет свою активность, которая находит свое выражение в творческом преобразовании самой ситуации, в саморазвитии индивидуальности.

Феноменологически активность индивидуальности в таких ситуациях может выступить в различных отклонениях действий личности от само собой разумеющейся безличной манеры поведения. Но, по каким бы причинам ни возникло это отклонение, оно неизбежно знаменует собой столкновение человека с проблемой выбора в возникшей *неопределенной ситуации.* Этот выбор может быть выбором социальной позиции, новой роли. Таким выбором могут стать поиск и осмысление для себя мотива его поведения. И наконец, это может быть выбор между открывающимися в идеальном плане различными мотивами своего собственного поведения, от которого подчас зависит вся дальнейшая судьба личности. В этих случаях происходит ориентировка личности в сложной системе ее смыслообразующих мотивов и личностных смыслов. Именно в *ситуациях свободного выбора личность особенно рельефно проявляется как индивидуальность, а история развития личности становится историей отклоненных и сотворенных ею альтернатив.*

Тут, однако, необходимо специально оговориться, провести *разграничение между «личностным выбором», выбором между мотивами и многочисленными выборами, которые сиюминутно совершаются в пределах нормативно заданной деятельности.* Выбор действий и поступков, продиктованных *мотивами-стимулами, разительно не похож на личностный выбор.* Если жизнь соткана только из действий и поступков, ведомых мотивами-стимулами, то она являет собой образец мертвой безличной жизни. О такой жизни Л.Н. Толстой писал в дневнике: «Все устраиваются, — когда же жить начнут? Все не для того, чтобы жить, а для того, что как люди. Несчастные. И нет жизни».

Для того чтобы рельефнее очертить линию водораздела между интересами и увлечениями на основе мотивов-стимулов и интересами, имеющими жизненный смысл для личности, еще раз прибегаем к емкой характеристике их психологической разнородности, данной Л.Н. Толстым. Рассказывая о том, что за человек был Каренин, Л.Н. Толстой замечает: «Она знала, что, несмотря на поглощающие почти все его время служебные обязанности, он считал своим долгом следить за всем замечательным, появлявшимся в умственной сфере. Она знала также, что действительно его интересовали книги политические, философские, богословские, что искусство было по его натуре совершенно чуждо ему, но что, несмотря на это, или лучше вследствие этого, Алексей Александрович не пропускал ничего из того, что делало шум в этой области, и считал своим долгом все читать. Она знала, что в области политики, философии, богословия Алексей Александрович сомневался или отыскивал; но в вопросах искусства и поэзии, в особенности музыки, понимания которой он был совершенно лишен, у него были самые определенные и твердые мнения. Он любил говорить о Шекспире, Рафаэле, Бетховене, о значении новых школ поэзии и музыки, которые все были у него распределены с очень ясною последовательностью»[24].

Алексей Александрович увлекался и политикой и искусством. Сколь по-разному, однако, вписываются эти увле-

---

[24] *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 8. М., 1952. С. 121—122.

чения в его жизнь. При выборе ценностей, высказываний, мнений в области политики, то есть в той области, которая имеет для него личностный смысл и в значительной степени составляет саму суть его существования, Каренин ищет, колеблется, проводит колоссальную внутреннюю работу, решая, что будет значить выбор того или иного действия для него в свете стоящих перед ним целей и мотивов.

Такой выбор не скован заранее предрешенным исходом. Человек всегда воспринимает совершаемое им как совершаемое в силу внутренней необходимости, идет на риск, выигрывает и теряет, несет ответственность за свой выбор.

Неопределенность исхода, риск, субъективное ощущение принадлежности совершаемого только самому себе, оценка последствий принятого решения в свете тех мотивов, ради которых живешь, непредсказуемость для самого себя — вот неотъемлемые черты свободного личностного выбора.

В жизни нередко *свобода выбора* оборачивается своей оборотной стороной и *бремя выбора* непомерным грузом ложится на плечи человека. Так, например, выпускница школы в повести В.Ф. Тендрякова «Ночь после выпуска», вплотную встав перед проблемой выбора жизненного пути, говорит своим одноклассникам и учителям: «Школа требовала пятерок, я слушалась и... и не смела любить... Теперь вот оглянулась, и оказалось — ничего не люблю. Ничего, кроме папы, мамы и... школы. И тысячи дорог — и все одинаковы, все безразличны... Не думайте, что я счастливая. Мне страшно. Очень!»

Феномен «борьбы мотивов» и психологическая защита

Насколько описанная ситуация сложнее известной ситуации «буриданова осла», помещенного на одинаковом расстоянии от двух одинаковых связок сена. Осел будто бы должен умереть с голода, так как действующие на него мотивы уравновешены и направлены в противоположные стороны. Именно разбирая эту ситуацию как наиболее простую модель для анализа волевого акта, Л.С. Выготский переводит *проблему свободы воли* из плоскости рассуждений в плоскость экс-

периментального исследования и намечает перспективные, но по сей день не реализованные пути ее решения.

Как поступит человек в ситуации, требующей личностного выбора? Как он разрешит конфликт между противоборствующими мотивами? Ответ на эти вопросы Л.С. Выготский находит с помощью разработанного им на основе анализа истории культуры *инструментального историко-генетического метода изучения высших психических функций.* «Человек на месте буриданова осла бросил бы жребий и тем самым овладел бы ситуацией», — пишет Л.С. Выготский. И далее продолжает: «*Бросание жребия является рудиментарной формой культурной воли*»[25]. Иными словами, личность в ситуации *борьбы мотивов*, выбора мотивов прибегает к внешним и внутренним средствам, к внешним и внутренним приемам овладения своим собственным поведением. В качестве таких средств могут выступить бросание жребия, переодевание в мужскую или женскую одежду в процессе переделки пола для овладения мужской или женской социальной ролью, ярко описанное А.С. Макаренко сжигание беспризорниками старой одежды для того, чтобы *сбросить груз своей биографии.* Такими приемами могут быть и описанные К. Левином действия испытуемой, решающей: «Как только стрелка часов достигнет перпендикулярного положения, я уйду» — и тем самым психологически преобразующей ситуацию и свое поведение.

Поиск подобных *рудиментарных форм воли в истории человеческой культуры* важен по целому ряду причин.

Во-первых, находя в истории культуры подобные снятые формы воли, вроде различных ритуалов и церемоний, психолог может *вооружить личность порой забытыми, но весьма действенными приемами овладения своим поведением в критических конфликтных ситуациях.*

Во-вторых, изучение рудиментарных внешних форм воли в истории культуры даст возможность понять *генезис различных внутренних интериоризированных приемов овладения собственным поведением, прежде всего различных механизмов психологической защиты*, которые помогают осуществить

[25] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1982. С. 67, 72.

бегство от выбора, «бегство от свободы» (*Э. Фромм*), в безвыходных ситуациях. *Эти приемы защиты и компенсаторные механизмы, по мысли Б.В. Зейгарник, не рассматриваются в отечественной психологии как проявление антагонизма между личностью и обществом, а выступают как средства саморегуляции, овладения поведением личности.*

Не являются ли магические действия, вроде описанных Дж. Фрезером ритуалов публичного изгнания злых сил, рудиментарной внешней формой катарсиса? Не выступает ли компенсация тех или иных физических изъянов с помощью моды, как это описывает А.Р. Лурия, одной из внешних форм механизма компенсации? *Не представляет ли собой идентификация свернутое и перешедшее в идеальный план действие по подстановке себя на место другого человека в совместной деятельности?* Все эти вопросы требуют специального исследования. Однако уже сама их постановка доказывает, что инструментальный историко-генетический метод далеко еще не исчерпан и может быть применен для анализа продуктивных проявлений личности как индивидуальности.

Весьма своеобразным, изобретенным в истории культуры приемом преодоления конфликтных ситуаций и одновременно *средством для раскрытия, актуализации личностно-смыслового отношения индивидуальности к миру является смех, точнее, используя выражение М.М. Бахтина, формы «смеховой» или «карнавальной» культуры. По своей функции в жизни личности смех вовсе не сводится к катарсису, очищению. Смех выступает для личности как средство выхода за границы нормосообразного поведения, преобразования мира значений в мир смыслов.* Так, в своем исследовании «смеховой культуры» Древней Руси Д.С. Лихачев и А.М. Панченко отмечают: «Функция смеха — обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества». С их точки зрения, психологически смех хотя бы на время снимает с человека обязанность вести себя по существующим в данном обществе нормам. Но означает ли это тот факт, что в смехе личность вообще выходит за пределы норм? Дело обстоит иначе.

«Смеховая культура» — это «иная культура» по отношению к высмеиваемому миру, выворачивающая его церемонии и нормы наизнанку, а тем самым строящая свою желаемую новую действительность, свои нормы. Подобный подход представляет для психологии личности интерес также и в том плане, что он со всей наглядностью демонстрирует ограниченность взглядов на самоактуализацию личности (*А. Маслоу*) как развертывание при сбрасывании «масок» и норм некоторого природного, таящегося в глубинах человека начала. В действительности же *самоактуализация личности — это самоосуществление «иных культур», имеющих своим источником преобразование норм данной культуры и творение в ходе контакта с миром новых норм, то есть нормотворчество. В самоактуализации рождаются интерсубъективные социальные миры.*

Феномен «игры стилями»

Одним из самых перспективных направлений изучения продуктивных проявлений самоосуществления личности является разработка проблемы, каким образом личностью осуществляется выбор тех или иных социальных ролей, какое значение приобретает опробование личностью себя в различных ролях для процесса самоосуществления индивидуальности.

Кардинальное отличие процесса социализации ролей на ранних стадиях персоногенеза индивидуальности от сознательного выбора личностью социальной роли состоит в том, что в первом случае роль овладевает личностью, а во втором индивидуальность овладевает ролью, используя роль как инструмент, как средство для перестройки своего поведения в различных ситуациях.

В своем исследовании Ю.М. Лотман изображает противоречивый процесс «самоосуществления личности» А.С. Пушкина как непрестанное опробование, поиск себя в разных типах поведения, жизни в разных жизнях. Входя в разные круги общения, в разные социальные группы, поэт приобретает способность гибко перестраивать свою личность, меняться в разных ситуациях. При этом Ю.М. Лотман подчеркивает: «Личность поэта, конечно, едина и, бесспорно, связана с широким кругом впечатлений,

поступающих из внешнего мира. Однако, будучи включена в различные общественные связи, она говорит с миром на многих языках, и мир отвечает ей различными голосами. В результате один и тот же человек, входя в разные коллективы, меняя целевые установки, может меняться — иногда в очень значительных пределах»[26]. Эти перемены — необходимое условие поиска своего места в мире, постижение через изменение различных типов поведения личностного смысла этих типов поведения в жизни личности. «Поведение Пушкина, — пишет Ю.М. Лотман, — отличалось своеобразием: оно подразумевало не ориентацию на какой-либо один тип поведения, а целый набор возможных “масок”, которые поэт варьировал, меняя типы поведения. В Одессе, когда смена стилей поведения и как бы “перемена лица” в обществе Раевского превратилась в своеобразную игру, сама природа романтического поведения стала осознанным фактом. Это повлекло два рода последствий. С одной стороны, поэт получил возможность взглянуть на романтическую психологию извне, как на снятую маску, что закладывало основы взгляда со стороны на романтический характер и объективного его осмысления. С другой — именно в бытовом поведении оформились “игра стилями”, отказ от романтического эгоцентризма и психологическая возможность учета чужой точки зрения... Пушкин учится смотреть на мир глазами другого человека, менять точку зрения на окружающее и самому, меняясь, включаться в разнообразные ситуации»[27].

Вряд ли сейчас можно дать более исчерпывающую психологическую характеристику значения выбора тех или иных ролей, а тем самым и типов поведения для понимания механизмов развития индивидуальности личности. В этой характеристике выделены, *во-первых, функция социальной роли как средства овладения поведением в определенной жизненной ситуации; во-вторых, функция смены ролей в познании различных фактов действительности и ломке*

[26] *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1982. С. 63—64.
[27] Там же. С. 116—117.

устойчивых культурных стереотипов; в-третьих, значение смены ролей для преодоления личностного эгоцентризма, возможности встать в рефлексивную позицию к самому себе, а тем самым переосмыслить свое отношение к себе и к окружающей социальной роли в проявлениях поведения личности как индивидуальности.

Если заданная социальная роль, являясь образцом социотипитического поведения, выражает тенденцию в системе «личность в группе» к сохранению данной системы, то выбранная роль, выступая как средство овладения поведением и переосмысления действительности, выражает тенденцию данной системы к изменению, в частности к опробованию пригодности наличных образцов социотипического поведения в изменившихся жизненных ситуациях.

При анализе этих проявлений личности на полюсе «преобразования себя» нельзя обойти еще одну попытку изучения поведения личности в тех предельных критических ситуациях, когда преобразование ситуации извне не снимает конфликта. «Критическая ситуация в самом общем плане должна быть определена как ситуация невозможности, то есть такая ситуация, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних необходимостей своей жизни»[28] (мотивов, стремлений, ценностей и пр.). Выходом из этих критических жизненных ситуаций вроде *стресса, фрустрации, конфликта и кризиса является совершенно особая деятельность — деятельность переживания* (от термина «пережить», например пережить смерть близкого человека), в ходе которой производится новый приемлемый для личности смысл жизни. Однако и на эту особую деятельность, *продуктом которой является смысл*, полностью распространяются высказанные А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном положения, согласно которым *перевороты в жизни личности опосредствуются, а не производятся сознанием.* Производятся же они действиями и поступками индивидуальности личности. С.Л. Рубинштейн отмечал, что *выход за пределы самого себя есть не отрицание сущности индивидуальности, а становление и вместе с тем реализация сущности в мире, в других людях, в себе самом.*

---

[28] *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984. С. 31.

Черты самоактуализирующейся личности

В основывающейся на экзистенциализме гуманистической психологии личности (*А. Маслоу, К. Роджерс, Ш. Бюлер*) самоосуществление индивидуальности рассматривается как неповторимое единичное проявление мира человека. Оно выступает как «случайное», приходящееся только на долю самоактуализирующихся личностей природное качество отдельного человека. По подсчетам А. Маслоу, самоактуализирующиеся личности составляют ничтожное меньшинство (около 1%) населения и являют собой образец психологически здоровых и максимально выражающих человеческую сущность людей. Поэтому они разительно отличаются от большинства. А. Маслоу отмечает, что прав был тот биолог, который заявил, что он обнаружил недостающее эволюционное звено между человекообразными обезьянами и цивилизованным человеком — это мы. Маслоу предпринял обширное исследование самоактуализирующихся людей с целью выявить характерный комплекс их психологических особенностей. В результате были выделены следующие *15 основных черт, присущих самоактуализирующимся людям.*

1. Более адекватное восприятие действительности, свободное от влияния актуальных потребностей, стереотипов и предрассудков, интерес к неизведанному.

2. Принятие себя и других такими, какие они есть, отсутствие искусственных, хищных форм поведения и неприятие такого поведения со стороны других.

3. Спонтанность проявлений, простота и естественность. Такие люди соблюдают установившиеся ритуалы, традиции и церемонии, но относятся к ним с должным юмором. Это не автоматический, а сознательный конформизм лишь на уровне внешнего поведения.

4. Деловая направленность. Такие люди заняты обычно не собой, а своей жизненной задачей или миссией. Обычно они соотносят свою деятельность с универсальными ценностями и склонны рассматривать ее под углом зрения вечности, а не текущего момента. Поэтому все они в какой-то степени философы.

5. Они нередко склонны к одиночеству, и для них характерна позиция отстраненности по отношению ко многим событиям, в том числе событиям собственной жизни. Это помогает им относительно спокойно переносить неприятности и быть менее подверженными воздействиям извне.

6. Автономия и независимость от окружения; устойчивость под воздействием фрустрирующих факторов.

7. Свежесть восприятия; нахождение каждый раз нового в уже известном.

8. Предельные переживания, характеризующиеся ощущением исчезновения собственного «Я».

9. Чувство общности с человечеством в целом.

10. Дружба с другими самоактуализирующимися людьми: узкий круг людей, отношения с которыми весьма глубокие. Отсутствие проявлений враждебности в межличностных отношениях.

11. Демократичность в отношениях. Готовность учиться у других.

12. Устойчивые внутренние моральные нормы. Самоактуализирующиеся люди ведут себя нравственно, они остро чувствуют добро и зло; они ориентированы на цели, а средства всегда подчиняются этим целям.

13. «Философское» чувство юмора. Они относятся с юмором к жизни в целом и к самим себе, но никогда не считают смешной чью-либо ущербность или невзгоды.

14. Креативность, не зависящая от того, чем человек занимается, и проявляющаяся во всех действиях самоактуализирующейся личности.

15. Они не принимают безоговорочно ту культуру, к которой они принадлежат. Они не конформны, но и не склонны к бездумному бунтарству. Они достаточно критично относятся к своей культуре, выбирая из нее хорошее и отвергая плохое. Они не идентифицируются со всей культурой, ощущая себя в большей степени представителями человечества в целом, чем представителями своей страны. Поэтому они нередко оказываются в изоляции в той культурной среде, которую они не желают принять.

Выход за пределы самого себя и социальное бессмертие

Положения о становлении индивидуальности личности как непрерывном выходе за пределы самого себя (*С.Л. Рубинштейн*), об отказе от традиционного для эмпирической психологии «птолемеевского» понимания человека в пользу «коперниканского», ищущего «Я» человека не под поверхностью кожи индивида, а в его бытии, во взаимосвязях людей в обществе (*А.Н. Леонтьев*), *об отстаивании индивидуальности* отличаются от понимания самоактуализации личности в гуманистической психологии.

Оно получило свое развитие в разрабатываемой А.В. Петровским и В.А. Петровским концепции «личностных вкладов». Что является продуктом активности личности как субъекта деятельности, осуществляющей смысловое отношение личности к другим людям? Как может быть охарактеризована сама эта активность, принципиально отличная от нормативно заданной деятельности и ее конечных эффектов? И наконец, в каких формах представлены в других личностях экстериоризованные продукты этой активности? В концепции «личностных вкладов» намечаются ответы на указанные вопросы и ведутся поиски методических схем анализа «личностных вкладов». С точки зрения этих исследователей, личность продолжает свое существование «по ту сторону» актуального общения и совместной деятельности в форме инобытия индивида в других людях, вольно или невольно производя своей активностью преобразования в их личностях, внося в них значимый для их жизни личностный вклад. «Сущность этой идеальной представленности в других людях, этих “вкладов” — в тех реальных смысловых преобразованиях, действенных изменениях интеллектуальной и аффективно-потребностной сфер личности другого человека, которые производят деятельность человека или его участие в совместной деятельности. Инобытие индивида в других людях — это не статичный отпечаток. Речь идет об активном процессе, о своего рода “продолжении себя в другом”. Здесь схватывается важнейшая особенность личности (если она действительно личность) обрести вторую жизнь в других

людях...» Активность, посредством которой осуществляются личностные вклады, характеризуется как деяния личности, имеющие непреднамеренный, не заданный заранее характер. Они выражают общую тенденцию развивающейся социальной системы к изменениям и приводят порой к возникновению новых направлений в историко-эволюционном процессе. В деяниях и происходит самоосуществление личности в ходе ее жизненного пути, *отстаивание* своей индивидуальности, «личностные вклады» претворяются в интерсубъективный социальный мир.

Мотивы человека, совершающего личностный выбор и отстаивающего свое «Я», отличны от мотивов-суррогатов, встречающихся в тех случаях, когда ценность «быть личностью» приводит к возникновению особого феномена — *феномена «игра в личность»*. Случается, что эту игру принимают за подлинное, легкость в выборе решения — за смелость, категоричность — за убежденность, всеядность — за разносторонность и многогранность интересов личности. Случается, но рано или поздно подделка неизбежно распознается. Это и не удивительно. Больно уж резко по своей психологической природе отличаются, как старательно их ни маскируй, обиходные интересы, проявляемые личностью под влиянием «мотивов-стимулов», от интересов личности, отважившейся сделать выбор. Эти интересы, взятые напрокат, проскальзывают сквозь личность, по сути не затрагивая ее. Личность сбрасывает их, когда приходит срок, как змея сбрасывает кожу.

Другое дело — смыслообразующие ценности и мотивы индивидуальности личности. Они не берутся извне, а рождаются внутренним выбором и приобретают личностный смысл, то есть превращаются в достояние личности. Они могут быть и не столь броски, как интересы, задаваемые модой. Они нередко кажутся невыразительными и чудаковатыми, как пронесенный одним зоологом через всю жизнь интерес к изучению строения дождевого червя. Когда его спросили, можно ли отдавать такому скучному делу всю жизнь, он удивился и ответил: «Червь так длинен, а жизнь так коротка». Кому есть дело, например, до увлече-

ния замечательного биолога А.А. Любищева битвой при Сиракузах или до коллекционирования земляных блошек, которым А.А. Любищев занимался почти всю жизнь.

Специфическая черта подлинных смыслообразующих ценностей и мотивов заключается в том, что все эти интересы нанизаны на стержень ведущего смыслообразующего мотива, ведущей линии жизни (*А.Н. Леонтьев*). Сказанное ни в коем случае не следует понимать так, что идеалы личности выстраиваются в шеренгу, идеально подогнанную к избранной цели. Они могут сочетаться с ней или, напротив, вступать в противоречие, конфликт, но они обязательно должны предстать на суд, на котором спросится, что они значат для личности. Так, гениальный французский математик Э. Галуа, для которого, казалось бы, не было величайшей ценности в жизни, помимо алгебры, вышел на Вандомскую площадь и, подняв бокал с возгласом: «За здоровье Луи Филиппа!», символически направил острие кинжала в сердце. Противоречат ли эти действия Галуа его интересу к математике? Разумеется, да. Восстав с республиканцами против Луи Филиппа, Э. Галуа погибает, так никогда и не узнав, что его открытие впоследствии получит признание и принесет ему мировую славу. За математическими исследованиями Галуа и за его борьбой с королем стояли смыслообразующие мотивы, и спрашивать, какой из них важнее, бессмысленно. Важно, что деяния и идеалы, связанные с этими мотивами, утверждали его как индивидуальность, а сами его мотивы явились подлинными вершинами жизненного пути.

История Галуа — пример того, что *индивидуальность личности шире своей профессии*. Если индивидуальность разносторонняя, многовершинная, то возникает одно характерное явление: ее даже по профессиональному признаку не удается вместить в узкие рамки профессии. Спросите: кем был по профессии В.И. Вернадский? Геохимики ответят, что геохимик, физики — физик, философы — философ. А кем был А.А. Любищев — биологом, историком науки, философом? Опять нет однозначного ответа. Чем бы ни занимался человек, мотив которого был найден в

результате личностного выбора, он везде оставит значимый след, всюду проявит себя как индивидуальность.

Быть личностью — это значит *отстаивать* жизненную позицию, о которой можно сказать: «На том стою и не могу иначе».

Быть личностью — это значит осуществлять выборы, возникшие в силу внутренней необходимости, уметь оценить последствия принятого решения и держать за них ответ перед собой и миром.

Быть личностью — это значит обладать свободой выбора и нести через всю жизнь бремя выбора. Через созидание ради культуры достоинства, ради того образа жизни, который имеет для индивидуальности личностный смысл, она обретает свободу и свое социальное бессмертие.

Заключение

В переломные моменты истории у общества обостряется особое чувство — чувство ценности человеческой личности. Оно проявляется тогда, когда общество с удивлением вспоминает, что великие стройки делаются не только ради великих строек, но и во имя самих строителей. Вдруг обнаруживается, что строители — это не только «кадры», «работники», но и люди. И от индивидуальных действий и поступков этих людей зависит как их собственная неповторимая судьба, так и судьба всего человечества.

Вот тогда-то пробивает час, когда вечные вопросы «что есть человек?», «как рождается личность?», «в чем смысл жизни?» перестают восприниматься как абстракция или игра бездельного ума. Общественная психология, которая, по меткому выражению писателя Сергея Залыгина, в застойные периоды общества ведет подпольный образ жизни, начинает вырываться на поверхность. Она спешит осознать пережитое и задает вопросы, от которых уже никуда не уйти.

Какова цена раскола между идеалом и реальностью? Как перейти от покаяния к действию? Где искать избавление от горьких плодов преступности и наркомании? Когда падет в обществе авторитет власти и придет власть авторитета? Все эти и многие другие вопросы вновь начали обсуждать политики, писатели, социологи, историки.

Лишь психологи, когда речь заходит о драмах личности и общества, чаще всего хранят молчание. Молчание психологов имеет свое объяснение, но не имеет своего оправдания. Объяснить это молчание можно, вспомнив строки Л.С. Выготского, оказавшиеся пророческими: «*Овладеть правдой о личности и самой личностью нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом*»[1].

Действительно, психология лишь тогда сможет овладеть правдой о личности, когда само общество захочет

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 433.

услышать и принять эту правду. В том же обществе, где у человека был «вместо сердца пламенный мотор», психология вынуждена заниматься «частичными» объектами (ощущениями, восприятием, памятью, эмоциями и т.п.), собирать личность из отдельных психических функций, а не историей развития человека в природе и обществе. Наше общество начинается меняться. Правда об обществе делает свое дело, заставляя колеблющуюся стрелку барометра общественного интереса сдвигаться к интересам личности. В этой ситуации все настойчивее проступает подлинный интерес к исследованиям психологии, культурной антропологии и социологии развития человека.

Перефразируя высказывание П.П. Блонского о том, что поведение может быть понято только как история поведения, необходимо сказать: *психология личности может быть понята только как история развития изменяющейся личности в изменяющемся мире.* Именно это положение лежит в основе системного историко-эволюционного деятельностного подхода к пониманию развития личности, представленного в данном учебнике.

При анализе проблем развития личности с позиций системного историко-эволюционного деятельностного подхода особенно ощутимо осознается то, что линии исследования развития человека в эволюции природы (биогенез), истории общества (социогенез) и жизненного пути индивидуальности (персоногенез) до сих пор представляют собой как бы три непересекающиеся прямые. Поэтому, какие бы проблемы развития личности ни обсуждались в учебнике, приоритет всегда отдавался вопросам, решение которых позволяет наметить точки перекреста линий биогенеза, социогенеза и персоногенеза человека. К числу такого рода вопросов относятся, например, вопросы о роли «рассеивающего отбора» в эволюции индивидуальных свойств человека, об эволюционном смысле неадаптивных действий шутов и еретиков в истории культуры, о феномене «психологического симбиоза» и о содействии как исходной клеточке анализа развития личности, о специфике личностного выбора в проблемно-конфликтных ситуациях и т.п. При выделении подобных вопросов основ-

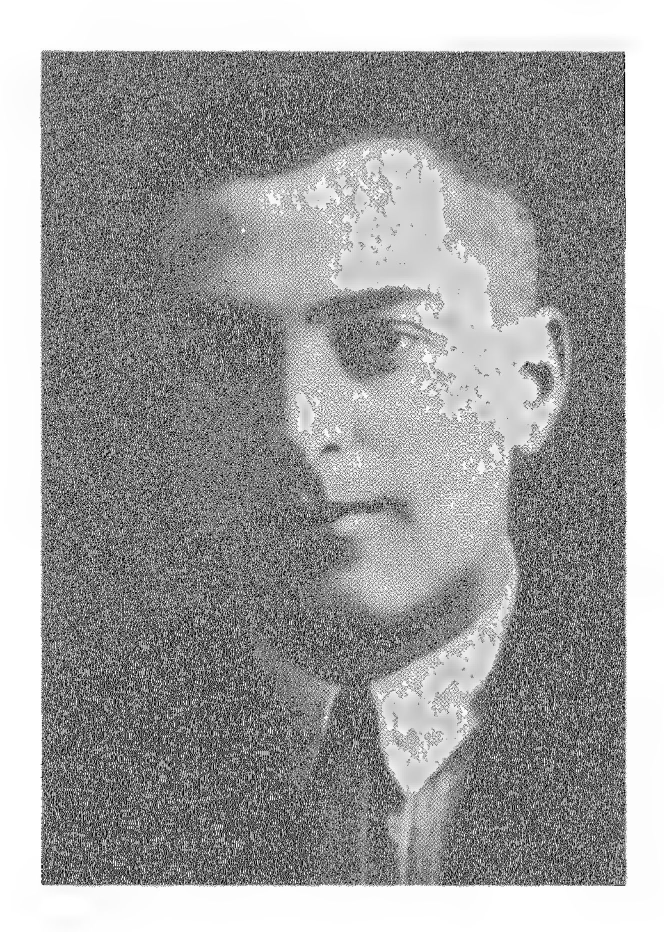
ной акцент делался скорее на необходимости самой их постановки в психологии личности, чем на изложении какого-либо завершенного варианта их решения.

Если будущие поколения психологов, взявшись за разработку вопросов *развития изменяющейся личности в изменяющемся мире*, создадут реальную практическую культурно-историческую психологию развития человека, то они не только помогут обществу овладеть правдой о личности, но и помогут самой личности овладеть правдой об обществе, стать свободно действующим, отстаивающим свою индивидуальность и отвечающим за свои действия человеком.

Приложение 1

Социальная биография культурно-исторической психологии: *круги общения*

Лев Выготский: штрихи к портрету «Моцарта в психологии»[1]

Лев Семенович Выготский (17 ноября 1896 г., г. Орша, Белоруссия — 11 июня 1934 г., Москва, Россия) — выдающийся мыслитель и методолог XX в., основатель школы неклассической культурно-исторической психологии как одного из ведущих направлений мировой и российской психологической науки, которая оказывает значительное влияние на понимание закономерностей развития мира человека в истории природы, культуры и общества.

В семье отца Л.С. Выготского Семена Львовича Выгодского, банковского служащего, и его матери Цецилии Моисеевны Выгодской воспитывалось восемь детей. По духу и культуре *эта семья полностью относилась к той самой интеллигенции, для которой образование детей было наиглавнейшим делом жизни.* Не случайно именно в юности властителями дум Л.С. Выготского становятся два гения, непохожих друг на друга, — еретический философ Бенедикт Спиноза и бессмертный Уильям Шекспир. Эти два имени освещают весь по-пушкински короткий жизненный путь Л.С. Выготского — гимназию в Гомеле, юридический факультет Московского университета (1913—1917) и историко-филологический факультет университета А.Е. Ша-

[1] «Моцартом в психологии» называл Л.С. Выготского американский философ С. Тулмин.

нявского (1914—1917). С этими именами связываются первые наброски будущей классической работы «Психология искусства» летом 1915 г., заметки о Ф.М. Достоевском, М.Ю. Лермонтове, романе Андрея Белого «Петербург». Стиль поэзии У. Шекспира и неклассической рациональности Б. Спинозы пронизывает доклады и полемические статьи Л.С. Выготского, оттачивает его интерес к психологии эстетических реакций и поступков, приводит его в 1924 г. вновь в 1-й МГУ, в Институт экспериментальной психологии при Московском университете по приглашению А.Р. Лурия.

К этому времени складываются *круги общения* Л.С. Выготского: в психологии — А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев; в биологии — основатель биомеханики Н.А. Бернштейн; в филологии, литературе и театре — Роман Якобсон, Виктор Шкловский, Илья Эренбург, Осип Мандельштам, Сергей Эйзенштейн. В 1925 г. — статья в духе неклассической психологии «Сознание как проблема психологии поведения», диссертация «Психология искусства», затем преподавание в 1-м МГУ, 2-м МГУ (позднее — МГПИ). Активный период творчества в области психологии, неврологии, дефектологии и педологии — всего 10 лет, принесших Л.С. Выготскому мировую славу.

Характерными чертами творчества Л.С. Выготского являются *универсализм мифопоэтического* мышления, приверженность *историко-генетическому* и *системному* стилю анализа, умеренный *социальный конструктивизм* и *либеральное* мировоззрение.

Универсализм мышления Л.С. Выготского проявился в создании широкого ансамбля идей и гипотез, определивших поле проблем в психологии и ряде смежных наук. К их числу относятся:

♦ *методология* системного историко-генетического анализа различных психических феноменов в контексте биогенеза, антропогенеза, социогенеза и персоногенеза, поиска взаимопереходов между этими векторами историко-эволюционного развития;

♦ идея об изобретаемых в истории культуры знаках (в первую очередь — языка) как средствах («психологических

орудиях») овладения поведением человека и социальных групп;

♦ гипотеза об интериоризации как конструктивном механизме социализации человека, происходящей в ходе сотрудничества, совместной деятельности ребенка с другими людьми и приводящей к преобразованию мира культуры (мира «значений») в мир личности (мир «смыслов»);

♦ концепция системного анализа развития и распада высших психических функций человека как социальных по *происхождению*, культурно опосредуемых различными знаками по *структуре* и произвольно регулируемых по *способу управления* формах поведения;

♦ историко-генетическая системная концепция мышления и речи как ключ к пониманию смысловой диалогичной природы сознания;

♦ представление о динамических смысловых системах как особом единстве аффекта и интеллекта и единицах анализа личности;

♦ концепция о «зоне ближайшего развития» высших психических функций ребенка как продукте сотрудничества ребенка со взрослым и сверстниками при решении задач;

♦ обоснование идеи об обучении как движущей силе психического развития ребенка.

Эти идеи, иллюстрирующие универсализм мышления Л.С. Выготского, составили смысловой стержень научной школы культурно-исторической психологии, которую благодаря работающим и преподающим в МГУ прямым соратникам Л.С. Выготского (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, Д.Б. Эльконин), их последователям (П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец), различным поколениям учеников (В.В. Давыдов, Н.Ф. Талызина, А.А. Леонтьев, В.П. Зинченко, О.К. Тихомиров, Д.И. Фельдштейн и др.) называют иногда «московской психологической школой».

Творческий потенциал школы культурно-исторической психологии органично воплотился и приобрел широкое признание в таких граничащих с психологией науках, как антропология, этнология, история, культурология, со-

циология, филология, лингвистика, семиотика, а также в науках о массовой коммуникации и искусственном интеллекте.

Приверженность к системному историко-генетическому анализу и социальный конструктивизм Л.С. Выготского способствовали развитию фундаментальных полидисциплинарных областей познания и становлению психологии как конструктивной науки, участвующей в проектировании разных сфер социальной практики: сфера образования — педология, психология развития, педагогическая психология, практическая психология образования; сфера медицины — нейропсихология, патопсихология, дефектология; сфера промышленности — инженерная психология, психология труда, эргономика; сфера социальных отношений — социальная психология; сфера национальных отношений — историческая этнопсихология и антропология; сфера массовой коммуникации и искусства — психолингвистика, психосемантика, психология искусства и т.д.

Либеральное мировоззрение Л.С. Выготского в сочетании с его универсализмом и методологией системного историко-генетического анализа выразились в *мечте о будущей психологии как вершинной конкретной психологии свободного человека.* Именно либеральное мировоззрение привлекает к Л.С. Выготскому выдающихся психологов XX в. Ж. Пиаже, Дж. Брунера, А. Валлона, философов Р. Харре и Ю. Хабермаса, побуждает новые поколения искать секрет современности Л.С. Выготского, именуя его Моцартом в психологии (С. Тулмин) или просто называя самым блистательным психологом XX в. (С.М. Эйзенштейн).

Асмолов А.Г. Социальная биография культурно-исторической психологии // В кн.: Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика, 1993. С. 3—18.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982—1984.

Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996.

Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993.

Вопросы психологии. 1996. № 5. Специальный выпуск, посвященный 100-летию со дня рождения Л.С. Выготского.

XXI век: психология в век психологии (послание А.Н. Леонтьева)

На пороге XXI в. современная психология оказалась в ситуации, емко передаваемой формулой старых русских сказок: «Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Эта ситуация разительно отличается от развалин Трои перед грустным Приамом, с которыми образно сравнивал психологию конца XIX столетия Н.Н. Ланге.

В психологии двадцатого века народились свои города, свои психологические страны, свои материки. Одни живут в стране психоанализа, другие — на материках бихевиоризма, гештальтпсихологии, когнитивной и гуманистической психологии. То тут, то там на поверхности моря психологической мысли появляются одинокие острова «психосинтеза», «кросскультурной психологии», «нейролингвистического программирования» и т.п. На все эти земли есть социальный и личный спрос. И спрос немалый. Куда психологу податься? Будем ли мы чужеземцами на этих островах и материках? Сможем ли пересечь границы между этими, далеко не всегда ждущими вторжений, заморскими психологическими территориями? Не забудем ли мы, при все усиливающейся тяге странствий в столь различных и далеких психологических краях, откуда мы вышли и, главное, поймем ли, наконец, куда идем?

При всей сложности возникшей ситуации опыт героев сказок, формула «Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что», по сути являющаяся приглашением к инициации, вполне может внушить исторический оптимизм и побудить психологов раскрыть миссию психологии в XIX в. Для совершения этого обряда инициации надо постичь

смысл посланий наших учителей, подсказывающих нам путь в неопределенном, изменяющемся мире, их посланий в будущее.

Среди этих учителей — В.И. Вернадский, с поразительной точностью обозначивший переживаемое человечеством время как **психозойскую эру**, то есть эру, творческим импульсом в создании и жизни которой является именно психология.

Среди них и Л.С. Выготский, заложивший основы неклассической культурно-исторической психологии конкретного свободного человека.

Среди них и мой учитель Алексей Николаевич Леонтьев. Его перу принадлежит немало трудов, растящих вопрошающее психологическое сознание и делающих нас носителями уникальной психологической культуры — культуры Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. Перелистывая труды А.Н. Леонтьева, наталкиваешься на две лаконичных записки, приоткрывающие потаенный пласт его работ и являющиеся в буквальном смысле записками в XXI в. Одна из записок родилась в ходе обсуждения 8 августа 1974 г. с писателем Владимиром Тендряковым судеб научной фантастики (*А.Н. Леонтьев*, 1983, т. 2, с. 240—242). Вторая записка откровенно названа «Психология 2000-го года». Она представляет собой краткий конспект лекции, своего рода «записку на манжетах», прочитанной Алексеем Николаевичем Леонтьевым студентам факультета психологии в 1972 г.

В обеих этих записках содержится вера, не будем бояться этого слова, подлинная вера мастера, что «XXI век — век психологии» (*там же*, с. 278). Не поленимся и попробуем выделить, объединить и повторить ключевые идеи этих записок.

Первый тезис состоит в том, что *психология тогда и только тогда станет наукой о человеке, когда она вторгнется в мир и начнет понимать, подчеркиваю, понимать происходящее в этом мире.*

Второй тезис заключается в том, что *развитие психологии, рождение новой системы психологических знаний пойдет в перспективе не по отдельным отраслям, а по проблемам.* В будущем, прогнозирует А.Н. Леонтьев, произойдет сбли-

жение общей психологии с детской, педагогической, социальной и исторической психологией. Психология разных направлений и школ XX в. жестко распалась на отрасли, стала психологией разных отраслей. Но как только вы приходите в жизнь, например в жизнь школы, и сталкиваетесь с реальными проблемами, то вам приходится постоянно отсылать обращающихся с вопросами людей по несуществующим под рукой кабинетам клинической психологии, социальной психологии, детской психологии, психологии управления, педагогической психологии и т.п.

Психология, как бы она ни кичилась прощанием с функционализмом, с «психологией функций» в стиле У. Джеймса, прощанием с психологией «уха, горла, носа» в стиле ранней психофизики и психофизиологии, во-первых, в преподавании и мышлении психологов еще вовсе не избавилась от «психологии отдельных функций», во-вторых, оказалась еще более разорванной «отраслевыми» и «ведомственными» интересами, стала во многом психологией «отраслей». За подобным диагнозом психологии стоит вовсе не описание ее грехов, так как любая наука проходит свою «отраслевую» стадию, а желание вслед за А.Н. Леонтьевым и В.И. Вернадским напомнить, что в перспективе необходимо видеть и развитие психологии «по проблемам», а тем самым предпринять попытку ответить на вопрос А.Н. Леонтьева о необходимости создания новой системы психологических знаний. Процитируем эту мысль А.Н. Леонтьева: «Как подойти к прогнозированию будущего психологии? Думаю, *от будущего человека, от общества*... И еще, не по отдельным *отраслям*, а по некоторым *проблемам*. А почему так? Потому, что они иначе переплетутся в новой системе психологического знания. (Современное членение психологии отражает далеко не решенную еще задачу создания такой системы.)» (*А.Н. Леонтьев*, 1994, с. 276).

Добавим, что психологические знания иначе пересекутся и в осмыслении истории своего развития, и в современном мире. В истории психологии, как только спадут ограничения описания развития любых наук через при-

зму идеала рациональности (М.К. Мамардашвили), побуждающую мерить зрелость науки по аналогии с классической физикой, начнут ставиться под сомнение многие традиционные периодизации истории психологии. Ведь именно идеал рациональности заставляет нас утверждать, что лишь с появлением экспериментальной психологии начинается подлинная история психологии как науки, а все остальное — лишь предыстории, прелюдии психологии в лоне философии.

Стоит нам понять ограничения идеала рациональности при анализе движения истории науки, *перед нами откроется история многих психологий.* Эти психологии пересекутся с историей культуры, займутся, например, бытовым поведением декабристов как историко-психологической категорией (*Лотман*, 1992) или увидят в различных религиях *уникальные психотерапевтические практики по снятию неопределенности.* Среди этих многих историй психологии займет свое достойное место и история научной экспериментальной психологии, но вряд ли она будет именоваться даже «первой среди равных». В новой системе психологических знаний в современном мире будет, надеюсь, оценено и эвристическое значение идеи А.Н. Леонтьева об «амодальном образе мира» (*А.Н. Леонтьев*, 1983) для принципиально иной систематизации психологических знаний. Ведь точно так же как «образ мира» нельзя расчленить на сенсорные модальности, науку, занимающуюся «образом мира», нельзя рассыпать на отдельные отрасли. Вот что приоткрывается только при робком прикосновении к тезису А.Н. Леонтьева о том, что в психологии, осознавшей себя ведущей наукой о человеке, принципиально иначе переплетутся психологические знания, родится *иная* система психологических знаний.

Третий тезис А.Н. Леонтьева является во многом неожиданным для деятельностного подхода в психологии. Резко, дерзко и явно Алексей Николаевич Леонтьев в своих записках о будущем нашей науки венчает *этику и психологию.* В беседе с В.Ф. Тендряковым он пишет о губительности для человеческой души последствий «бюрократиза-

ции» выполняемых человеком функций — ролей, власти социальных ролей над человеком (подчеркнем, человеком, а не личностью). «Ситуация конвейера уже понята, а эту еще предстоит понять, но она много опаснее с точки зрения *сдвига ценностей*, который на одном полюсе дает такие явления, как “потребительская психология”, а на другом — бунты леваков, хиппи и т.д. И то и другое — *обнищание души при обогащении информацией* (курсив мой. — *А.А.*)...» (*там же*, с. 241).

Слова А.Н. Леонтьева об *обнищании души при обогащении информацией — это убийственная этическая диагностика безликого накопления знаний, по существу, приговор безличным системам образования в двадцатом столетии.* В заметке «Психология 2000-го года» А.Н. Леонтьев по-другому подходит к мысли об опасности системы образования как формовке, штамповке человека: «Игровое освоение мира (!). Не убивать детское. Сделанная голова — голова потерянная» (*А.Н. Леонтьев*, 1994, с. 278).

Как только А.Н. Леонтьев обращается к вопросу о связи этики и психологии, аксиологии и психологии, он устремляет свой взор на вершинные проблемы психологии — проблемы развития личности и *на образование*, которое *должно порождать личность, а не быть фабрикой общества сделанных голов.*

Именно с психологией личности, повенчанной с этикой и исторической психологией, А.Н. Леонтьев связывает превращение психологии в ведущую науку о человеке.

Четвертый тезис, проходящий через записки А.Н. Леонтьева, кратко раскрывает *присущее деятельностному подходу понимание психологии личности как системной и аксиологической психологии.* «...Личность.., ее коперниканское понимание: Я нахожу свое “Я” не в себе самом, его во мне видят другие, а вовне меня существующем — в собеседнике, в любимом, в природе, а также в компьютере, в Системе.

...Психология личности есть психология драматическая. Почва и центр этой драмы — борьба личности против своего духовного разрушения. Эта борьба никогда не пре-

кращается. Суть в том, что существуют эпохи ее заострения. Беглые соображения о культурах как типах путей (или тупиков) глобальных решений всех заострений. Путь отрешения от внешнего — индуизм, дзен, христианство. Путь организации внешнего — социальные концепции общества будущего...

Нужно отметить, что в сартровском экзистенциализме интересно схвачены изменения, которые претерпевает личность при переходе от жизненного действия к эпохе устроения, организации жизни» (*А.Н. Леонтьев*, 1983, с. 241—242).

За этими строками все более явно проступает совершенно необычное понимание психологии в целом, а не только психологии личности. В прощальных записках А.Н. Леонтьева, названных им самозавещанием, эмбрион психологии XXI в. Эта психология — *ценностная этическая драматическая* психология. Эта психология насквозь *культурно-историческая психология*. И наконец, это *психология как социальное конструирование миров*. Когда вчувствуешься в эти полные отчаянного прозрения строки Алексея Николаевича, то невольно всплывают слова Осипа Мандельштама, заявившего: «Попробуйте меня от века оторвать, на этом вы себе сломайте шею!»

А.Н. Леонтьева нельзя оторвать от культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, романтической психологии А.Р. Лурия. Их нельзя оторвать от XX в. И без них нельзя пройти в XXI в. *Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев — люди эпохи жизненного действия, мечтавшие и делавшие психологию как действенную науку.*

Как жить в настоящем и заниматься будущим? Ответ прост: *делать школу*, растящую личность, а не школу как фабрику по выделке голов. Со школьной жизнью, ее организацией связан *пятый тезис* леонтьевского самозавещания. Размышляя о том, что ждет школу в XXI в., он пророчески замечает: «Кризис школы. Взрыв дидактики. Не “заполнение дыр”, а *вооружение...* Игровое освоение мира» (*А.Н. Леонтьев*, 1994, с. 278).

Эти пять тезисов А.Н. Леонтьева были восприняты мною как программа проектирования психологии XXI в. Они привели меня к разработке *неклассической психологии,*

основывающейся на историко-эволюционном подходе, любви к психоистории и наглой попытке изменить, обратившись к организации школьной жизни, психосоциальные сценарии развития общества в эпоху жизненного действия.

Именно историко-эволюционный подход позволяет прогнозировать и структурировать поле проблем и направлений, с которыми связано будущее развитие неклассической релятивистской психологии: рост междисциплинарных исследований, опирающихся на универсальные закономерности развития систем; переход при постановке проблем анализа развития личности от антропоцентрической феноменографической ориентации — к историко-эволюционной ориентации; появление дисциплин, рассматривающих психологию как конструктивную проектировочную науку, выступающую фактором эволюции общества (*Асмолов*, 1996).

«Бог любит троицу», — гласит русская поговорка. И поэтому, следуя избегающей бинарных оппозиций и дихотомий логике, я не могу обойти проблему связи *неклассической психологии и жизни.* Исходно неклассическая психология не принимает и не хочет принимать традиционную постановку вопроса о связи психологии и жизни в стиле «психология и жизнь» или, если вспомнить название доклада Джона Дьюи в 1901 г., «Психология и практика». Подобно тому как неклассическая физика не устает напоминать мечтателям об объективных экспериментах, о том, что *наблюдаемое и наблюдатель — две вещи неразрывные, неклассическая психология осознанное вмешательство в жизнь делает своим принципом.* Для *неклассической психологии* мало заявить *принцип неразрывности субъекта и объекта.* Она превращает *принцип конструирования жизни* в исходный пункт своего исследования, а само исследование неизбежно рассматривает как проектирование феноменов. В этом смысле на знамени неклассической психологии может быть начертано: «Любой эксперимент — это формирующий эксперимент».

Тем самым неклассическая психология исходно нарушает своего рода эпифеноменализм в связке «психология—общество» или более осторожный «психолого-социальный

параллелизм». Она взламывает оковы того эпифеноменализма, сущность которого столь красочно передана Теодюлем Рибо, говорившим: «Психика так же влияет на жизнь, как тень на шаги пешехода». Для неклассической психологии, опирающейся на культурно-генетическую методологию (М. Коул), во главу угла ставится вопрос *о психологии как науке, делающей историю общества, о психологии как факторе эволюции общества.* Доказательство правомерности подобной постановки проблемы о связи психологии и социальной жизни в корне меняет социальный статус психологии в обществе.

Попытка изменить социальный статус психологии в обществе, обосновать претензию неклассической историко-эволюционной психологии на конструирование реальности и была предпринята нами в последнее десятилетие. Масштабный историко-культурный эксперимент показал, что воплощение педологической программы Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, задуманной еще в 1928 г., привело к трансформации такой социальной сферы жизни, как образование, а через образование как опосредующую деятельность, в свою очередь, к трансформации сознания.

Место этого историко-культурного эксперимента — образовательное пространство России. Время эксперимента — 1988—1998 гг. Ключевое орудие эксперимента — создание в качестве диалогических по своей природе медиаторов, «thinking device» (термин Дж. Верча), более 300 миллионов школьных учебников. Именно *учебники выступают как уникальные культурно-психологические орудия овладения сознанием целого поколения детей и учителей.*

Итоги этого эксперимента могут быть переданы следующими тезисами.

В контексте историко-эволюционного подхода в психологии *образование выступает как механизм социогенеза, поддерживающий или элиминирующий проявления индивидуальности личности в естественно-историческом процессе, а вариативность образования выступает как способ расширения возможностей развития личности в ходе ее жизненного пути.*

С позиций историко-эволюционного подхода *неклассическая психология предстает как фактор реформирова-*

ния сферы образования, его перехода от унифицированной адаптивной парадигмы «знаний, умений и навыков» — к парадигме «вариативного развивающего образования».

Практическая неклассическая психология, опирающаяся на историко-эволюционный подход, продемонстрировала свои возможности в социальном конструировании реальности и тем самым способствовала *изменению общественного статуса* психологии в российском образовании как сфере социальной практики.

Лейтмотивом этого эксперимента стала мечта о воплощении в социальной практике тезиса о том, что на пороге XXI в. психология может выступить как конструктивный фактор эволюции общества. Для воплощения этой мечты в реальность были поставлены и в основном решены следующие задачи:

- *проектирование практической психологии как основы социального реформирования сферы образования;*
- *обоснование представлений об образовании как механизме социогенеза, поддерживающем или элиминирующем проявление индивидуальности личности в историко-эволюционном процессе;*
- *разработка стратегии реформирования системы образования, способствующей переходу от адаптивной парадигмы «знаний, умений, навыков» — к парадигме «вариативного развивающего образования»;*
- *реализация положений Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева о методологическом потенциале практической психологии как условии выхода из психологического кризиса;*
- *изменение общественного статуса практической психологии в системе образования как сфере социальной практики.*

* * *

От реформы педагогического метода — к реформе социальной организации жизни в системе образования.

В историко-эволюционном подходе образование рассматривается как механизм социогенеза, поддерживающий или элиминирующий проявление индивидуальности личности в социальной системе. В тоталитарных культурах полезности преобладают формы образования, ориентированные на усредненные стандартные программы обу-

чения, социальный норматив «быть таким, как все». Именно через образование оттачиваются тоталитарной культурой полезности механизмы социального контроля, обеспечивающие в идеальном варианте нивелировку личности, формирование пригнанного к нуждам тоталитарной культуры «социального характера» (Э. Фромм). Иными словами, в культурах полезности социогенетический механизм образования проектируется таким способом, чтобы гасить любые отклонения от нормативного социотипичного поведения. Идеалом учащегося в таких культурах является так называемый «средний ученик».

В культурах достоинства, главная установка которых «жить, а не выживать», образование поддерживает вариативность личности, готовит ее к решению нестандартных жизненных, а не только типовых задач. В реальности в социальных системах через образование одновременно реализуются тенденции к сохранению и изменению систем. Весь вопрос заключается в том, чтобы отыскать такое оптимальное сочетание этих тенденций, которое, обеспечивая присущий данной цивилизации общенациональный стандарт образования, в то же время открывало бы наибольшие возможности для развития личности.

Те люди, которые чувствуют себя в ответе за развитие системы образования в обществе, как правило, оказываются перед лицом следующей альтернативы: либо стать проводниками *культуры полезности* и через образование вести формовку, штамповку личности, в чем-то напоминающую описанную В. Гюго фабрику компрачикосов, либо заняться делом построения на территории образования такой организации жизни, которая помогла бы каждому человеку найти себя. От выбора в этой ситуации зависят место и миссия образования в обществе: *в первом случае образование плетется в хвосте общества, во втором — обеспечивает развитие общества. Этот выбор и определяет направленность реформ образования. Реальная реформа образования — это прежде всего реформа всей жизни растущего и обучающегося ребенка, а не только и не столько реформа педагогического метода, той или иной специальной технологии обучения.*

Происходящие в России изменения дали шанс на создание такой системы образования, в центре которой встала *задача расширения возможностей компетентного выбора каждой личностью своего жизненного пути*. Рост разнообразия форм жизни, увеличение свободы выбора личности, ослабление традиционных систем передачи знаний вследствие смены ценностных ориентаций у поколения «детей» по отношению к поколению «взрослых» в динамичный, нестабильный период истории России стали объективными социальными предпосылками появления вариативного образования.

От социокультурных государственных программ «Неординарные дети в неординарном мире — к практической психологии и вариативному развивающему смысловому образованию.

В целях перехода от адаптивно-дисциплинарной модели унифицированного образования к личностно-ориентированной детоцентристской модели вариативного образования были созданы программы «Творческая одаренность», «Социально-психологическая поддержка, обучение и воспитание детей с аномалиями развития» и «Социальная служба помощи детям и молодежи».

Эти программы предназначались для решения следующих задач. Во-первых, исторически они непосредственно исходили из педологических культурно-исторических воззрений Л.С. Выготского и тем самым вели к возрождению присущей педологии детоцентристской ориентации на индивидуальность ребенка. Во-вторых, социально эти программы способствовали расшатыванию мифа об «одинаковости» всех детей, за которым реально стоял партийно-классовый принцип отбора детей в образовательные учреждения. Именно миф об одинаковости детей был одним из политических барьеров на пути к вариативному образованию и причиной ссылки в «интеллектуальный ГУЛаг» педологии. В-третьих, эти программы сформировали в обществе объективную потребность в создании психологической службы образования, нацеленной на профилактическую, диагностическую, развивающую, коррекционную и реабилитационную работу с личностью. Заметим, что для безликой тоталитарной системы образова-

ния, в которой ребенок подгоняется под учебную программу, а не программа создается с учетом мотивов и способностей ребенка, психолог — фигура нежеланная. *Психологическая служба уместна и необходима прежде всего в системе вариативного образования, открывающего веер возможностей для индивидуального развития личности в мире культуры.*

Одаренные дети, дети с аномалиями развития и дети с асоциальным поведением как бы находятся на острых углах треугольника, отражающих своеобразные зоны риска, повышенного внимания для системы образования. Разработка указанных программ, нередко ассоциируемых с «треугольником возмущения тоталитарного обезличенного образования», во многом стимулировала переход к активной разработке вариативного образования в разных регионах образовательного пространства России.

В результате разработки комплекса программ «Неординарные дети в неординарном мире» была расшатана модель унифицированного образования. В ходе осуществления этих программ также были по-иному осмыслены само понятие «образование», цель образования, место педагогики развития в системе вариативного образования. В культуре возникла потребность в практической психологии, ставшей стержнем вариативного образования.

Вариативное образование представляет собой образование, апробирующее иные необщие пути выхода из различных неопределенных ситуаций в культуре и предоставляющее личности веер возможностей выбора своей судьбы. В отличие от альтернативного образования, *вариативное образование не просто заменяет принятые нормы образования антинормами, а помогает личности обрести иные пути понимания и переживания знаний в изменяющемся мире.*

Вариативное образование понимается как процесс, направленный на расширение возможностей компетентного выбора личностью жизненного пути и на саморазвитие личности.

Целью вариативного образования является формирование такой картины мира в совместной деятельности со взрослыми и сверстниками, которая обеспечивала бы ориентацию личности в различного рода жизненных ситуациях, в

том числе и ситуациях неопределенности. В ходе вариативного образования ребенок приобщается к культуре, то есть овладевает способами мышления и способностями, посредством которых люди на протяжении многих веков строили мировую цивилизацию.

Мотивацией вариативного образования является мотивация на превращение образования в главный ресурс достижения профессионального и личностного успеха человека в открытом обществе.

Складывающаяся в системе образования *культурно-историческая педагогика развития* с присущими ей детоцентризмом и целевой установкой на овладение способами мышления в данном обществе и истории человечества выступает как основа поиска системы инновационных технологий, расширяющих возможности развития личности. Стратегией поиска этих технологий становится стратегия построения развивающего образа жизни, различных обучающих и воспитывающих сред.

В целом *культурно-историческая педагогика развития* основывается на методологии практической психологии, воплотившей идеи культурно-исторической психологии, общепсихологической теории деятельности и историко-эволюционного подхода в идеологию современного российского образования.

Ценностные ориентиры вариативного образования.

В арсенале идей практической психологии образования были обозначены следующие ценностные ориентиры, с учетом которых целесообразно строить стратегию реформы образования:

- от диагностики отбора — к диагностике развития;
- от адаптивно-дисциплинарной модели усвоения суммы знаний и навыков — к рождению образа мира в совместной деятельности со взрослыми и сверстниками;
- от информационной когнитивной педагогики — к смысловой ценностной педагогике;
- от технологии обучения по формуле «ответы без вопросов» — к жизненным задачам и познавательной мотивации ребенка;
- от «выученной беспомощности» ребенка — к надситуативной активности и постановке сверхзадач;

♦ от урока как авторитарного монолога — к уроку как содействию и сотворчеству;

♦ от языка административных «приказов» — к языку «договоров» и «рекомендаций»;

♦ от школоцентризма — к детоцентризму и, наконец,

♦ от *культуры полезности — к культуре достоинства.*

Весь этот спектр позиций, подаваемых в нарочито экспрессивной форме и воплощаемых через созданные по всей стране курсы переподготовки учителей как практических психологов, средства массовой информации, директивные управленческие документы как алгоритмы действия больших социальных групп, развивающие программы дошкольного, дополнительного и полного общего образования, способствовал конструированию опирающейся на *практическую психологию идеологии развивающегося вариативного смыслового образования.* Именно эти ценностные ориентиры, становясь достоянием массового сознания в сфере образования, содействовали становлению такого образования, которое, по выражению Л.С. Выготского, способно перейти *от безличных систем к судьбам каждой личности.* Вместе с тем практическая психология как методология образования — это только начало, а не конец непройденного пути от культуры полезности к культуре достоинства. Важной вехой на этом пути стало выделение стратегических ориентиров вариативного образования.

Методологические ориентиры развития вариативного образования.

Первый. *От отдельных альтернативных научных педагогических школ — к системе вариативных инновационных технологий в контексте культурно-исторической педагогики развития.* В развитии вариативного образования важную роль играют «авторские школы». По существу авторские школы выступают как поисковые механизмы, апробирующие разные пути образования в культуре. При всем многообразии инновационных *авторских школ* они подразделяются как бы на два типа: *инструментальные* и *культурологические.* В фокусе внимания инструментальных школ находится, как правило, тот или иной конкретный педагогический метод, найденный в практиче-

ской деятельности благодаря таланту педагога-новатора. Этот метод как инструмент педагогического труда может быть освоен и включен и в традиционную систему образования, и в педагогику развития.

Иное происхождение имеют *культурологические*, в широком смысле слова, *авторские школы*. Они рождаются, как правило, на стыке мировоззренческих концепций с инновационными технологиями. Например, вальдорфская педагогика исходит из философии Р. Штайнера. Особо следует обратить внимание на такие культурологические авторские школы, как «Дидактическая система обучения Л.В. Занкова», «Система развивающего обучения Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова», программа «Развитие» А.В. Запорожца — Л.А. Венгера, «Деятельностная теория обучения П.Я. Гальперина — Н.Ф. Талызиной», «Школа диалога культур» В.С. Библера.

Весь спектр указанных инновационных направлений педагогической мысли восходит к таким источникам, как культурно-историческая психология и деятельностный подход Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева и методология гуманитарного знания М.М. Бахтина. Во всех этих подходах преодолен долгие годы существовавший научно-практический параллелизм: теория отдельно, технология отдельно.

В связи с этим как одна из важных задач при анализе дальнейшей судьбы вариативного образования стоит задача синтеза этих направлений в контексте системы педагогики развития с сохранением неповторимого лица каждой из этих авторских школ.

В целях решения этой задачи были организованы научно-методический центр «ДАР» (Диагностика. Адаптация. Развитие) им. Л.С. Выготского и научно-методический центр «Педагогика развития» им. Л.В. Занкова. Активно работает в Москве Центр лечебной педагогики, который по праву мог бы быть назван Центром А.Р. Лурия.

Второй. *От монополии государственного образования — к сосуществованию и сотрудничеству государственного, негосударственного и семейного образования.* В эволюции образования в общественно-историческом процессе сочетание

государственного, негосударственного и семейного образования представляет наиболее оптимальный веер возможностей для индивидуального развития личности (Типовое положение о семейном образовании, Типовое положение об общеобразовательном учреждении в Российской Федерации, Типовое положение об экстернате).

Третий. *От «безнациональной» унитарной школы — к этнической дифференциации образования в системе общего поликультурного пространства России.* Национальная школа выступает как один из важных элементов сохранения и развития этнической общности своего неповторимого «Я», его духовного ядра. В связи с этим крайне важно освоение представителями этнических общностей родных языков, являющихся не только средством общения, но и приобщения личности ребенка к культуре своего народа. Большие резервы развития личности через приобщение к народным обычаям и традициям имеет система дополнительного образования.

Четвертый. *От предметоцентризма — к образовательным областям при построении учебных планов общеобразовательных учреждений.* За переходом от построения учебных планов из конкретных учебных предметов — к образовательным областям, таким, как «общественные дисциплины», «естественные дисциплины» и т.п., прежде всего открывается возможность создания вариантов учебных планов в зависимости от региональных и национальных особенностей, к повышению вариативности содержания образования в целом. Это важный, но не единственный резерв вариативности, возникшей вследствие перехода от учебного предметоцентризма к образовательным областям. Еще недостаточно осознанным *резервом вариативности, вытекающим из данной стратегии, является открывающаяся возможность междисциплинарных переходов между разными, ранее разгороженными учебными предметами.*

Прежде *в традиционном образовании действовал «кукушиный» принцип: каждый новый предмет — информатика, право, экономика — пытался выкинуть из гнезда школьных знаний своих собратьев.* При переходе от учебного предметоцентризма к образовательным областям возрастание ва-

риативности становится важным условием рождения курсов, дающих целостную, а не мозаичную картину мира. Таким образом, *переход от учебного предметоцентризма к образовательным областям стимулирует появление интегративных учебных курсов, обеспечивающих приобщение школьников к целостной картине мира.*

Пятый. *От «чистых» линий развития типов образовательных учреждений — к «смешанным» линиям развития видов образовательных учреждений.* Еще недавно казалось незыблемым то, что в обществе существует исключительно эволюция по «чистым» линиям разных типов образовательных учреждений. В дошкольном учреждении — один мир, в школе — другой, в учреждениях дополнительного образования — третий, в профессионально-техническом училище — еще один и, наконец, в высшем учебном заведении — совсем особый мир. Иными словами, жесткие границы существовали не только между государствами, но и самостийными типами образовательных учреждений. Между тем, как показывает весь опыт эволюции и в природе, и в культуре, эволюция по «чистым» линиям неизбежно приводит к регрессу и препятствует росту разнообразных форм жизни. Особенно быстро вымирают биологические и социальные организмы, программы функционирования которых жестко подогнаны к стандартным неизменным условиям существования (В.А. Вагнер).

На динамической фазе жизни общества неизбежно начинает преобладать эволюция по «смешанным» линиям. Именно поэтому, бросая вызов окаменевшим типовым положениям, регламентирующим жизнь школы, идет стремительный процесс скрещивания школы с детским садом (комплекс «школа—детский сад»); школы с вузом (комплекс «школа—вуз»), появляются колледжи, технические лицеи и т.п. Особый интерес вызывает возникновение различного рода школ *в системе дополнительного образования, то есть в той самой уникальной системе, куда ребенок приходит сам, ведомый своими интересами, своими мотивами к познанию и творчеству.*

Эволюция образовательных учреждений по «смешанным» линиям делает более гибкой и устойчивой к разным

переменам образовательную систему России. Она позволяет развивающейся личности ребенка бесконфликтно реализовывать себя в мире непрерывного вариативного образования, а не быть вечным мигрантом, перебегающим с одной чужой территории на другую. Формула «*задача рождает орган*» (*Н.А. Бернштейн*) является законом любой эволюции, и поэтому нормально, когда задачи развития общества на динамической фазе его истории приводят к такой дифференциации образования, которая обеспечивает интеграцию образовательного пространства.

Для жизни этих смешанных учреждений более адекватен правовой язык уставов, инструктивных писем, учредительских договоров, а не типовых положений. В связи с этим вряд ли будет оправдана попытка загнать в правовую ловушку типового положения лицеи, гимназии, колледжи, школы-лаборатории, одев тем самым новые, еще сами себя не осознавшие виды образовательных учреждений в одинаковую смирительную рубашку.

Шестой. *От монопольного учебника — к вариативным учебникам.* Динамика роста возможностей выбора учебников является красноречивым фактом, иллюстрирующим переход России от традиционного к вариативному образованию. Прорыв обновления содержания учебников можно прогнозировать, по меньшей мере, в двух направлениях. Первое направление — так называемые «*мотивирующие учебники*» в системе дополнительного образования. Основная задача всего этого цикла учебников — пробудить у ребенка интерес, мотивацию к познанию, воспитать в нем желание учиться.

Второе направление прорыва — это *учебники по метадисциплинам, сквозным дисциплинам.* Новые метадисциплины, к числу которых относятся экология, право и экономика, как это ни парадоксально, на первый взгляд более открыты идеям *культурно-исторической педагогики развития.* В этих дисциплинах авторы и учителя, не прошедшие тренинга традиционной информационной педагогики в педвузах, приходя из научных институтов и университетов, более дерзко вводят, например, культурно-функциональный подход к экономике в средней шко-

ле. Весьма символично, что во многих позициях это новое поколение учителей сходится с истовым сторонником борьбы за преподавание школьной античности Ф.Ф. Зелинским, который отстаивал мысль, что *гимназическое образование противно по своему духу профильной дрессуре специалиста и является углублением не в специальные знания, а в культуру.* Задачи гимназического образования — это развитие Человека Культуры, который через изучение школьной античности обретает «Большое Я», становится Гражданином Европы. Экономическое и экологическое образование помогает растущему человеку стать гражданином такого Общего Дома, как Земля.

Седьмой. *От монофункциональных технических средств обучения — к полифункциональным средствам и информационным технологиям.* Происходит постепенное изменение технических средств обучения по их функции и месту в учебном процессе: от наглядно-демонстрационных — к обучающим средствам, от отдельных пособий и приборов — к микролабораториям. Особое место все более явно занимают информационные технологии, которые становятся не просто средством обучения, а приучают ученика жить в информационной среде, приобщают школьников к информационной культуре. Тем самым по *своей культурно-психологической функции информационные технологии решают такую задачу вариативного образования, как включение школьника в мировое культурное и образовательное пространство нашего изменяющегося мира.*

Выделенные стратегические ориентиры вариативного образования открывают возможность для построения образования как механизма социогенеза, направленного на развитие индивидуальности личности. Воплощение этих ориентиров в сфере образования как социальной практике позволило сделать шаг к изменению социального статуса психологии в обществе и раскрыть эволюционный смысл практической психологии как конструктивной науки, которая обладает своим неповторимым голосом в полифонии наук, творящих человеческую истории в психозойскую эру.

Итак, идя вслед за Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым, я старался показать возможности историко-эволюционного деятельностного подхода в появлении образования с необщим выражением лица. Итогом этого этапа моей профессиональной биографии стало обоснование роли практической психологии как фактора конструирования вариативного развивающего образования, а также изменение социального статуса психологии в сфере образования России.

Через развивающее мотивационно-смысловое вариативное образование проходит дорога *от тоталитарной культуры полезности*, культуры «сделанных голов», подавляющей проявления индивидуальности человека и начинающей агонизировать в неопределенных критических ситуациях разных исторических катаклизмов, — *к культуре достоинства*, поддерживающей индивидуальность человека и тем самым обладающей широким резервом нестандартных социальных действий в периоды различных исторических поворотов и драм. Следуя самозавещанию Алексея Николаевича Леонтьева, я ввязался в водовороты социальной политики и в меру сил пытаюсь показать, какие последствия и сценарии влекут за собой те или иные решения, особенно когда они строятся без учета психики, в значительной степени определяющей разыгрывающиеся в истории спектакли.

Льщу себя надеждой, что именно неклассическая психология, вырастающая из культурно-исторической деятельностной программы школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия, имеет неповторимый шанс стать ведущей наукой о человеке XXI в., психологией в век психологии. Тогда записки Алексея Николаевича Леонтьева, обращенные в XXI в., из эскиза станут полноценной картиной реальности, ожидающей нас за гранью второго тысячелетия.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии; Воронеж, 1996. 768 с.

Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности: Дис. ... доктора психол. наук. М., 1996. 141 с.

Асмолов А.Г. У порога неклассической релятивистской психологии // Сибирский психологический журнал. 1988. Вып. 7. С. 7—16.

Asmolov A. The Paradigm of Nonclassic Psychology of Human Development: From Relativity of Activity to Relativity of Consciousness // Fourth Congress of the International Society for Cultural Research and Activity Theory. Activity Theory and Cultural Historical Approaches to Social Practice. Aarhus, Denmark, 1998. P. 127—131.

Леонтьев А.Н. Из дневниковых записей // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 243—246.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 251—261.

Леонтьев А.Н. Психология 2000-го года // Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994. С. 277—278.

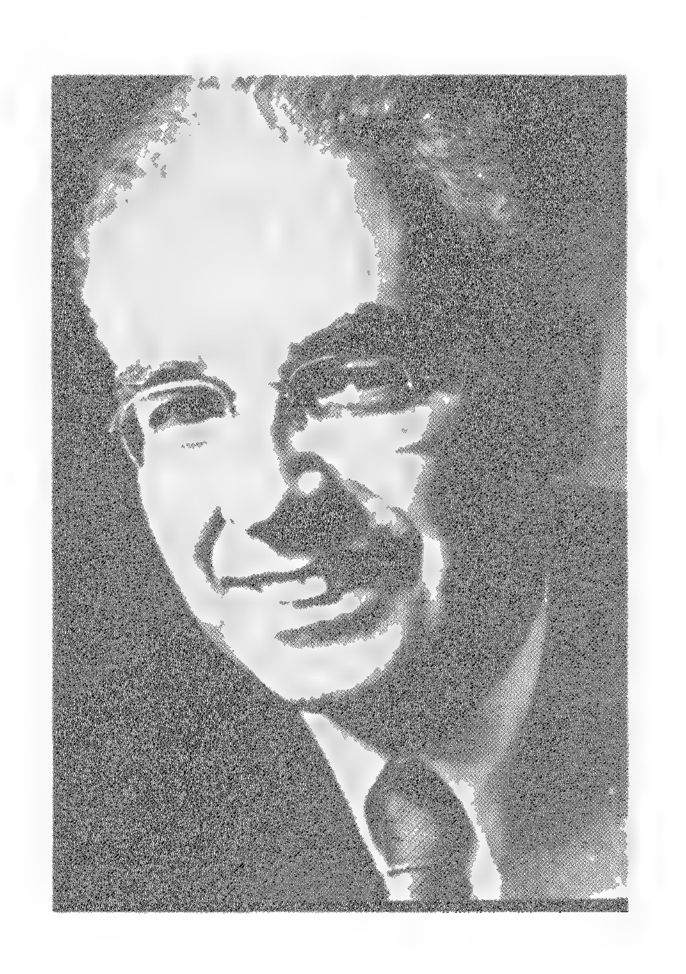
Лурия А.Р. Романтическое эссе. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 240 с.

Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. I. Таллинн, 1992. С. 296—336.

Эльконин Д.Б. Об источниках неклассической психологии // Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 475—478.

Sociocultural Studies of Mind / Ed. by James V. Wertsch, Pablo Del Rio, Amelia Alvarez. Cambridge, 1995. 252 p.

Полифония личности Александра Лурия и гамбургский счет в психологии

Один из современников Александра Романовича Лурия и Льва Семеновича Выготского — писатель и филолог Виктор Борисович Шкловский с присущей ему дерзкой афористичностью ввел в обиход в качестве меры исторического масштаба творчества личности понятие «гамбургский счет».

«Гамбургский счет — чрезвычайно важное понятие.
Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера.
Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы.
Они борются при закрытых дверях и завешенных окнах.
Здесь устанавливаются истинные классы борцов, —
Чтоб не исхалтуриться.
Гамбургский счет необходим в литературе».

(*Шкловский В.*, 1990, с. 331)

Гамбургский счет необходим и в психологии. И когда мы вступили в эпоху финальных дат — столетие Льва Семеновича Выготского, столетие Николая Александровича Бернштейна, столетие Бориса Михайловича Теплова, столетие Жана Пиаже, нам необходимо ради нашей собственной науки, понимания ее миссии в культуре и истории попытаться постичь *жизнетворчество* личностей, из деяний которых соткана психология, а не только *наукотворчество.* Сказанное полностью относится и к финальным датам жизнетворчества Александра Романовича Лурия и Алексея Николаевича Леонтьева. Еще раз специально хочу отметить, что понимание деяний наших учителей нужно не только и не столько ради юбилейных фанфар (хотя в звуках столь недостающей им при жизни мелодии славы

нет ничего зазорного), сколько для постижения настоящего и будущего психологии, ее места в семье нейронаук, когнитивных наук, исторических и поведенческих наук о природе, обществе и человеке. Без подобного понимания все более нарастает риск «исхалтуриться» и растерять исторический смысл психологии.

Я пишу об этом с ощущением невыполненного долга перед Александром Романовичем Лурия, который через бесценный дар учителя — дар восхищения учениками — задавал им редкую по возможностям «зону ближайшего развития». Пишу с болью и горечью, признаваясь себе в том, что мы до сих пор не оправдали возложенных на нас надежд и переживаем (по крайней мере, некоторые из нас), мысленно общаясь с учителями, тяжелый аффективный *комплекс — «страх неоправдавшихся ожиданий»*.

Пишу с белой завистью к последователям других культурно-научных школ ушедшего века, которые нашли в себе мужество и силы продолжить общение с Михаилом Михайловичем Бахтиным, Густавом Густавовичем Шпетом, Алексеем Алексеевичем Ухтомским, Сергеем Михайловичем Эйзенштейном, Юрием Михайловичем Лотманом, в симбиозе с культурами которых прорастали идеи Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева. Нам еще только предстоит подготовить и издать труды, подобные работам: «Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа» (серия «Язык. Семиотика. Культура». М., 1994), «Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи» (М., 2000), «Бахтинский сборник» (М., 1997) и т.п.

И хотя начало в этой предстоящей работе уже положено, сделано до обидного мало. Упомяну, что вышли в свет книги М.Г. Ярошевского «Историческая психология науки» (1995), «Первая Международная конференция памяти А.Р. Лурия» (1998), «Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа Леонтьева» (1999), В.П. Зинченко «Мысль и слово Густава Шпета» (2000), А.А. Леонтьева «Деятельный ум» (2001) и ряд других изданий. В этом же ряду и мои попытки разгадать значение и личностный смысл жизнетворчества Л.С. Выготского, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева, прежде всего статья

«Социальная биография культурно-исторической психологии» (1993) (см. также: *Асмолов*, 1995, 1999, 2001, 2002).

При восприятии этого цикла работ, и прежде всего своих собственных, все резче возникает смутное чувство растущей неудовлетворенности. Что-то невероятно важное в понимании культур мышления наших учителей упущено.

И речь идет вовсе не только об отсутствии или потере архивных материалов, неполноте воспоминаний, неточностях и недоговоренностях при анализе текстов научных публикаций. Все эти пробелы всегда были, есть и будут. Речь идет о том, что представители деятельностного культурно-исторического подхода при обращении к жизни тех, кто со-творил деятельностный подход, как правило, начисто забывают о возможностях использования этого подхода как «культурного орудия», «культурного инструмента» для постижения истории своей собственной науки. Сапожники, как всегда, оказываются без сапог.

В психологии, как уже говорилось, существует гамбургский счет. Но это свой гамбургский счет. В нем свои правила игры.

Первое правило. При анализе истории психологии психолог деятельностного культурно-исторического подхода использует культурные орудия, культурные техники, культурные средства, присущие этому подходу. В отличие от «борца» из школы интроспекционистской психологии сознания, работающего с «кругом сознания», или, в несколько ином варианте, с «кругом текстов», психолог деятельностного подхода исходит из того, что за сознанием открывается жизнь (А.Н. Леонтьев), и движется от *жизнетворчества* — к *наукотворчеству.*

Второе правило. *За «потоком сознания» (У. Джеймс) выступает поток деятельностей и побуждающих их мотивов.* Отсюда ключ к полифонии сознаний (М.М. Бахтин) ученого лежит в *полифонии мотивов*, в полимотивации.

Жизнетворчество А.Р. Лурия пронизано *полимотивацией его личности*, его потоком деятельностей, его потоком коммуникаций в разных культурных и исторических контекстах.

Третье правило. *Мотивы личности порождаются в процессе приобщения к разным субкультурам, к разным кругам общения в мирах истории, науки, политики и искусства.* Кратко это правило может быть названо правилом *«мотивационно-культурологического анализа»*. Понять жизнетворчество А.Р. Лурия — это значит понять круги его общений в разных субкультурах. Например, круг «А.Р. Лурия — Л.С. Выготский — С.М. Эйзенштейн — Н.Я. Марр». В связи с этим кругом процитируем замечание известного семиотика В.В. Иванова: «Для систематического анализа проблем зарождающегося киноязыка (особенно по картине "Октябрь") Эйзенштейн должен был регулярно встречаться со своими друзьями-психологами Л.С. Выготским, А.Р. Лурия и Н.Я. Марром» (*В.В. Иванов*, 1976, с. 66). Мотивы А.Р. Лурия произрастают и из таких кругов общения, как круг «А.Р. Лурия — Н.А. Бернштейн — А.А. Ухтомский», «А.Р. Лурия — З. Фрейд», «А.Р. Лурия — А. Валлон — Ж. Пиаже — Дж. Брунер», «А.Р. Лурия — К. Прибрам», «А.Р. Лурия — Р. Якобсон — Н. Хомский». Выделение этих и многих других кругов общения А.Р. Лурия требует специальной работы. Но без этой работы полимотивация жизнетворчества А.Р. Лурия, его многоликость как личности остается тайной за семью печатями.

Четвертое правило. *От «знака» в науке — к «знаку» в культуре.* Для понимания этого правила напомним, что в деятельностном подходе все чаще звучит формула «сознание как действие» (Дж. Верч). Со-знание А.Р. Лурия, Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева конструировалось как действие в контексте их научной школы и, что особенно важно, помогало стать А.Р. Лурия не только «знаком» в психологии, но и «знаком» в культуре. Именно А.Р. Лурия после смерти Л.С. Выготского выступил как универсальный медиатор, универсальный посредник, способствующий успехам культурно-исторической психологии в гамбургском поединке психологии двадцатого века. Имя А.Р. Лурия — это «знаковое имя» в культуре. А это значит, что идеи А.Р. Лурия в психологии, его дела в жизни вышли за пределы психологии, оказались за границами науки и осуществлялись в культуре. Такими книгами А.Р. Лурия,

как «Романтическое эссе» (Маленькая книжка о большой памяти. Потерянный и возвращенный мир), зачитывались самые разные поколения. Физики вспоминают о А.Р. Лурия как о человеке и нейропсихологе, участвующем в восстановлении после травмы великого физика Льва Ландау. Физиологи и психологи помнят, что в годы преследования «безродных космополитов» именно А.Р. Лурия оказывал человеческую поддержку Н.А. Бернштейну. Без общения с А.Р. Лурия вряд ли появилась бы в 1963 г. публикация замечательного психофизиолога И.М. Фейгенберга «Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга» в «Вопросах психологии».

Через неутолимые и блестящие контакты А.Р. Лурия советская психология перестала быть психологией за железным занавесом для мировой психологии. Его изобильное общение с фактически основными ведущими представителями нейрофизиологии, лингвистики, семиотики, философии XX в. становилось той культурной медиацией, тем культурным орудием, через которое мировое научное сообщество овладевало правдой о нашей психологии и узнавало о пути культурно-исторической психологии, о советской психологической науке в целом.

В процессе общения А.Р. Лурия с разными культурами, науками и мирами проходило становление культурно-исторической психологии и с опорой на нее, на ее живой основе появлялись нейропсихология, нейролингвистика, обогащалась специальная психология.

Во многом наведение мостов с лингвистикой и семиотикой, проходящее через исследования А.Р. Лурия самых разных лет, породило психолингвистику (А.А. Леонтьев, Дан Слобин), психологию субъективной семантики (Е.Ю. Артемьева), психосемантику (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев).

Как бы ни расширялась полимотивация А.Р. Лурия, *смыслообразующим мотивом его личности оставалась культурно-историческая психология*, пронизанная любовью и преданностью к Л.С. Выготскому. Своей страстью и любовью к Л.С. Выготскому А.Р. Лурия всегда заразительно делился

со своими учениками, в том числе теми, которые прямо продолжают линию культурно-исторической психологии. В их числе прежде всего Пеэтер Тульвисте, автор фундаментальной работы «Культурно-историческое развитие вербального мышления» (Таллинн, 1988), Майкл Коул, особенно в его книге «Cultural psychology» (1996), Джеймс Верч, перу которого принадлежат книги «Голоса разума» (1996), «Mind as Action» (1998) и многие другие работы. М. Коул, П. Тульвисте и Дж. Верч как бы переняли у А.Р. Лурия не только идеологию культурно-исторической психологии, но и его функцию медиатора, посредника между разными мирами и культурами. Они продолжают идти по нелегкой дороге от конструирования науки — к конструированию культуры, а тем самым участвовать в определении гамбургского счета психологии.

Кем был Александр Романович Лурия? Медиком... Педагогом... Историком... Лингвистом... Писателем... Психологом...

Он был и остается шире любых профессий. Полифония личности А.Р. Лурия породила до сих пор до конца не распознанную программу жизнетворчества, которая продолжает свершаться в судьбах его учеников. Набросанные в этой статье в форме эскиза *правила гамбургского счета в психологии* сами выступают как *наметки деятельностного культурно-исторического подхода к истории психологии* и вершивших эту психологию людей, в первую очередь к попытке видения жизнетворчества Александра Романовича Лурия как счастливо удавшегося проекта в науке и культуре XX в.

Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999. 350 с.

Асмолов А.Г. Социальная биография культурно-исторической психологии // Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3—18.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии; Воронеж, 1996. 768 с.

Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Верч Дж. Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию. М.: Тривола, 1996. 176 с.

Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: УРАО, 2002. 208 с.

Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976. 304 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.А. Деятельностный ум. М.: Смысл, 2001.

Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 560 с.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 184 с.

Лурия А.Р. Романтическое эссе. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 240 с.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 400 с.

Первая международная конференция памяти А.Р. Лурия. М., 1998.

Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. 429 с.

Тульвисте П. Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллинн: Валгус, 1988. 344 с.

Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. 544 с.

Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.

Шпет Густав Густавович. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. 351 с.

Ярошевский М.Г. Историческая психология науки. СПб., 1995. 352 с.

Cole M. Cultural psychology: a once and future discipline. Cambridge, 1997. 401 p.

Wertsch J. Mind as Action. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. 203 p.

Неклассическая психология будущего: вперед к Даниилу Эльконину

В небольшой статье о своем друге и учителе Льве Выготском, озаглавленной «Л.С. Выготский сегодня», Даниил Борисович Эльконин писал: «Часто приходится слышать вопрос о том, в какой области психологии работал Выготский. Некоторые считают, что он был детским психологом, на том основании, что много работал с детьми. Да, он действительно работал с детьми. Но он разрабатывал при этом проблемы собственно генетической психологии, то есть решал коренные вопросы психологии в целом» (*Д.Б. Эльконин*, 1989, с. 475).

Эти слова, сказанные Д.Б. Элькониным о классике мировой психологии Льве Выготском, могут быть с полным основанием отнесены и к жизнетворчеству самого Даниила Борисовича Эльконина.

В чем секрет социального бессмертия идей Д.Б. Эльконина? По каким причинам рефлексия научной идеологии Л.С. Выготского как истока *неклассической психологии*, прозвучавшая в докладах Д.Б. Эльконина в 1981 и в 1984 гг.[1], воспринимается многими из нас как откровение и находит все больший резонанс в постмодернистской герменевтической методологии науки и культуры XXI в. (см. об этом: *Асмолов*, 2002; *Гусельцева*, 2003; *Зинченко*, 1997; *Леонтьев*,

[1] Название сделанного в завершающий год жизни Д.Б. Элькониным доклада «Об источниках неклассической психологии» дано научными редакторами посмертно изданного в 1989 г. цикла работ Д.Б. Эльконина «Избранные психологические труды» В.В. Давыдовым, В.П. Зинченко и Б.Д. Элькониным.

2001; *Мамардашвили*, 1994; *Б.Д. Эльконин*, 2001)? По каким историческим и политическим причинам исполненный духом гражданского героизма и воплощающий методологию культурно-исторической психологии эльконинский *Проект развития системы образования в нашей стране и преодоления системного кризиса образования в рамках нашей цивилизации* по сей день остается не только сегодняшней, но и наиболее действенной либеральной программой выхода из глобального кризиса образования?

Для поиска ответов на все эти и многие другие вопросы, возникающие в процессе постижения уникального мира идей Д.Б. Эльконина, понадобится напряженная работа, которая уже ведется многими поколениями психологов, педагогов и методологов науки, прямыми учениками Даниила Борисовича Эльконина и учениками его учеников, а также наиболее дерзкими учителями в школах России и разных школах в самых разных уголках нашей планеты. Историческая и психологическая правда состоит в том, что круг идей Д.Б. Эльконина, которого никогда жизнь не баловала чинами, наградами и званиями, в последнее десятилетие XX в. стал достоянием требовательного и критически настроенного учительского сообщества. В этом смысле Д.Б. Эльконин стал в учительской среде, прежде всего в культурном инновационном движении учителей, своего рода символом народного психолога, точно так же как Булат Окуджава в свое время стал для интеллигенции символом народного поэта. И в этом смысле в завершающем десятилетии XX в. сбылось предсказание одного из самых выдающихся и любимых учеников Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова, сделанное в предисловии к «Избранным психологическим трудам» Д.Б. Эльконина в 1989 г.: «Результаты его исследований (исследований Д.Б. Эльконина. — *А.А.*) весьма значительны, и очень важно, чтобы они с помощью его учеников оказали столь же значительное влияние на нынешнюю науку и современную педагогическую практику. Для этого сейчас складываются благоприятные условия» (*Давыдов*, 1989, с. 24).

Еще раз повторюсь, что поиск ответов на обозначенные выше вопросы — дело еще не одного поколения по-

следователей культурно-исторической психологии. В этой же короткой статье, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Борисовича, я попытаюсь лишь оправдать ее название, являющееся перефразом афористического высказывания Д.Б. Эльконина «Назад к Выготскому». Для этого я обращусь, прежде всего, к анализу потаенного плана сознания Д.Б. Эльконина — его дневниковым записям 1965—1983 гг., выдержки из которых увидели свет благодаря сыну Д.Б. Эльконина Борису Эльконину в 1989 г.

Эти дневники — недооцененный, поразительный исторический и человеческий документ. При вчитывании в эти дневники невольно всплывает эпизод объяснения в любви Кити и Левина при помощи только начальных букв в романе Л.Н. Толстого, приводимый Л.С. Выготским в его труде «Мышление и речь» в качестве яркой иллюстрации психологии понимания, психологической природы внутренней речи. В этих дневниковых записях Д.Б. Эльконин, как и А.Н. Леонтьев в сделанных исключительно для самого себя заметках (см. об этом: *Асмолов*, 2002), не только приоткрывает личностный смысл своих работ, но и яркими штрихами намечает *различные линии развития неклассической психологии*. По этим штрихам, как по начальным буквам в интимном диалоге Кити и Левина, внимательный читатель приоткрывает целый веер возможностей построения нашей науки — *будущих теорий социальной периодизации развития личности ребенка и самоорганизации личности, оригинальной концепции о месте детства в биологической эволюции различных видов, новый этап представлений о роли ведущей деятельности в развитии ребенка, самобытные идеи об инструментальном самонаблюдении как культурном орудии овладения своим поведением, социогенетической психологии знаков, а также родственные современной синергетике размышления о порядке и хаосе*. В дневниковых записях Д.Б. Эльконина смыслы преобладают над значениями, а мотивационно-потребностная сторона жизненной биографии Д.Б. Эльконина — над операционально-технической стороной его деятельности.

Первый и важный вывод, который напрашивается при прикосновении к лаборатории жизнетворчества Д.Б. Эльконина, содержащейся в его дневниках, заключается в том, что *школа неклассической культурно-исторической психологии предстает как подлинное Единство Разнообразия.* Все разговоры о взаимоотношениях в школе культурно-исторической психологии, о непреодолимых различиях культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, теории учебной деятельности и концепции психологии игры самого Д.Б. Эльконина и т.п. основаны на механистическом понимании сути научной школы как пространства одномыслия, а также исторической слепоте к переплетению судеб людей и идей в социально-историческом контексте эпохи.

В своих дневниках Д.Б. Эльконин в реальном и идеальном плане сознания непрерывно ведет беседы с Л.С. Выготским, П.Я Гальпериным, А.В. Запорожцем, А.Н. Леонтьевым, споря с ними и, что особенно важно, благодаря им споря с самим собой. Он общается со своими соратниками, пользуясь оброненной в дневниках формулой самого Д.Б. Эльконина, как с *Вращенными Другими.* И Выготский, и Гальперин, и Леонтьев, и Запорожец — постоянные жители его *сознания как «совокупного действия»* (Д.Б. Эльконин) школы культурно-исторической психологии. Самое существо этих диалогов может быть передано следующим фрагментом дневниковых записей: «Проговаривание другому помогает понять, сформулировать свою мысль! *Не "спор"*, как думал Пиаже, а *взаимопонимание. Поэтому "диалог" не как спор, а как разъяснение с учетом точки зрения другого»* (*Д.Б. Эльконин*, 1989, с. 516). В диалогах о роли ведущей деятельности в развитии личности ребенка, о природе интериоризации и психологии игры, о месте знака в организации поведения личности Д.Б. Эльконин полемизирует со своими коллегами по школе, ищет, говоря его словами, «не соответствия» его идеям, а «несоответствия», в котором видит внутренний источник любого развития.

Необходимо раз и навсегда понять, что к развитию школы культурно-исторической психологии полностью приложим сформулированный выдающимся биопсихологом В.А. Вагнером закон эволюции по «смешанным, а не чистым линиям», положенный Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым в основу системного анализа истории высших форм поведения. Линии мышления Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперина, Б.В. Зейгарник, Л.И. Божович, П.И. Зинченко и Д.Б. Эльконина в буквальном смысле «смешанные», а не «чистые» линии развития этой школы неклассической психологии. Они переплетены и человеческими судьбами, и идеями, и социально-исторической ситуацией развития XX в. Все эти линии мышления, развивающиеся в диалоге друг с другом, *разные, но равные* по своему социальному эффекту в методологии науки.

Каждая из линий мышления в школе культурно-исторической психологии — это *Школа в Школе.* И в этом смысле оправданно говорить в истории и теории современной психологии об обогащающем друг друга разнообразии школ — школы А.Н. Леонтьева, школы А.В. Запорожца, школы А.Р. Лурия, школы П.Я. Гальперина, школы Б.В. Зейгарник и, конечно, школы Д.Б. Эльконина. Все эти школы точно так же воплощают Проект культурно-исторической психологии в науке и социальной практике, как, например, течение акмеизма в поэзии воплощают миры Н. Гумилева, А. Ахматовой, М. Цветаевой и О. Мандельштама. Но сказать об О.Э. Мандельштаме — только акмеист, точно так же как о Д.Б. Эльконине — только последователь Л.С. Выготского, будет верно, но явно недостаточно. Поэтому еще раз подчеркну, что *школа культурно-исторической психологии — это Единство Разнообразия, разнообразия Миров, находящихся в диалоге друг с другом.*

Среди этих миров — многомерный мир Д.Б. Эльконина. Еще одной особенностью Мира Д.Б. Эльконина является его перманентное «святое недовольство» самим собой. В 1977 г. Д.Б. Эльконин роняет в своих дневниках мысль, к которой затем возвращается вновь и вновь: «*Человек — всегда два человека. В основе духовного движения — “святое недовольство”...*

...Начал размышлять по поводу “святого недовольства” как внутренней движущей силы развития личности, а тем самым и всего психического развития...

Но суть дела в том, что “святое недовольство” направлено на себя, оно требует самоизменения. *Я уже думал, что решил вопрос, а на самом деле только поставил его* (курсив мой. — *А.А.*).

За всякой задачей, которую ставил себе ребенок по овладению каким-либо предметом, всегда лежит изменение ребенка. За всякой внешней задачей стоит внутренняя задача. Может быть, это и есть “пролегомены” ко всей будущей психологии?» (*Д.Б. Эльконин*, 1989, с. 512). По большому счету Д.Б. Эльконин пронес присущий детству феномен «почемучки» через всю свою жизнь. Именно поэтому в его дневниках посеяны уже упоминаемые выше эмбрионы многих будущих психологий, многих будущих возможностей развития науки и социальной практики.

Среди этих линий прежде всего назову намеченную в 1983 г. линию развития психологической теории личности. Д.Б. Эльконин отмечает в своем дневнике: «Мелькнула мысль о личности. Определение: *личность — психологическая инстанция организации и управления своим поведением, заключающаяся в преодолении самого себя* (курсив мой. — *А.А.*).

Может быть, когда-нибудь напишу статью “Еще одна психологическая теория личности”. Надо будет под этим углом зрения посмотреть Л.С. Выготского с его концепцией знакового опосредования и произвольности, а также Спинозу» (*там же*, с. 516).

Весьма знаменательно, что Д.Б. Эльконин неоднократно обращается к идеям о взаимоотношении аффекта и интеллекта Спинозы, философию которого Л.С. Выготский называл одной из величайших революций духа, переворотом в прежней системе мышления. *Именно с линией Спинозы, а не с линией Декарта Д.Б. Эльконин связывает будущую психологию личности.* Обращение Д.Б. Эльконина в 1983 г. к необходимости разработки психологии личности — это не боковой ход, а смысловой стержень различных периодов его творчества. Еще в 1965 г. он пишет: «Для меня главное: игра — деятельность, в которой происходит

"децентрация" личности, то есть изживание детского эгоцентризма» (*Д.Б. Эльконин*, 1989, с. 481). *К тайне децентрации личности* в отличие от *познавательной децентрации* в генетической психологии Ж. Пиаже, к проблеме игры как *школы возможности быть личностью* Д.Б. Эльконин постоянно возвращается, связывая с социальной децентрацией сложный процесс *построения личности.*

Представления о необходимости разработки психологии личности проступают и за теорией учебной деятельности Д.Б. Эльконина. Так, в 1968 г. он пишет: «Если верно, что учебная деятельность есть деятельность, в которой предметом изменения является сам субъект, то есть сам обучающийся, то *становление учебной деятельности не может быть ничем иным, как только становлением каких-то сторон самосознания, самооценки — каких-то этапов "самовоспитания". Поэтому гипотетически можно утверждать, что уровень сформулированности учебной деятельности должен прямо коррелировать с уровнем развития личности. То, что мы до сих пор не уловили этой закономерной связи, — наша ошибка, вернее — недосмотр* (курсив мой. — *А.А.*)» (*там же*, с. 491). Приходится с грустью констатировать, что *недосмотр закономерной связи учебной деятельности с уровнем развития личности оборачивается каскадом уже не просто недосмотров, а прямых ошибок в современных вариантах модернизации системы отечественного образования.*

Одной из самых конструктивных линий в жизнетворчестве Д.Б. Эльконина является *культурно-историческая деятельностная стратегия развития системы образования*, разрабатываемая им в течение многих лет жизни. Кульминацией этой линии является текст Д.Б. Эльконина, появившийся в 1984 г. в журнале «Коммунист», а затем опубликованный под названием «Размышления о перестройке советской системы образования» в 1989 г. *Идеи этой статьи реализованы в психолого-педагогической системе развивающего обучения Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова.* Именно эти идеи стали основой либеральной доктрины *вариативного развивающего смыслового образования*, наиболее интенсивно реализуемой в образовательной политике и идеологии России (см. об этом: *Асмолов*, 1996; *Рубцов*, 1996).

По сей день *борьба вокруг принципов вариативного и развивающего образования служит «лакмусовой бумажкой» государственной политики в системе управления образованием, индикатором движения исторического барометра между полюсами либерализма и тоталитаризма в нашем отечестве*, показателем того, имеем ли мы дело с модернизацией системы образования или же беспомощной и шумной имитацией попыток преодоления глобального кризиса образования. Написанная Д.Б. Элькониным в 1983 г. статья о стратегии развития школьного образования до парадоксальности современна и своевременна.

Мы вновь наступаем на те же грабли, обсуждая механическое увеличение времени школьной жизни до 12-летнего образования, вместо того чтобы *изменить*, как настаивал Д.Б. Эльконин, *консервативную технологию обучения.*

Мы с достойным лучшего применения сил общества боремся, как в 1960 и в 1984 гг. с *внешней почасовой перегрузкой учебных планов школьников, вместо того чтобы в самом процессе учебной деятельности порождалась, как доказывал Д.Б. Эльконин, внутренняя познавательная мотивация, во многом определяющая психологическое время и ресурсы развития личности ребенка.*

Мы играем почти по всей стране в *единый государственный экзамен (ЕГЭ)*, подменяя, как это обосновывал Д.Б. Эльконин, грубым *отбором*, построенным на оценке репродуктивного воспроизведения стандартных знаний, столь необходимую нашей школе *диагностику* развития личности и *обеспечения контроля за ходом развития школьника.*

И наконец, *мы вновь делаем школу козлом отпущения за грехи государства, устраивая плач Ярославны по утрате воспитания в сфере образования.* В связи с этим напомню мысль Д.Б. Эльконина, лаконично выраженную в его дневниковых записях 1977 г.: *«Процесс психического развития историчен и конкретен. Воспитание — процесс воспроизводства рода, но противоречие в том, что он должен быть процессом расширенного воспроизводства, а это возможно только в том случае, если при воспитании предвидится будущее. Дети требуют от общества представления о его собствен-*

ном будущем (курсив мой.— *А.А.*). *А родители воспитывают своих детей по образу и подобию своему»* (*Д.Б. Эльконин*, 1989, с. 511). Точнее не скажешь. Иными словами, *стратегия воспитания подрастающих поколений зависит от решения такого «простого» вопроса», как вопрос о проектировании идеологии общества, то есть о политическом моделировании образа потребного будущего России.*

Вот лишь немногие положения из бесценной россыпи идей в научных дневниках Д.Б. Эльконина, идей, из которых возрастает неклассическая психология будущего. К этим идеям полностью применима намеченная Д.Б. Элькониным *культурно-историческая диалогическая концепция социальной функции знака как формы присутствия Другого, другого человека в организации личностного поведения.* Раскрывая эту концепцию, Д.Б. Эльконин писал: «Значение знака в той *функции* другого человека, в которой он вводится в организацию поведения... *Знак— нечто вроде подарка. Ведь подарок— это напоминание о том, кто его сделал* (курсив мой. — *А.А.*)» (*там же*, с. 514). Эти слова помогают понять тот знак, тот подарок, который посылает нам Даниил Борисович Эльконин к столетию со дня своего рождения. Сумеем ли мы воспользоваться этим подарком? Удастся ли нам так организовать наше опосредованное знаком Д.Б. Эльконина и его соратников социальное и личностное поведение, чтобы оно стало продолжением богатейшей программы неклассической культурно-исторической психологии, — все это покажет не прекрасное далеко, а наше не верящее слезам и реформам время.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии; Воронеж, 1996.

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.

Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической — к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99—115.

Давыдов В.В. Научные достижения Д.Б. Эльконина в области детской и педагогической психологии // Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. С. 5—24.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). М.: Смысл, 2001.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994.

Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. М.: Институт практической психологии; Воронеж, 1996.

Эльконин Б.Д. Психология развития. М., 2001.

Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1989.

Приложение 2

Как изучать психологию личности: диалог между Вадимом Розиным и Александром Асмоловым

Вадим Розин:
«Возможно ли целостное изучение личности?»

Существуют две основные современные трактовки психологии личности: это *целостное научное* знание о человеке и *вполне определенный,* в этом смысле ограниченный, научный *подход* к изучению человека. Почти две с половиной тысячи лет философия и конкретные науки изучают человека с разных точек зрения и сторон, каждая из которых в результате получила свое специфическое описание и теоретическое объяснение. При этом человек в знании распался на тысячу частей и проекций, исчез как нечто целое. Тогда возникла идея синтетического, целостного изучения человека, собирающего его из отдельных идеализированных научных представлений. Однако целостного изучения пока не получается, и возникает принципиальный вопрос: возможно ли оно вообще?

Действительно, известно, что научное познание всегда предполагает моделирование, идеализацию, упрощение (отвлечения от ряда реальных свойств и сторон изучаемого явления). В науке исследуются не индивидуальные, уникальные объекты во всем богатстве их проявлений и свойств (то есть целостности), а типы и закономерности. А раз так, то целостность вроде бы исключается по самой природе научного познания. Мы имеем относительно удовлетворительные частичные теоретические описания человека в психологии, социологии, экономике, физиологии и т.д., а вот попытки выработать целостное представление о человеке, например, в философии или в психологических теориях личности сталкиваются с затруднениями. Рассмотрим для примера известную книгу «Теории личности» двух

авторов Л. Хьелла и Д. Зиглера, а также книгу «Психология личности» не менее известного автора А. Асмолова.

В статье «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский полемизирует с Бинсвангером, предлагавшим не перестраивать разные психологические школы на основе общего подхода, а наладить между ними научную коммуникацию, исходя из методологических соображений. «Общая психология, — пишет Выготский, — следовательно, определяется Бинсвангером как критическое осмысление основных понятий психологии, кратко — как “критика психологии”. Она есть ветвь общей методологии... Это рассуждение, сделанное на основе формально-логических предпосылок, верно только наполовину. Верно, что общая наука есть учение о последних основах, общих принципах и проблемах данной области знания и что, следовательно, ее предмет, способ исследования, критерии, задачи иные, чем у специальных дисциплин. Но неверно, будто она есть только часть логики, только логическая дисциплина, что общая биология — уже не биологическая дисциплина, а логическая, что общая психология перестает быть психологией... даже самому отвлеченному, последнему понятию соответствует какая-то черта действительности» (*Асмолов*, *Леонтьев*, 2001, с. 310, 312). И понятно, почему Л.С. Выготский возражает Бинсвангеру: с точки зрения естественно-научного идеала синтез отдельных научных теорий осуществляет не методология, а «основания науки», то есть дисциплина предметная, естественно-научная, однако более общего (самого общего) порядка.

Спор Выготского с Бинсвангером (или «общая психология», или «много разных психологий» под зонтиком методологии) продолжается и в наше время, хотя, возможно, участники дискуссии не отдают себе в этом отчета. Что такое с точки зрения этого спора работа Л. Хьелла и Д. Зиглера «Теории личности»? Одна из современных реализаций позиции Бинсвангера. Правда, «методологию психологии» они понимают не как «критику психологии», а, скорее, как создание нейтрального по отношению к отдельной теории «языка описания и сравнения» психологических теорий. Но в целом это именно методологический подход.

Действительно, вместо обсуждения того, что *есть психика,* Л. Хьелл и Д. Зиглер выходят в методологическую позицию. Они начинают обсуждать ситуацию в психологии (множественность подходов к изучению личности, множественность психологических теорий, проблему оценки эффективности психологических знаний и пр.). Характеризуют идеал психологической науки (в основном это естественно-научные представления) и компоненты теорий личности (такие, как «структура личности», «мотивация», «развитие личности», «психопатология», «психическое здоровье», «изменение личности с помощью терапевтического воздействия»). Анализируют ценностные представления персонологов о природе человека (по оппозициям «свобода — детерминизм», «рациональность — иррациональность», «холизм — элементаризм» «изменяемость — неизменность», «субъективность — объективность» и др.). Вводят критерии оценки теории личности: «верифицируемость», «эвристическую ценность», «внутреннюю согласованность», «экономность», «широту охвата», «функциональную значимость». Затем, исходя из этих расчленений и оппозиций, характеризуют основные психологические теории личности (см.: *Розин,* 2001, с. 25—52). В этом смысле название их книги достаточно точное — не психология личности, а именно разные теории личности, рассмотренные в методологическом ключе.

А как в свете спора Выготского с Бинсвангером можно понять работу А. Асмолова «Психология личности. Принципы общепсихологического анализа»? Как реализацию теперь уже позиции Л.С. Выготского — обратите внимание на подзаголовок «Принципы *общепсихологического* анализа», — то есть Асмолов прямо говорит: «Я работаю в рамках концепции построения общей психологии». И неслучайно Асмолов начинает с идеи «человека как многомерного существа»: «...Человек как многомерное существо, проявляющееся одновременно как участник историко-эволюционного процесса; носитель социальных ролей и программ социотипического поведения; субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого осуществляется преобразование природы, общества и самого себя»

(*Асмолов,* 2001, с. 6). Этот многомерный человек и есть, по Выготскому, «последнее, самое абстрактное, но еще психологическое понятие», соответствующее личности.

На первый взгляд Л. Хьелл и Д. Зиглер — сторонники естественно-научного дискурса, который в плане возможности целостного описания необходимо отвести сразу, поскольку человек в нем рассматривается не как целое, а с вполне определенной «использующей» точки зрения (дающей возможность предсказывать его поведение и полностью управлять им). «Современная психология личности, — пишут Л. Хьелл и Д. Зиглер, — являясь научной дисциплиной, трансформирует умозрительные рассуждения о природе человека в концепции, которые могут быть подтверждены экспериментально, а не полагаются на интуицию, фольклор или здравый смысл... Являясь объектом изучения, личность, кроме того, представляет собой абстрактное понятие (в современном языке науковедения — «идеальный объект». — *В.Р.*)... Тем не менее теория в целом принимается в научном мире как обоснованная и заслуживающая доверие в той степени, в какой результаты наблюдений за феноменом (обычно основанные на данных, полученных в конкретных экспериментах) согласуются с объяснением того же феномена, вытекающим из самой теории... Теория должна не только объяснять прошлые и настоящие события, но также и предсказывать будущие... Теории личности выполняют разные функции в психологии. Они дают нам возможность объяснить, что собой представляют люди (выявить относительно постоянные личностные характеристики и способ их взаимодействия), понять, каким образом эти характеристики развиваются во времени и почему люди ведут себя определенным образом» (*Розин*, 2001, с. 20, 22, 26, 27). Как мы видим, налицо почти весь джентльменский набор естественно-научного дискурса: обобщение эмпирического материала с помощью абстрактных понятий и гипотез, установки на теорию, эксперимент, прогнозирование.

Но одновременно тут же мы встречаем характеристики науки, свойственные прежде всего гуманитарному дискурсу. «Хотя персонологи, — пишут авторы рассматриваемой

книги, — признают, что в способах поведения людей есть сходство (только в этом случае вообще возможна наука о поведении людей. — *В.Р.*), они прежде всего стремятся объяснить, как и почему люди отличаются друг от друга... Позиция, занимаемая персонологом в отношении свободы — детерминизма, сильно влияет на характер его теории и следующие из нее выводы о сущности человеческой природы. Это в равной степени верно и в отношении других основных положений. Теория личности отражает конфигурацию позиций, занимаемых теоретиком в отношении основных положений о природе человека» (*Розин*, 2001, с. 22). Но последнее положение, кстати, выделенное самими авторами, — специфический признак гуманитарного дискурса, существенно отличающий его от естественно-научного.

Действительно, представители естественных наук занимают относительно объекта изучения (природных феноменов) не разные позиции, а одну, позволяющую рассчитывать, прогнозировать и управлять природными явлениями. Для гуманитарного же познания характерны разные «заинтересованные» точки зрения. В гуманитарной науке познание предваряют ценностные отношения, связанные с разным пониманием природы изучаемого объекта. Каждый исследователь по-своему представляет изучаемый объект и выделяет соответствующие этому представлению стороны объекта и проблемы. Для гуманитарного познания важен и такой момент, как принятие ответственности за изучаемое явление (человека, культуру и т.д.). Ученый-гуманитарий своим познанием должен, как выражается А.А. Пузырей, «высвобождать место» для изучаемого явления, «предоставлять ему голос», не считать изучаемый объект «прозрачным» (в познавательном отношении). Безусловно, эти и другие особенности гуманитарных дисциплин позволяют достаточно адекватно изучать человека, однако не приближают к целостному его образу. Хотя гуманитарное познание вполне органично духовному опыту человека, оно тем не менее тоже создает частичное, упрощенное представление о нем.

К недостаткам традиционных психологических теорий личности можно отнести и такой момент: по сути, они пре-

тендуют на научную строгость, которую не в состоянии реализовать. Это, прежде всего, относится к строгости психологической теории и требованию экспериментальной проверки. Чтобы не быть голословным, приведу оценки Л. Хьеллом и Д. Зиглером соответствующих сторон трех известных психологических теорий.

«Основная ловушка для персонологов, заинтересованных в проверке теории Фрейда, заключается в невозможности воспроизведения клинических данных в контролируемом эксперименте. Вторая проблема в установлении валидности психоанализа связана с тем, что его положениям невозможно дать рабочие определения (то есть теоретические концепции зачастую сформулированы таким образом, что трудно делать из них недвусмысленные выводы и проверяемые гипотезы). Когда получаемые результаты основаны на столь нечетких и неопределяемых умозаключениях, просто невозможно понять, согласуются ли они с теорией». «Несмотря на то что персонологическая теория Олпорта имеет, несомненно, творческий характер, похоже, никто не дал себе труда и времени, чтобы проверить эмпирическую обоснованность ее концепций и соответствующих утверждений. В такой эмпирической дисциплине, как психология, ни одна теория не просуществует достаточно долго, если она не порождает доступных проверке прогнозов, основанных на ее главных концепциях. Теория Олпорта в этом смысле не исключение». «К сожалению, другим аспектам теории Маслоу было посвящено крайне мало эмпирических исследований во многом вследствие недостаточной строгости теоретических формулировок, затрудняющих проверку ее валидности» (*Хьелл*, *Зиглер*, 2001, с. 138, 295, 506).

Поскольку остальные психологические теории по критериям теоретической строгости и верифицируемости мало чем отличаются от трех данных, в том смысле, что тоже не соответствуют указанным критериям, Л. Хьелл и Д. Зиглер, заканчивая свою книгу, справедливо спрашивают: «...Можно ли в принципе теоретические концепции проверять эмпирическим путем?» (*там же*, с. 580). Естественно, нельзя. Только в естественных науках, к которым

психология не относится, теория обосновывается с помощью эксперимента, к тому же последний — это не эмпирия, а специально организованный опыт, выстроенный таким образом, чтобы соответствовать теории.

Исследование Александра Асмолова в методологическом отношении вполне удовлетворяет требованиям современного мышления. Начинается оно с проблематизации и постановки задач. Затем идет характеристика методологического подхода автора, включающего особенности познавательной ситуации, проблему человека в философии, системный историко-культурный подход к изучению человека, принципы деятельностного подхода, гипотезы о движущих силах и условиях развития личности. Следующие три раздела — описание и анализ человека как индивида, как личности и как индивидуальности (вспомним известную формулу: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают»). Последние главы посвящены исследованию возраста, характера, реализации индивидуальности.

Вопросы, которые А. Асмолов ставит в начале книги, безусловно, актуальные, они задают направление исследовательской мысли, по ним, в частности, можно проверять, является ли исследование результативным. Приведем главные из этих вопросов, сопроводив их некоторыми собственными комментариями (последние набраны курсивом).

«Любой ли человек представляет собой личность? (*Интересно, что для Л. Хьелла и Д. Зиглера такого вопроса не существует, поскольку, реализуя естественно-научный подход, они трактуют личность как интегральное измерение человека.*) Можно ли назвать личностью появившегося на свет человека? В любую ли историческую эпоху существовала личность? (*Эти вопросы особенно актуальны в свете заявлений ряда современных культурологов; например, Курт Хюбнер в книге “Истина мифа” утверждает, что человек Древнего мира находит корни своей жизни только в совместном бытии, как единичное, как индивид и “Я”, то есть как личность он ничего собой не представляет — Розин*, 2002.) С чего начинается личность?» Характеризуют ли личность

«внешний облик» человека, «прошлый опыт», его «ценности и поступки»? (*Речь идет о сущности понятия «личность», о реалиях, без которых личность существовать не может.*) (*Асмолов*, 2001, с. 35, 36, 38, 41).

Стоит обратить внимание, что А. Асмолов в данном исследовании выступает не просто как психолог, а одновременно и как методолог. Его замысел такой: начать с общих характеристик человека в философии, затем охарактеризовать человека в рамках системного подхода, потом в теории деятельности (в варианте *Л.С. Выготского* и *А.Н. Леонтьева*), наконец, получив все эти характеристики человека, охарактеризовать последнего собственно на территории психологической науки. Почему А. Асмолов обращается к перечисленным непсихологическим дисциплинам, куда отчасти можно отнести и теорию деятельности?

Логику построения работы А. Асмоловым можно представить следующим образом. Философское представление о человеке задает современное, наиболее общее и аксиологически выверенное понимание последнего. Системный подход позволяет охарактеризовать человека научно, строго, поскольку любой объект, в том числе и человек, является системой, а для анализа и описания систем в XX столетии были разработаны точные методы. «Одна из функций общенаучного системного подхода, — пишет А. Асмолов, — как раз и состоит в том, что с его помощью из конкретных наук о природе и обществе вычленяются общие закономерности развития различных любых систем и тем самым перебрасывается мост, создается канал связи между различными науками о человеке» (*там же*, с. 88).

В этом отношении сторонники системного подхода рассматривают его как своеобразную всеобщую математику. Здесь, правда, стоит заметить, что это одна из точек зрения. Существуют и другие, по которым системный подход не может выступать в указанной роли, выполняя более скромное назначение (это один из планов анализа изучаемого объекта, принципиально не схватывающий гуманитарную природу объекта, если последний является таковым). Теория деятельности выступает посредником между философией и системным подходом, удерживая, как писал

Л.С. Выготский, обобщенное предметное психологическое содержание. То есть в ней человек рассматривается как в рамках философии и системного подхода, так и в психологическом плане. В рамках подобного междисциплинарного описания человека реализуется и ряд марксистских установок: человек трактуется как субъект деятельности, как культурно-историческое и социальное существо. Остановимся на указанных моментах подробнее.

В рамках философского истолкования А. Асмолов, во-первых, пытается преодолеть рассмотрение человека отдельно от мира и мира безотносительно к человеку, во-вторых, охарактеризовать его в деятельностной онтологии, имея в виду, в частности, объяснение творческой природы личности. «Не мир сам по себе, не человек сам по себе, а “мир человека”, бытие человека в мире становятся основой исследования социально-деятельностной природы человеческого существования. Понимание человека как “*мира человека*” коренным образом меняет лицо психологической науки... разгадка проблемы развития человека ищется в анализе самого богатства целенаправленных человеческих деятельностей в истории развития этих деятельностей в антропосоциогенезе, а не только в субъективных потребностях или же воздействиях на человека внешней среды... Через целеполагание, постановку различных задач и целей человек получает возможность не только творить мир, но и отыскивать смысл своего существования, воплощать смысл жизни в процессе реализации сущностных сил посредством предметной деятельности» (*Асмолов*, 2001, с. 66—68).

Если последнее положение — общее место марксистской парадигмы (не только объяснить мир, включая свой собственный, но и преобразовать его), то *установка на описание «мира человека» является исключительно важной* для современной психологии. Психология оказалась перед дилеммой: или учесть результаты других наук (таких, как культурология, социология, семиотика и пр.), поставив под угрозу традиционный психологический подход, или сохранить его в неизменности, поставив под угрозу само существование психологии, поскольку, не реагируя на

указанные результаты, она проигрывает конкуренцию с другими антропологическими дисциплинами (антропологией, понимающей социологией, культурологическими версиями человека и т.п.).

Действительно, традиционный психологический подход предполагает именно рассмотрение «человека самого по себе». Это связано с тем, что научная психология обособлялась от философского изучения человека на основе естественно-научного понимания человека. В рамках же последнего человек брался как самостоятельный объект, напоминающий явление природы, законы которого требовалось открыть в психологическом исследовании. В философском плане этот подход опирался на картину мира, разрабатываемую от Ф. Бэкона до И. Канта, где человек и мир, действительно, рассматривались сами по себе (есть самодостаточный человек в мире и есть самодостаточный мир, включающий человека).

Напротив, установка на «мир человека» (но не внутренний мир, к чему привыкли психологи) (*там же*, с. 66) — это попытка преодолеть традиционную психологическую точку зрения.

Реализуя в отношении человека системный подход, А. Асмолов выдвигает два основных положения: во-первых, понять, изучить и целенаправленно воздействовать на человека можно, лишь рассматривая его в качестве элемента «различных физических, биологических и социальных систем» (например, «чтобы "*вылечить*" *человека, необходимо преобразовать ту систему, которая приводит к возникновению "болезни", изменить мир человека» — там же*, с. 76, 80), во-вторых, системы, в рамках которых живет и развивается человек, представляют собой эволюционирующие, саморазвивающиеся образования, в которых действуют механизмы адаптации и бифуркации, причем источником развития этих образований выступают *«противоречия между адаптивными формами активности, направленными на реализацию родовой программы, и проявлениями активности элементов, несущих индивидуальную изменчивость»* (*там же*, с. 105).

Системы и эволюцию А. Асмолов понимает как естественные, почти физические реалии, что видно из обсуждения им парадокса системности — «личность в мире» или «мир в личности». «Выступая как “элемент” системы, — разъясняет этот парадокс А. Асмолов, — личность вместе с тем является таким особым “элементом”, который при определенных обстоятельствах может вместить в себя систему и привести к ее изменению» (*Асмолов*, 2001, с. 85). Ничего не зная о системном подходе, этот парадокс обсуждал еще Аристотель в работе «О душе», когда он писал, что «душа некоторым образом обнимает все существующее» (*Аристотель*, 1973, с. 102). Намечая разрешение этого парадокса, А. Асмолов пишет: «...По аналогии с гипотезой М.А. Маркова (*предлагавшего ввести понятие микроскопической частицы «фридмон», в которой могут свертываться и упаковываться целые галактики. — В.Р.*) можно предположить, что в процессе развития личности происходит как бы свертывание пространства социальных отношений в пространстве личности, своеобразная упаковка с изменением размерности большого мира в малом мире» (*Асмолов*, 2001, с. 87).

Подобное решение вполне вписывается в естественно-научный подход, но противоречит гуманитарному, а также утверждению самого А. Асмолова, что речь идет не только о физических системах, но и о социальных. Парадокс же системности возникает, если следовать естественно-научному подходу, когда содержание сознания человека и мир, в который он входит, трактуются как относящиеся к одной, по сути, физической реальности. На самом же деле они принадлежат к разным реальностям и предметам изучения.

Теперь основные принципы деятельностного подхода.

Под деятельностью А. Асмолов понимает такую реальность, в рамках которой можно объяснить и развитие психики человека, и становление его личности; главный механизм развития психики — интериоризация человеком в совместной деятельности социального опыта и экстериоризация в творчестве внутреннего опыта человека; основной механизм становления личности — ориентировка

(выбор и самоопределение) в многообразии совместных деятельностей; так сказать, глубинный, интимный механизм формирования психики — сигнификация и овладение человеком его собственным поведением. Ввиду важности этого понимания прибегну к более обширному цитированию.

«В контексте деятельностного подхода к изучению психических явлений и личности человека предлагается следующее определение категории "деятельность": *деятельность представляет собой динамическую, саморазвивающуюся иерархическую систему взаимодействия субъекта с миром, в процессе которого происходит порождение психического образа, осуществление, преобразование и воплощение опосредованных психическим образом отношений субъекта в предметной действительности*... Эволюция образа жизни, развитие психики человека в биогенезе, социогенезе и персоногенезе приводят к появлению личности как особого "элемента" системы, обеспечивающего ориентировку в мире социальных отношений... *в центре развития личности оказывается не индивид сам по себе, вбирающий воздействия окружающей среды, а первые изначально совместные акты поведения, преобразующие микросоциальную ситуацию развития личности*... Если абстрактно выразить общую схему процесса присвоения и воспроизводства общественно-исторического опыта, то она будет выглядеть так: социальная конкретно-историческая система общества, образ жизни в данной системе (в том числе в культуре) → процесс совместной деятельности члена общества (ребенка, взрослого) в социальной группе как основа социализации личности (механизм интериоризации) → формирование личности → проявление личности как субъекта деятельности (механизм экстериоризации) → преобразование совместной деятельности социальной группы → преобразование образа жизни в данной социальной системе... Под *сигнификацией* понимается создание и употребление человеком знаков, с помощью которых он вначале оказывает влияние на поведение других людей, а затем использует их как "средство", особое "орудие" овладения собственным поведением... А.Н. Леонтьев писал: "Личность

порождается в его деятельности, которая осуществляет его связи с миром. *Первые активные и сознательные поступки — вот начало личности.* Становление ее происходит в напряженной внутренней работе, когда человек как бы постоянно решает задачу, «чему во мне быть»... Чем больше действие человека отклоняется от типичных действий большинства людей, тем вернее, что за ним стоят «внутренние» личностные факторы — внутренние «диспозиции» (предрасположенности к действиям)... *Совместная деятельность в конкретной социальной системе по-прежнему детерминирует развитие личности, но личность, все более индивидуализируясь, сама выбирает деятельность, а порой и тот образ жизни, которые определяют ее развитие...* Поиск «двигателя», дающего начало активности личности, необходимо искать в тех рождающихся в процессе потока деятельностей противоречиях, которые и являются движущей силой развития личности"... Выступая как источник развития личности, социально-исторический образ жизни как бы задает появившемуся на свет человеку сценарий, втягивая его в определенный распорядок действий. Жесткость этого распорядка действий зависит прежде всего от того, насколько варьирует в конкретном социально-историческом образе жизни свобода выбора тех или иных видов деятельности» (*Асмолов*, 2001, с. 112, 113, 135, 138, 140, 156, 160, 188, 195, 340). Прокомментирую эти высказывания.

Первый вопрос такой: а удалось ли А. Асмолову преодолеть подход, в соответствии с которым человек рассматривается «сам по себе», и объяснить, как происходит развитие психики? Обратим внимание, что в предложенной схеме человек «выбирает» виды деятельности, «овладевает» собственным поведением, решает задачу, «чему в нем быть» и т.п., то есть он уже сознателен и сформирован, но его личность была на заднем плане и до поры до времени не осознавалась. Однако что тогда объясняется, ведь главное — как раз понять, откуда эта личность взялась и как она сформировалась?

Подход, когда вводится предпосылка ***о предсуществовании личности, которая затем, в процессе развития, себя раскрывает*** (то есть полагание своеобразного гомункулу-

са), объясняет и важный тезис А. Асмолова о том, что личность в истории была всегда. «Итак, — пишет он, — на самых разных этапах человеческой истории в развитии культуры ведут между собой нескончаемый диалог социотипическое и индивидуальное поведения личности. Наличие этого диалога служит доказательством того, что в истории не было безличного периода существования общества» (*там же*, с. 310). Но разве личность — это индивидуальность? Если ее понимать иначе, что я постараюсь сделать дальше, то можно показать, что личность — это довольно сложное культурно-историческое образование, которое в филогенезе складывается только в античной культуре, а в онтогенезе — не раньше подросткового периода.

Обращаясь к изучению личности, психологи надеются понять человека, с одной стороны, как целое, соединить, «конфигурировать» различные представления его, полученные в разных психологических теориях, с другой — как уникальное и индивидуальное субъектное образование. «Являясь объектом изучения, — пишут Л. Хьелл и Д. Зиглер, — личность, кроме того, представляет собой абстрактное понятие, которое объединяет многие аспекты, характеризующие человека: эмоции, мотивацию, мысли, переживания, восприятие и действия» (*Розин*, 2001, с. 22). «С другой стороны, психология личности традиционно отделилась от остальных психологических дисциплин благодаря тому, что здесь делается акцент на индивидуальные различия между людьми. Хотя персонологи признают, что в способах поведения людей есть сходство, они прежде всего стремятся объяснить, как и почему люди отличаются друг от друга» (*там же*). Замечу, что у психологов это получается значительно сложнее, чем демонстрация сходства людей между собой.

А вот позиция А. Асмолова. С одной стороны, он утверждает, что психология личности призвана получить «целостную систему знаний» о человеке. «Историко-эволюционный подход в психологии личности позволяет выделить универсальные закономерности развития человека в *биогенезе, социогенезе и персоногенезе* и тем самым открывает возможность междисциплинарного и внутридис-

циплинарного синтеза представлений о психологии личности» (*Асмолов*, 2001, с. 16). С другой — А. Асмолов подчеркивает, что «человек, будучи “мерой всех вещей”, сам не имеет меры (*тогда вряд ли можно говорить о выделении «универсальных закономерностей развития человека». — В.Р.*), так как в принципе несводим к какому-либо из измерений, проявляющихся в эволюции природы, истории общества и развития его индивидуальной жизни» (*там же*, с. 6).

Психология личности не может не реагировать на множественность психологического объяснения человека. Еще в 1927 г. в статье «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский считал такую множественность в соединении с абсолютизацией каждой психологической школой своего подхода свидетельством кризиса в психологии. Анализируя идеи психоанализа, рефлексологии, гештальтпсихологии и персонализма, Выготский пишет, что эти школы «оперируют не только разными понятиями, но и разными фактами. Так, несомненно, реальные общеизвестные факты, как эдипов комплекс психоаналитиков, просто не существуют для других психологов, для многих это самая дикая фантазия... Для Павлова утверждение, что собака вспомнила пищу при звонке, есть тоже не больше чем фантазия. Так же для интроспекциониста не существует факта мышечных движений в акте мышления, как то утверждает бихевиорист. Каждая из этих четырех идей на своем месте чрезвычайно содержательна, полна значения, смысла, полноценна и плодотворна. Но, возведенные в ранг мировых законов, они стоят друг друга, они абсолютно равны между собой как круглые и пустые нули; личность Штерна, по Бехтереву, есть комплекс рефлексов, по Вертгеймеру — гештальт, по Фрейду — сексуальность...» (*Асмолов, Леонтьев*, 2001, с. 299—300, 308).

Известно, что кризис в психологии Л.С. Выготский предлагал преодолевать на основе *естественно-научного подхода*. Для этого по образцу естественной науки нужно было построить «общую психологию», ориентированную на практику инженерного типа — «психотехнику», причем существующие психологические школы, по замыслу Выготского, должны быть сняты и перестроены после

вхождения в общую психологию. Единство отдельных психологических предметов и дисциплин в общей психологии, пишет Выготский, «достигается путем подчинения, господства, путем отказа отдельных дисциплин от суверенитета в пользу общей науки. Внутри нового целого образуется не сосуществование отдельных дисциплин, но их иерархическая система, имеющая главный и вторичный центры, как Солнечная система. Итак, это единство определяет роль, смысл, значение каждой отдельной области, то есть определяет не только содержание, но и способ объяснения, главнейшее обобщение, которое в развитии науки станет со временем объяснительным принципом» (*Асмолов*, 2001, с. 300).

Если бы замысел построения общей психологии был не только реализован (а такой реализацией можно считать «теорию деятельности» А.Н. Леонтьева и его последователей), но и принят психологическим сообществом, то число психологических школ и научных объяснений человека резко бы сократилось (в пределе до одной школы «общей психологии»). Но история показывает, что этот замысел многими психологами не был понят и принят, а число психологических школ и психологических научных объяснений человека не только не уменьшилось, но и возросло на порядок. Поэтому современные психологи или принимают множественность психологических школ и объяснений как естественное положение дел, или же, признавая этот факт, все же рассчитывают в отдаленной перспективе реализовать замысел Л.С. Выготского. А как иначе можно расценить установку А. Асмолова получить в рамках «историко-эволюционного подхода» «универсальные закономерности развития человека в биогенезе, социогенезе и персоногенезе»? Впрочем, эту установку отчасти можно понять, анализируя программу построения теории деятельности.

С одной стороны, представление о деятельности создавалось, чтобы реализовать марксистскую установку на изменение и преобразование мира и человека. Еще в 1922 г. Рубинштейн писал: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаружи-

вается и проявляется; он в них созидается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определить, что он есть: направлением его деятельности можно определять и формировать его самого. На этом только зиждется возможность педагогики» (цит. по: *Леонтьев*, 1972, с. 106). С другой стороны, понятие деятельности вводилось, чтобы психологически обосновать марксистское мировоззрение. «Мы полагаем, — пишет В. Давыдов, — что именно понятие деятельности может быть той исходной абстракцией, конкретизация которой позволит создать общую теорию развития общественного бытия людей и различные частные теории его отдельных сфер. На этом пути стоят большие препятствия, одно из которых как раз и связано с трудностями дальнейшей разработки философско-логического понимания деятельности» (цит. по: *Выготский*, 1982, с. 14).

Здесь В. Давыдов идет всего лишь вслед за А.Н. Леонтьевым, который, полемизируя с психологами, предлагавшими ограничиться «психологией ради психологии», пишет, что основная проблема марксистской психологии в этом случае оказывается отодвинутой на второй план. «Общий тезис об историзме, — разъясняет Леонтьев, — об общественной сущности человека и его сознания сохранялся, но лишь декларативно и преимущественно по отношению к таким проблемам психологии, как проблема социальных черт личности, высших чувств, моральной воли и т.п. ...Действительная же задача, конечно, состоит, наоборот, в том, чтобы распространить единый подход на все проблемы психологии человека и таким образом включить их в систему единой науки» (цит. по: *Давыдов,* 1993, с. 354, 355).

Реализуя эти установки, советские психологи ориентировались одновременно и на задачу формирования (создания) нового социалистического человека. В уже цитированной работе 1927 г. Л.С. Выготский писал: «В этом смысле прав Павлов, называя нашу науку последней наукой о самом человеке. Она действительно будет последней в исторический период человечества наукой или в предыстории человечества. Новое общество создает нового человека. Когда говорят о переплавке человека как о

несомненной черте нового человечества и об искусственном создании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя... В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке. Без этого перспектива марксизма и истории науки была бы неполной» (*Асмолов, Леонтьев*, 2001, с. 436).

Известно, что основными инструментами формирования нового человека выступали идеология и социалистическое воспитание в школе. В теоретическом отношении подобная практика подпиралась именно с помощью деятельностной психологии и педагогики. Нетрудно сообразить, что педагогическую практику, основанную на таких представлениях, удобнее всего было понять и истолковать в рамках «концепции формирования». Другое необходимое представление — принцип «ведущей деятельности» («социальной ситуации развития»). Он позволял пускать развитие ребенка в нужном для социалистического общества направлении. Наконец, именно в рамках представлений о деятельности формировались представления о психическом развитии. По сути, деятельностью считалось именно то, что развивалось под воздействием целенаправленных формирующих усилий школы, более широко—социалистической идеологии. Социальная ситуация развития и педагогические воздействия рассматривались как факторы (причины), обусловливающие развитие психики, причем собственно психические структуры понимались как формирующиеся в процессе интериоризации. Эти структуры тоже назывались деятельностью, хотя естественно, что психологи пытались интерпретировать психическую деятельность иначе, чем ту деятельность, которая усваивалась в обучении.

Я, конечно, уверен, что А. Асмолов не является социальным инженером в духе Выготского, и анализ его работ показывает, что он работает на личность, а также культуру либерально-демократического типа. Тем более что в отношении к теориям личности А. Асмолов исходит из признания необходимости множественности психологических объяснений человека.

«Выделение многомерности как исходной характеристики личности в неклассическом историко-эволюционном подходе, — пишет Асмолов, — позволяет охарактеризовать историю развития представлений о личности как историю различных измерений личности в действительности, а не историю заблуждений и ошибок (*кстати, как это считал Л.С. Выготский. — В.Р.*). ...Многомерность личности обусловила то, что *историей развития мышления о человеке стала история драматической борьбы разных полярных ориентаций* (в том числе традиционной оппозиции материалистической и идеалистической), в ходе которой разные мыслители, как правило, выделяли какую-нибудь одну из реальных граней человеческого бытия, а другие стороны жизни личности либо оказывались на периферии познания, либо не замечались и отрицались» (*Асмолов*, 2001, с. 6, 8).

Л. Хьелл и Д. Зиглер пытаются объяснить существование множества теорий личности, по-разному трактующих одно и то же поведение человека, тем, что психологическая теория — это не строгая модель, а, скорее, «умозрение» и «интерпретация» наблюдаемого поведения. «Теория — это система взаимосвязанных идей, построений и принципов, имеющая своей целью объяснение определенных наблюдений над реальностью. Теория по своей сути всегда умозрительна и поэтому, строго говоря, не может быть “правильной” или “неправильной”... Теория личности является объяснительной в том смысле, что она представляет поведение как определенным образом организованное, благодаря чему оно становится понятным. Другими словами, теория обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать все, что нам известно о соответствующем классе событий. Например, без помощи теории (*очевидно, психоанализа З. Фрейда. — В.Р.*) было бы трудно объяснить, почему пятилетний Рэймонд испытывает такую сильную романтическую привязанность к матери, в то время как отец вызывает у него чрезмерное чувство негодования» (*Розин*, 2001, с. 26).

Кажется, все ясно. Психологическая теория личности — это умозрение (а в каждой школе оно свое) и интерпре-

тация с целью понимания, которое тоже может быть разным. Однако Л. Хьелл и Д. Зиглер настаивают, что психологическая теория личности должна не только объяснять, но и предсказывать поведение последней. «Теория должна не только объяснять прошлые и настоящие события, но также и *предсказывать* будущие... Теории личности выполняют разные функции в психологии. Они дают нам возможность объяснить, что собой представляют люди (выявить относительно постоянные личностные характеристики и способ их взаимодействия), понять, каким образом эти характеристики развиваются во времени (*так и возникает образ естественного природного процесса, а ведь личность — это что-то другое? — В.Р.*) и почему люди ведут себя определенным образом. Теории также позволяют нам прогнозировать появление новых взаимосвязей, не изучавшихся ранее» (*там же*, с. 26, 27).

Но как, спрашивается, можно предсказать поведение личности, исходя из разных психологических теорий? Ведь в каждой из них это будет разное поведение. Только в естественной науке, где разные теории дополнительны друг другу, полученные в этих теориях предсказания не будут исключать друг друга (например, корпускулярная и волновая теории света хотя и разные, но тем не менее позволяют в ходе расчетов получать близкие результаты). В гуманитарной же науке в каждой теории мы будем иметь разные предсказания. Или Л. Хьелл и Д. Зиглер имеют в виду последний случай, но тогда они неудачно используют термин «предсказание», или они считают психологическую науку о личности естественной наукой?

Сами по себе психологические теории личности могут быть интересными и схватывать важные особенности личности современного человека. Но, как правило, исходные гипотезы и концепции, на которых они построены, не отрефлексированы с точки зрения предполагаемых областей употребления, не прояснены в плане своих границ и оснований. Кроме того, обычно в этих теориях человек истолковывается как существо, характеризуемое определенной структурой и организацией, независимой от культуры и времени. Конечно, психологи говорят о развитии

психики и влиянии на развитие социальных условий, но понимают первое как развертывание исходной структуры, где в потенции все уже есть, а второе как внешние факторы. Напротив, если по отношению к человеку реализовать культурологический и семиотический подходы, нужно утверждать существование разных типов человека и психики, а не один. В этом случае нас уже не сможет удовлетворить психология, которая описывает психику вообще, как это имеет место сейчас; в культурологически ориентированной психологии должны быть развернуты концепции разных типов психики.

Что же можно извлечь из проделанного анализа? Хотя психологи и претендуют *на целостное изучение человека*, у них это пока не совсем получается. Одна из причин здесь в том, что психологические теории личности строятся именно как наука, что, как уже отмечалось, предполагает идеализацию и упрощение эмпирически наблюдаемого явления. Спрашивается: какой план, аспект, сторону человека изучает психолог? С точки зрения психологии человек изучается психологически, если имеют место объяснение основных проявлений человеческой индивидуальной жизни, самостоятельные (психологические) теоретические построения, наконец, обоснование этих представлений в культурологии, социологии или физиологии. Судя по всему, сегодня складывается особый тип научного психологического объяснения. Его особенность — обращение при объяснении или к индивидуальной истории человека, или к различным другим сторонам его жизни. Психика человека в этих исследованиях трактуется не столько как естественный объект, сколько как целостный, органический и одновременно уникальный в плане своего изменения в течение жизни и в процессе функционирования. Изменение психики подчиняется двойной логике — категориям естественного и искусственного; психика может меняться под влиянием практик, в которых живет человек, а также в силу имманентных процессов (здесь мы имеем в виду те структуры и целостности психики, которые сложились в результате предыдущих психотехнических воздействий, сохраняют

свое строение, предопределяют ряд особенностей последующих психотехнических воздействий).

Но все-таки вопрос остается: в чем особенности и сущность психического? Одни психологи пытаются ответить на него — в ориентировке, деятельности, гештальте, установке, бессознательном, когнитивных структурах и т.д., а другие, например Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, как ни странно, на этот вопрос прямого ответа не дают, они описывают психику, выявляя в ней на разных ступенях изучения различные сущности и целостности. Можно заметить, что твердый ответ дают те психологи, которые в осознании ориентируются на естественно-научную парадигму и, кроме того, нащупали определенный способ познания, систематически ими применяемый. Те же психологи, которые ищут, следуют «изгибам» природы изучаемого явления, отвергают старые и создают новые исследовательские программы, не могут дать ясного ответа на вопрос о сущности психического.

Но есть еще и вопрос, заданный Дильтеем: можно ли изучать (объяснять) психическую жизнь или ее можно только понимать («постигать», «переживать»)? Эта дилемма нам кажется преувеличенной, в первом приближении ее разрешил сам Дильтей. В поздних работах он обосновывает возможность не только постижения, но и объяснения психической жизни. Другое дело, что это за тип объяснения и как учесть уникальное, неповторимое своеобразие каждого человека. Чем такое своеобразие задается? Может быть, интересами, направленностью человека, особенностями его жизненной энергии (активности), способом разрешения жизненных проблем, характером «старта» человека (роды, семья, воспитание), жизненными обстоятельствами? Ясно одно: такое своеобразие не может изучаться как тип, закономерность. Одновременно понятно и другое: человек не состоит только из одного своеобразия, он входит в культуру, общается с другими, осуществляет деятельность и т.п., то есть формируется под влиянием сил, действующих и относительно других людей. В этом отношении человек является типом и подчиняется законам как второй, так и первой природы.

Как же соединить эти два начала? Одно задается, скорее, как произведение искусства (своеобразие человека мы можем лишь угадать, сотворить, как художник картину), другое начало подчиняется всем законам научного познания. Ответа на этот вопрос пока нет: мечта Кнехта, героя романа Гессе «Игра в бисер», стремившегося соединить точную науку с искусством, пока еще в гуманитарной науке не осуществлена. Но одно соображение может быть высказано. Как только складывается личность человека и осознается его «Я», уникальные особенности организации человека могут стать и нередко становятся объектом его рефлексии и деятельности. В результате возникает особая, «третья природа» — личность, для которой характерно действие «человека в человеке», причем ее изменение подчиняется логике как уникального, так и закономерного. (Тонкие эксперименты школы К. Левина, очевидно, были направлены на изучение этой третьей природы.) Может быть, только с этого момента мы можем говорить собственно о психике современного человека?

Вообще, что собой представляет изучаемый в той или иной науке объект? Один ответ: объект — это то, что существует независимо от нас и что мы можем объективно изучать. Другой ответ: объект — это всего лишь наша объективация, то есть отнесенные нами вне нас, в особую природу (мы ее сами и задаем) в качестве объективно существующих наши собственные познавательные процедуры, модели, знания.

Если встать на вторую точку зрения, а гуманитарная и методологическая установки предполагают подобный выбор, то вообще нельзя будет ответить на вопрос о природе психического. Можно и необходимо говорить о другом: **том категориальном пространстве, в котором целесообразно объективировать психологические познавательные процедуры, модели, знаки.** При этом понятно, что таких пространств будет не одно, а несколько; и только в этом случае можно поставить вопрос об интеграции таких пространств, о построении категориальных пространств более объемных, включающих другие. На онтологическом языке это — проблема так называемого целостного изучения психики (че-

ловека). Другими словами, *целостное изучение психики* (соответственно «общая психология», по *Л.С. Выготскому*) *должно реализоваться не в одной дисциплине и не в плоскости объекта* (тем самым мы не согласны с *Л.С. Выготским* и другими онтологами, как бы они свою онтологию ни называли — деятельность, установка, гештальт, бессознательное и т.д.), а *в рамках научной коммуникации психологических дисциплин, стремящихся целостно изучать психику и человека.*

Аристотель. О душе // Аристотель. М., 1973.
Асмолов А.Г. Психология личности. М., 2001.
Асмолов А.Г., Леонтьев Д.А. Личность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 2.
Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1.
Давыдов В.В. О перспективах теории деятельности // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 14. Психология. 1993. № 2.
Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
Розин В.М. Семиотические исследования. М., 2001.
Розин В.М. Эзотерический мир. М., 2002.
Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2001.

Александр Асмолов: «Психоанализ самого себя, или Откровенный разговор о мотивах построения учебника "Психология личности"»

Передо мной полемическая интеллигентная статья мастера методологии науки Вадима Розина «Возможно ли целостное изучение личности?». В этой статье автор, как и подобает методологу, спокойно анализирует текст и историко-культурный подтекст известного учебника Л. Хьелла, Д. Зиглера «Теории личности» (2001) и второго издания моей книги «Психология личности» (2001).

Эти две совершенно непохожие книги роднит стремление передать студентам (именно *студентам*) целостный образ психологии личности. Научная родословная Л. Хьелла и Д. Зиглера восходит к добротной позитивистской когнитивной психологии. Я же, какие бы превратности судьбы ни складывались, относил, отношу и буду относить себя к культурно-деятельностной школе, или культурно-исторической школе, в психологии Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия.

Лев Семенович Выготский — мыслитель, воображаемые диалоги с которым помогают мне строить философию жизни. Алексей Николаевич Леонтьев и Александр Романович Лурия — мои прямые учителя, щедро поделившиеся со мной любовью к психологии не только как науке, но и выбранной судьбе.

Поэтому любая, даже самая доброжелательная критика в их адрес ранит меня, как ранит сына даже справедливая, но все же критика его родителей. Поэтому моя первая самая непосредственная реакция на характеристику Вадимом Розиным теории деятельности А.Н. Леонтьева как непсихологической дисциплины, устарелости культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и т.п. сродни классической полемике героев Ильфа и Петрова: «А ты кто такой?»

Но это только первое, детское переживание на поверхности сознания. В действительности я, своеобразно помятуя об отпоре, данном А.Н. Леонтьевым «варягам», во-пер-

вых, еще раз хочу напомнить следующее его предостережение: «Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественно-научную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии. Происходит его редукция, нередко прикрываемая необходимостью развивать междисциплинарные исследования. Порой даже раздаются голоса, открыто призывающие в психологию “варягов”: “придите и княжите нами”» (*А.Н. Леонтьев.* Деятельность. Сознание. Личность. 1975, с. 3). Во-вторых, с благодарностью к «варягу» Вадиму Розину сказать: *«Приходите и понимайте с нами».*

И эта вторая реакция заставляет меня отказаться от банального ответа Вадиму Розину в стиле следующих высказываний: «Культурно-деятельностная школа в психологии — это не экспонат из музея, а переживающая свои взлеты и падения социально-научное движение...»

А.Н. Леонтьев избегал идею о “формовке” (формировании личности) как фабрике “сделанных голов”. Л.С. Выготский нигде и никогда не позиционировал себя как естественно-научного исследователя. Но все эти ответы неосознанно подтверждали бы типичный сценарий обиженного сознания под названием «А ты кто такой?».

Другой же сценарий моей реакции, возникающей по законам культуры мышления Л.С. Выготского, побуждает меня в духе Спинозы, отвечая Вадиму Розину, «не предаваться удивлению, не смеяться, не плакать — но понимать» (*Л.С. Выготский.* Психология искусства. 1968, с. 18).

Понимать, что, работая пятнадцать лет назад над построением («построением» в смысле Н.А. Бернштейна) учебника «Психология личности», я, как и мои учителя, считал монизм в науке идеалом познания. Монизм же в его жесткой или мягкой форме всегда порождает установку на целостную единственную картину реальности, целостную картину человека, целостную картину мышления, целостную картину личности и т.п. Если мы как психологи проанализируем природу любого монизма, то поймем, что

за монизмом проступает нормальный эгоцентризм познания. И такой этап эгоцентризма проходит не только детское мышление, описанное Ж. Пиаже и Л. Выготским, но и научное познание.

Установка на монизм, усиленная дидактической установкой на построение именно учебника по психологии личности (а не монографии) и неосознаваемой личной мотивацией «объять необъятное», и определила мое стремление к целостному анализу личности.

Означают ли мои откровения, что я отказываюсь от целостного анализа личности? Нет и еще раз нет.

На смену монизму Ньютона пришли релятивизм Эйнштейна и неклассическая физика Бора. Разве они не дали более целостную картину реальности? Разве А. Эйнштейн не мечтал о единой теории поля? Разве блистательный психолог Лев Веккер в конце жизни не удивил всех работой «Психика и реальность: единая теория психических процессов» (1998) (подчеркнуто мною. — *А.А.*)? Мотив к целостному видению мира всегда будет «творческим порывом» (А. Бергсон) исследователей, которые стремятся к пониманию возникновения, развития и распада сложных систем — психики, личности, культуры, цивилизации и т.п. И именно этот мотив при всей его наглости стоит за *построением психологии личности как единства разнообразия.*

И этот мотив побуждает действовать поверх тех барьеров и стереотипов мышления, которые мне в очередной раз помогла увидеть статья Вадима Розина. Там, где Вадим Розин видит постулат, я, следуя логике Л.С. Выготского, вижу проблему, требующую решения и в психологии личности, и в психологии в целом.

Так, для меня оппозиция «гуманитарные науки (подходы) — естественно-научные подходы», принимаемая Вадимом Розиным, является мнимой оппозицией классического в смысле М.К. Мамардашвили мышления. И весь историко-эволюционный подход в психологии личности даже сочетанием в самом начале исследования миров «истории» и «эволюции» бросает вызов картинам психологии, культурологии, биологии, в которых «социальные законы развития» в одной плоскости, «естественные» — в

другой, «психологические» — в третьей, а взаимоотношения между ними отвечают классическим представлениям о параллельных прямых Евклида.

Аналогичным образом дело обстоит и еще с одной принимаемой Вадимом Розиным оппозицией «номотетический подход» — «идеографический подход». Эта оппозиция между «типичным» и «уникальным» в психологии личности только расширяет опасную пропасть между общей психологией личности и дифференциальной психологией индивидуальности. Вначале неосознанно, а затем осознанно я стремился в книге «Психология личности» прорваться через стереотип противопоставления «номотетической» объяснительной психологии и «идеографической» понимающей психологии. Завершена ли в книге эта попытка? Конечно, нет. Но этот мотив, еще более окрепший благодаря идеям Д.Б. Эльконина о неклассической психологии, и в будущем будет придавать смысл поискам в психологии личности.

И конечно же, сегодня я без горечи повторю слова Ф. Брентано, что нет одной психологии, а есть множество психологий. И это *множество психологий есть норма неклассической научной картины мира*, той картины, к которой мы стремимся, порождая мифологии в психологии, да и в реальности уже родившегося XXI века.

Приложение 3

Психология как конструирование миров

Психология «обыкновенного фанатизма»

Тысячелетия глядят на нас с надеждой, что мы не озвереем, не станем сволочью, рабами паханов и фюреров.

Аркадий Стругацкий

Каким наш век войдет в историю? Веком физики, генетики и освоения космоса? Веком толп? Веком фанатизма, геноцида, ксенофобии и человекофобии? Веком борьбы с инакомыслием или веком отстаивания толерантности, свободы и достоинства?

Эти отнюдь не риторические вопросы требуют своего решения. Волны моральных эпидемий, национальных и религиозных конфликтов, информационных и психологических войн, страхов, убийств людей только за то, что они — иные, принадлежащие к другой нации, религии, партии или стране, на пороге тысячелетий поразившие как Россию, так и другие страны планеты, не позволяют отнести поставленные вопросы к сфере чисто интеллектуальной гимнастики.

Я далек от того, чтобы утверждать, что Россия подошла к той черте, перешагнув которую она превратится в страну фанатиков. Но цепь событий новорожденного тысячелетия вынуждает попытаться набросать психологический портрет фанатизма.

Фанатичное общество: манкурты, зомби и другие

Сознанию, взращенному современной цивилизацией, как-то спокойнее, когда фанатизм ассоциируется либо с легендами и мифами, либо с отдаленным прошлым, либо,

если речь заходит о днях нынешних, с другими, отгороженными от России материками и странами.

Фанатизм в легендах, бытующих в советской литературе, пожалуй, наиболее точно выражен легендой о манкуртах в мудро-грустном романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок (И дольше века длится день)». По казахским поверьям, жестокие варвары с помощью особой мучительной операции над мозгом стирали память пленника и превращали его в живое чучело прежнего человека. «Манкурт не знал, — повествует Чингиз Айтматов, — кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери, — одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом... Он был равнозначен бессловесной твари и поэтому абсолютно покорен... Порученное дело исполнял слепо... Повеление хозяина для манкурта было превыше всего». Когда в легенде мать отыскивает своего сына-манкурта, он по велению хозяина без колебаний пронзает ее сердце стрелой. Образ манкурта, переданный Чингизом Айтматовым, был настолько убедителен, что сошел со страниц произведений и поселился в массовом сознании. Мы стали бояться распознать манкурта в самих себе, заговорили о манкуртизации как идеологической фабрике беспамятных роботов в СССР, как правило, старательно обходя сам термин «фанатик».

В мифах и ритуалах фанатизм порой связывается с образом «зомби», оживающими мертвецами. Эпиграфом к яркой и, к сожалению, почти не замеченной статье писателя Виктора Пелевина «Зомбификация» служат слова этнографа Уэйда Дэвиса, занимавшегося изучением на Гаити ритуала религии Вуду — магического убийства с последующим воскрешением жертвы и использованием ее, как и манкуртов, в качестве рабочей силы: *«Зомбификация всегда казалась мне страшнейшей из судеб».*

Виктор Пелевин абсолютно точно показывает, что для совершения ритуала зомбификации нужен не только особый токсичный яд, но и особый, существующий в рамках определенной культуры психологический фон, набор социальных установок и ожиданий, специально разработанных *культурных психотехнологий.*

С горькой иронией он описывает зомбификацию нормальных людей, которые при разборе персонального дела в комитете ВЛКСМ становились одержимыми исполнителями ритуала, утрачивали свое «Я», как бы переживали кратковременную Вуду — смерть. Как и образ манкурта, образ зомби из далеких краев переселился в обыденное европейское сознание. То тут, то там приходится слышать, как слепое поведение одержимого человека или даже целых социальных групп, тех или иных политических сект сравнивают с поведением зомби. Как мы видим, символы фанатичного поведения, как бы их ни прятали в легенды или мифы, увы, все чаще становятся востребованными в нашей повседневной жизни.

Но мы продолжаем искусно защищаться от фанатизма. Фанатики поселяются нами, как учит школа, в прошлом, в Средневековье. Там сжигают еретика Джордано Бруно. Они смотрят с вызывающих трепет вакханалий на полотнах Босха, Брегеля или Гойи. Или же фанатики учиняют геноцид своего народа в Кампучии, приводят к власти в Иране жесткий фундаменталистский режим, устраивают «культурную революцию» в маоистском Китае. Куда реже фанатиками именуют подражающих инквизиторам членов ку-клукс-клана — тайной расистской организации в США с полуторавековым террористическим стажем. И уже совсем редко к фанатикам причисляют гитлеровских национал-социалистов или фашистов Муссолини.

Что же касается России, то даже внешние и внутренние оппоненты Советского Союза при описании советского периода российской истории предпочитают говорить о культе личности, «красном терроре», коммунистической империи, тоталитарном режиме, командно-административной системе, избегая характеристики советского общества как фанатичного. Ведь поставить разноликому обществу однозначный диагноз «фанатичное» — это куда опаснее, чем окрестить общество больным.

Назвать целое общество «фанатичным» — это значит признать, что в нем предрассудки преобладают над разумом, суеверия — над верой, слепое послушание — над критическим независимым мышлением, гипнотическое внушение — над зна-

нием и пониманием, иррационализм — над рационализмом, массы— над народом,демагогия — над демократией. Весь спектр этих характеристик дополняет точное определение фанатизма в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, лишний раз подтверждающее мысль о языке как культурной психологии народа: «Фанатизм — изуверство; грубое упорное суеверие замест веры; преследование разномыслящих именем веры. Фанатик, изувер. Фанатическое гонение».

Почему общество страдает слепотой по отношению к проявлениям фанатизма и скорее предпочтет назвать себя больным, чем фанатичным? При каких обстоятельствах возрастает готовность к фанатизму как у отдельных людей, так у больших и малых социальных групп? Как видит современная психология ***профиль личности фанатика***, его наиболее типичные характерологические черты?

Не рядите фанатиков в безумцы

Заметили ли вы, с какой легкостью в либеральных средствах массовой информации мелькали высказывания, интеллигентно касающиеся психического здоровья некоторых политиков, проповедующих национализм, ксенофобию и мигрантофобию? Мол, с больного что возьмешь. Выступления этих политических фанатиков списывают за счет аффекта, овладевшего ими. Психологические истоки беспокойства об их здоровье лежат вовсе не в заботе об их состоянии, а прежде всего в мощной психологической защите общества от подтачивающих его проявлений фанатизма, защите и самим обществом, и отдельными личностями самих себя.

Психологам хорошо известно, что когда люди навешивают обвиняемому в тех или иных агрессивных действиях, попытках принизить или убить другого человека только за то, что он отличен по политическим, этническим или религиозным признакам, ярлык «безумца», «психа», «шизофреника», то сразу же отделяют этого «неправильного» человека от себя самих — правильных и добропорядочных. Мы — норма, а он — патология. Иными словами, при встрече с фанатиком срабатывает механизм психо-

логической защиты — «механизм отчуждения», вследствие которого люди рядят фанатика в безумца. Но, увы, одно из правил психологии гласит: «*Люди, творящие безумства, вовсе не обязательно безумны*». И мало кто полностью застрахован от того, чтобы под давлением определенных социальных обстоятельств и травм, пережитых в своей жизни, перейти прорытый благодаря механизму отчуждения ров в сознании между человеческими идеалами и фанатичными идолами, бытовыми предрассудками личности и ксенофобией, превратиться в фанатика, человека, творящего безумие и не являющегося безумным.

Напомню, что в те самые годы, когда Марина Цветаева писала: «Германия. Безумие. Безумие творишь», немцы не чувствовали себя безумными. Внешне «фрау Мюллер», проводившая утром мужа и обнявшая своих детей, буднично занимающаяся регистрацией лиц неарийского происхождения перед отправкой в лагеря смерти, не воспринимается ни безумной, ни фанатичной. Впрочем, как и поголовная регистрация лиц неарийского происхождения не воспринимается самой фрау Мюллер как звено в цепи тотального политического террора. Это повседневная работа. Это Порядок. И не более. В национал-социалистической Германии политический фанатизм стал нормой общественной жизни, а тотальный политический террор — обыденным средством решения государственных задач.

Сезон фанатизма

При каких же обстоятельствах в истории наступает сезон политического фанатизма? Как правило, стрелка барометра ксенофобии начинает, подрагивая, смещаться тогда, когда нарастание социально-экономической нестабильности в обществе пробуждает национальные и религиозные предрассудки, унаследованные исторической памятью народа и ждущие в коллективном бессознательном своего часа. В периоды социальных катаклизмов и экономических кризисов, политической и интеллектуальной конкуренции фанатичные предрассудки могут как стихийно оказывать влияние на поведение

людей, так и преднамеренно употребляться различными лидерами и группами для достижения своих целей.

Американские социологи обратили внимание на тот факт, что рост количества судов Линча над неграми в период между 1882 и 1930 гг. можно было с легкостью предсказывать на Юге США, если знать ежегодную цену на хлопок. Стоило цене на хлопок упасть, и количество линчеваний возрастало.

Фабрика фанатиков как социальная индустрия ксенофобии

В отличие от злоумышленников поневоле, в незавидной роли которых выступают то мечтающие о демократических свободах политики, то представители либеральных и умеренных СМИ, тиражирующих социальные стереотипы ксенофобии, антисемитизма, нацизма, четкую программу социального конструирования фабрики фанатиков осуществляют политические лидеры и идеологи различных национал-патриотических движений. В России на полную мощь уже в течение многих лет работает необъявленный «всеобуч ксенофобии». Такие газеты, как «Завтра», «Русский порядок», «Лимонка» и т.п., всячески стараются выступить в роли коллективного Кашпировского, обильно используют социально-психологические технологии внушения, политической демонизации, направленные на формирование образа врага в самых глубинах бессознательного личности. Чем больше обвинений в заговорах, бесовщине, чем нелепее и дальше от логики — тем лучше. Охота на ведьм дает возможность многим страдающим комплексом неполноценности людям почувствовать себя охотником, а не жертвой. Социальная церемония охоты на ведьм, испытанная веками и оснащенная новейшими информационными технологиями, «прогресс во имя мракобеса», рождает безличное групповое сознание. Сознание толпы, подменяющее сознание народа.

Было бы предельно наивно и психологически неверно относить к разряду фанатиков большинство режиссеров социальной индустрии ненависти и обезличивания. Идеология радикальных национал-патриотических движений — это

как раз тот случай, когда разум технично эксплуатирует предрассудки, а не предрассудки господствуют над разумом. *Для них национальный экстремизм и ксенофобия — прежде всего рациональные средства борьбы за власть.* Любовь или ненависть к евреям, как и к «лицам кавказской национальности», для этих политических лидеров вполне может оказаться явлением второстепенного порядка. Но стоит этим опытным демагогам (подчеркну, что демагогия здесь — не негативная характеристика, а обозначение политического стиля общения) проявить симпатию к РНЕ или стать рьяными борцами с сионизмом, как произойдут две вещи: политическая ксенофобия перерастет из индивидуального предпочтения в проявление административной ксенофобии, тем самым сделав заявку на распространение государственной ксенофобии на политической карте России; симпатия, даже нейтралитет губернатора или мэра по отношению к экстремистским движениям откроет шлюзы для активного фанатичного сознания у отдельных личностей и социальных групп, не нашедших места в мире и испытывающих ущемленность, комплексы неполноценности. Особенно подвержены психологическому механизму заражения фанатичными установками подростки, возраст которых неслучайно называют возрастом «бури и натиска», поиска и обретения своего «Я».

Авторитарная личность: мотивационный профиль

Все эти моменты и определяют в культуре социальный раствор, в котором идет кристаллизация личности с особыми чертами характера — личности фанатика. *Фанатик — это раб предрассудка, ставшего монопольным мотивом личности, ключевой всепоглощающей линией жизни.* Иногда личность фанатика называют — вслед за Эрихом Фроммом и Теодором Адорно — «авторитарной личностью».

Фанатик воспринимает себя как орудие неких высших сил. Он избран этими силами, чтобы одержать верх над инакомыслящими, которых расценивает как средоточие всех зол человечества и виновников своих личных катастроф.

Авторитарная личность отличается тревожностью, враждебностью к представителям иных этнических, рели-

гиозных и политических групп. Она склонна приписывать собственную жестокость и агрессию представителям этих групп, искать козлов отпущения.

Люди, относящиеся к авторитарным личностям, всегда готовы последовать за демагогами, которые, пользуясь суженностью и слепотой их сознания, направляют их ненависть на вполне осязаемые человеческие мишени, на людей иных национальностей, религий и идеологий. Весьма знаменательно то, что люди, которые, по данным социально-психологических опросников, были отнесены к категории авторитарных личностей, в США и на пространстве бывшего СССР обнаружили разные тенденции: в США — к антикоммунизму; в бывшем Советском Союзе — к свержению демократии и восстановлению коммунистического режима. Обе группы при разном идеологическом содержании установок объединяет приверженность к радикальным, традиционным для их обществ ценностям и склонность к подчинению различным демагогическим лидерам.

Формовка авторитарных личностей начинается, казалось бы, с мелочей: *с использования нацистских приветствий, фашистской символики, которые влекут за собой формирование программ сознания, открывающих путь к самым агрессивным действиям. Нацистские ритуалы*, как и ритуалы Вуду, лишь *один из психологических инструментов овладения сознанием.*

Другой распространенный прием — это *восприятие жертв агрессии как «нелюдей»*. Феномен оценки жертв как «нелюдей» фактически выступает как отпущение греха за убийство. Многие немцы во время войны не чувствовали себя причастными к катастрофе Холокоста, так как они воспринимали евреев как «нелюдей». Такое же восприятие наблюдалось у американских солдат во Вьетнаме.

И наконец, третье мощное психологическое орудие, провоцирующее превращение убийства и жестокости в *норму поведения, — это «группомыслие»:* демагогические лидеры принимают решение, а члены их групп, религиозных или политических сект, безропотно, как манкурты и зомби, исполняют эти решения, не чувствуя за них ответственности, к каким бы варварским последствиям они ни приводили.

Вот далеко не полный перечень черт психологических механизмов и технологий, которые рождаются с помощью магии, идеологии и... той педагогики, которую во Франции именовали «педагогикой шовинизма». Пожнем ли мы плоды этих идеологий и «строевых» педагогик, этих социальных фабрик фанатизма? Придется ли нам в очередной раз убедиться, что *куда легче расщепить атом, чем преодолеть человеческие предрассудки* (Гордон Олпорт)? Но человечество обучаемо, хотя процесс обучения идет медленно. И я верю, что чувство осязаемости психологии фанатизма поможет избежать еще одного известного эффекта — эффекта страуса при встрече с фанатизмом в новом тысячелетии.

Как закалялась... «Молодая гвардия»: историческая травма утраты смысла жизни

Один из ключевых вопросов становления гражданского общества — это вопрос об отношении новых поколений, новых идей, новых ценностей к тем людям, которые исповедовали другие ценности, веровали в другие идеалы.

Несколько лет назад вся острота этого вопроса еще раз обожгла меня, когда я прочел письмо сестры одного из молодогвардейцев, в котором речь идет не просто о забвении хрестоматийного для моего поколения романа Александра Фадеева «Молодая гвардия», а о равнодушии к страданиям ее родного брата, замученного фашистами во время Великой Отечественной войны. По большому счету сестра молодогвардейца утверждает, что реформы девяностых годов обесценили жизнь многих поколений людей, выросших в Советском Союзе. Можно ли двигаться к гражданскому обществу, щедро сея межпоколенческую нетерпимость?

Когда слышишь обвинения сестры одного из молодогвардейцев в адрес реформаторов, демократов и либералов, то всем своим существом понимаешь истину: *никогда исторической правде не удастся превозмочь правду личной судьбы*. Никогда ссылками на поступь его величества прогресса, безжалостность любых войн и любых революций, формулу «во имя государства... именем его» не оправдать не только смерть веривших в праведность своего дела таких героев, как Олег Кошевой, Александр Матросов, Павел Коган, Николай Майоров, Михаил Кульчицкий, сотни тысяч других солдат и поэтов, но и драму нескольких поколений жителей страны «обыкновенного социализма», которых наше беспощадное общество день за днем, год за годом приговаривает к самому тяжкому из испытаний — *испытанию утраты смысла прожитой и проживаемой жизни*.

Где найти силы жить, когда у тебя отнимают сам *смысл смерти* родного брата, понимание того, что он страдал,

боролся и погиб не зря. Как выстоять, когда на твоих глазах распадается связь времен и святая память подменяется бесцветным беспамятством. Многие представители старших поколений бросают вызов нашему времени: «За что вы с нами все это сделали?»

И сколько бы сегодня ни рассказывали вслед за Александром Исаевичем Солженицыным о ГУЛаге, какие бы неоспоримые факты ни приводили о миллионах жертв, психологически задушенных в идеологических газовых камерах «обыкновенного социализма», как бы ни повторяли на экранах «Покаяние» Тенгиза Абуладзе или «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма, сколько раз ни напоминали бы о казнях по статье «за недоносительство на родителей»... люди из поколения «молодогвардейцев» если даже и услышат правду об «обыкновенном социализме», скорее всего не пропустят ее в свои души. Да, скажут некоторые из них, может быть, все это и было... Но... как бы в других мирах. В других реальностях. При нас.., но не с нами.

Дело в том, что среди поколений людей, родившихся в двадцатых, тридцатых, сороковых и пятидесятых годах, по своему психологическому складу немало «молодогвардейцев». Немало, процитирую классика социалистического реализма Александра Александровича Фадеева, фантазеров, которые поначитались книг и не учли, что их ожидает.

И действительно, поколение «Молодой гвардии» закалялось, читая «Как закалялась сталь» Николая Островского. Оно, как парнишка из Гренады Михаила Светлова, готово было идти воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать. Оно, как Мальчиш-Кибальчиш Аркадия Гайдара, верило, что нужно день простоять да ночь продержаться, чтобы пришла Красная Армия... Верило и опрокинуло наступающие на человечество фашизм и нацизм *с их идеологией расчеловечивания, превращения убийства людей другой страны, другой нации, другого взгляда на мир только за то, что они другие, Иные, в норму «обыкновенного поведения».*

Поколение «молодогвардейцев» уберегло цивилизацию от рабства тоталитарного сознания, от национал-социа-

лизма, с которым, увы, как и в наши дни, заигрывали такие «нефантазеры» из умудренной прагматичной Европы, как Папен — в 1933 г., Черчилль — в 1939 г. и, наконец, подписавший в 1939 г. пакт с Адольфом Гитлером Иосиф Сталин. Трудно даже в страшных снах подглядеть, во что бы выродилось человечество, если бы не эти начитавшиеся книжек «фантазеры» из поколения «молодогвардейцев».

Но то же поколение по детским журналам «Уж» и «Еж» вынужденно училось тому, по каким признакам пионеры должны распознавать врагов народа. И оно вместо образа родного отца на уровне социальной психофизиологии, фактически «идеологических рефлексов» сызмальства впитывало, что Великий Отец (Ленин, Сталин... Вождь) важнее родного отца и родной матери. Это же поколение через книги, написанные все тем же Александром Александровичем Фадеевым, ученые труды академика Трофима Денисовича Лысенко, философские откровения Жданова с букварей вбирало в сознание то, что «если враг не сдается — его уничтожают», «лес рубят — щепки летят», «кто не с нами, тот против нас»...

И Павел Корчагин, и Павлик Морозов закаляли поколение «Молодой гвардии». Они выплавляли, как бы сказал психоисторик, *уникальный психотип советского человека.*

Но напомню, что дважды два равняется четыре, что есть социально-психологический тип череды поколений советских людей и есть Люди, личности которых даже в самые тоталитарные эпохи, в самое безвыборное время делают свой личностный выбор. И когда я говорю эти очевидности, то опираюсь не на правду истории, а на правду личной судьбы. Своей собственной.

А в этой судьбе мой отец, Григорий Асмолов, родившийся в 1906 г. и всю жизнь остававшийся человеком, верующим в победу света над тьмой. Верил... в 20-х годах, когда моряком на крейсере «Червона Украина» вместе с Демьяном Бедным и Матэ Залкой создавал литературную организацию армии и флота и на том же крейсере сопровождал изгоняемого Льва Троцкого в Турцию. Верил... в 30-х годах, когда возглавлял всю энергетику Юга России

и вместе с Никитой Изотовым во время встречи со Сталиным и Кагановичем пытался прекратить репрессии НКВД против шахтеров и инженеров в 1937-м. Верил... в 50-е годы, что возводимые им Братская и Красноярская ГЭС... дадут электрификацию всей страны. Воспитанный на «Красных дьяволятах», он водил меня в 70-х на «Неуловимых мстителей»...

В моей судьбе и писатель Владимир Тендряков, родившийся в 1923 г., муж сестры, который называл меня младшим братом. Именно он, человек поколения 20-х годов, человек, прошедший войну, каждым своим произведением взламывал двойную мораль тоталитарного «обыкновенного социализма», помогал многим из моего поколения, рожденным сразу после войны, в 50-е, и жившим в эпоху безличности Леонида Брежнева, не стать слепыми фанатиками и увидеть образ свободного гражданского общества.

В моей судьбе немало и других удивительных людей, которые закалялись в те же годы, что и поколение «Молодой гвардии», и которых, поверьте, я так же люблю, как любит молодогвардейца его сестра. И, как это ни парадоксально, я уверен, что люди, в которых верят последователи молодогвардейцев, и люди моей личной судьбы, при всей их разноликости, если бы обратились к нашему времени, то сказали бы: «*Те, кто обессмысливает жизнь прошлых поколений, рано или поздно столкнутся с трагедией обессмысленности собственной жизни*». А это, поверьте, морозней и хуже смерти.

Поверьте и в то, что не будет свободы, достоинства и гражданского общества в стране, которая равнодушно наблюдает, как целые поколения людей превратились в «плачущих большевиков». А мы, завороженные экономическими реформами, не замечаем, что попросту и психологически, и человечески отняли у них... смысл жизни. И тем самым поощряем размножение в питательном растворе отчаяния национал-патриотических сект, которые умело занимаются политической психотерапией, сулят к завтрашнему дню

вышить «националистический рай» людям, потерявшим смысл жизни. Смысл не будущих, а прожитых лет.

Я склоняю голову перед героизмом и страданиями людей, своей жизнью продолжающих отстаивать *смысл социального бессмертия* поколения молодогвардейцев. В их голосах — правда личной судьбы; правда непереносимой горечи поколения «Молодой гвардии», многих из которых люди конца XX и начала XXI в. по умыслу или без умысла казнили *утратой смысла прожитых лет.*

В их голосах и правда тревоги за новое поколение. Поколение «новых молодых», сознание которых начало высвобождаться из плена тоталитарного «обыкновенного социализма». Поколение, которое, смею надеяться, предпочтет, подобно Эзопу, вместо того чтобы влачить свое существование в идеологическом рабстве, пр́опасть для свободного человека. Поколение, которое, если ему не помочь вылечиться от беспамятства и исторической травмы межпоколенческой нетерпимости, рискует не обрести своего смысла в жизни, не найти свое «Я» в стране, которая имеет шанс стать страной гражданского общества.

Практическая психология и проектирование вариативного образования:

от парадигмы конфликта — к парадигме толерантности

Весна 2003 г. по праву вошла в историю нашей науки под именем «психологической весны»[1]. В мае этого года вопросы прошлого, настоящего и будущего психологии обсуждались как на III Всероссийском съезде практических психологов образования, так и на международной конференции «Теория деятельности: фундаментальная наука и социальная практика», посвященной столетию со дня рождения классика отечественной и мировой психологии А.Н. Леонтьева.

Эти события случайно совпали во времени и совсем не случайно встретились в пространстве мышления методологии и логики науки (см. об этом: *Асмолов*, 1990, 1993, 1999, 2003). Дело в том, что именно пятнадцать лет назад родился замысел *Проекта организации практической психологии образования* как продолжения системы идей школы культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева. Будучи приглашенным в мае 1988 г. председателем Государственного Комитета СССР Г.А. Ягодиным на должность Главного психолога Гособразования СССР, я принял это предложение, взяв за основу для организации системы практической психологии образования в СССР положения Л.С. Выготского о практике как ключе к преодолению психологического кризиса, а также небольшую яркую работу Л.С. Выготского «Основные положения плана педологической исследовательской работы в области трудного детства», опубликованную в 1929 г. в журнале «Педология». Процитирую далее мысль Л.С. Выготского, которая выступила и выступает

---

[1] В основу статьи положен пленарный доклад на III Всероссийском съезде практических психологов образования в мае 2003 г.

для меня как «точка опоры» при разработке *Проекта организации практической психологии образования*:

«Отношение академической психологии к прикладной до сих пор остается полупрезрительным как к полуточной науке. Не все благополучно в этой области психологии — спору нет; но уже сейчас даже для наблюдателя по верхам, то есть методолога, нет никакого сомнения в том, что ведущая роль в развитии нашей науки сейчас принадлежит прикладной психологии...

...Как о философии, отвергнутой эмпиризмом, так и о прикладной психологии можно сказать: камень, который презрели строители, стал во главу угла.

...Здесь (через психотехнику, психиатрию, детскую психологию, криминальную психологию) психология *впервые* столкнулась с высокоорганизованной практикой — промышленной, воспитательной, политической, военной. Это прикосновение заставляет психологию перестраивать свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой. Она заставляет усвоить и ввести в науку огромные, накопленные тысячелетиями запасы практически-психологического опыта и навыков, потому что и церковь, и военное дело, и политика, и промышленность, поскольку они сознательно регулировали и организовывали психику, имеют в своей основе научно неупорядоченный, но огромный психологический опыт.

...Нельзя преувеличивать значение новой практической психологии для всей науки: психолог мог бы сложить ей гимн» (*Выготский*, 1982, с. 387).

Эти мысли Л.С. Выготского оказались пророческими. Беру на себя смелость утверждать, что за 15 лет развития системы практической психологии образования во многом благодаря энергии и молодости этого направления психологии изменился *социальный статус психологии в обществе*. И в этом смысле психология действительно должна сложить гимн новой практической психологии образования.

За 15 лет истории практической психологии образования произошло немало изменений: изменилась *страна*, в которой мы живем, изменилось *образование* и изменилось

общество. Рожденная на пике перестройки в Советском Союзе, практическая психология образования пережила Советский Союз, став неотъемлемым компонентом системы образования России. Напомню, что 15 лет — это подростковая пора, когда наступает самое время задавать вечные для этого периода жизни вопросы: «В чем смысл моего появления на свет? Кто я такой? Каковы перспективы моего будущего пути?»

Именно на эти ценностные смысловые вопросы о миссии практической психологии на разных этапах ее пути, точнее, разных линиях ее развития за 15 лет я попытаюсь дать ответ.

В недолгой истории практической психологии образования могут быть выделены три вектора развития.

Первый вектор: ***рождение психологии как социальной практики образования.*** В ходе разработки этого направления *Проекта организации системы практической психологии* образования в СССР и России было необходимо, во-первых, *сформировать запрос* на практическую психологию в системе образования, и прежде всего в системе управления образованием, в сознании управленцев разного уровня; во-вторых, заложить основы *психологической культуры* учительства; в-третьих, приступить к *превращению практической психологии образования в новую интегральную самостоятельную отрасль психологии, а практического психолога — в новую самостоятельную профессию.* Задачи первого направления продолжают быть актуальными и по сей день, а его пик пришелся на 1988—1992 гг.

Второй вектор: ***становление практической психологии как методологии конструирования вариативного образования.*** На этом этапе практическая психология взяла на себя миссию смены системы образования в целом, перехода *от унитарной обезличенной дрессурной модели образования — к модели вариативного развивающего мотивационно-смыслового образования.* По сути, практическая психология замахнулась на роль социального архитектора *доктрины либерального вариативного образования, превращения образования в институт социализации индивидуальности.* Именно в этот период утверждается взгляд на *образование как социальный*

институт поиска индивидуальных траекторий развития человека. Сама вариативность образования становится (и по сей день остается) лакмусовой бумажкой колебаний регресса и прогресса в образовании, мерилом того, имеем ли мы дело с модернизацией образования или игрой в модернизацию, за которой стоит возврат к поголовной стандартизации образовательных программ и обезличиванию подрастающих поколений. Пик этого направления практической психологии как методологии конструирования вариативного образования приходится на 1994—1997 гг.

Третий вектор: ***практическая психология толерантности как идеология консолидации общества***. Это направление развернулось совсем недавно, юридически — в мае 2000 г., и пока еще, как и любая начальная стадия развития нового дела, слабо рефлексируется политиками и управленцами. Воплощением этого направления стала первая в России либеральная гуманистическая федеральная программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001—2005 гг.)», официально принятая 25 августа 2001 г. Правительством России. В ходе разработки этого направления *практическая психология выходит за границы образования в общество и дерзко претендует на мировоззренческую идеологическую роль, роль конструктора толерантного образа жизни как социального обеспечения согласия и доверия непохожих и разных людей. Афоризмы «позволь другим быть другими», «влюбленным можешь ты не быть, но толерантным быть обязан»* становятся первыми знаками перехода в сознании от мира, где правит конфликт, где борьба возводится в наивысшую добродетель, — к миру поиска согласия, кооперации, симбиоза, сопереживания и взаимопомощи. Именно при развитии этого третьего направления приоткрывается глубинный смысл конкретной практической психологии свободного человека, о создании которой мечтал Л.С. Выготский. Именно здесь проявляется мировоззренческое ценностное различие между двумя психологиями: *манипулятивной безличной психологией выживания в*

тоталитарном обществе, обществе «сделанных голов» (А.Н. Леонтьев), и *культурно-исторической деятельностной психологией жизни как проектом строительства гражданского либерального общества, уважающего право другого человека быть другим.*

Сразу же оговорюсь, чтобы быть правильно понятым: и «*психология выживания*», и «*психология жизни*» имеют свое право на место под солнцем. Первая, как и многие другие общественные науки, относится, по меткому замечанию известного философа М. Фуко, к «фискальным наукам» и выполняет функцию обслуживания социального контроля в повседневном наблюдении государства за поведением своих подданных (*Асмолов*, 1993). В рамках культуры полезности социологические опросы выполняют функцию социологических допросов, а социально-психологические опросники превращаются в «допросники». В результате, однако, подобные психология и социология подводят своего «социального хозяина» (диктатора, лидера тоталитарной системы), так как начинают плохо справляться с предначертанной для них фискальной функцией. Вместо социологического и психологического мониторинга реальных ситуаций они преподносят «хозяину-государству» то, что он хочет услышать, функционируют по принципу плохого приказчика «чего изволите» и не справляются с задачами социального контроля в государстве. Вместе с тем фискальные социология и психология могут быть весьма успешны для тех, кто ищет прагматического утилитарного успеха. Они могут снабдить набором рецептов в стиле *манипулятивной психологии Д. Карнеги* тех, кто, по выражению Э. Фромма, хочет «*обладать многим*», но не может и не смеет «*быть многим*». *Схема образования как института социализации личности и ресурса развития общества*, ориентирующегося либо на методологию психологии жизни, либо на методологию психологии выживания, приведена в таблице на с. 506.

Итак, три вектора социальной биографии практической психологии образования как бы символизируют линии «психологии как социальной практики образования», «практической психологии как методологии конструиро-

вания вариативного образования» и «практической психологии как идеологии консолидации общества». Они тесно переплетаются, накладываются друг на друга, а не являются параллельными прямыми.

Исторически первое направление *«психологии как социальной практики образования»* документально отражено в ставшем уже реликвией сборнике материалов Государственного комитета СССР по образованию «Практическая психология — основа индивидуализации и дифференциации образования» (1991). В настоящее время, обсуждая практическую психологию образования, мы столь привычно говорим о практической психологии, что начинаем напоминать мольеровского мещанина во дворянстве, который только в конце жизни с удивлением обнаруживает, что всю жизнь говорит прозой.

Между тем и сам термин «*практическая психология образования*», и сами *практические психологи образования как мастера по неодинаковости личности* родились только в 1988 г. и были узаконены решением Коллегии Гособразования СССР «О первоочередных мерах по подготовке практических психологов для учебно-воспитательных учреждений» № 6/3 от 19 июня 1988 г. Это решение было инициировано председателем Гособразования СССР Г.А. Ягодиным, а подготовлено мною совместно с И.В. Дубровиной, В.А. Иванниковым, Ю.М. Забродиным, А.И. Подольским и Е.С. Романовой.

Введение понятия «практическая психология образования» в отличие от понятия «школьная психология» в методологическом и нормативно-правовом плане исходно означало превращение психологии в неотъемлемый компонент всей системы образования, а не только школы как одного из общеобразовательных учреждений. В ноябре 1988 г. в подготовленном совместно с В.Д. Шадриковым приказе «О переподготовке практических психологов для учебно-воспитательных учреждений» направление науки, техники и технологии высших учебных заведений «Практическая психология в системе образования» было узаконено как новое и перспективное. В результате уже в 1988 г. в СССР были открыты первые

Образование как институт социализации личности и

Тип культуры	Образ потребного будущего	Ценностные установки культуры	Образовательная парадигма	Цели образования	Среды обитания
КУЛЬТУРА ПОЛЕЗНОСТИ	Моноцелевой образ (тоталитаризм; фундаментализм)	Выживание, равновесие, адаптация, потребление, эксплуатация, манипуляция («Обладать многим»)	Унитарная, ориентация на дрессуру, усвоение «знаний, умений, навыков»	Безопасность, конформизм	Стационарный мир
				Комфортность, адаптация к типовым ситуациям, узкая специализация	Мир как набор шаблонов
КУЛЬТУРА ДОСТОИНСТВА	Полицелевой образ (гражданское либеральное, демократическое, толерантное, открытое общество)	Развитие, поиск, ориентация на индивидуальность, свобода («Быть многим»)	Вариативная, развивающая, смысловая	Формирование целостной картины мира, обеспечивающей решение проблем в широком круге неопределенных ситуаций; универсализация, саморазвитие личности как условие достижения разнообразия популяции, увеличение мобильности популяции в эволюционном процессе	Изменяющийся коммуникативный мир

Таблица

ресурс развития общества в контексте разных культур

Виды поведения	Способы достижения	Характер управления	Эффект для культуры	Прогноз в ситуации кризиса
Реактивный	Набор встроенных стандартных, видотипичных программ поведения; ритуалы	Детерминистский, административно-командный, директивный, «распределительный», мобилизационный, ориентация на функционирование и оперативное планирование	Сохранение культуры в условиях стационарного мира	Деградация культуры
Репродуктивный	Использование схем прошлого опыта, перебор в памяти существующих вариантов решения задач; традиция		Простое воспроизводство культуры	Высокая вероятность инволюции в критических ситуациях
Проблемно-поисковый, креативный	Преобразование мира, порождение новых целей и задач, тенденция к постановке сверхзадач; инновация	Вероятностный, управление качеством, управление рисками, программно-целевой, ориентация на развитие; стратегическое вероятностное прогнозирование	Расширение возможностей развития общества и личности	Повышение конкурентноспособности общества и личности в критических ситуациях, рост разнообразия культур

специальные факультеты в Московском, Ленинградском, Ростовском, Тартуском, Тбилисском, Харьковском государственных университетах, а также в Московском, Ленинградском, Минском, Пермском, Таллиннском и Ярославском государственных педагогических институтах. Появилась система подготовки «девятимесячников» (девятимесячных программ переподготовки практических психологов для образовательных учреждений). Обращаю особое внимание, что она появилась только в тех вузах, где были научные психологические школы. В первых учебных планах спецфакультетов нам необходимо было перейти *от человекознания к человековедению*, к методологии, ремеслу и искусству подготовки практических психологов как психологов, преодолевающих барьеры детской, возрастной, социальной, педагогической, клинической психологии и других «частных психологий». Нас обвиняли в психологическом фельдшеризме. Но *было жизненно необходимо, чтобы не только психологи шли в народ, а чтобы учителя, «народ» пошел в психологию.* И это произошло.

В период с 1988 по 1992 г. нами был введен еще ряд нормативных изменений в язык управления образованием. Так, началась разработка совместно с В.И. Лубовским и Н.Н. Малофеевым положений о «*психолого-медико-педагогических комиссиях*» и «*психолого-медико-педагогических консультациях*» взамен «медико-педагогических комиссий»; совместно с Ю.М. Забродиным взамен Центров профориентации молодежи Центров *профориентации и психологической поддержки молодежи*; совместно с В.А. Иванниковым разрабатывались первые документы о *комплексной службе социально-правовой и психолого-медико-педагогической помощи детям и подросткам.* С изменением названия менялись статус и направленность в деятельности всех этих управленческих структур и организаций.

В языке управления того периода произошло еще два немаловажных новообразования: «психолого-педагогическая подготовка» и «психолого-педагогическая наука». Тогда появились первые факультеты, названные «психо-

лого-педагогическими». Именно интегральная практическая психология образования как психолого-педагогическая наука воплотилась нами тогда в государственных целевых комплексных программах: «Одаренные дети» («Творческая одаренность»), «Социально-психологическая поддержка, обучение и воспитание детей с недостатками умственного и физического развития», «Дети Чернобыля» и ряде других.

Все эти программы способствовали развитию *диагностики, тестирования, консультирования, коррекции, реабилитации как элементов системы практической психологии образования*, изменению социального статуса психологии в образовании, прочной прописке практической психологии в сознании управленцев, росту влияния психолого-педагогической науки в принятии управленческих решений.

Старт *второго направления* разработки Проекта организации системы практической психологии образования условно может быть связан с 1991 г. Этот второй вектор — *«практическая психология как методология конструирования вариативного образования»*. В 1991 г. само понятие «вариативное образование», резко и намеренно введенное вместо понятия «альтернативное образование», было впервые проанализировано нами в статье «Над пропастью без интеллекта: Рубенс против Дюрера», метафорично показывающей наивность оппозиции одних программ обучения другим: традиционных учебников по физике — учебникам И.К. Кикоина, традиционных букварей — «Букварю» Д.Б. Эльконина и т.п.

Кульминационным моментом признания вариативного образования как стратегии развития образования в России стала расширенная коллегия Минобразования России и Московского департамента образования, состоявшаяся в мае 1994 г. На этой коллегии были намечены ценностные и методологические ориентиры вариативного образования. В выступлениях на майской коллегии 1994 г. психологи В.В. Давыдов, А.В. Петровский, В.В. Рубцов поддержали меня и *отстояли идеологию вариативного развивающего образования, основанного на методологии культурно-исторической психологии*. Именно *тогда произошла*

реабилитация педологии. Именно в тот период была намечена *перспектива культурно-исторической педагогики развития, вариативной психодидактики, лечебной педагогики, детской нейропсихологии, которые успешно создавали Е.А. Ямбург, Л.С. Цветкова, Т.В. Ахутина, А.А. Цыганок и другие*, взяв лучшее из фундаментальных классических работ Л.С. Выготского, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева. В тот период мною и В.В. Рубцовым была обоснована необходимость *перехода от развивающего обучения как дидактической технологии к развивающему образованию как институту социализации личности.* Методология вариативного образования была воплощена во всех ключевых типовых положениях об образовательных учреждениях, утверждающих представление об образовании как расширении возможностей индивидуального развития личности. Среди этих положений особо обращаю внимание на примерное положение о получении общего образования в форме экстерната и получении образования в семье, расширяющее пространство выбора индивидуальных траекторий развития ребенка, выбора индивидуального темпа его развития.

За всеми этими разработками и многими другими программами развития образования в самых различных регионах России стояла психология жизни и культура достоинства, а не психология выживания и культура полезности. В итоге *введение практической психологии образования способствовало постановке и решению задач перехода от унифицированного образования — к вариативному развивающему образованию, от педагогики дрессуры «знаний, умений и навыков» — к культурно-исторической педагогике; переориентации сознания учителя со школоцентризма на детоцентризм; формированию культуры обращения к практическому психологу как к профессионалу в сфере человековедения, от диагностики селекции, отбора — к диагностике развития; от унифицированных программ школьного образования — к разработке пакета развивающих, коррекционных компенсаторных психологопедагогических программ; к экспертизе и проектированию развивающих сред, в том числе к психолого-педагогической экспертизе игр и игрушек.*

Все эти линии развития практической психологии как методологии вариативного образования — это не только история, а сегодняшний и завтрашний день образования России. И вопросов пока куда больше, чем ответов. Например: как перейти от подготовки и переподготовки самих психологов, строящихся по канонам «зуновской» педагогики, к *профессиональному образованию как системной профессиональной социализации личности*? Как добиться понимания в обществе *миссии образования как пути достижения профессионального и личностного успеха*? Каким образом расширить исследование *детской и подростковой субкультуры с опорой на социально-генетическую психологию и социальную психологию детства*? Каким образом шире использовать в диагностике и тренинге представление *о зонах ближайшего и вариативного развития ребенка совместно со взрослыми и, что не менее важно, со сверстниками*? Как объяснить управленцам смертельную *опасность профилизации школы, ограничивающую профессиональную и социальную мобильность личности*? Все эти вопросы составляют суть, а не внешнюю шумную атрибутику модернизации образования. Они ждут еще и своего понимания, и своего решения.

И наконец, *третье направление — практическая психология как идеология консолидации общества*. Для обоснования претензий психологии как идеологии консолидации общества в очередной раз напомню слова В.И. Вернадского, что *человечество вступило в психозойскую эру*. А это значит, что *практическая психология выступает как фактор эволюции общества, а также означает, что от психологии, как и от ряда других социальных и поведенческих наук, зависит понимание и проектирование ключевых механизмов развития природы, общества, государства и личности*.

Магистральные линии размышления о механизмах развития формировались в XIX и XX вв. под созвездием конфликта. Трое великих мыслителей возвели *конфликт* в ранг монопольного двигателя естественной, социальной и индивидуальной истории.

Ч. Дарвин обосновал идею конфликта в форме борьбы за существование видов как универсального механизма биологической эволюции.

К. Маркс подарил истории, политологии, экономике и социологии *идею конфликта в форме антагонизма классов как универсального механизма развития социальной истории.*

З. Фрейд превратил *конфликт в форме борьбы между природным и социальным началом в человеке, между сверх-Я и Оно в универсальный механизм индивидуальной истории личности.*

Идущие по их стопам социальные технологи и идеологи конфликта сложили конфликтологические гимны в стиле «Интернационала», а поэты фактически освятили конфликт как право на социальное убийство людей: «...Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови, Господи, благослови!..»

Но *конфликт является лишь одним из важных механизмов развития природы, общества, государства и личности.* Наряду с конфликтом многие биологи, историки, социологи и психологи начинают зорче различать многочисленные формы *симбиоза, кооперации, содействия, коллективистской идентификации, сопереживания (сорадования и сострадания), эмпатии, альтруизма как движущих факторов социального взаимодействия.* Пора переиздать почти забытую работу П.А. Кропоткина «Взаимная помощь в мире людей и животных как фактор эволюции». Если бы не существовало *толерантности как универсальной нормы сосуществования*, кооперации, социальной интеракции различных форм эволюционного развития, то волны агрессии, нетерпимости, ксенофобии, этнофобии, кавказофобии, геноцида как человекофобии стерли бы любые проявления разнообразия на Земле. И всеобщая однородность, тоталитарность, серость, обезличивание воцарились бы в мире.

Нами были разработаны и развиты совместно с Г.У. Солдатовой представления о *толерантности как цивилизационной норме. Толерантность как цивилизационная норма выполняет следующие функции:* а) *обеспечение устойчивого развития человека и социальных групп в мире разнообразия;* б) *право каждого человека «быть иным»;* в) *баланс интере-*

сов различных противоборствующих сторон в экономике и политике; г) *возможность диалога и накопления согласия различных мировоззрений, религий и культур.*

Идеология перехода от парадигмы конфликта к парадигме толерантности легла в основу федеральной программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001—2005). Данная программа представлена на сайте http://www.tolerance.ru, а также в журнале «Век толерантности». В разработке программы большую роль сыграли центры практической психологии «Гратис» (научный руководитель Г.У. Солдатова) и «Генезис» (научный руководитель С.В. Кривцова). При разработке практической психологии и педагогики толерантности мы также опирались на такие направления культурно-исторической деятельностной психологии, как социально-генетическая психология, психология детской и подростковой субкультуры, представленные в исследованиях Д.Б. Эльконина, Д.И. Фельдштейна, Я.Л. Коломинского, В.В. Рубцова, М. Коула, Дж. Верча. Именно эти направления накопили опыт организации различных форм совместной деятельности, содействия как основы формирования толерантного сознания личности, а также развития толерантных установок различных этнических, религиозных, политических социальных групп.

Ч*ем выше социальное разнообразие общества, тем острее выступает* ***задача государства как органа поиска согласия*** *в самых разных сферах жизни*, а не только аппарата принуждения. Именно поиск оптимальной меры согласия, диапазона толерантности становится одной из ключевых задач государственной политики, направленной на достижение ***социального доверия и толерантности как факторов экономического роста, социальной стабильности и личной безопасности.***

В ходе реализации программы основное внимание было уделено *трем приоритетным направлениям*: организация мониторинга социальной нетерпимости и напряженности в различных социальных группах и регионах; разработка эффективных технологий формирования социальных

норм толерантности; создание пилотных центров толерантности и социальной безопасности как опорной сети программы.

Общие итоги *мониторинга социальной напряженности* позволили выявить ряд глубинных факторов, которые необходимо учитывать при прогнозировании социальных рисков и проектировании социально-экономических программ различного уровня:

- *рост гипермобильности населения, приводящий к ломке привычных социальных дистанций между различными этническими, конфессиональными, поколенческими и социальными слоями общества, а тем самым к росту вероятности социальных конфликтов*;
- *восприятие проявлений жестокости, ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии как привычной социальной нормы и тем самым явное или неявное санкционирование использования негативных образцов агрессивного поведения в деятельности отдельных личностей и социальных групп*;
- *распространение манипулятивных технологий формирования установок «свои — чужие», конструирование образа врага, использование языка вражды в СМИ, создание радикальных «сайтов ненависти» в Интернете, основной мишенью которых являются подростки и чувствующие себя социально ущемленными слои населения.*

Наиболее явно указанные выше моменты проявляются в жизни различных социальных групп повышенного общественного внимания (подростки, мигранты, национальные меньшинства). Так, на основе результатов мониторинга «Проблемы толерантности в подростковой субкультуре» (2003), посвященного исследованиям отношений подростков к национализму и экстремизму, различным религиям (в том числе сектам), неформальным молодежным объединениям, выяснилось, что *отсутствие у подростков позитивных ценностных ориентиров нередко приводит к тому, что жестокость, экстремизм становятся социальной нормой, а насилие признается как одобряемый способ разрешения национальных конфликтов.*

Наряду с *психолингвистической экспертизой* радикальных текстов, разработанной А.А. Леонтьевым и Д.А. Леонть-

евым, в программе обоснована необходимость распространения *гуманитарной экспертизы* образовательных программ и учебников; *психолого-педагогической экспертизы* игровой продукции, в первую очередь компьютерных игр, нередко провоцирующих формирование деструктивного поведения детей и подростков. Результаты *гуманитарной экспертизы* показывают, что в *учебниках и образовательных программах преобладает изложение истории развития человечества, разных стран и цивилизаций как истории конфликтов, войн, что невольно способствует формированию оценки силовых способов разрешения конфликтов как социальной нормы*. В связи с этим при проектировании учебников и программ учесть необходимость включения в их содержание фактического материала, демонстрирующего роль сотрудничества, кооперации, взаимопонимания, веротерпимости, миролюбия, диалога в развитии разных культур.

В ходе реализации программы разработан пакет *социокультурных, образовательных и социально-психологических технологий формирования установок толерантного сознания для всех ступеней образования*, включая послевузовское образование и повышение квалификации. Особое внимание уделено программам подготовки журналистов, государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов. Специальный акцент сделан на создании *программ обучения переговорам* в ситуациях социальной напряженности. В целом разработано и частично апробировано более 170 программ для различных ступеней обучения, а также подготовлено более 200 пособий и руководств, способствующих повышению социальной компетентности в вопросах толерантности и противодействия экстремизму работников социальной сферы, сферы управления и безопасности.

На основе полученных результатов предложена следующая *система мер по формированию государственной политики социального согласия, доверия, толерантности и противодействия экстремизму.*

♦ Подготовка ежегодного национального доклада «Мониторинг социальной напряженности и прогнозирование социальных рисков в Российской Федерации».

♦ Стимулирование общегосударственных программ социальной рекламы, акций и кампаний в общественной жизни и средствах массовой информации, формирующих установки доверия к *институтам государственной власти как органам поиска согласия в обществе*, пропаганде толерантности, противодействия различным формам социальной агрессии, жестокости и экстремизма.

♦ Введение *психологической экспертизы* в систему деятельности органов безопасности и средств массовой информации, направленной на объективную идентификацию радикальных экстремистских материалов в разных формах общественной жизни, СМИ и сети Интернет.

♦ Организация сети *Центров толерантности и мониторинга социальной напряженности, направленных на повышение компетентности управленческих решений*, предупреждение этнических, религиозных и социальных конфликтов, снижение социальной напряженности, формирование толерантности, веротерпимости, миролюбия у различных групп населения и отдельных личностей.

♦ Создание *социально-психологических служб кризисных ситуаций*, направленных на обеспечение социального здоровья общества, помощи жертвам насилия и жестокости.

♦ Введение *гуманитарной и психолого-педагогической экспертизы учебников*, образовательных программ и игровой продукции, в том числе компьютерных игр, с целью формирования толерантности, веротерпимости, миролюбия и профилактики деструктивных форм поведения.

♦ Введение в образовательные стандарты профессиональной подготовки государственных служащих, работников правоохранительных органов, органов управления, средств массовой информации, профессионального педагогического образования программ, обеспечивающих компетентность в вопросах формирования толерантности, веротерпимости, миролюбия и противодействия экстремизму.

♦ Разработка и введение программ дополнительного профессионального образования в области *«Консультирование и ведение переговоров в ситуациях социальной на-*

пряженности» для руководителей разных уровней, представителей правоохранительных органов, работников социальной сферы.

Все эти предложения, реализующие идеи практической психологии как идеологии консолидации гражданского общества и противодействия жестокости, нетерпимости, экстремизму на уровнях личности, семьи, общества и государственных структур, направлены во все регионы России.

Третий вектор практической психологии, за которым стоит культурно-историческая психология свободной личности, приоткрывает смысл практической психологии толерантности как основы идеологии социальной консолидации гражданского общества.

* * *

Семья практических психологов образования России растет, несмотря на все превратности жизни, не по дням, а по часам. К практическим психологам, как на исповедь, несут свои боли и горести, свои конфликты дети, учителя, родители, а порой и представители системы управления образованием. В итоге практический психолог под грузом конфликтов сам испытывает порой потребность в сострадании и психологической помощи. Куда психологу податься? Думаю, что в самое ближайшее время в рамках Центра толерантности и социального партнерства Москвы при МГУ им. М.В. Ломоносова мы создадим службу консультирования практических психологов образования.

Неслучайно в «Маленьком принце» Антуана де Сент-Экзюпери было сказано: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Мы в ответе за будущие поколения психологов, в том числе и психологов, которые изберут психологию личности, психологию развития человека как профессию и судьбу.

Асмолов А.Г. Непройденный путь: от культуры полезности — к культуре достоинства // Вопросы психол. 1990. № 5. С. 5—13.

Асмолов А.Г. Социальная биография культурно-исторической психологии // Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1993. С. 3—19.

Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии // Вопросы психол. 1999. № 1. С. 3—12.

Асмолов А.Г. Неодеятельностная парадигма в мышлении XXI века: деятельность как существование // Мир психологии. 2003.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М., 1982.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Общие вопросы дефектологии. М., 1983.

Леонтьев А.Н. Из дневниковых записей // Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 243—246.

Приложение 4

Квалификационная характеристика профессии «Психология личности»

I. Сферы деятельности:

- частная жизнь личности;
- семья;
- этническая, религиозная, политическая и профессиональная социализация человека;
- социальная работа;
- средства массовой информации;
- социальная политика (социальная защита, здравоохранение, культура, спорт, общее образование);
- профессиональное образование, наука и промышленность;
- безопасность (оборона, информационная безопасность, экологическая безопасность, судопроизводство, национальная безопасность);
- управление;
- государственная служба.

II. Виды деятельности — постановка и решение задач *оценивания, исследования, воздействия, прогнозирования и проектирования поведения личности*, а также задач подготовки профессиональных психологических кадров, способных выполнять исследовательскую и практическую деятельность в сферах самореализации и социализации личности в частной жизни, обществе и государстве.

III. Профессиональные знания:

- фундаментальные знания о закономерностях порождения, функционирования, нормального и аномального развития личности в природе, обществе, государстве и индивидуальном жизненном пути человека, обеспечивающие разработку подходов к прогнозированию поведения личности в больших и малых социальных группах (в том числе в этнических общностях), индивидуальному и групповому консультированию, экспертизе процессов принятия решения, целенаправленному формированию мотивации личности, проектированию приемов психологического воздействия

и помощи личности, способствующих личностному росту, а также компенсации и коррекции отклонений в развитии личности;

- эти знания обеспечиваются такими базовыми дисциплинами и курсами, как общая и дифференциальная психология личности, дифференциальная психофизиология, этология человека, психогенетика, социальная психология личности, клиническая психология личности, историческая психология, организационная психология, психология общения, психология сознания и бессознательного, психология установки, психология нормального и аномального развития личности, методологические основы психологии личности, теории личности в современной психологии, социальная антропология, этнопсихология, экзистенциальная психология, основы психосоматики, психодиагностика индивидуальности, психосемантика, психолингвистика, психология переживаний, психология самосознания, психология волевой регуляции поведения личности, психология альтруизма, психология межэтнической напряженности, основы психологической аттестации и экспертизы, теория и практика психоанализа, теория и практика психологической коррекции личности, теория и практика личностного консультирования, теория и практика психологического воздействия, теория и практика психотерапевтического диалога, поведенческий анализ повседневных проблем, статистика в дифференциальной психологии, основы нейролингвистического программирования, диагностика и тренинг толерантности, компьютерная психодиагностика, методы исследования измененных состояний сознания, методы психофизиологической диагностики, методы исследования массовой коммуникации, психотехнические основы саморазвития личности.

IV. Профессиональные умения — набор средств профессиональной деятельности специалиста по психологии личности включает следующие базовые процедуры — анализа, оценивания, исследования, моделирования, консультирования, экспертизы, профилактики, прогнозирования и проектирования развития личности:

- базовые процедуры анализа — феноменологический анализ, психоанализ, экзистенциональный (смысловой) анализ, динамический (топологический) анализ, историко-генетический анализ, культурологический анализ, поведенческий анализ, когнитивный анализ, психосемантический анализ, трансактный анализ;
- базовые процедуры оценивания — общая и дифференциальная психодиагностика личности, психофизиологические и психогенетические методы диагностики индивидуальных различий человека, шкалирование, индивидуальное (личностное) консультирование, беседа, наблюдение; экспертиза различных психотехнических практик, гуманистическая экспертиза управленческих решений;
- базовые процедуры моделирования — эксперимент, имитационное моделирование, моделирование в сфере системной динамики, конструирование на основе художественных и биографических текстов;
- базовые процедуры воздействия — психоаналитические техники, гештальттехники, мотивационные техники (мотивационный тренинг), смысловые (логотерапевтические) техники, поведенческие (бихевиоральные) техники, психодраматические техники, различные тренинги толерантности, саморегуляции и личностного роста.

V. Занимаемые должности:

- сфера науки: научные сотрудники разных категорий;
- сфера управления и промышленности: психолог, главный психолог, консультант, советник, эксперт, менеджер, системный аналитик;
- сфера образования: преподаватель психологии, педагог-психолог, практический психолог образования;
- сфера социальной работы: консультант, эксперт, социальный работник, психолог-консультант, психолог-эксперт;
- сфера безопасности и государственной службы: психолог, главный психолог, советник, системный аналитик, психолог-консультант, психолог-эксперт.

Содержание

Раздел III. Человек как личность: социогенетическая историко-эволюционная ориентация в психологии личности

Раздел IV. Человек как индивидуальность: персоногенетическая историко-эволюционная ориентация в психологии личности

Учебное издание

Александр Асмолов

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Культурно-историческое понимание развития человека

Редактор *О. В. Квасова*
Компьютерная верстка *Д. В. Чекалина*
Корректоры *Н. А. Степина*, *Н. С. Самбу*
Оформление обложки *В. Н. Кокорева*, *Е. Г. Яцуты*

Изд. № 103112189. Подписано в печать 19.10.2006. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Тираж 5000. Заказ 6378. Усл.печ.л. 27,72.

Лицензия ИД № 04850 от 28.05.2001.
Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
125009, Москва, а/я 158. Тел./факс: (495) 195-37-13, 189-95-88
e-mail: smysl@smysl.ru. http://www.smysl.ru

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 360.
Тел./факс: (495) 330-1092, 334-8337.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15
Home page - www. tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru